

UNIVERSITATEA „ALEXANDRU IOAN CUZA” IAȘI

CATEDRA DE SLAVISTICĂ „PETRU CARAMAN”

STUDII
DE
SLAVISTICĂ
– XIV –

EDITURA UNIVERSITĂȚII „ALEXANDRU IOAN CUZA”
IAȘI – 2011

Colectivul de redacție:

Redactor șef:

Prof. univ. dr. Livia Cotorcea

Redactor adjunct:

Lector univ. dr. Leonte Ivanov

Tehnoredactare: Leonard Lunguleac

CUPRINS

I. LITERATURĂ

1. GOGOLIANA

Ковтун Асия

Университет Витаутаса Великого

Н.В. ГОГОЛЬ В РЕЦЕПЦИИ В. НАБОКОВА9

Л.В. Сафронова

Казахский национальный педагогический университет им. Абая

КОММУНИКАТИВНАЯ ФУНКЦИЯ ОБРАЗА ГОГОЛЯ В ПОСТМОДЕРНИСТСКОМ РОМАНЕ А. ТЕРЦА17

О.М. Косянова

Россия, Оренбургский государственный педагогический университет

РИТОРИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ СТИЛЯ «ПЛЕТЕНИЕ СЛОВЕС» В ТВОРЧЕСТВЕ Н.В. ГОГОЛЯ27

Липатов А.Т.

Марийский госуниверситет, Россия

СЕМАНТИЧЕСКАЯ МАГИЯ ГОГОЛЕВСКОГО ПЕРИФРАЗА33

Бурукина Ольга Алексеевна

Московский государственный лингвистический университет

Государственный университет – Высшая школа экономики

ГОГОЛЕВСКИЕ МОТИВЫ И ТРАДИЦИИ В ТВОРЧЕСТВЕ ТИМА БЁРТОНА40

Ковалева Татьяна

Новосибирский государственный педагогический университет

КОНЦЕПЦИЯ ЧИТАТЕЛЯ В ТВОРЧЕСТВЕ Н.В. ГОГОЛЯ 49

Вранчан Елена Витальевна

Новосибирский государственный педагогический университет, институт

филологии, массовой информации и психологии

ФОРМИРОВАНИЕ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ ДИСТАНЦИИ Н.В. ГОГОЛЯ ДЛЯ ИЗОБРАЖЕНИЯ УКРАИНСКОГО И РУССКОГО МИРА56

Соловьева Светлана Александровна

Череповецкий Государственный Университет

ПТИЦА-ТРОЙКА И ТЕОРИЯ РУССКОГО УТРИЗМА

(НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ В.ПЕЛЕВИНА «ЖЕЛТАЯ СТРЕЛА»)62

Мартиросян Вергине Самвеловна

Ереванский государственный университет, Богословский факультет

САКРАЛИЗАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА КАК ИДЕАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ СТРОЕНИЯ МИРА

В «ВЫБРАННЫХ МЕСТАХ ИЗ ПЕРЕПИСКИ С ДРУЗЬЯМИ» Н. В. ГОГОЛЯ66

Новик Ольга

Харьковский национальный педагогический университет им. Г.С.Сковороды (Украина)

БАРОЧНАЯ ТРАДИЦИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ

ВАСИЛИЯ НАРЕЖНОГО И НИКОЛАЯ ГОГОЛЯ72

Козлов Илья, Растягаева Мария

Уральский государственный университет им. А.М. Горького

ЖИЗНЬ «МЕРТВЫХ ДУШ»: ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ГЕРОЕВ

ПОЭМЫ ГОГОЛЯ77

2. VARIA

Marianne Gourg

Université Paris 8

ОТ «КРАСНОГО СМЕХА» К «КРАСНОЙ КОРОНЕ». ИСПОЛЬЗОВАНИЕ И

ТРАНСФОРМАЦИЯ АНДРЕЕВСКИХ МОТИВОВ В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ БУЛГАКОВА ..87

Светлана Ананьева

*Алматы, Казахстан***ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ МИРОВОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА****НАЧАЛА XXI ВЕКА** 94

Лапаева Наталья

*Пермский государственный педагогический университет***«СЛАВЯНСКАЯ НОТА» В ПОЭЗИИ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ 1920-30-х ГОДОВ** 102

А.В. Науменко-Порохина

*Москва***ТВОРЧЕСТВО И.А. БУНИНА В ОЦЕНКЕ И.А. ИЛЬИНА** 112

Dr Zdravko Šolak

*profesor, Visoka poslovna škola Novi Sad, Srbija***ANDRIČEV ODNOS PREMA NEIZVESNOSTI: MOGUĆE, VEROVATNO,****PREDVIDIVO I RIZIČNO** 122

Шустер В.Г.

*Армавирский православно-социальный институт***ТВОРЧЕСТВО В.Ф. ТЕНДРЯКОВА В КОНТЕКСТЕ ОБЩИХ ТЕНДЕНЦИЙ****РАЗВИТИЯ ЛИТЕРАТУРЫ 1960-1980-Х ГГ.** 131

Нурбулат Джуанышбеков

*Казахский национальный университет им. аль-Фараби***ОБРАЗ БАТЬЯ В ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ** 136

Кажигалиева Гж.А.

*(Алматы, Казахстан)**Казахский национальный медицинский университет им. С. Асфендиярова***ЭМОТИВНОСТЬ ПОЭЗИИ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ** 141

Анісімова Ніна

*Бердянський державний педагогічний університет Україна***ХУДОЖНЯ МОДЕЛЬ ЕТНІЧНОГО МІФУ В ЛІРИЦІ****ПОЕТИЧНОГО ПОКОЛІННЯ 80-Х РОКІВ ХХ СТ.** 149

Ольга Полукошко

*Белорусский государственный университет***НАЦИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ В ПРОЗЕ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ БЕЛАРУСИ** 153**II. LINGVISTICĂ. STILISTICĂ. METODICĂ**

А.Г. Шустер

*НЧОУ ВПО «Армавирский Православно-Социальный Институт»***ВЗАИМОСВЯЗЬ ФИЛОСОФСКОГО, ЛОГИЧЕСКОГО И ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО****АСПЕКТОВ В РАССМОТРЕНИИ КАТЕГОРИАЛЬНОЙ СУЩНОСТИ ПРИЧИННО-****СЛЕДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ НА ПРИМЕРЕ СОПОСТАВЛЕНИЯ****СИНТАКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ** 161

Алоян Н.Л.

КАТЕГОРИЯ КОНЦЕПТА 169

Баяндина С.Ж.

*Кокшетауский государственный университет имени Ш. Уалиханова***СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ****ФУНКЦИЙ ЯЗЫКА В СОВРЕМЕННОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ** 175

Слива Татьяна

*Национальный педагогический университет имени М.П. Драгоманова (г. Киев, Украина)***СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРАЦИЯ АССОЦИАТИВНО СВЯЗАННЫХ СЛОВ** 181

Марина Радченко

*Задарский университет (Задар, Хорватия)***О СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ ИНОЯЗЫЧНЫХ АББРЕВИАТУР****В РУССКОМ И ХОРВАТСКОМ ЯЗЫКАХ** 186

Кураш Сергей <i>Мозырский государственный педагогический университет им. И.П. Шамякина</i> ДИСКУРСИВНО-СЕМИОТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО МЕТАФОРИКИ И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ	192
Трубкина Анна <i>Педагогический институт Южного федерального университета</i> ФУНКЦИИ УСЛОЖНЕННЫХ СЛОЖНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА)	199
Григорьева Надежда <i>Педагогический институт Южного федерального университета</i> КОНСТРУКЦИИ С СЕМАНТИКОЙ ПОЖЕЛАНИЯ: ДИНАМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	203
Григораш Антонина <i>Национальный педагогический университет им. М.П. Драгоманова</i> НАЦИОНАЛЬНОЕ НАПОЛНЕНИЕ ОБЩЕЕВРОПЕЙСКИХ МОДЕЛЕЙ ОБРАЗОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ИННОВАЦИЙ (на материале русскойязычной прессы Украины)	210
Калкабекова Джемма <i>Кокшетауский государственный университет имени Ш.Ш. Уалиханова</i> К ВОПРОСУ О МЕТАФОРЕ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ КАЗАХСТАНА	214
Крюкова О.С. <i>Московский государственный университет имени М.В.ЛОМОНОСОВА,</i> Фадеев В.В. <i>Институт социально-политических исследований российской академии наук</i> ЯЗЫКОВОЙ ФАКТОР СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ	219
Крыга Тамара <i>Киевский славистический университет</i> КОНЦЕПТ "ДОБРО" В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА РУССКИХ, БЕЛУРОСОВ, БОЛГАР, СЕРБОВ, УКРАИНЦЕВ (НА МАТЕРИАЛЕ АССОЦИАТИВНЫХ СЛОВАРЕЙ)	224
Шабанова Анастасия <i>Ульяновский государственный университет</i> ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «ВЛАСТЬ»: СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ Н.В. ГОГОЛЯ «ТАРАС БУЛЬБА»)	229
Желтухина Марина, Омельченко Анатолий <i>Волгоградский государственный педагогический университет</i> <i>Школа актерского мастерства Анатолия Омельченко</i> КЛИШИРОВАННОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ	234
Мальчева Наталья <i>Педагогический институт Южного федерального университета</i> ДИНАМИКА ФОРМИРОВАНИЯ СИНТАКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ	242
Штеба А.А. <i>Волгоградский Государственный Педагогический Университет</i> КОРРЕЛЯЦИЯ ПОНЯТИЙ «СЕРДЦЕ» И «ЖЕЛУДОК» И ИХ ЭМОТИВНОСТЬ В СИНХРОНИЧЕСКОМ / ДИАХРОНИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА)	248
Газдиева Белла <i>Кокшетауский государственный университет им. Ш.Уалиханова, Казахстан</i> ВЛИЯНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА НА РОДНОЙ ЯЗЫК ИНГУШСКОЙ ДИАСПОРЫ В КАЗАХСТАНЕ	253
Анищенко Ольга <i>Кокшетауский государственный университет им. Ш.Уалиханова</i> РЕЧЬ РУССКОЯЗЫЧНОЙ МОЛОДЕЖИ СЕВЕРНОГО РЕГИОНА КАЗАХСТАНА	257
Кацитадзе Инна Мангуровна <i>Педагогический институт Южного федерального университета Ростов-на-Дону, Россия</i> ПРОБЛЕМА СЛОВ С АРТИКЛЕВЫМ ЗНАЧЕНИЕМ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ЯЗЫКА СОВРЕМЕННЫХ ПЕЧАТНЫХ СМИ)	262

Т.И. Плужникова <i>НПУ имени М.П. Драгоманова (Киев)</i> РОЛЬ КАТЕГОРИЯ АНТРОПНОСТИ В СОЗДАНИИ ПОРТРЕТА (на материале произведений Ф. М. Достоевского)	266
Е.А. Федорова <i>Россия, Москва, Финансовая академия при Правительстве РФ</i> ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕЧЕВЕДЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН (ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ВУЗА)	271
Manana Mikadze <i>Кутаисский госуниверситет им. А.Церетели Грузия</i> ЯЗЫКОВО-СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ГРУЗИНСКОГО ПЕРЕВОДА РАССКАЗА Н. В. ГОГОЛЯ "ТАРАС БУЛБА"	276
Позднякова Елена Юрьевна <i>Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова</i> РОЛЬ ЯЗЫКА В ФОРМИРОВАНИИ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО СОЗНАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ НАРОДНО-РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА)	281
Карасаева Халам <i>Университет «Кайнар»</i> ФОРМИРОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩЕГО СПЕЦИАЛИСТА В УСЛОВИЯХ АКТУАЛИЗАЦИИ ДЕЛОВОЙ РИТОРИКИ	285
Кажигалиева Г.А., Шманова А.Н., <i>Казахский национальный педагогический университет имени Абая, Казахский</i> <i>национальный медицинский университет имени С. Асфендиярова, г. Алматы, Казахстан</i> О ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА В РАМКАХ КАЗАХСТАНСКОГО ДИСКУРСА	289
Нуртазина Марал, Жаркынбекова Шолпан <i>Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева</i> МЕТОДЫ И МОДЕЛИ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН	297

III. CULTURĂ ŞI CIVILIZAŢIE

Гетманская Елена Валентиновна <i>Московский государственный гуманитарный университет им. М.А. Шолохова</i> ЭВРИСТИЧЕСКАЯ МЕТОДОЛОГИЯ ИЗУЧЕНИЯ БИОГРАФИИ ПИСАТЕЛЯ КАК СПОСОБ СОХРАНЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА	309
<i>Дмитриева Евгения</i> <i>Волгоградский государственный университет</i> ОТРАЖЕНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ХРИСТИАНСКОМ ИДЕАЛЕ В СТАРОРУССКИХ ЖИТИЙНЫХ ТЕКСТАХ	317
Матвеева Ирина Германовна, <i>кандидат филологических наук, заведующая отделом истории библиотечного дела</i> <i>Российской национальной библиотеки (Россия)</i> ФЕДОР ЕФИМОВИЧ БАЙМАКОВ — РУМЫНСКИЙ ДАРИТЕЛЬ ИМПЕРАТОРСКОЙ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ ПЕРИОДА ДИРЕКТОРСТВА МОДЕСТА АНДРЕЕВИЧА КОРФА¹ (1849 — 1861 ГГ.)	325
Шэцка Ларыса <i>Мазырскі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя І.П. Шамякіна</i> ІДЫЯСТЫЛЬ ЯК ІНТЭРТЭКСТУАЛІЗАВАНАЯ І ІНТЭРКУЛЬТУРНАЯ ПРАСТОРА	329
А.Б. Бушев ТРАНСЛЯЦИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ И МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ ЭМПАТИИ В ОБРАЗОВАНИИ	337
Тавлуй Марина <i>Кокшетауский государственный университет им. Ш. Уалиханова</i> КОНЦЕПТ «ОБЩЕНИЕ» В ПРОСТРАНСТВЕ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ	350

I. LITERATURĂ

1. GOGOLIANA

Н.В. ГОГОЛЬ В РЕЦЕПЦИИ В. НАБОКОВА

Ковтун Асия

Университет Вунатаса Великого

Abstract

Vladimir Nabokov's essay "Lectures on Russian literature" is based in the writer's ability of starting a dialogue with the culture of modern civilization. Nabokov emphasized the universal nature of the creation of prominent Russian writers and highly estimated their works alongside with the works of such geniuses as Joyce and Proust. He protests against the intermoralism of Russian literary tradition and proclaims human universalism. He declines straightforward didactic pathos in literature. His opinion is firmly expressed in his article about Nikolaj Gogol where Nabokov writes that beside moral effect of art in every original work Gogol actually negated against any deliberate moralizing capable of destroying art in any even most artistic work. Metaphysical Gogol's individualism and existential Nabokov's loneliness are the phenomena of the same kind. They both create in measurements just characteristic to them. Art. for Nabokov is divine game. Those two elements – divinity and game – are equal. In syncretic Nabokov's world traditional words gain special light. This light discloses Russian literature and Gogol's works in a new way.

KEY WORDS: *essay, Russian literature, dialogization, emblem, metastructure, individualism,*

Эссе Владимира Набокова «Лекции по русской литературе» (Lectures on Russian Literature) в Америке. Начало работы определяется маем 1940 года. Набоков признается, что за год написал 2000 страниц, включивших сто лекционных часов. Лекции были предназначены для американских студентов и читались в Корнеллском университете. Позже лекция, посвященная Н.В. Гоголю вошла в книгу о писателе на английском языке¹. В эссе Владимира Набокова есть собственное, личное отношение к тексту. Особое свойство эссе – открытость. Автор в таком тексте может менять свои роли – быть участником, наблюдателем, двойником. Следя за процессом творчества, читатель ведет своеобразную игру с текстом. Её суть - в некоем сотворчестве: наблюдающий за рождением произведения отчасти становится соучастником его создания, а значит, в какой-то степени и соавтором. В эссе Набоков предлагает отличную от привычного прочтения интерпретацию русских классических произведений. Русская литературная классика имеет четкую конотацию у читателей. Определение русской литературы как *совершенной* укреплялось в сознании не только русском, но и мировом, благодаря именам Ф. Достоевского, Н. Гоголя, А. Чехова и т.д. Русская классическая литература заменяла в большой мере философскую и общественную мысль, имела ясную этическую и эстетическую

позицию, сбалансированные нормы, идею гармонии и эстетичности. Однако художник и эссеист Набоков яростно сопротивляется упорядочивающим концепциям в литературе, противится гиперморализму русской литературной традиции, защищает общечеловеческие универсальные понятия. Космополитизм сознания, талант и ироничность писателя положены в основу оценок. В предисловии к «Лекциям» Ив. Толстой замечает, что Набоков «дерзко презирал» Гончарова и Лескова и не выносил «вязкой массы Гончаровых-Аксаковых-Салтыковых-Лесковых»². Писатель отказывается от идеи линейного развития литературы, прямолинейного этического пафоса. Часто Набоков выстраивает свой текст так, чтобы читатель корректировал его иронический комментарий. (Ср.: «Запомните: „простота“ — это вздор, чушь. Всякий великий художник сложен»³). Набоков полагает, что мир литературы есть особый мир, «созданный воображением гения». Набоков полностью свободен от правил моделирования, он создает эссе, вольно распоряжается материалом. Вместе с тем в его оценках русской литературы есть особая логика, особый метод мышления, выдержанный на протяжении всего исследования. Эссеизм является качеством современной культуры. Владимир Набоков – ярчайший эссеист прошлого века. Эссе предполагает некую совокупность конвенций и процедур чтения. При этом под конвенцией следует понимать готовность читателя сотрудничать с автором. Интеллектуальное сотрудничество становится частью текстуальной стратегии. Таким образом достигается «тотальное» участие читателя в диалоге с автором. Это один из ключевых моментов стратегии текста «Лекций по русской литературе». Пространство текста соединяет в себе культурные, социальные, языковые, ментальные особенности творца. Писатель констатирует: «Обрисовывая историю русской литературы, или, вернее, определяя силы, боровшиеся за душу художника, я, возможно, нащупаю тот глубинный пафос, присущий всякому подлинному искусству, который возникает из разрыва между его вечными ценностями и страданиями нашего запутанного мира»⁴ Свободный от штампов русского литературоведения XX века, Набоков произвольно иерархизирует русскую литературу: «Оставляя в стороне (...) Пушкина и Лермонтова, всех великих русских писателей можно выстроить в такой последовательности: первый – Толстой, второй – Гоголь, третий – Чехов, четвертый – Тургенев. Похоже на выпускной список, и, разумеется, Достоевский и Салтыков-Щедрин со своими низкими оценками не получили бы у меня похвальных листов»⁵. Согласно списку Лев Толстой для Набокова оказывается во главе русской литературы. Однако более внимательный взгляд на лекции показывает, что истоки русской прозы Набоков видит в творчестве Гоголя. В набоковской иерархии Н. Гоголь занимает особое место. Он – предтеча будущих гениев. Гоголь-художник для Набокова творец и создатель. Писатель говорит о его «волшебной способности творить жизнь из ничего»⁶. Гоголю посвящен первый раздел эссе. Этот раздел выделяется среди других эссе. Его можно назвать биографической медитацией. Космополитизм сознания Набокова накладывается на восприятие Гоголя. Тексты Гоголя Набоков читает в контексте мировой культуры, указывая на вторичность среды и социальных условий, отказываясь видеть его героев русскими помещиками и чиновниками. «Один лишь ирландец имел право вступить в состязание с Гоголем», – заявляет Набоков, и этот неназванный ирландец, несомненно,

Джойс. Гоголевские герои «не были и не могли быть зеркалом русской жизни того времени, поскольку Гоголь, кроме всего прочего, не знал России»⁷. Набоков заявляет о том, что Гоголь не знал русской провинции. Он отказывается назвать литературными первые сборники гоголевских повестей: «Когда я хочу, чтобы мне приснился настоящий кошмар, я представляю себе Гоголя, строчащего на малороссийском том за томом «Диканьки» и «Миргороды»⁸. Набоков вычеркивает из русской литературы «Вий», «Старосветских помещиков» и др. Только «Ревизор», «Шинель» и «Мертвые души» могут раскрыть Гоголя. Для Набокова не существует проблемы гоголевского юмора. Он замечает: «Ревизор» - «вовсе не комедия», так же как «Гамлет» не трагедия⁹. Можно предположить, что это свойство эссеистического письма. Несвязанный конвенциями автор становится все более независимым. А текст требует от читателя не столько понимания, сколько нового качества диалога – включения в текстовое пространство. Такой текст обращен скорее к интеллекту, чем к сердцу читателя. Он персонифицируется. Диапазон персонификации очень широк – от непосредственного восприятия автора через текст до почти полного вытеснения из сознания какого-либо представления об авторе.

Для Набокова важна экзистенциальная универсальность мира Гоголя: «Гоголевские герои по воле случая оказались русскими помещиками и чиновниками, их воображаемая среда и социальные условия не имеют абсолютно никакого значения, так же как господин Оме мог быть дельцом из Чикаго или Мэрион Блум – женой учителя из Вышнего Волочка (...) искать в «Мертвых душах» подлинную русскую действительность так же бесполезно, как и представлять себе Данию на основе частного происшествия в туманном Эльсиноре»¹⁰. Несомненно набоковские провокации в оценках Гоголя очень полемичны. Так, рассуждая о гоголевской драматургии, Набоков обращается к реминисценциям из чеховского творчества. «Знаменитый драматург как-то заявил (...), что если в первом действии на стене висит охотничье ружье, в последнем оно непременно должно выстрелить. Но ружья Гоголя висят в воздухе и не стреляют (...), обаяние его намеков и состоит в том, что они никак не материализуются», - уточняет он¹¹. Набоков сомневается, что деталь для Чехова столь важна как конструктивная и обязательная «участница» повествования. Он обнаруживает нереализованные, только обозначенные Чеховым детали. А у Гоголя любые фантомы, по мысли Набокова, получают полную автономию и самостоятельность. Тексты Гоголя давали повод для столь провокационных выводов. Его герой мог чувствовать себя человеком мира: «Вон небо клубится передо мной; звездочка сверкает вдали; лес несет с темными деревьями и месяцем; сизый туман стелется под ногами; струна звенит в тумане; с одной стороны море, с другой Италия; вон и русские избы виднеются»¹². Мир представляется Гоголю как космический универсум. Набоков не отмечает, что Гоголь одним из первых в русской литературе начинает размышлять о противопоставлении русской и западной культуры. В «Выбранных местах из переписки с друзьями» писатель обеспокоен тем, что не знает положения современной ему России, настойчиво и тщательно собирает материалы, факты, детали. Он задумывается об особом пути России, об отличии православия от европейского христианства. Гоголь размышляет над острыми вопросами, «вставшими перед человечеством», однако предлагает их раз-

решить на основании православия. Этический максимализм Гоголя проявился и в защите мистического служения искусства, построения культуры в духе христианства. Важнейшая тема творчества Гоголя связана с христианством. Это вопрос о грехе человека, его искуплении и пути к Богу. У Гоголя особое, личностное отношение к Богу. Он верит умом, а не сердцем, но вину перед Богом ищет в себе, в своей духовности: «...алчущие небесной правды, жаждущие восстановить ее прежде всего в самих себе». Трансцендентное ощущение вины проходит через все творчество писателя и делает одним из центров идею кающегося грешника, прощенного перед смертью. Эта тема соединяется с темой суда, ужаса, смерти. Только любовь может спасти человека, но путь к ней тяжок и трагичен.

По мнению Набокова ни современники Гоголя, ни литературоведение более позднего времени не осознали «настоящего» Гоголя. Набоков же признается, что только приближается к зазеркалью Гоголя, так как тот «не открывается в мир». О «Ревизоре» Набоков замечает: «Потусторонний мир, который словно прорывается сквозь фон пьесы, есть подлинное царство Гоголя»¹³. Трансцендентность Гоголя со всей серьезностью обозначил прот. Георгий Фроловский: «Молодой Гоголь и религиозно живет в каком-то магическом мире чарований и разочарований. У него были странные прозрения в тайны темных страстей. Впоследствии перед ним раскроется «мертвая бесчувственность жизни». Он изображает точно остановившиеся, застывшие, неподвижные лица, – почти не лица, но маски. Розанов отмечал, что портрет у Гоголя всегда статичен)...И верно было замечено о Гоголе, что видит он мир под знаком смерти, *sub specie mortis...*»¹⁴. Особое ощущение смерти есть и в творчестве Набокова. Его всегда интересовала эта едва ощутимая, легко проницаемая грань между жизнью и смертью. Герои Набокова так же всматриваются в «потустороннее» бытие, удивляются покинутому миру, и взгляд этот лишен оттенка игры и мистификации. Смерть в мире Набокова, как и в гоголевском мире, остается таинством и неразрешимой загадкой.

Метафизический индивидуализм Гоголя и экзистенциальное одиночество Набокова – явления одного порядка. И Гоголь, и Набоков в своем особом измерении не принимают мир на этическом уровне. Набоков всматривается в перспективу внутреннего «я» Гоголя, вступает в эмоциональный и смысловой диалог с писателем. Все же диалогическая форма общения двух гениальных сознаний концептуализирует «Я есмь» Набокова. И это «я» мифопоэтизировано. Творчество мифопеи вызывает потребность выявить мифообразующие элементы, объединяющие писателей на архетипическом уровне, когда эмблематические образы перекодируют и объясняют друг друга. Культурный ряд образов-эмблем в определении Набоковым Гоголя может быть следующим: птица-тройка – летучая мышь – бабочка. Эта парадигма отличается семантической глубиной и многослойностью. «Финальным крещендо» называет Набоков завершающий первую часть «Мертвых душ» отрывок, заявляя, что его восхищает волшебство поэзии Гоголя. Гоголевский образ птицы-тройки «как основной лирической ноты», завершающей «Мертвые души», дополняется образом летучей мыши. Набоков замечает о Гоголе: «В его перелетах с места на место всегда было что-то от тени или от летучей мыши»¹⁵. Все творчество

Гоголя Набоков уподобляет бабочке: «Это как редкостный мотылек, который, отказавшись от своего внешнего облика, подражает внешнему облику существа совершенно другой породы – скажем, какой-нибудь популярной бабочке»¹⁶. Словесные эмблемы Набокова обладают атрибутивными функциями. Причем трансформация набоковских эмблем не отсылает к текстам других культур, а включает творчество Гоголя в выстроенный в текстах самого Набокова поэтический образ мира. Характерная для Набокова пластичность слова придает эмблематическому ряду объемность и ясность. Набоковские эмблемы – не застывшие словесные формы, они могут изменить свое содержание. Эмблема в тексте Набокова параболична. Она наполнена глубоким, даже метафизическим смыслом. Она кажется понятной, легко узнаваемой, в то же время ее семантическое поле многозначно. Эмблематика Набокова синкретична. В ней пересекаются различные образные ряды, и это создает возможность для интерпретации. В зооморфном эмблематическом ряду Набокова деталь становится аллегорией. Следует заметить, что это свойство открытой культуры Барокко, вбирающей различные области жизни, экзотические мотивы, сближающей разные тексты. Известно, что склонный к мучительному самоанализу Гоголь всматривается в себя, стремится максимально, даже фанатически, не упуская малейших подробностей, зафиксировать любое наблюдение, «не пропуская ничего, что видит глаз». Набоков также эмблематизирует деталь, рассматривает вещный мир как сквозь лупу или пенсне. Он убежден: «Литературу нужно принимать мелкими дозами, раздробив, раскрошив, размолв,- тогда вы почувствуете ее сладостное благоухание в глубине ладоней; ее нужно разгрызть, с наслаждением перекатывая языком во рту,- и только тогда вы оцените по достоинству ее редкостный аромат»¹⁷. Набоковское внимание к детали можно сравнить только с прустовским. В эмблематическом ряду Набокова, определяющем текст Гоголя, бабочка занимает особое место. Бабочки украшали письма и рукописи самого писателя, рисунки их были развешаны по стенам дома. Набоков, по воспоминаниям его близких, обладал удивительной коллекцией бабочек, мог часами разглядывать ее под микроскопом, любясь мельчайшей деталью узора, наслаждаясь цветом и формой. Писатель называл себя специалистом по очень маленькой группе бабочек, уточняя, что его интерес носит исключительно научный характер. Набоков гордился, что его первая научная публикация была посвящена бабочкам Крыма. Связь между энтомологией и искусством для него выражается в слиянии «точности поэзии и восторга чистой науки». В исследовании «чешуекрылых» Набокову видится основная тайна природы: «Таким образом, мальчиком я уже находил в природе то сложное и «бесполезное», которого я позже искал в другом восхитительном обмане – в искусстве». Сциентизм Набокова обозначал синтетическое мировидение, в котором человеку мало только науки и ее методов. Этот синтез означает духовное сосуществование человека с миром, его вещами и явлениями. Набоков обращается к природе, культуре, личности и со скальпелем науки, и стремлением сделать мир искусства частью своего «я».

Только остановленное мгновение позволяет художнику быть свободным. Это мгновение застывает в детали. Как зооморфная эмблема в творчестве Набокова бабочка может быть трансформирована из барочной культуры,

поэзии мистиков, хотя в «Лекциях по русской литературе» нет ссылок на этот культурный слой. Возможно, бабочка Набокова становится существом, подобным средневековой и ренессансной розе, предметом, «наполовину принадлежавшем природе, а наполовину – культуре...А поскольку мир этот был не просто вещью, а эманацией божественного, утверждением Бытия посредством формы, то роза и напоминала, каким заслоном, вопреки смерти, окружено существование»¹⁸.

Метаструктурный уровень можно выделить во всех эмблемах, определяющих набоковское видение Гоголя. Птицу-тройку – летучую мышшь – бабочку объединяет признак *крылатости*. Символ вдохновения Пегас в античной культуре отличает особый знак – крылья. В античной традиции музы изображаются с крыльями на голове, сирены – девы сладострастного пения – являются полуптицами-полуженщинами с крыльями. Крылья -- это символ духа, духовного, божественного. Это атрибут ангела, знак движения духа и мысли¹⁹. *Крылья* гоголевской птицы-тройки, как и набоковской бабочки, означают переход из одного состояния в другое, в мир экстаза, вдохновения. А в набоковском видении признаков летучей мышши в гоголевских перелетах есть дух беспокойства, тревоги, смятения. *Движение* – важный метаструктурный признак всех трех эмблем. Птица-тройка Гоголя «летит, несется...», это «наводящее ужас движение», «под с вышины знакомую песню». Оно ассоциируется с вихревым танцем и музыкой высших сфер. Движение набоковской бабочки – это кружение по спирали, напоминающее своеобразный танец. *Танец* становится средством выражения экстатического состояния, ощущения того, что из всего окружающего в мир струится энергия. Вместе с тем в гоголевском тексте о птице-тройке есть образ *круга* («спицы смешались в один гладкий круг»). *Окружность* -- символ вечного движения, бесконечности. Гоголевская птица-тройка символизирует Русь, Россию. Движение птицы-тройки линейно («одни вытянутые линии, летящие по воздуху»). *Горизонтальная линия* символизирует женское начало мира, обожествляемое в различных культурах²⁰. А идея Вечной Женственности всегда была ориентацией русской литературы. Движение летучей мышши и сегодня остается загадкой из-за ее точности. Летучая мышшь может символизировать скрытые силы природы. Это мистическое существо с демоническими признаками связано с хтоническим миром. Признаки хтоничности есть и у бабочки. Так, М. Фасмер указывает, что душа умершего продолжает жить в виде бабочки²¹.

Определяя творчество Гоголя как поэзию в действии, Набоков замечает, что поэзия для писателя – тайна иррационального, познаваемая через рациональную речь. Для него важно не что сказано, а как сказано. Согласно замечанию Василия Розанова: «Между многими качествами сила Гоголя и власть его над читателями проистекает из изумительного чувства им русского слова. Никто так не знал русского слова, не чуял его духа и формы. Можно сказать, что лицо русского человека он видел под формою русского слова, как бы в вуали из слов, речи. Точно он слышал речь человека или речи множества людей и так постигал душу слова, что по малейшим вибрациям его безошибочно заключал о личности фигур, о характере и жизни человека и людей»²². Набоков замечает, что Гоголь вкладывал почти средневековую страсть в «свою метафизику», он даже признается, что не выдумал Гоголя.

Набоковское определение Гоголя применимо и к творчеству самого писателя: «На этом сверхвысоком уровне искусства литература, конечно, не занимается оплакиванием судьбы обездоленного человека или проклятиями в адрес власть имущих. Она обращена к тем тайным глубинам человеческой души, где проходят тени других миров, как тени безымянных и беззвучных кораблей»²³. Как замечает Жорж Нива: «Для Набокова чтение Гоголя – «гоголизация», поворот с наезженной литературной дороги; вместе с гоголевским текстом он превращается в какую-то бородавку, трещину, которая никуда не ведет, – однако именно в этом тупике и есть настоящая жизнь. В текстовых «дырках», щелях глазу открывается первоначальный хаос»²⁴.

Парадоксальность набоковской игры с словом как метода исследования текста можно попытаться объяснить особым феноменом Набокова – многоязычием. Если сопоставить текст о Гоголе в «Лекциях по русской литературе» на английском и русском языках, это ощущение только усилится. Можно предположить, что своеобразная стилистика Набокова – слияние иронии, иногда переходящей в сарказм, и тонкого нюансирования лирического переживания, и одновременно стремление к универсализации оценок, связаны с традициями англоязычной литературы. В английском языке есть некая тонкость – умение не расставлять все точки над «I!». Переводчики знают, что перевод с русского на английский художественных текстов – тяжелейшая задача. Перевод Гоголя на английский язык чрезвычайно сложен уже из-за грамматических конструкций, а сочность и яркость языка англоязычный читатель может почувствовать только через великолепные и безжалостные примечания в переводе Набокова. «Мои переводы отдельных мест - это лучшее, на что способен мой бедный словарь; но если бы они были так же совершенны, какими их слышит моё внутреннее ухо, я, не имея возможности передать их интонацию, всё равно не смог бы заменить Гоголя. Стараясь передать моё отношение к его искусству, я не предъявил ни одного осязаемого доказательства его ни на что не похожей природы», - пишет он²⁵. В видении Набоковым Гоголя есть свобода отказа от привычного для русского литературоведения онтологического определения литературы. Искусство для Набокова – «божественная игра». Эти два элемента – божественность и игра – равноценны. В синкретическом мире Набокова привычные слова освещаются невиданным светом. Этот свет по-новому освещает и русскую литературу.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Nabokov V. *Nikolai Gogol*. Norfolk, Conn. 1944, перевод на русский язык в журнале "Новый мир", № 4, 1987.

² Набоков В. *Лекции по русской литературе*. Пер. с англ. М.: Независимая газета, 1996. с. 9

³ там же, с. 309.

⁴ там же, с. 12.

⁵ там же, с. 221.

⁶ там же, с. 119.

⁷ там же с. 20.

⁸ там же с. 53.

⁹ там же с. 68.

¹⁰ там же, с. 78.

- ¹¹ там же, с. 60-61.
¹² Гоголь Н. *Записки сумашедшего* // Сочинения: В 7 т. – М., 1984. – Т. 3, с. 172.
¹³ Набоков В. *Лекции по русской литературе*. Пер. с англ. М.:Независима я газета,1996, с. 66.
¹⁴ Флоровский Г. *Пути русского богословия*. – Париж, 1937., с.261.
¹⁵ Набоков В. Лекции по русской литературе. Пер. с англ. М.:Независима я газета,1996, с. 11
¹⁶ там же, с. 133.
¹⁷ там же, с. 184.
¹⁸ Бонфуа Ив. Ничей сон // Знамя, 1996, № 12 с. 181.
¹⁹ Энциклопедия символов // Бауэр В., Дюмотц И., Головин С. Москва. 1995 ,с. 17
²⁰ Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка* // В 4-х т.– М., 1986 . ---Т. 1 с. 25.
²¹ там же, с. 100.
²² Розанов В. *Сумерки просвящения*. – М., 1990, с. 337.
²³ Набоков В. *Лекции по русской литературе*. Пер. с англ. М.:Независима я газета,1996,с.130 130.
²⁴ Нива Жорж *Возвращение в Европу. Статьи о русской литературе*. Москва. 1999,с. 303.
²⁵ Набоков В. *Лекции по русской литературе*. Пер. с англ. М.:Независима я газета,1996,с.131

Список использованной литературы

1. Белый А. Мастерство Гоголя. Исследование. М.; Л., 1934
2. Гоголь Н. Записки сумашедшего // Сочинения: В 7 т.
3. *Мережковский Д. С.* Гоголь и чорт: Исследование. — М.: Скорпион, 1906. — [4], 219
4. Набоков В. Лекции по русской литературе. Пер. с англ. М.:Независима я газета,1996
5. Набоков В. В. Николай Гоголь // Новый мир. 1987. № 4
6. Нива Жорж *Возвращение в Европу. Статьи о русской литературе*. Москва. 1999
7. Полищук В.Б. Под знаком Владимира Набокова//Современная русская литература (1990-е гг-начало XXI в.). М. -СПб, 2005.
8. Розанов В. *Сумерки просвящения*. – М., 1990
9. Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка* // В 4-х т.– М., 1986 . ---Т.
10. Флоровский Г. *Пути русского богословия*. – Париж, 1937.
11. Энциклопедия символов // Бауэр В., Дюмотц И., Головин С. М., 1995.
12. Энциклопедия.Символы, знаки, эмблемы Авт.-сост. В. Андреева и др. М., 2004.

КОММУНИКАТИВНАЯ ФУНКЦИЯ ОБРАЗА ГОГОЛЯ В ПОСТМОДЕРНИСТСКОМ РОМАНЕ А. ТЕРЦА

Л.В. Сафронова

Казахский национальный педагогический университет им. Абая

COMMUNICATIVE FUNCTION of IMAGE ГОГОЛЯ In the POSTMODERNIST NOVEL A. TERT'S

In clause submission of the art information through formation of the images-characters designed under a necessary corner is considered, that essentially raises propaganda opportunities of authors-postmodernists. Such it is artificial designed "falseness – images" represent itself as the basic means of a manipulation readers, their political and aesthetic choice. Images-simulacre are under construction on the basis of a priority of electoral expectations. One of the most effective ways influences - the transfer of authority, an extension to a known brand (aesthetic or political), that at a level perception corresponds to identification. So, an author's mask "Abram Terts", narrating about a life and Gogol's creativity, conducts attack to electorate from stimulation of its base needs, from which safety is priority. The novel "In Gogol's shadow" begins with death of the hero, from Gogol's announcement "the alive deadman". Emotion of fear becomes more active during all product intimidating the reader by Gogol terrible fairy tales, evil spirits and devilry. Multi-variant approach of reader's identification with Gogol in novel Terts, assuming democratic freedom of a choice, actually limits the reader the frameworks containing all possible and already carefully updated models of behaviour, including confrontational, mutually exclusive, supplied by manipulating estimations. Inclusion of bilateral messages which simultaneously contain arguments "for" and "against" the certain position, provides a safe victory over the reader-object of manipulation which a whole will be solidary with the author of the text.

Keywords: *the art communications, a postmodernism, a handling image, reader's identification, simulacre.*

Технологии власти (воля-к-власти), как считает теоретик постструктурализма М. Фуко, положены в основу самого процесса письма. И именно М. Фуко настойчиво призывает к необходимости разрушения ведущего идеологического кода эпохи, разрушения, являющего залогом свободы личности. Эта проблема интенсивно разрабатывается и в постструктуралистской практике. А. Жолковский свою статью «К технологии власти в творчестве и жизнетворчестве Ахматовой» посвящает, что показательно, памяти Андрея Синявского.¹ Определяющий аспект его исследовательского интереса – соотношение между текстовыми структурами и жизненными стратегиями, так называемая прагматика текста. К манипулятивным стратегиям

Ахматовой он относит, прежде всего, конструирование биографии («отбор и искажение фактов, проецирующих поэтическую риторику в практический ряд с целью осуществить властные устремления харизматического субъекта и одновременно ответить на определенные запросы коллектива») и поэтику силы-слабости (искусственной хрупкости текста и имиджа Ахматовой-танка). По версии исследователя, художественный вымысел оборачивается у поэтессы житейским обманом, а поэтическая магия – манипулятивной властью.

Достаточно продуктивным материалом для иллюстрации тезиса М. Фуко оказывается и творчество А. Пушкина, Ф. Достоевского, Л. Толстого, Ф. Искандера.² Так, например, в статье «Быть или не быть Богом: к парадоксам авторской власти у Достоевского» А. Жолковский обнаруживает однотипные сюжетные ходы, организованные как провал планов рационалиста-манипулятора, игнорирующего человеческую непредсказуемость «Другого» и собственного подсознательного «Я».³ Вопросами обнаружения симптомов власти в произведениях Джойса занимается С. Жижек.⁴ В. Руднев консультирует исследователей, как выстроить защиту от произведения, выработать иммунитет против влюбленности в текст. «Художественный текст, <...> когда разгадка близка, <...> вдруг заставляет аналитика вспомнить, что является эстетическим явлением. Он как будто говорит ему: «Зачем ты копаешься, ищешь чего-то? Вот я весь перед тобой, посмотри, как я прекрасен!» И если аналитик-филолог не поймет, что это лишь трансферентный трюк, если он поверит тексту и влюбится в него как в эстетическое явление, тогда конец анализу».⁵ В. Колотаев в работе «Роман М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» как форма психотической защиты» к особенно действенным способам авторской власти над читателем относит и гипноз: «Не случайно, что и сам М. Булгаков много связывал с сеансами гипноза <...> Ведь техника гипноза, в отличие от психоанализа, не предполагает участия сознания субъекта в процессе терапии».⁶

Поддача информации в собственной режиссуре, через формирование и распространение сконструированных под необходимым углом образов-персонажей, существенно повышает властные, пропагандистские возможности авторов-постмодернистов. Такие искусственно сконструированные «фальшь - имиджи» выступают в качестве основных средств манипулирования читателями-мишенями, их политическим и эстетическим выбором. Манипулятивные образы-симулякры строятся на основе приоритета электоральных ожиданий. Стереотипизация, использование архетипических образов активно применяются для эксплуатации массового сознания. А один из самых эффективных способов манипулятивного воздействия – трансфер авторитета, пристройка к известному брэнду (эстетическому либо политическому), что на уровне подпорогового восприятия соответствует идентификации, способствует ассоциативной проекции популярности брэнда на еще малоизвестный объект. У русских постмодернистов пристройка к брэнду писателя-классика – многократно апробированный прием (авторы-герои А. Синявского, С. Довлатова, Д. Пригова «пристраиваются» к Пушкину, М. Веллера – к С. Довлатову, Г. Гачева – к А. Синявскому и т.д.). Терц-Синявский, деконструируя миф о Гоголе – «великом писателе» и параллельно конструируя авторско-персонажную связку Абрам Терц-Гоголь, обнажает скрытые пружины

писательства-манипуляции, как бы обучая свободе и независимости, и одновременно занимается саморекламой (шире – пропагандой постмодернистского мировоззрения).

Авторская маска «Абрам Терц» начинает атаку на электорат со стимулирования его базовых потребностей, приоритетной из которых является безопасность. Роман «В тени Гоголя» начинается с конца, со смерти героя, с объявления Гоголя «живым мертвецом» («Гоголь носил в груди чувство гроба»⁷ [с. 6]). Эмоция страха активизируется на протяжении всего произведения, запугивающего читателя гоголевскими страшными сказками, разного рода нечистью и чертовщиной: «Нет у нас автора страшнее... Гоголя» [с. 68]. Потребность в безопасности продуцирует склонность социума к отбору информации негативного характера. Сила автора манипулятивного текста добывается из слабости партнера (читателя)⁸. Манипулятивное воздействие строится нередко на низменных влечениях человека. Отсюда – постмодернистское развенчивание авторитетов, снижение образа Гоголя, разрушение его человеческой и творческой репутации, традиционно апологетического восприятия его произведений. «Полутруп в стадии безобразного распада и маразма» [с.73], пишущий «сплошную мертвечатину» [с.154], «выпускающий собрание миазмов с целью заразить ими доверчивых соотечественников» [с.157], мнительный, капризный, неприлично повизгивающий Гоголь, с долгим носом, вечными флюсами и геморроем, предстает у Терца-Синявского настоящей «прорехой на человечестве».

Подобные приемы кризисного менеджмента, черного пиара, призваны инициировать дополнительные информационные волны – скандалы, быстро добавляющие автору известности (в истории с текстом «Прогулки с Пушкиным» Терца-Синявского этот прием сработал особенно эффективно, спровоцировав целую серию антитерцовских демонстраций в среде консервативно настроенных русских читателей-эмигрантов в Америке). В постмодернистском искусстве не брезгают и применением грязных технологий. В ход идет привлечение самых низких, отвратительных персонажей, «партнеров», которых используют «втемную», которые будут потом «сданы», принесены в жертву делу. Именно так, по мысли Терца-Синявского, Гоголь использует Чичикова, темную лошадку: «Пора, наконец, припрячь и подлеца». Такого рода авторские характеристики отлично справляются с основной функцией информационной войны – созданием атмосферы страха и тревоги, неуверенности перед будущим, в котором уже нет места скомпрометированным авторитетам и общественным устоям, подготовки дезориентированного человека к принятию нужной манипулятору новой информации.

Проблема информационно-психологической безопасности личности сводится к сохранению ее целостности. Сохранение внутренней гармонии необходимо человеку, если он хочет быть свободной личностью, а не марионеткой. Одновременно это и вопрос власти информационных технологий: властвует не тот, кто объединяет, а тот, кто разъединяет (*divide et impera*). Многовариантность читательской идентификации с Гоголем в романе Терца-Синявского, как бы предполагающая демократическую свободу выбора, на самом деле лимитирует читателя рамками, содержащими все возможные и уже тщательно откорректированные модели поведения, в том числе и

конфронтационные, взаимоисключающие, снабженные манипулирующими оценками. Включение двусторонних сообщений, которые одновременно содержат аргументы за и против определенной позиции, обеспечивает беспроигрышную победу над объектом манипуляции, который при любом позиционном раскладе будет в целом солидарен с автором текста.

Такова и фантомная персонажная конструкция «Гоголь» в произведении Терца-Синявского. Это разбегающееся во все стороны «Я» Гоголя, находящегося в процессе распада, некое множество, существующее как бы в разных планах бытия и сознания (Гоголь-женщина, Гоголь-ландшафт, фреска, Джоконда, Хлестаков, Гоголь-тройка). Это лицо Гоголя, «разъезжающееся по бумаге в старании скоординировать свои черты в устойчивую физиономию», его гримасы, «похожие на адскую пляску раздерганных уголовников» [с. 44], бесчисленные гоголевские двойники, вносящие в текст двусмысленность и зыбкость миража, и, наконец, «дырки – а не люди» [с. 124]: Хлестаков – герой-фикция [с. 87], Муразов – сплошная дыра [с. 41] и сам Гоголь – прореха на человечестве – сводят читательскую идентификацию к 100% совпадению с героем-лункой, к беспрецедентно успешному, полному отождествлению. Возникающая при этом редукция смысла создает смысловой вакуум или «черные дыры», о которых Ж. Делез говорил как об источниках действенного эффекта, потенциале смыслопроизводства, называя их сингулярностями – анонимными, нейтральными, всегда активными событийными энергиями, в которые и трансформируется читательская идентичность.⁹

Получается, таким образом, что Гоголь Терца-Синявского – это механизм-сороконожка, трансформер, запрограммированный на сотрудничество со всеми возможными психологическими типами реципиентов (одновременно художник, контролер, христианин, рационалист-аналитик, практик-хозяйственник и т.д.). Этот же феномен чрезвычайной интерпретационной гибкости современного текста констатирует С. Жижек: «"Улисс" Джойса заранее принимает во внимание все возможные интерпретации и вступает в диалог с ними».¹⁰ Механистичность персонажной конструкции, ее автоматизация, согласно концепции Ж. Делеза и Ф. Гваттари, это условие эффективности и массовости процесса воспроизводства. Так, «Ревизор» – механизм читательского веселья, приводимый в действие ключом-Хлестаковым, а остальные персонажи – танцующие куклы, «...в своем психофизическом статусе они устойчивы, конструктивны, представляют что-то среднее между характером и пародией на занимаемый пост» [с. 117]. По Терцу-Синявскому, само творчество есть «рассчитанный механизм освобождения души от пороков, готовность исполнить ими постройку «Мертвых душ», с хорошо приспособленной системой всех передач, упорядоченной программой» [с. 156]. К тому же автоматизация, как пишет В. Шкловский в работе «Искусство как прием», «съедает вещи, мебель, жену и страх войны»¹¹, то есть обеспечивает читателю и необходимое чувство стабильности, безопасности. Жанровая система также предстает информационными каналами, оптимально приспособленными для пропагандистской обработки читателя. В комедии, например, «жертва, смеясь, в смехе отождествляясь с Богом, добровольно расстается с жизнью» [с. 127].

Терц-Синявский по-постмодернистски хладнокровно препарировывает Гоголя – писательскую машину, «все рычаги и колеса его механизма, скрипящие и

лязгающие части его распадающегося состава», раскладывая на элементарные частицы при помощи психоаналитической техники. Опираясь на естественное, базовое желание человека иметь доступ к запретной информации, Терц-Синявский, с одной стороны, как бы с педагогической целью приоткрывает тайны творческого успеха (власти над социумом), с другой - работает над собственным имиджем автора, человека с особой осведомленностью, преодолевшего цензурные запреты на закрытые для широкой огласки темы. Применяется техника формирования доверия и привязанности к коммуникатору, искусно катализирующему интерес массового читателя. Учитывая неумение массовой читательской аудитории отрефлексировать собственный политический (и соответственно культурный) выбор, автор как бы помогает процессу читательского отреагирования бессознательного (или даже полностью его воспроизводит) и переводу бессознательного, эмоционального выбора в сознание. Иллюзию свободного выбора создает отсутствие в тексте выводов, которые не входят в текст, их должны сделать те, для кого информация предназначена. Однако на практике прием повторения лозунговых конструкций, заменяющих выводы, так называемая фасцинация, манипуляция фоном (психолингвистическая процедура, при которой идет символическая нагрузка фоном) способствует пробуксовыванию читательской рефлексии. Предполагается, что читатель - потребитель неопределенных, «сияющих обобщений» («Ревизор» переехал Гоголя, ревизовал его и перерезал пополам» [с. 113]) и прилегающего к ним текста не будет задумываться над правильностью формулировок в целом. И они, юмористически оформленные (безопасные), беспрепятственно, некритично проскочив сквозь цензуру сознания, попадут сразу в подвал бессознательного, став неотъемлемой частью структуры личности.

Гоголь - кошмарный комок психологии, «съевший собаку в вопросах <...> педагогики, подвергнув души читателей самой интенсивной, чувствительной разверстке и обработке» [с. 33], по мысли Терца-Синявского, покушается не менее чем на перековку человечества «посредством им же сокрытых, неизвестных массивов, бассейнов». «Нужно только разумно, искусно ими воспользоваться, подобрать ключ к замку...» [с. 39]. И таких отмычек читательского подсознания у него целая связка. Например, Хлестаков - это образ творческого процесса, вводящий в соблазн бессознательного. Само художественное произведение - поле битвы между автором и его низменными свойствами, вытесненными вовне [с. 153]. Тень Гоголя, его бессознательное, вынесенный из избы-читальни душевный сор (архетип Тени, пишет К.-Г. Юнг, содержит теньевую, отвергаемую, нехорошую часть души), адресован массовому потребителю, которому жизненно необходима, как считает психолог Е. Улыбина, и такая информация.

По концепции Е. Улыбиной, в подобного рода «неправильных» произведениях, канализирующих бессознательные желания, доминируют индивидуальные ценности, приоритет личности перед обществом. У таких текстов - функция катализатора развития человека и социума, противовеса устаревающей идеологии. Только взятые вместе образы правильного и неправильного мира способны выполнить функцию защиты, адаптации субъекта к ситуации.¹² Таким образом, процесс чтения «неправильных» текстов, откры-

вающих краны подсознания, артикулирующих уже возникшие в обществе, но еще не переведенные в сознание новые потребности и желания, призван обеспечивать реципиенту снятие внутренней конфликтности. Освободительный потенциал бессознательных импульсов обнаружил Ж. Лакан. Современный автор-постмодернист, опираясь на его открытие, всячески удерживает читателя в поле бессознательного, сообщая тексту как бы прибавочное чисто психологическое удовольствие-освобождение. В ходе этого подготовительного этапа (обезоруживания критического восприятия через фиксацию и снятие тревожащих симптомов и синдром влюбленности в текст) и происходит как бы добровольное обращение читателя в носителя постиндустриального миро-воззрения.

Не случайно Гоголь у Терца-Синявского предстает проводником капитализма: «Гоголь взял курс на Чичикова». Предприниматель, великий комбинатор Чичиков – очередная палочка-выручалочка для российского государства, персонаж-проект, способный сдвинуть, «вывести воз истории в то время, когда не снилось еще начало развития капитализма в России». Постиндустриальное общество, породившее западную демократию и постмодернизм, утверждает важные для диссидента А. Синявского индивидуалистические позиции – о самоценности человеческой особи, об «удостоверении абсолютной ценности своего «Я», сколь бы оно ни было мизерно, о стремлении засвидетельствовать свое личное присутствие в мире как требующий всеобщего внимания и удивления факт» [с. 94]. Именно так Абрам Терц и прочитывает гоголевского «Ревизора», за стремление к прогрессивному индивидуализму прощая его персонажам даже тотальную коррумпированность.

К основным принципам пропаганды Л. Фараго относит и сбор разведывательной информации, знание особенностей целевой аудитории¹³. Самое беспроектное здесь – эксплуатация патриотических идей, апелляция к национальной (коллективной, т.е. неотрефлексированной) идентичности. «В нашем идеологическом пространстве ссылки на Nation являются крайней формой идеологии», – пишет С. Жижек.¹⁴ Идеологически грамотное педалирование национальной специфики, русскости Гоголя становится лейтмотивным приемом в романе. «У Гоголя, по русским обычаям, сюжет заполнен всецело общественным интересом...» [с. 85]. «...все разномастное население России, ознакомившись с этой книгой, должно пережить нечто, похожее на то, что испытали запорожцы перед последним сражением...» [с. 71]. Получается, что не только Гоголь-персонаж, но и читатели у Терца-Синявского – как на войне.

Гоголь Терца-Синявского – пришелец, проповедник-завоеватель. «По дороге на кладбище, наверх стывшая упущенная, Гоголь, громко охая, соскакивает с автобуса и становится в центре арены, чтобы всей России давить на психику своим авторитетом и саном раскаявшегося писателя и здесь же, не отходя от кассы, дирижировать своей панихидой» [с. 14]. Его «Мертвые души» – это книга книг [с. 26], которой Гоголь приписывает неслыханную влияние [с. 23]. Даже красота текста у него получает батальные аналогии и пробивные способности («красота решительно пошла на таран») [с. 33]. А сам автор «Ревизора» в роли писателя точит зубы на помазанника [с. 52], готовит переворот [с. 49], лезет в министры финансов [с. 36] и вообще творит (воюет до

потери сознания) единственно с пропагандистскими целями переустройства России. Смирение его похоже на ультиматум (вымогательство, вынуждающее Бога на чудо), смерть – на тактический ход, последний военный маневр. Смех – сродни гипнотическому воздействию, он завораживает читателя, навязывая «родство с теми, о ком мы и не думаем никогда и с кем не хотим иметь ничего общего» [с. 97]. «Сотрясение смехом, подобно гоголевским переворотам, кладут начало новой картине мира» [с. 105]. «Поэт в данном случае <...> умножает свои владения, распираемый жаждой <...> вмешиваться в любые проблемы» [с. 118]. Общество для Гоголя – собственная вотчина, которой он распоряжается, как вздумается, искусно камуфлируя свои желания (его властные намерения маскируются подчас под самые униженные просьбы [с. 182-183]). **«В итоге проклятая книга вас засасывает и настраивает на свою колею, вы начинаете подпадать, поддаваться...»** [с. 18].

По наблюдению В. Колотаева, в таком случае возникает эффект текста-паука, «который тклет свою паутину, чтобы захватить в нее тело жертвы и опустошить ее, сделать пустым коконом».¹⁵ Происходит как бы соединение раздробленного на автора, героя и читателя, сознание и бессознательное единого текстуального «Я», то, что Е. Улыбина называет «схлопыванием створок бытия», обретением искомого состояния целостности. Автор – прореха на человечестве, растворенный в произведении до состояния смерти (Р. Барт), идеально совпадает с персонажами-дырками и читателем – пустым коконом. Как утверждает К.- Г. Юнг, искусство вытягивает жизненные силы из своего поставщика. В итоге и персонаж, так или иначе авторская проекция, и читатель, так или иначе проецирующий себя на персонаж, оказываются тоже «съедены», выпотрошены текстом. Вследствие чего и образуется обезчеловеченный постмодернистский «мир как текст», опутанный нитями паутины языковых связей¹⁶, так как, по Ж. Лакану, не существует ничего, кроме дискурсивного потока.

Стратегемы манипуляции (стратегические планы-ловушки, военные хитрости) учат целиться так, чтобы сбить с толку.¹⁷ Технология тайного принуждения личности в информационном процессе имеет, как правило, два этапа: подготовительный (его функция – обеспечение беспрепятственного восприятия пропагандистских материалов) и основной (функция – некритичное восприятие информации). Функцию подготовительного этапа манипуляции принимает на себя знаменитый смех Гоголя: «Кажется, Гоголь нарочно подстраивает своему перу ситуации, над которыми недавно смеялся, и ставит себя в положение своих потерпевших героев, закономерно превращаясь в объект щелчков и насмешек» [с. 46]. Через осмеяние конституируется чувство безопасности читателя, иницируется несерьезное отношение к идеологическим и эстетическим врагам, формируется имидж некомпетентного противника: «Вон Лев Толстой. Сразу видно – писатель: сам землю пахал» [с. 19]. Этот механизм создания новых, заново программируемых стереотипов восприятия с помощью иронии работает достаточно эффективно, влияя на сферу малоосознаваемых психических процессов, косвенное воздействие на которые снижает психологическую защиту личности. Одновременно, как пишет русский психоаналитик И. Ермаков, у юмора есть еще и компенсаторная роль: это борьба за самостоятельность, «неудержный полет желаний и эгоизма», так как самым

умным и лучшим всегда остается автор, это удовлетворение его желания быть выше других в качестве судьи окружающих. Юмор в основе своей имеет сильный эмоциональный эгоистический элемент – желание власти, перетворения мира с помощью сильной эмоции.¹⁸

Процессу отреагирования коммуникативной потребности человека служит и пророческая миссия автора и персонажа, провидцев, предсказателей событий. Многочисленные гоголевские предчувствия, «установка на мощный пророческий напор и восторг – в предположении ответного душевного переворота в читателе» [с. 65], сообщают Гоголю Терца-Синявского способности медиума, отождествляющего себя с самим Спасителем, через комический дар (смешащий – значит боговдохновенный, вещей), пропагандирующего свое ясновидение. Мультипликативность (дробление) подачи информации, разорванность гоголевского стиля, воспроизводящего «силу бессвязных речей пророка» [с. 67], и фрагментарный дискурс самого романа «В тени Гоголя», наряду с информационной избыточностью (вариативными тематическими повторами) и высоким темпом повествования («ловким, хорошо темперированным размером»), имитируя физиологию процесса усвоения информации, так же служат задаче облегчения, автоматизации (некритичности)

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Жолковский А.К. К технологии власти в творчестве и жизнетворчестве Ахматовой // <http://www.usc.edu/dept/las/sll/alik.htm>.
- ² Жолковский А.К. Очные ставки с властителем: из истории одной пушкинской «парадигмы» // <http://www.usc.edu/dept/las/sll/alik.htm>.
- ³ Жолковский А.К. Быть или не быть Богом: к парадоксам авторской власти у Достоевского // <http://www.usc.edu/dept/las/sll/alik.htm>.
- ⁴ Жижек С. От симптома Джойса к симптому власти // <http://www.lacan.com/framX12.htm>.
- ⁵ Руднев В. Прочь от реальности. Исследование по философии текста. - М.: Аграф, 2000. - С. 234.
- ⁶ Колотаев В.А. Роман М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» как форма психотической защиты // <http://lib.urerlin/8791?secid=23479>.
- ⁷ Здесь и далее цитаты из романа «В тени Гоголя» даются по изд.: Терц А. В тени Гоголя. - М.: Аграф, 2001. - с указанием номеров страниц в тексте.
- ⁸ Доценко Е.Л. Механизмы межличностной манипуляции // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14: Психология. - 1993. - № 4. - С. 6.
- ⁹ Делез Ж. Логика смысла. - М.: Академия / Екатеринбург: ИПП Уральский рабочий, 1995. - С. 96-97.
- ¹⁰ Жижек С. От симптома Джойса к симптому власти.
- ¹¹ Шкловский В.Б. Гамбургский счет: статьи – воспоминания – эссе (1914-1933). - М.: Сов. писатель, 1990. - С. 63.
- ¹² Улыбина Е.В. Обыденное сознание в картине мира личности: автореф. д-ра психолог. наук: 19.00.01 - Ставрополь, 1999.
- ¹³ Фараго Л. Война умов. - М.: Наука, 1956.
- ¹⁴ Жижек С. От симптома Джойса к симптому власти.
- ¹⁵ Колотаев В. Поэтика деструктивного зрота. - М.: Аграф, 2001. - С. 190.
- ¹⁶ Фуко М. Это не трубка. - М.: Художественный журнал, 1999. - С. 19-21.
- ¹⁷ Шостром Э. Анти-Карнеги, или Человек-манипулятор. - Минск, М.: Политфакт, 1992.

- ¹⁸ *Ермаков И.Д.* Очерки по анализу творчества Н.В. Гоголя // Ермаков И. Д. Психоанализ литературы. Пушкин. Гоголь. Достоевский. - М.: Новое литературное обозрение, 1999. - с. 159-347.

Литература

1. *Делез Ж.* Логика смысла. - М.: Академия / Екатеринбург: ИПП Уральский рабочий, 1995.
2. *Доценко Е.Л.* Механизмы межличностной манипуляции // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14: Психология. – 1993. - № 4.
3. *Жолковский А.К.* К технологии власти в творчестве и жизнетворчестве Ахматовой // <http://www.usc.edu/dept/las/sll/alik.htm>.
4. *Жолковский А.К.* Очные ставки с властителем: из истории одной пушкинской «парадигмы» // <http://www.usc.edu/dept/las/sll/alik.htm>.
5. *Жолковский А.К.* Быть или не быть Богом: к парадоксам авторской власти у Достоевского // <http://www.usc.edu/dept/las/sll/alik.htm>.
6. *Жижек С.* От симптома Джайса к симптому власти // <http://www.lacan.com/framX12.htm>.
7. *Ермаков И.Д.* Очерки по анализу творчества Н.В. Гоголя // Ермаков И. Д. Психоанализ литературы. Пушкин. Гоголь. Достоевский. - М.: Новое литературное обозрение, 1999.
8. *Колотаев В.* Поэтика деструктивного эроса. – М.: Аграф, 2001.
9. *Колотаев В.А* Роман М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» как форма психогической защиты // <http://lib.urerlin/8791?secid=23479>.
10. *Руднев В.* Прочь от реальности. Исследование по философии текста. - М.: Аграф, 2000. *Терц А.* В тени Гоголя. - М.: Аграф, 2001.
11. *Улыбина Е.В.* Обыденное сознание в картине мира личности: автореф. д-ра психолог. наук: 19.00.01 - Ставрополь, 1999.
12. *Фараго Л.* Война умов. – М.: Наука, 1956.
13. *Фуко М.* Это не трубка. – М.: Художественный журнал, 1999.
14. *Шкловский В.Б.* Гамбургский счет: статьи – воспоминания – эссе (1914-1933). - М.: Сов. писатель, 1990.
15. *Шостром Э.* Анти-Карнеги, или Человек-манипулятор. - Минск, М.: Политфакт, 1992.

Список использованной литературы

1. Белый А. Мастерство Гоголя. Исследование. М.; Л., 1934
2. Гоголь Н. Записки сумашедшего // Сочинения: В 7 т.
3. *Мережковский Д. С.* Гоголь и чорт: Исследование. — М.: Скорпион, 1906. — [4], 219
4. Набоков В. Лекции по русской литературе. Пер. с англ. М.: Независимая газета, 1996
5. Набоков В. В. Николай Гоголь // Новый мир. 1987. № 4

6. Нива Жорж Возвращение в Европу. Статьи о русской литературе. Москва. 1999
7. Полищук В.Б. Под знаком Владимира Набокова//Современная русская литература (1990-е гг-начало XXI в.). М. -СПб, 2005.
8. Розанов В. Сумерки просвящения. – М., 1990
9. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка // В 4-х т.- М., 1986.
10. Флоровский Г. Пути русского богословия. – Париж, 1937.
11. Энциклопедия символов // Бауэр В., Дюмотц И., Головин С. М., 1995.
12. Энциклопедия.Символы, знаки, эмблемы Авт.-сост. В. Андреева и др. М., 2004.

РИТОРИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ СТИЛЯ «ПЛЕТЕНИЕ СЛОВЕС» В ТВОРЧЕСТВЕ Н.В. ГОГОЛЯ

О.М. Косянова

Россия,

Оренбургский государственный педагогический университет

Рассматривая творчество Н.В. Гоголя с точки зрения тех особенностей, которые были характерны для русского красноречия, можно говорить о некоторых "риторических аспектах" его произведений, обусловленных, если можно так сказать, прежде всего, наследственными, «генетическими» факторами. Исследование художественных текстов Н.В. Гоголя делает совершенно очевидным тот факт, что на автора явно оказывали влияние те типы текста, которые продуцировала риторическая практика конца XVIII - начала XIX в. Так, например, речи персонажей повестей Н.В. Гоголя нередко представляют собой типичный риторический монолог (*oratio*), который лежал в основе устной риторической культуры со времен античности. Риторическое описание (*descriptio*) также находит себе место на страницах его произведений.

Анализ особенностей языка и стиля произведений Н.В. Гоголя свидетельствует о том, что русские риторические традиции стиля «плетение словес» сформировали у него так называемую "риторическую синтагматическую способность". Эта способность заключается в умении автора развернуть некий абстрактный смысл ("мысль", "идею") в конкретный словесный текст, пользуясь для этого набором технических процедур, владение которыми и обеспечивало риторическое образование. Назовем характерные риторические приемы стиля «плетение словес» - это прием полноты перечисления, прием повтора синонимов, прием использования перифраз, прием амплификации и др.

Многие традиционные приемы стиля «плетение словес», нашедшие в тексте произведения удачную функциональную реализацию, обрели "гоголевский характер", благодаря своему развитию, структурному оформлению, звучанию в определенном контексте. Так, например, прием полноты перечисления реализуется в нанизывании реалий, которые, с первого взгляда, создают смысловую избыточность. Приведем пример из "Выбранных мест": "Охота же тебе, будучи таким знатоком и ведателем человека, задавать мне, те же пустые запросы, которые умеют задавать и другие". Заметим, однако, что информация здесь не дублируется: в языковых единицах имеется лишь общий семантический компонент, который конкретизируется и дополняется за счет присутствия в языковых единицах других, периферийных семантических компонентов. Стилистическое различие используемых слов "знатоком" и "веда-

телем" привносит в общий смысл высказывания дополнительный семантический оттенок: дар Божий. Еще один пример: "Тут- то я увидел..., в каком ужасающем для человека виде может быть ему представлена тьма и пугающее отсутствие света". Несложно проследить градацию признака тьмы, подкрепленную прилагательным "пугающее".

Интересно реализуется в произведениях Н.В. Гоголя прием создания длинных рядов синонимов или синонимических сочетаний (в стиле плетение словес может быть до 18 синонимов). У Н. В. Гоголя их обычно 2-3, но они также достаточно регулярны. Чаще у писателя именно использование стилистических синонимов определяет "идею" фразы. В смысловом отношении они могут показаться избыточными, но эта избыточность снимается через стилистический надсмьсл. Многие слова, и даже фразы, нельзя у Н. В. Гоголя вырвать из контекста. Это сочетания типа: "светить светом"; "заведенные заведения"; "надмевать надмением", которые некоторыми исследователями н. 20 века рассматривались именно в отрыве от такой идеи фразы. В подобных сочетаниях виделось нарушение языковой нормы. Рассмотрим пример: "В первом случае человек, по крайней мере, увидит свою презренность,...; в последнем же случае он убежит от самого себя прямо в руки к черту, отцу самонадеянности, дымным надмением своих доблестей надмевающему человека". Идея ложного, запутанного, туманного воздействия черта на человеческую душу оправдывает употребление "надмевать надмением" вполне.

Одним из традиционных приемов стиля "Плетение словес" являются также ряды перифраз. В "Выбранных местах" можно встретить вариант, в котором перифразированная часть может представлять собой метафору. Сравним следующие примеры:

1) перифраза без метафорической части: "Вот мое главное свойство, одному мне принадлежащее и которого, точно, нет у других писателей".

2) нанизывание метафорических перифраз: "Доказательство тому все наши тонкие плуты и взяточники,..., для которых новый указ есть только новая пожива, новое средство загромоздить большей сложностью всякое отправление дел, бросить новое бревно под ноги человеку".

Еще на один традиционный прием стиля «плетение словес» хотелось бы обратить внимание. Это контекстуальная синонимия. Суть этого приема важно хорошо уяснить, потому что с ним тесно связан другой прием стиля Н. В. Гоголя. Контекстуальная синонимия образуется за счет использования двух значений одного слова. В "Выбранных местах" подобный прием можно рассмотреть на следующем примере: "...пространства (России) все так же пустынно, грустно и безлюдны...".

Словарь С. И. Ожегова дает такое толкование: «Пустынно 1 - безлюдны. Пустынно 2 - тихи, малолюдны». Второе значение сближает слово "пустынно" со словом "грустно". Это не собственно языковые, но контекстуальные синонимы.

В "Выбранных местах" можно наблюдать прием по сути своей противоположный приему контекстуальной синонимии, в котором через периферийное значение одного слова сближается с ним значение другого, как в случае: пустынно - грустно. Обратимся к тексту произведения: 1-"...бывает время, что даже вовсе не следует говорить о высоком и прекрасном, не показавши тут же

ясно, как день, *путей и дорог* к нему для всякого..."; 2-"...в то время как я не имел еще никакого понятия о всей неизмеримости его бесконечного милосердия, - я бы повесился".

В первом и во втором примерах может показаться избыточным второй элемент словосочетаний. Словарь С. И. Ожегова дает следующие значения слов: «Путь -1 - то же, что дорога; 2- *направление, маршрут* (верный путь). Дорога -1 - то же, что путь. Дорога 4 (перен.) - *средства* достижения какой - нибудь цели». Анализ данных значений делает совершенно отчетливым скрытый алогизм словосочетания «путей и дорог» - *направление* не может быть равно *средствам*. Таким образом, значение слов не равно друг другу.

Пример 2. "...неизмеримости его бесконечного милосердия...".

Неизмеримый- - не поддающийся измерению.

Бесконечный - чрезвычайный по силе проявления.

Значения слов, как и в первом примере, расходятся: значение степени качественного проявления не дублирует значение слова "неизмеримый". Вспомогательным фактором является словообразовательная цепочка слова "неизмеримый", в которой есть глагольное звено (измерить- мерить), что накладывает ощущение присутствия оттенка действия в значении прилагательного. Слово же "бесконечный" всецело имеет значение признака: отсутствие конца.

Таким образом, периферийное значение слов используется, чтобы не свести, а наоборот, развести слова, которые, с первого взгляда, дублируют друг друга.

К числу особо ярких риторических приемов стиля «плетение словес» относились, во-первых, «амплификация» - разворачивание текста из заданной словесной «темы» (программы); во-вторых, перифрастический стиль, сущность которого - «представление многими речами того, что «одним или немногими изобразено быть может» (М.В. Ломоносов); в-третьих, метафоры и сравнения (как частный случай перифрастического стиля); в-четвертых, активное использование эпитетов и т. п.

Ограничимся рассмотрением только одного риторического приема, используемого в творчестве Н.В. Гоголя, - приема амплификации. Рассмотрим определение понятия «амплификация». Еще Аристотель в свое время указывал, что «восхитительные украшения», благодаря которым красноречие достигает такого величия, бывают двоякого рода. «Конечно, - писал он,- любое средство речи должно заслуживать похвал, и нельзя упускать ни единого важного или изящного слова, но есть два самых блистательных и как бы самых действенных средства: одно из них я усматриваю в разборе вопроса общего рода — как я уже сказал, греки его называют этос, — а другое — в распространении и разворачивании темы — это греки называют амплификос (распространение). Это распространение должно равномерно растекаться в речи по всем жилам...» (3). Подтверждал блистательность этого риторического приема и Цицерон , который отмечал, что обращаться к этим средствам следует и в ходе самих доводов, когда представляется случай к разворачиванию или сокращению, так как если речь пользуется распространением и сокращением темы — против нее ничто не в силах устоять.

В современных словарях амплификация (лат. *amplificatio* - увеличение, распространение) определяется как стилистический приём, предполагающий нагнетание эмоциональной напряженности с помощью однородных элементов речи - определений, синонимов, сравнений, эпитетов, метафор, противопоставлений и т.п.

В риторике амплификация определяется как усиление довода путем (а) "нагромождения" равнозначных выражений; (б) "укрепления" их гиперболами, градацией и пр., (в) аналогий и контрастов, (г) рассуждений и умозаключений (3).

Отношение к этой риторической фигуре неоднозначно. С одной стороны, амплификация понимается как средство усиления выразительности речи в поэзии и прозе. В то же время в переносном смысле термин «амплификация» служит обозначением всякого многословия, излишеств средств выразительности речи. В. Белинский отмечал, что нагромождение в произведении излишних фраз и выражений, не обязательных для содержания, приводит к обратному эффекту, когда амплификация теряет свою выразительную силу и придаёт сочинению «блеск фольги». Отметим, что тот термин (амплификация) и сейчас употребляют довольно расплывчато. Можно выделить два его значения: одно - совокупность различных изобразительных средств, ведущих к увеличению протяжённости текста, а другое - фигура мысли, в которой, в отличие от тропа, в тексте реализуются оба сопоставляемых или противопоставляемых элемента, как, скажем, в сравнении или в антитезе. Нетрудно уловить нечто общее в обоих значениях, некую интегральную сему, которая позволяет считать, что амплификация - это расширение текста, связанное с некоторой плеонастичностью, с конкретизацией, иногда несколько избыточной, с тяготением к гипонимичности, т.е. названию вида там, где можно было бы ограничиться названием рода, с эnumerациями, т.е. пространными перечислениями, с повторами синонимов, с коррекциями, т.е. такими оборотами, когда автор сам себя поправляет и тем удлиняет речевую цепь и т.д.

Любопытно отметить, что именно эти противоречивые аспекты амплификации нашли отражение в художественных текстах Н.В. Гоголя, так как сам язык его произведений производит двойственное впечатление. С одной стороны, речь Н. Гоголя мерная, закругленная, торжественная. Она изобилует лирическими отступлениями, эпитетами и тавтологиями, т. е. как раз теми литературными приемами, которые свойственны риторическому приему амплификации. Что-то песенное слышится в ритме и оборотах этой речи. Такой стиль Гоголь применяет главным образом в произведениях, изображающих жизнь казачества. В то же время те же приемы торжественного стиля Гоголь нередко употребляет и при изображении окружающей его реальной жизни, Пустомыслие мелкопоместной среды неизбежно сопровождается и пустословием; недостаток идей, слабость умственного развития влечет за собою и неумение владеть речью, малый запас слов, косноязычие. И особенно ярко пустословие в гоголевском языке передается путем применения особого приема амплификации, который позволяет автору показать это пустословие как беспомощное топтание на месте, нагромождение фраз без подлежащего и сказуемого, или фраз, совершенно ненужных по смыслу речи, пересыпание речи ничего не значащими словами, вроде "того", "оно", "в некотором роде" и др.,

великолепно передает речь неразвитого человека. Таким образом, использование одного и того же приема позволяет Н.В. Гоголю добиться разных эстетических эффектов.

Говоря об амплификации как особом риторическом приеме, нашедшем яркое воплощение в творчестве Н.В. Гоголя, невозможно не сказать несколько слов по поводу использования цитат в "Переписке". Похожий прием выделила О. Ф. Коновалова в своей работе "Об одном типе амплификации" (2). Речь идет о цитатной амплификации, при которой в тексте "нанизываются" близкие по смыслу цитаты из Библии. Отметим, что у Н. В. Гоголя нет "нанизывания" цитат из Библии. Особенность его стиля в том, что некоторые цитаты, крылатые выражения он тут же перефразирует: "Не оживет, еще не умрет",- говорит апостол. То есть нужно прежде умереть, для того, чтобы воскреснуть". И несколько ниже: "...ее содержание вдруг воскреснуло в очищенном и светлом виде, подобно фениксу из костра". Или: "Сам человек лежит на боку, к делу настоящему ленив". Несомненно, что такое перефразирование акцентирует главную мысль, делает ее более яркой, сильной.

В настоящее время в филологической науке прием амплификации рассматривается и на текстовом уровне. Суть этого приема на уровне текста заключается в том, что только первое предложение любого высказывания относительно независимо; каждое последующее предложение зависит от предыдущего, так как частично воспроизводит в своей теме его элементы, то есть содержит повтор, синонимический повтор, троп, перифраз слов предыдущего предложения.

Группу объединенных смыслом и связанных общими элементами предложений, развивающих отдельную мысль называют фрагментом, а систему связей внутри фрагмента - амплификацией.

Амплификация на текстовом уровне в произведениях Н.В. Гоголя представляет собой развертывание содержания фрагмента текста путем его дополнения за счет новых слов, включенных в состав предложения, или за счет новых предложений, объединенных с положением смысловой связью.

Рассмотрим пример: «Без любви к богу никому не спастись, а любви к богу у вас нет. В монастыре ее не найдете; в монастырь идут одни, которых уже позвал туда сам бог. Без воли бога нельзя и полюбить его. Да и как полюбить того, которого никто не видал? Какими молитвами и усилиями вымолить у него эту любовь? Смотрите, сколько есть теперь на свете добрых и прекрасных людей, которые добиваются жарко этой любви и слышат одну только черствость да холодную пустоту в душах. Трудно полюбить того, кого никто не видал. Один Христос принес и возвестил нам тайну, что в любви к братьям получаем любовь к богу. Стоит только полюбить их так, как приказал Христос, и сама собой выйдет в итоге любовь к богу самому. Идите же в мир и приобретите прежде любовь к братьям.

Первое предложение фрагмента содержит фигуру обращения (анти-метаболу): «Без любви к богу никому не спастись, а любви к богу у вас нет », в которой тема первой части превращается в рему второй. О чем пойдет речь во втором предложении? Очевидно, о человеке: именно этим словом оно и начинается. Первое предложение второго абзаца начинается словами: «Но как полюбить братьев, как полюбить людей? Душа хочет любить одно

прекрасное...». Далее в тексте мы видим, что слова каждого предыдущего предложения повторяются или воспроизводятся в последующем, но развертывается уже через слова «Россия», «русский», а повторяющиеся ключевые слова или словосочетания следующих предложений представляют собой развитие слов «любовь», «бог» и «Россия». Таким образом, каждый завершённый в смысловом отношении же фрагмент текста представляет собой амплификацию какого-либо положения, полученного в ходе изобретения. Внутри такого фрагмента отдельные предложения связаны либо повтором слова или словосочетания, либо специальными словами-связками. Прием амплификации проявляется в том, что связи между предложениями, как и связи внутри предложений, составляющих фрагмент, определяются не только коммуникативным, но также логическим и грамматическим строением как отдельных предложений, так и фрагмента в целом, что позволяет автору добиться совершенно удивительных по красоте своей строк, которые просто завораживают, когда слушаешь или читаешь их:

«Вы еще не любите Россию: вы умеете только печалиться да раздражаться слухами обо всем дурном, что в ней ни делается, в вас все это производит одну черствую досаду да уныние. Нет, это еще не любовь, далеко вам до любви, это разве только одно слишком отдаленное ее предвестие. Нет, если вы действительно полюбите Россию, у вас пропадет тогда сама собой та близорукая мысль, которая зародилась теперь у многих честных и даже весьма умных людей, то есть, будто в теперешнее время они уже больше ничего не могут сделать для России и будто они ей уже не нужны совсем; напротив, если вы действительно полюбите Россию, тогда только во всей силе вы почувствуете, что любовь всемогуща и что с ней возможно все сделать».

Литература

1. Аристотель. Риторика. Перевод Н. Платоновой // Античные риторики. М., 1978..
2. Коновалова О. Ф. Об одном типе амплификации в Житии Стефана Пермского// Труды отдела древнерусской литературы. — М., Л.: Изд-во АН СССР, 1970).
3. Литературная энциклопедия терминов и понятий / Рос. акад. наук, ИНИОН, [Федер. прогр. книгоизд. России] ; гл. ред. и сост. А.Н.Николюкин. - М. : Интелвак, 2001

СЕМАНТИЧЕСКАЯ МАГИЯ ГОГОЛЕВСКОГО ПЕРИФРАЗА

Липатов А.Т.

Марийский госуниверситет, Россия

In the article - basis on the artistic works of N. Gogol, his ethic-heroes novel "Taras Bulba", analysis its semantic-stylistic particularities - Gogol's artistic principle substantiated - romantic realism, where concrete historic events of a realistic writer are merged with super lyrics of a romantic poet. The comparative analysis of its fine and expressive arts is given basis on the materials of literary editions of novel "Taras Bulba" in 1835 and 1842.

The keywords: *Gogol's periphrastica; the metaphore and metaphoric periphrasis; Gogol's romantic realism and artistic symbolism.*

Н.В. Гоголь как выдающийся художник слова - наш общепризнанный гений, но гений особенный, - скорее, он из когорты «странных гениев»: с одной стороны, страстно обличал людские и социально-общественные пороки тогдашней России, а с другой - в конце жизни разжѐг в душе своей такой жертвенный костер, что в его пламени безвозвратно утрачены многие из его произведений, полных великих прозрений ума... На его творчестве лежит печать времени: оно мощным эхом отзывается нам и сегодня.

Скажите, можно ли представить наше великое художественное наследие без гоголевского «Тараса Бульбы»? А произведение это особенное, да и в творчестве Гоголя ему принадлежит особое место. «С созданием "Тараса Бульбы" связано утверждение в русской литературе художественного историзма, жанра героической эпопеи. Гоголь проложил и развил в этом отношении творческие искания Пушкина, открыл новые аспекты углубления эпичности и историзма в литературе»^{1[1]}.

Мы издавна привыкли называть «Тараса Бульбу» повестью, но эта повесть из уникальных, это - повесть-эпопея. Восторженно встретил ее появление В.Г.Белинский. «"Тарас Бульба", - писал он, - есть отрывок из великой эпопеи жизни целого народа. Если в наше время возможна гомерическая эпопея, то вот вам ее величайший образец, идеал и прототип»^{1[2]}. А французский критик Шарль О.Сент-Бёв в 1846 году, отзываясь о таланте и повестях Гоголя, в парижском журнале *Revue des Deux Mondes* назвал гоголевскую повесть «Запорожской Илиадой»^{1[3]}.

В «Тарасе Бульбе» сплавлены воедино историческая конкретность, присутствующая писателю-реалисту, и высочайший лиризм, свойственный поэту-романтику. Отсюда так тесно переплетаются в повести лирическое начало и торжественная эпика, а в реалистическое изображение исторических событий врывается романтическая искрометность слога, его изобразительная орнаментальность.

Перед нами - художественное полотно, воскресившее прошлое легендарной Запорожской Сечи, что на протяжении нескольких веков надежно стояла на страже тревожных южных границ Русского государства. «Тарас Бульба» - это эпико-романтическое сказание о веках минувших, о славной удали и бранных подвигах казачества, кои, по словам Гоголя, «вышибло из народной груди огниво бед». И в этом «огне бед» запорожское казачество надежно противостояло крымским татарам и туркам, прежде безнаказанно грабившим украинско-русские земли; именно казачество резко поубавило и умерило алчные аппетиты и прыть своих недругов.

Общепризнанно, что Гоголь - великий продолжатель художественного творчества Пушкина; однако у них много существенных различий, особенно в использовании слова и текста. Так, пушкинская проза предельно реалистична; ей присущи лаконичность, строгий деловой слог, свободный от всякого рода стилистических и изобразительных излишеств. Пушкин аскетизирует фразу, делая ее короткой, энергичной, «деловой». Иными художественными путями развивалась гоголевская проза: фраза предельно насыщена метафорами и словесной палитрой; романтик по душевному складу, Гоголь использует слова, как краски, перенося в свое письмо приемы живописи; у него фраза вязкая, гибкая, вьющаяся.

Много своеобразно-индивидуального, поистине «гоголевского», внес автор «Тараса Бульбы» в область использования художественного текста, особенно его перифрастического пласта, исследование которого до сих пор остается малоизученным. А семантическая радуга гоголевского перифраза исключительно богата. Особенно большая нагрузка падает на пейзаж. Именно здесь сильнее всего его романтическая стихия и метафорическая заряженность.

И в этом важная стилевая особенность гоголевского пейзажа: в нем «несколько рисунков накладывается друг на друга, и несколько литературных принципов сливаются в один. Это - пейзаж, пропущенный сквозь сложное восприятие, как сквозь цветное стекло» и выступающий как «сознание, только вспышками достигающее полной ясности»^[4]. В гоголевской пейзажной живописи своеобразно пересекаются, вливаясь друг в друга, романтическое и лирическое начала.

Торжественно-величавая красота природы подана писателем не самоцельно: «могучий и прекрасный образ Днепра [в повести «Страшная месть»] вырастает в поэтический символ величия и красоты Родины»^[5].

Богатством пейзажной палитры отличается в «Тарасе Бульбе» описание степи, которое очень органично вплетено в само художественное повествование. Степь с ее бескрайними просторами необъятна, как море. Случайно ли образ моря проходит через все описание степи? И тут, как при описании Днепра в «Страшной мести», важным изобразительным средством выступает каскад глагольных метафорических перифраз.

Особенно же магически-обворожительной видится читателю та же степь ночью: «Иногда небо в разных местах освещалось дальним заревом от выжигаемого по лугам и рекам сухого тростника, и темная вереница лебедей, летевших на север, вдруг освещалась серебряно-розовым светом, тогда казалось, что красные платки летали по темному небу».

Гоголь - мастер особенного пейзажа: реалистическое здесь не заслоняется интимной вязью ощущений, эмоциональной, одически-приподнятой лиричностью повествования. В его описаниях «бездна пространства»; в них «как в зародыше, покоится телесность живописи Толстого и реалистический импрессионизм чеховского пейзажа... Гоголь вносит в пейзаж то, чего в нем еще не было, - психологическую окраску»^{1[6]}.

Так природа сливается с человеком, помогая читателю резче оттенить внутренний психологический мир героев повести. Читатель помнит, каким гнетущим было настроение у Остапа с Андрием после расставания с опечаленной матерью. Гоголь не прибегает к пространному описанию тяжелого душевного состояния сыновей Бульбы, ограничиваясь лишь одной предельно аскетированной, но выразительной фразой: «День был серый; зелень сверкала ярко; птицы щебетали как-то вразлад». И это семантически емкое словосочетание *как-то вразлад*, вброшенное в перифраз, убедительно показывает, что, как и его герои, природа живет у Гоголя напряженной и многогранной жизнью.

Своеобразие гоголевской пейзажной образности оказало мощное воздействие на всю перифрастику «Тараса Бульбы». Для повести характерно скорее не обилие перифраз, а их семантически сгущенная изобразительность. Гоголь мастерски использует все разнообразие перифрастики: здесь перифразы-синонимы соседствуют с перифразами-антонимами; в составе перифраз дают знать себя то гипербола или антонимия, а то и удачно вплетенный в строку эвфемизм.

Так, в повести богато представлены перифразы синонимического характера, когда в тесные семантические отношения вступают не отдельные лексические единицы, а их многословные развертки (перифразы), создающие при этом не просто синонимические пары или ряды, а целые их поля. Таково, например, пространное синонимическое поле-перифраз с общим понятием «крепко наказать за провинность»: «- А признайтесь, сынки, крепко *стегали вас березовым и свежим вешняком* по спине и по всему, что ни есть у козака? А может, так как вы сделали уже слишком разумные, так, может, и *плетюгами пороли?*».

Колоритны и гоголевские перифразы-антонимы: в оппозиции друг к другу выступают здесь не отдельные лексические антонимы, а многословные антонимические сочетания и даже целые фразы, например: «**Не тот** еще добрый воин, *кто не потерял духа в важном деле*, **а тот** добрый воин, *кто все вытерпит*».

При событийных описаниях в повести Гоголь активно (намного активнее писателей-современников) прибегает к намеренному преувеличению (гиперболизации) явлений действительности, используя гиперболы - как именные, так и глагольные. Сравните: «*Шаровары шириною в Черное море, с тысячью складок и со сборами, перетянулись золотым очуром*» и «*Червонели уже всюду красные реки; высоко гатились мосты из козацких и вражых тел*». Но чаще именные и глагольные гиперболы, сливаясь, создают единую перифрастическую структуру, усиливая этим эффект намеренного преувеличения: «*Миллион козацких шапок высыпал вдруг на площадь*» или «- Батько! где ты! Слышишь ли ты? - Слышу! - раздалось среди всеобщей тишины, и *весь миллион*

народа в одно время вздрогнул». Здесь эффект гиперболизации к тому же усилен эффектом метонимии.

Очень бережно подходит великий мастер смеха и к включению эвфемизмов в состав перифраз; под его пером текст обретает колорит сильного, но не уничижительного сарказма *«Ректор и профессоры-монахи не жалели лоз и плетей, и часто ликторы по их приказанию пороли своих консулов так жестоко, что **те** несколько недель почесывали свои шаровары»*.

Использует Гоголь и прием каламбурного сближения, сталкивая в одном предложении омонимические значения одной и той же словоформы в составе неравнозначных перифрастических структур, например: *«пустить пожар по деревьям и хлебам»* и *«пустить далеко по всей степи о себе славу»* или: *«Здесь были все бурсаки, которые **не вынесли академических лоз** и которые **не вынесли из школы ни одной буквы»***.

Все рассмотренные виды перифраз представляют собой, собственно, гипонимы по отношению к гиперонимам - именным и глагольным перифразам. Так, именные перифразы четко разделяются на логические (лишенные образности) и метафорические (с сильно выраженной образной семантикой).

Именных логических перифраз в «Тарасе Бульбе» немного, а вот метафорических именных перифраз в «Тарасе Бульбе» предостаточно, и выступают те при денотатах-онимах в роли их образных приложений-характеристик:

*«- Я знал и брата вашего, покойного **Дороша!** Был воин на украшение всему рыцарству»* или *«**Мардохай** приблизился к Тарасу, потрепал его по плечу... Тарас поглядел на *этого Соломона, какого еще не было на свете...*»*

Что же касается гоголевских глагольных перифраз, то они представляют собой лексико-грамматические структуры с ярко выраженной метафорической образностью. При этом глагол-метафора не всегда выступает здесь в качестве семантической доминанты, что характерно для именного метафорического перифраза: в глагольном метафорическом перифразе часто в качестве цельной метафоры выступает весь текст. Пожалуй, именно это хорошо уловили импрессионисты, охотно использовавшие образно-выразительные возможности данного типа перифрастики, особенно при изображении пейзажа или душевного состояния персонажа (литературного героя). Так поступает и Гоголь: *«Гущина звезд, составлявшая Млечный Путь, поясом переходившая по небу, вся была залита светом»* и *«Андрий весь погрузился в очаровательную музыку пульт и мечей... Бешеную негу и упоенье он видел в битве: что-то пиршественное зрелось ему в те минуты»*. Нетрудно заметить, что метафора здесь «растворена» во всем импрессионистском тексте.

Но следует заметить, что в лингвистике вплоть до настоящего времени не определены окончательно ни семантико-стилистический статус метафорического перифраза, ни критерии его отграничения от метафоры. Так И.Р. Гальперин, В. Ваккернагель, Ф. Бринкман видят здесь разные словесные конструкции: в метафоре - цельюоформленную, а в метафорическом перифразе - многословную и разнооформленную, описательную конструкцию^{1[7]}. Однако применительно к текстам выдающихся мастеров слова такое толкование будет явно упрощенным. Скорее, метафора - это отдельная, цельюоформленная лексическая единица-экспрессема, представляющая собой слово или простое словосочетание; метафорический же перифраз - экспрессема синтаксического

типа (синтаксема), в которой метафоричность принимает на себя не отдельное слово, а целиком взятый текст. При этом в именном метафорическом перифразе наличествует метафора-доминанта, на которую в своей семантике и опирается перифраз, а в глагольном метафорическом перифразе метафора-доминанта отсутствует: метафора «растворяется» в нем^{1[8]}.

Глагольные метафорические перифразы отличаются своим синонимическим многообразием, а специфически индивидуальное употребление глаголов приводит к изменению морфологического строя и ритмического лада фразы, а нередко и изменяет семантику образов.

Особенно интенсивной семантической и образной колористикой обладают гоголевские развернутые сравнения, например: «Как плавающий в небе ястреб, давши много кругов сильными крылами, вдруг останавливается распластанный на одном месте и бьет оттуда стрелой на раскричавшегося у самой дороги самца-перепела, - так Тарасов сын, Остап, налетел вдруг на хорунжего и сразу накинул ему на шею веревку». Все тут цельно и картинно - как живописная фреска.

В «Тарасе Бульбе», произведении о героических деяниях прошлого своего народа, немало сравнений народно-эпических. И здесь Гоголь добивается исключительной индивидуализации в их использовании. Таково живописное сравнение битвы с пиром: «Слышал он [Тарас] только, что был пир, сильный, шумный пир: вся перебита вдребезги посуда; нигде не осталось вина ни капли, расхитили гости и слуги все дорогие кубки и сосуды, - и смутный стоит хозяин дома, думая: "Лучше б и не было того пира" ...» Не та ли туга-печаль, подобно эху, доносится до нас «с берега быстрой Каялы» из-под перстов вещего Бояна: «ту кровавого вина не доста; ту пирь докончаша храбрїи русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Рускую».

Отдельные слова и даже целые словосочетания из древнерусской героической поэмы переносятся Гоголем в «Тараса Бульбу» настолько естественно и органично, что трудно бывает отличить, где тут - из «Слова», а где - гоголевское. Ср.: «Помчаша красныя дѣвки Половецкыя, а съ ними злато, и паволокы, и драгыя оксамиты» («Слово о полку Игореве») и «Все были хожалые, ежжалые... не раз драли на онучи дорогие поволоки и оксамиты» («Тарас Бульба», 1842)^{1[9]}.

Исследуя и анализируя в «Тарасе Бульбе» семантические и стилистические богатства слова и текста, убеждаешься, что романтическая стихия здесь неотделима от реализма: «романтизм имел глубокие корни в художественном сознании Гоголя, и вовсе не следует рассматривать его увлечение романтизмом как нечто наносное и не очень характерное для развития его таланта»^{1[10]}. Романтический настрой души, да и сам склад мышления Гоголя как художника-творца убедительно свидетельствуют об этом.

Во второй редакции «Тараса Бульбы» реалистический стиль изложения не просто противостоит «неистовому» романтизму; собственно, перед нами два изобразительно-смысловых полюса: на одном - буйная стихия «неистового» романтизма, на другом - суровый реализм; если хотите, это - прощание великого художника слова с «неистовым» романтическим прошлым, а вот сам романтизм с его экспрессивной насыщенностью не угас; произошло его творческое перевоплощение: в него мощно вторгся реализм с его новыми,

живительными соками суровой правды. Так явил себя в русской словесности особенный, гоголевский, *романтический реализм*^{1[11]}.

Пожалуй, ни одно из своих произведений Гоголь не подвергал такой кардинальной переработке, какой подверг он повесть «Тарас Бульба»^{1[12]}. Черновые материалы повести и ее редакции 1835 и 1842 годов сохранили не только движение мысли писателя, но и удивительное умение подбирать слова по «росту мысли». Именно высокая образность слова и, в первую очередь, богатая перифрастика заложены в основе исключительно ярких гоголевских символов в «Тарасе Бульбе». Передается же высокая символика текста посредством емко-насыщенной образности, которую создают именно метафорические перифразы: подобные яркому синониму-коннотату, помогают выразительней и глубже показать, высветить образ. В качестве же «материальной» оболочки символа выступают метафорические перифразы, - и чаще не в одиночку, а комплексно. Речевая стихия «романтического реализма» повести способствовала созданию запоминающихся, мощно-величавых символов *Русской земли, Запорожской Сечи, русской силы и русского товарищества*, в ореоле которых однако не угас свет скромных образов *Днепра и русской степи*.

Анализируя гоголевское мастерство пейзажной живописи в «Тарасе Бульбе», мы уже отмечали, что могучие и прекрасные образы *Днепра и русской степи* вырастают в поэтические символы величия и красоты Родины^{1[13]}.

А Запорожская Сечь - это тоже очень индивидуальный в своей сущности образ-символ: это - гнездо, откуда, по словам Гоголя, «вылетают все те гордые и крепкие как львы!.. откуда разливаются воля и козачество на всю Украину», «где юношество воспитывалось и образовывалось... опытом». «Запорожская Сечь в изображении Гоголя - это царство свободы и равенства, это вольная республика, в которой живут люди широкого размаха души, где воспитываются сильные, мужественные характеры, для которых нет ничего выше, чем интересы народа, чем свобода и независимость отчизны»^{1[14]}. Так мы напрямую выходим на новый, с сильным душевным зарядом образ-символ *русское товарищество*. Появляется же он у Гоголя лишь во второй редакции героической повести о запорожцах. Именно здесь Тарас Бульба произносит речь о том, «что такое есть наше товарищество», завершая её выразительным рефреном: «Бывали и в других землях товарищи, но таких, как в Русской земле, не было таких товарищей... Нет, братцы, так любить, как русская душа, никто не может!.. Пусть же знают... все, что такое в Русской земле товарищество!»

Так тесная вязь исповедальных перифраз-метафор создает необычайно колоритный символ товарищества - великого братства русского казачества. Да, на товариществе стоит Русская земля, а «сила товарищества в единстве мысли и чувства, во взаимной поддержке и выручке, в готовности отдать все за счастье своих соотечественников»^{1[15]}.

А символ *Русской земли* - образ воистину былинно-летописный. Он встает перед нашим взором сквозь века и расстояния со страниц героической поэмы «Слово о полку Игореве». Это они, наши славные предки, отстаивая и оберегая свою Родину, вступают «въ златъ стремянь за обиду сего времени, за землю Рускую». Вот так же доблестно сражаются и умирают герои-запорожцы, обороняя от врагов святыню свою - Русскую землю.

I. LITERATURĂ. GOGOLIANA

Так со страниц гоголевской исторической эпопеи во всем своем величии встает ее главный герой - «народ, которого вся жизнь состояла из движений...» (из письма Н.В.Гоголя И.И.Срезневскому от 6 марта 1834 г.), - и не только непрерывных «движений» в пространстве, но и движение всех жизненных сил народа, его духа и чаяний.

Гоголевский гений воистину неисчерпаем, как неисчерпаемо все богатое литературное творчество писателя. Гоголь - планетарный культурный феномен, и время не властно заслонить его великое имя.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ^{1[1]} Щербина В.Р. Н.В.Гоголь // Гоголь Н.В. Собр.соч. в 8 т. Т.1.- М., 1984. С. 16.
- ^{1[2]} Белинский В.Г. Полн.собр.соч. Т.9. - М., 1955. С. 428.
- ^{1[3]} См.: Отечественные записки. - 1846. - Т.44, отд. 8. С. 45.
- ^{1[4]} Лежнев А.З. Проза Пушкина: опыт стилового исследования. 2-е изд. - М., 1966. С. 73.
- ^{1[5]} Машинский С.И. Художественный мир Гоголя. - М., 1971. С. 84.
- ^{1[6]} Лежнев А.З. Проза Пушкина: опыт стилового исследования. С. 74-77.
- ^{1[7]} Galperin I.R. Stylistica. - Moscow, 1971; Wackernagel W. Poetik, Rhetorik und Stylistik.- Hall / Saale, 1973; Brinkmann F. Die Metaphern.- Bonn, 1978.
- ^{1[8]} Липатов А.Т. Роль перифрастики в формировании семантической структуры текста в романе М.А.Шолохова «Тихий Дон» // Восьмые Вавиловские чтения: Мировоззрение и безопасность современного общества в фокусе научного знания и практики.- Москва - Йошкар-Ола, 2005. С. 368; его же: Семантическая радуга перифраза: от Пушкина до Шолохова. - Йошкар-Ола, 2006. С. 10-11.
- ^{1[9]} О влиянии народно-былинного лада и «Слова о полку Игореве» на «Тараса Бульбу» см.: Третьякова Н.П. Работа Гоголя над языком и стилем «Тараса Бульбы» // Материалы и исследования по истории русского литературного языка. Т.3. - М., 1953. С. 102-106.
- ^{1[10]} Машинский С.И. Художественный мир Гоголя. С. 89.
- ^{1[11]} Липатов А.Т. Семантическая радуга перифраза: от Пушкина до Шолохова. С. 107-109.
- ^{1[12]} См.: комментарий к повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба»: Гоголь Н.В. Полн.собр. соч. Т.2. - М.-Л., 1937. С. 37-702.
- ^{1[13]} Щербина В.Р. Н.В.Гоголь // Гоголь Н.В. Собр.соч. в 8 т. Т.1.- М., 1984. С. 11; Докусов А.М. «Миргород» Н.В.Гоголя. - Л., 1971. С. 134.
- ^{1[14]} Машинский С.И. Художественный мир Гоголя. С. 130.
- ^{1[15]} Докусов А.М. «Миргород» Н.В.Гоголя. С. 134.

ГОГОЛЕВСКИЕ МОТИВЫ И ТРАДИЦИИ В ТВОРЧЕСТВЕ ТИМА БЁРТОНА

Бурукина Ольга Алексеевна

*Московский государственный лингвистический университет
Государственный университет – Высшая школа экономики*

Перефразируя афоризм Л.Н. Толстого о том, что все счастливые семьи счастливы одинаково, можно сказать, что все талантливые люди талантливы по-разному. Тем не менее, талантливых людей, принадлежащих к разным национальностям, эпохам и видам искусства, многое объединяет. В данной статье мы предпринимаем попытку найти общие черты в творчестве двух, безусловно, талантливых людей, которых разделяет более 100 лет жизни, Тихий океан, многочисленные исторические события, языковой барьер и технический прогресс: великого русского писателя Николая Васильевича Гоголя, родившегося в 1809 г. и скончавшегося в 1852 г., и культового американского режиссера Тима Бёртона, родившегося в 1958 г. и ныне здравствующего.

Как верно заметил исследователь творчества Н.В. Гоголя и тонкий знаток психологизма писателя В.А. Воропаев, «гений Гоголя до сих пор остается неизвестным в желаемой полноте»¹.

Мы полагаем, что гоголевские традиции и мотивы в значительной степени эксплицированы в творчестве американского режиссера, сценариста, поэта, художника-аниматора и продюсера Тима Бёртона, режиссерскому таланту которого мы обязаны более 30 анимационных и игровых фильмов.

Соотнесение эстетических миров Н.В. Гоголя и Т. Бёртона никогда прежде, насколько нам известно, не становилось предметом изучения ни в отечественной, ни в зарубежной науке. Среди наиболее актуальных, на наш взгляд, вопросов – изучение традиций Н.В. Гоголя в творчестве Т. Бёртона сквозь призму аксиологически обусловленного мировосприятия этих двух выдающихся художников.

Анализируя первые работы Т. Бёртона, можно сказать, что вольно или невольно будущий гений покадровой анимации творил в гоголевской парадигме, что было обусловлено необычайной общностью мировидения великого русского писателя и ныне культового американского режиссера. В фильмах Т. Бёртона гоголевские мотивы то имплицированы, то демонстративно вынесены автором «на поверхность» интертекстов его фильмов.

О преемственности творчества свидетельствуют использованные Т. Бёртоном произвольные и непроизвольные включения гоголевских реминисценций и аллюзий в художественную ткань его фильмов и, что даже

еще более важно для нас, присутствие гоголевских мотивов в большинстве произведений Т. Бёртона.

Так, неразрывная связь анимационного фильма Т. Бёртона «Мёртвая невеста»/“Corpse Bride” с мистикой Н.В. Гоголя проявляется уже на уровне сюжета, заимствованного, по признанию самого Т. Бёртона, из русской (российской) сказки. И, хотя этот сюжет не нов, – европейская литература XVIII и XIX вв. включает в себя немало классических произведений, в которых молодой человек оказывается связанным брачными узами с покойницей, как в поэме «Коринфская невеста» И.В. Гете, в рассказе Вашингтона Ирвинга «Случай с немецким студентом», в повести Александра Дюма-отца «Женщина с бархоткой на шее», – идея о посредничестве мёртвой девы, одетой в подвенечное платье, и ее опасной для жизни молодого человека связи с потусторонним миром была впервые реализована, насколько нам известно, именно Н.В. Гоголем в повестях «Вий» и «Майская ночь, или Утопленница».

Гоголевские мотивы мы находим и в названии анимационного фильма Т. Бёртона «Кошмар перед Рождеством»/“The Nightmare before Christmas”, перекликающемся с названием повести Н.В. Гоголя «Ночь перед Рождеством» (“The Night before Christmas”), а также в том, что в фильме «Мёртвая невеста»/“Corpse Bride” старейшиной Гуткнехтом для того, чтобы послать Эмили и Виктора в мир живых, используется именно *украинское* заклинание. На связь с православием, от которого неотделим и сам Н.В. Гоголь, и его произведения, указывает созданный в этом фильме Т. Бёртоном эклектичный стиль собора, сочетающий в себе многочисленные элементы готического стиля с четырьмя куполами-«луковицами», характерными для православных церквей.

В творчестве Тима Бёртона, как яркого представителя постмодернизма, широко представлены наиболее характерные черты постмодернистской эстетики, а именно (по Г.И. Ермиловой) интертекстуальность и цитация, фрагментация языковых игр, выхолощенная пародия (пастиш) и манипулирование культурными кодами². Вместе с тем Т. Бёртон – выдающийся художник, творчеству которого свойственны индивидуальность, интуитивизм, многогранность, – особенности, в полной мере присущие произведениям Н.В. Гоголя.

Этих выдающихся художников объединяет и умелое использование ими исторического фона, позволяющего более четко высветить насущные проблемы настоящего. В своем письме к Н.М. Языкову Н.В. Гоголь очень точно сформулировал квинтэссенцию этого литературного приема: «Друг, собери в себе всю силу поэта, ибо ныне наступает его время. Бей в прошедшем настоящее, и тройною силою облечется твое слово; прошедшее выступит живее, настоящее объяснится яснее, а сам поэт, проникнутый значительностью своего дела, возлетит выше к тому источнику, откуда почерпается дух поэзии. Сатира теперь не подействует и не будет метка, но высокий упрек лирического поэта, уже опирающегося на вечный закон, попираемый от слепоты людьми, будет много значить. При всем видимом разврате и сутолоке нашего времени, души видимо умягчены; какая-то тайная боязнь уже проникает сердце человека, самый страх и уныние, которому предаются, возводит в тонкую чувствительность нервы»³.

Н.В. Гоголь в полной мере использовал исторический фон в повести «Тарас Бульба», где в контексте борьбы украинского народа за независимость заостряются вечные вопросы бытия о приоритете долга, любви, преданности.

Т. Бёртон умело использует историческое прошлое в анимационном фильме «Мёртвая невеста» / “Corpse Bride” (2005), помещая события фильма в Англию Викторианской эпохи, раздираемую социальными противоречиями и катаклизмами, что позволяет ему представить на суд зрителя вопросы о противостоянии любви и долга, нерушимости клятвы и вероломства.

Еще одной значимой деталью, объединяющей творчество Н.В. Гоголя и Т. Бёртона, является лирический подтекст, присущий большинству их произведений. Эпическая многогранность творчества Н.В. Гоголя и Т. Бёртона подразумевает и обуславливает лирический подтекст их произведений, с юмором, порой переходящим в гротеск, отражающих извечное противостояние добра и зла, робости и героизма, любви и ненависти, жажды жизни и страха смерти внутри и вокруг человека. Так же как повести Н.В. Гоголя «Ночь перед Рождеством», «Пропавшая грамота», «Майская ночь, или Утопленница», «Тарас Бульба» анимационные фильмы Т. Бёртона “The Nightmare before Christmas”/ «Кошмар перед Рождеством» (1993), «Чарли и шоколадная фабрика»/ Charlie and the Chocolate Factory (2005), «Мёртвая невеста» / “Corpse Bride” (2005) утверждают незыблемый приоритет светлых человеческих чувств над любыми обстоятельствами, общественной иерархией и навязываемыми ею стереотипами.

Помимо выявленных нами основополагающих характеристик творчества Н.В. Гоголя и Т. Бёртона, их произведения объединяет ряд онтологических и эпистемологических идей. Так, во многих рассказах и повестях Н.В. Гоголя окружающий мир представлен как бы раздвоенным, его герои вынуждены существовать сразу в двух измерениях: «реальном» и «ирреальном», и не всегда реальный мир доброжелательнее, гостеприимнее, безопаснее ирреального.

Как верно заметил Ю.Б. Боров, «для Гоголя отнять нос – поставить героя в фантастически гротесковое положение и заставить данный характер действовать в данных невероятных – обстоятельствах. Гоголь подчеркивал важность естественности в невероятном, реальности в фантастическом, в гротесковом»⁴.

И действительно, с героями рассказов и повестей Н.В. Гоголя «Сорочинская ярмарка», Вечер накануне Ивана Купала», а затем в «Майская ночь, или Утопленница», «Пропавшая грамота», «Ночь перед Рождеством», «Заколдованное место», «Страшная месть», «Вий», «Нос», «Записки сумасшедшего», «Портрет» и др. случаются ужасные происшествия, нередко опасные для их сознания или самой жизни.

Как говорит сам Н.В. Гоголь в повести «Нос», «...ну да и где ж не бывает несообразностей?.. А все, однако же, как поразмыслишь, во всем этом, право, есть что-то. Кто что ни говори, а подобные происшествия бывают на свете, – редко, но бывают»⁵.

Гоголевская раздвоенность бытия неискусственна: она не делится на «до» и «после», она интегральна и аутентична, она – зеркальное отражение неустроенности и нестабильности современной писателю действительности.

Тот же самый прием мы находим и в фильмах Т. Бёртона. Режиссер, сценарист, продюсер помещает своих героев в невероятные обстоятельства и

провоцирует их реакцию на фантастические коллизии, начиная с самой первой самостоятельной работы – шестиминутного анимационного фильма “Vincent”/ «Винсент» (1982), в котором мальчик Винсент Мэллой представляет себя своим кумиром – знаменитым актером Винсентом Прайсом, разлученным со своей возлюбленной и мучимым событиями из стихотворения Эдгара Алана По «Ворон»/ “The Raven”. В игровом фильме “Beetlejuice”/ «Битлджус» (1988) супруги Мейтленд погибают в самом начале фильма в автокатастрофе, но, возвращенные по воле рока в любимый ими дом, вынуждены обитать в нем в виде привидений в течение 125 лет, пытаясь приспособиться (впрочем, не всегда удачно) к новым обстоятельствам. В анимационном фильме «Мёртвая невеста»/ “Corpse Bride” (2005) главный герой Виктор в результате фатального недоразумения оказывается женатым на убитой девушке. Дуалистическое видение мира присуще этим и другим работам Т. Бёртона, в которых мир ирреальный подчас представляется героям и зрителям желаннее действительного, но решение не подсказано мастером, оно – на совести каждого.

И в произведениях Н.В. Гоголя, и в фильмах Т. Бёртона потусторонний, магический мир не антитетичен человеческому, скованному социальными условностями и стереотипами, но есть его закономерное продолжение, причем в поздних работах Т. Бёртона («Мёртвая невеста»/ “Corpse Bride” (2005)) героям предоставляется право сделать окончательный выбор в пользу того или иного мира.

Следующая идея, объединяющая творчество двух выдающихся художников, – идея аксиологически значимого существования «маленького», «незначительного», незаметного даже в своем социальном кругу, «лишнего» человека и его внутреннего мира, основанного на собственных ценностях и обусловленных ими умозаключениях и мечтаниях («Шинель», «Вий», «Страшная месть», «Иван Федорович Шпонька и его тетушка», «Старосветские помещики», «Мертвые души»). Причем Н.В. Гоголь, даже порой подшучивая над их чрезмерным своеобразием, над незначительностью их поступков и самой жизни, не отрицает их права на существование, осуждая лишь тех, кто пытается навязать свою волю другим «маленьким» людям. В стихах и фильмах Т. Бёртона эта идея получает еще большее заострение: «лишними» ощущают себя дети («Винсент»/ “Vincent” (1982), «Унылая смерть мальчика-устрицы»/ “The Melancholy Death of Oyster Boy and Other Stories” (1997), «Мальчик-пятно и его мир»/ “The World of Stainboy” (2000), «Чарли и шоколадная фабрика»/ “Charlie and the Chocolate Factory” (2005)) и подростки («Мёртвая невеста»/ “Corpse Bride” (2005)).

Редактор книги т. Бёртона «Бёртон о Бёртоне» Марк Солсбери характеризует героев Т. Бёртона как аутсайдеров – людей, принадлежащих к своему социальному кругу лишь формально, непонятых и неверно воспринимаемых, людей, «плохо приспособленных к окружающей их действительности, обремененных некоей двойственностью, действующих на грани своей социальной группы, вынужденных многое сносить без посторонней помощи, предоставленных самим себе. И во многих аспектах Бёртон сам является воплощением этого противоречия» (Перевод наш. – О.Б.)⁶.

Как очень точно заметила А. Сапенкова, Т. Бёртон исследует в своих фильмах явление некоммуникабельности, он исследует тех, кто живет стереотипами, хаотическими и зачастую неверными представлениями о добре и зле⁷.

Идея значимости «маленького человека» непосредственно связана с идеей омертвления души под бременем повседневности. Как А.И. Герцен записал в своем дневнике в 1842 году: «...не ревизские – мёртвые души, а все эти Ноздревы, Маниловы и tutti quanti – вот мёртвые души, и мы их встречаем на каждом шагу»⁸.

Воплощение этой идеи мы находим и в произведениях Н.В. Гоголя («Старосветские помещики», «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», «Мёртвые души»), и в фильмах Т. Бёртона («Эдвард – руки-ножницы»/ «Edward Scissorhands» (1990), «Битлджус»/ «Beetlejuice» (1988), «Чарли и шоколадная фабрика»/ «Charlie and the Chocolate Factory» (2005), «Мёртвая невеста»/ «Corpse Bride» (2005)).

По мнению А. Сапенковой, Т. Бёртон делает акцент на поступках персонажей, анализируя которые, можно получить представление о них самих. Например, внешний вид Эдварда Руки-ножницы совершенно не соответствует канонам добропорядочных обывателей: герой носит кожаный костюм, у него непричесанные лохматые волосы, а вместо рук длинные, острые ножницы. При этом оказывается, что Эдвард – положительный герой, а отрицательными персонажами являются окружающие его люди, которые больше похожи на манекены, лишённые эмоций, интеллекта, нравственных качеств⁹. Этот прием неоднократно использовался и Н.В. Гоголем («Шинель», «Портрет», «Вий», «Вечер накануне Ивана Купала» и др.).

Две вышеупомянутые идеи закономерно обуславливают следующую – идею единоборства «маленького человека» с силами, многократно превосходящими его во всех отношениях, кроме человечности. Эта идея реализована и в произведениях Н.В. Гоголя («Пропавшая грамота», «Заколдованное место», «Страшная месть», «Вий», «Нос»), и в фильмах Т. Бёртона («Бэтмен»/ «Batman» (1989), «Бэтмен возвращается»/ «Batman Returns» (1992), «Битлджус»/ «Beetlejuice» (1988), («Эдвард – руки-ножницы»/ «Edward Scissorhands» (1990), «Чарли и шоколадная фабрика»/ «Charlie and the Chocolate Factory» (2005), «Мёртвая невеста»/ «Corpse Bride» (2005)). Оба мастера вполне реалистично допускают возможность поражения «маленького» героя, даже его гибели, но их объединяет вера в саму возможность такого единоборства и вера в возможность победы личности над любыми обстоятельствами.

Идея одиночного противостояния «маленького человека» магическим силам неотделима от идеи вмешательства покойных в дела живых. Ее блестящее воплощение демонстрируют как повести Н.В. Гоголя («Вий», «Страшная месть», «Майская ночь, или Утопленница»), так и фильмы Т. Бёртона («Битлджус»/ «Beetlejuice» (1988), «Сонная лощина»/ «Sleepy Hollow» (1999), «Мёртвая невеста»/ «Corpse Bride» (2005)). При этом оба художника воздерживаются от использования традиционных ярлыков-стереотипов: покойники далеко не всегда являются воплощением зла: потусторонний мир оказывается не менее многообразным и противоречивым, чем мир живых.

Характеризуя новое направление в русской литературе, развиваемое, в том числе Н.В. Гоголем, В.Г. Белинский писал: «фантастическое – есть

предчувствие таинства жизни, противоположный полюс пошлой рассудочной ясности и определенности <...> Фантастическое есть один из необходимейших элементов богатой натуры, для которой счастье только во внутренней жизни¹⁰. Эта характеристика, на наш взгляд, как нельзя лучше описывает суть произведений обоих художников.

Еще одним мотивом, основополагающим для Н.В. Гоголя и, хоть и не столь актуальным сегодня, но все же значимым для Т. Бёртона, является мотив филофобии и женобоязни, проявляющийся в инфантилизме героев повестей и пьес великого русского писателя: «Иван Фёдорович Шпонька и его тетушка», «Шинель», «Вий», «Женитьба». Отголоски этого мотива слышны в фильмах Т. Бёртона «Бэтмен»/“Batman” (1989), «Бэтмен возвращается»/“Batman Returns” (1992), «Эдвард – руки-ножницы»/“Edward Scissorhands” (1990) и «Мёртвая невеста»/“Corpse Bride” (2005).

Следующей идеей, нашедшей отражение в творчестве Н.В. Гоголя и Т. Бёртона, является идея самозванца, выдающего себя за важную особу. Эта идея блестяще воплощена в целом ряде произведений обоих художников: «Ревизор» (Хлестаков), «Нос» (нос – статский советник), «Мертвые души» (Чичиков) и «Битлджус»/“Beetlejuice” (Betelgeuse), «Мёртвая невеста»/“Corpse Bride” (лорд Баркис Биттерн).

По мнению В.Г. Белинского, «...почтенный наш городничий жил и вращался в мире призраков, но как у него необходимо были свои понятия о действительности, хотя и отвлеченные. <...> Призрак, фантом <...> должны были наказывать человека призраков¹¹. Под фантомом В.Г. Белинский подразумевал грозный призрак ревизора, воплотившийся в комической фигуре Хлестакова. В анимационном фильме Т. Бёртона «Мёртвая невеста»/“Corpse Bride” действует аналогичный персонаж – Лорд Баркис Биттерн (Lord Barkis Bittern), в отличие от И.А. Хлестакова с самого начала повествования умышленно и умело втирающийся в доверие дворян Эверглотов, существование которых призрачно, поскольку лишено не только смысла, но и человеческих чувств и, в первую очередь, любви, сострадания, жертвенности.

И, наконец, еще одна, хотя, вероятно, не последняя идея, связывающая творчество Н.В. Гоголя и Т. Бёртона, – идея знающего себе цену слуги, обладающего собственным мнением и снисходительно относящегося к хозяину.

Характеризуя слугу Хлестакова, В.Г. Белинский писал: «Перед нами Осип – герой лакейской природы, представитель целого рода бесчисленных явлений, из которых он ни на одно не похож, как две капли воды, но из которых каждое похоже на него, как две капли воды. <...> Осип грубиян столько же по натуре, сколько и по презрению к своему барину, которого глупость он понимает по своему¹².

Аналогичных Осипу, но еще более гротескных персонажей мы находим в пьесе Н.В. Гоголя «Лакейская», а также в анимационном фильме Т. Бёртона «Мёртвая невеста»/“Corpse Bride” (дворецкий Эмиль). Лакеи Н.В. Гоголя и дворецкий Т. Бёртона служат, как считают нужным и столько, сколько считают возможным. Их усердие напускное, их преданность ограничена соображениями собственной выгоды, их присутствие в доме вносит еще большую нестабильность в и без того призрачное существование их господ.

В целом, характеризуя творчество Н.В. Гоголя, уместно использовать слова В.Г. Белинского: «...его повести смешны, когда вы их читаете, и печальны, когда вы их прочтете»¹³. Эта емкая характеристика в полной мере приложима и к творчеству Тима Бёртона: его фильмы по большей части смешны, когда вы их смотрите, но, когда в зале вспыхивает свет, во многих душах зарождается печаль и от расставания с произведением высокого искусства, и оттого, что многое из показанного мастером так важно, но так трудно изменить.

На основе проведенного нами анализа наследия Н.В. Гоголя и произведений Т. Бёртона мы выделили совокупность идей, имеющих основополагающее значение для обоих художников, в том числе:

- идею дуализма бытия, представляющего как сосуществование двух миров – реального и фантастического;
- идею «маленького человека», незаметного даже в своем социальном кругу, социально невостребованного, «лишнего»;
- идею одиночного противостояния «маленького человека» непостижимым превратностям судьбы, его бесстрашной дуэли с магическими силами;
- идею вмешательства покойных в дела живых;
- идею филофобии и женобоязни;
- идею самозванца, выдающего себя за значительную особу;
- идею знающего себе цену слуги, обладающего собственным мнением и лояльного по отношению к хозяину до поры – до времени;
- идею омертвения души под бременем повседневности.

Проведенный нами анализ позволяет утверждать, что для творчества обоих выдающихся художников характерны индивидуальность, интуитивизм, многогранность, лирический подтекст, использование исторического фона для актуализации проблем настоящего, – особенности, позволяющие объединить их в рамках этого и других исследований. И Н.В. Гоголь, и Т. Бёртон создали собственный мир, мир, в котором взаимодействуют реальность и фантастика, и где значим каждый, даже самый маленький герой.

Мы полагаем, что «пасхальный» завет воскрешения «мёртвых душ» Н.В. Гоголя, оставленный признанным мастером русской комедии (который нам представляется скорее мастером психологической трагедии, настолько велик трагизм его мироощущения), давно стал негласным лозунгом творчества Тима Бёртона: *«Будьте не мёртвые, а живые души. Нет другой двери, кроме указанной Иисусом Христом, и всяк прелазай иначе есть тать и разбойник»*¹⁴. Прожить в этом мире долгую жизнь и сохранить в себе живую душу, способную чутко воспринимать чужую боль, не очерстветь от равнодушия, не погрязнуть в болоте повседневных забот, грозящих принять размеры первостепенных событий и затмить истинно значимые деяния, – вот задача, достойная человека, вот учение Н.В. Гоголя и Т. Бёртона, находящее все больше последователей и в наше смутное время.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Воропаев В.А. Николай Гоголь: Опыт духовной биографии. – М.: Паломник, 2008. – 318 с. (По благословию архиепископа Тернопольского и Кременецкого Сергия).

² Ермилова Г.И. Постмодернизм как феномен культуры конца XX века // Электронный журнал «Знание. Понимание. Умение», №4, 2008. – Культурология. Электронный

I. LITERATURĂ. GOGOLIANA

- ресурс. Использован 08.07.2009. [<http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/4/Ermilova/>].
- 3 Гоголь Н.В. Предметы для лирического поэта в нынешнее время (Два письма к Н.М. Языкову) // Белинский В.Г. Выбранные места из переписки с друзьями Николая Гоголя. «Современнике», С.Пб., 1847, т. I, № 2, отд. 3. – С.103.
 - 4 Боров Ю.Б. Юмор и остроумие. Электронный ресурс [<http://www.ruscircus.ru/arhivpress/jumor693>].
 - 5 Гоголь Н.В. Нос // Собрание сочинений в 9 т. Т. 3 Повести. – М.: Русская книга, 1994. – С.87.
 - 6 Salisbury M. Introduction to the Revised Edition // Burton T. Burton on Burton, 2nd Revised Edition. Edited by Mark Salisbury; Foreword by Johnny Depp. Macmillan, 2006. – pp.18-19.
 - 7 Сапенкова А. Тим Бёртон. Фантазия как искусство // НовоКино.ru. 08.10.2008. Электронный ресурс. [http://www.novokino.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=153&Itemid=85].
 - 8 Герцен А.И. Полное собрание в 30 т. Т.3. – М.: Академия Наук СССР, 1954 г. – С.35.
 - 9 Сапенкова А. Тим Бёртон. Фантазия как искусство // НовоКино.ru. 08.10.2008. Электронный ресурс. [http://www.novokino.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=153&Itemid=85].
 - 10 Белинский В.Г. О детских книгах // Белинский В.Г. Собрание сочинений. В 9-ти томах. Т. 3. Статьи, рецензии и заметки. Февраль 1840 – февраль 1841. Подготовка текста В. Э. Бограда. – М.: Художественная литература, 1976. – С.98.
 - 11 Белинский В.Г. А.С. Грибоедов. Горе от ума. (Отрывок из статьи). Второе издание, С.-Петербург, 1839. – С.104.
 - 12 Белинский В.Г. А.С. Грибоедов. Горе от ума. (Отрывок из статьи). Второе издание, С.-Петербург, 1839. – С.96-97.
 - 13 Белинский В.Г. О критике и литературных мнениях «Московского наблюдателя» // В.Г. Белинский. Собрание сочинений в трех томах. Т. I. Статьи и рецензии. 1834-1841. – М.: ОГИЗ, ГИХЛ, 1948. – С.243.
 - 14 Гоголь Н.В. Духовное завещание // Н.В. Гоголь. Выбранные места из переписки с друзьями. – М.: Советская Россия, 1990. – С.380.

Список использованной литературы

1. Белинский В.Г. А.С. Грибоедов. Горе от ума. (Отрывок из статьи). Второе издание, С.-Петербург, 1839. – С.68-107.
2. Белинский В.Г. О критике и литературных мнениях «Московского наблюдателя» // В.Г. Белинский. Собрание сочинений в трех томах. Т. I. Статьи и рецензии. 1834-1841. – М.: ОГИЗ, ГИХЛ, 1948. – С.227-277.
3. Белинский В.Г. О детских книгах // Белинский В.Г. Собрание сочинений. В 9-ти томах. Т. 3. Статьи, рецензии и заметки. Февраль 1840 – февраль 1841. Подготовка текста В. Э. Бограда. – М.: Художественная литература, 1976. – С.96-102.
4. Боров Ю.Б. Юмор и остроумие. Электронный ресурс. Использован 05.07.2009. [<http://www.ruscircus.ru/arhivpress/jumor693>].
5. Воропаев В.А. Николай Гоголь: Опыт духовной биографии. – М.: Паломник, 2008. – 318 с. (По благословению архиепископа Тернопольского и Кременецкого Сергия).
6. Герцен А.И. Полное собрание в 30 т. Т.3. – М.: Академия Наук СССР, 1954 г. – 325 с.

7. Гоголь Н.В. Предметы для лирического поэта в нынешнее время (Два письма к Н.М. Языкову) // Белинский В.Г. Выбранные места из переписки с друзьями Николая Гоголя. «Современнике», С.Пб., 1847, т. I, № 2, отд. 3. – С.103-124.

8. Гоголь Н.В. Духовное завещание // Н.В. Гоголь. Выбранные места из переписки с друзьями. – М.: Советская Россия, 1990. – С.372-386.

9. Гоголь Н.В. Нос // Собрание сочинений в 9 т. Т. 3 Повести. – М.: Русская книга, 1994. – 293 с.

10. Ермилова Г.И. Постмодернизм как феномен культуры конца XX века // Электронный журнал «Знание. Понимание. Умение», №4, 2008. – Культурология. Электронный ресурс. Использован 08.07.2009. [<http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/4/Ermilova>].

11. Сапенкова А. Тим Бёртон. Фантазия как искусство // НовоКино.ru. 08.10.2008. Электронный ресурс. Использован 25.06.2009. [http://www.novokino.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=153&Itemid=85].

12. Salisbury M. Introduction to the Revised Edition // Burton T. Burton on Burton, 2nd Revised Edition. Edited by Mark Salisbury; Foreword by Johnny Depp. Macmillan, 2006. – 320 pp.

КОНЦЕПЦИЯ ЧИТАТЕЛЯ В ТВОРЧЕСТВЕ Н.В. ГОГОЛЯ

Ковалева Татьяна

Новосибирский государственный педагогический университет

The summary: *the Subject of the given research is the figure of the abstract reader in N.V.Gogol's products. Through correlation of statements of Gogol-publicist about sense of art and about the reader who is defined by the writer as "compatriot", with Gogol-author's statements, which differently represents itself in the art text, the author of article shows principles of an is art-communicative matrix of early and late stories of N.V.Gogol. On the basis of laws of functioning explicit and implicit instances of the author and the reader in the text the image of the ideal Gogol reader is formed.*

Keywords: *reception, implicit the author/reader, narrative, a discourse, communicative strategy.*

В русской литературе первой трети 19 века были сформулированы две творческие установки, которые впоследствии стали ассоциироваться с определенными, находящимися в оппозиции, авторскими системами. "Искусство для искусства" – пушкинская установка, которой Гоголь противопоставил свою: "Нельзя повторять Пушкина, т.е. нельзя творить "искусство для искусства", "как ни прекрасно такое служение". Искусству "предстоят теперь другие дела" - воодушевлять человечество в борьбе за Царствие Божие"¹. В основе этого противопоставления, лежит различное отношение этих авторов к идее соединения морального и эстетического в искусстве. Как известно, по складу своей натуры Гоголь был чрезвычайно склонен к морализму.

Прагматизм, заключенный в творческую установку, грозит любому автору разрушением художественной условности. С этой точки зрения интересно то, как Гоголь-автор, *не нарушая канонов эстетического дискурса*, контролирует процесс рецепции, тем самым, определяя для себя идеального читателя.

Неоднократно в своих статьях Гоголь называл своего читателя. Например, в «Выбранных местах...» мы читаем: «Завещаю всем моим *соотечественникам... Соотечественники*, я вас любил той любовью, которую не высказывают...» [курсив наш – К.Т.].

Цель Гоголя-автора, как носителя некоего высшего знания о мире, заключается в передаче этого знания всему человечеству. А человечество для Гоголя напрямую соотносится с понятием «соотечественник». Учитывая высказывания Гоголя о значении языка в культуре нации, можно утверждать, что помимо территориального ограничения и осознания своей гражданственности, на реципиента накладываются языковые (в гумбольдтовском понимании), т.е. национальные ограничения. Через это актуализируется оппо-

зияция свое/чужое. Например, слово «латынщик», имеет в «Вечерах...» отрицательную коннотацию: 'человек, принадлежащий другой культуре'.

Таким образом, национальное в триаде «Автор–Герой–Читатель» становится той коммуникативной магистралью, через которую транслируется сверхинформация. Оно, в коммуникативном плане, становится пресуппозицией, которая часто эксплицируется самим Гоголем.

В ранних текстах экзистенциальная функция автора проявляется в том, чтобы вернуть читателя к народным истокам, соединить его с героем в карнавальном смехе.

В статье «Несколько слов о Пушкине» Гоголь пишет: «Пушкин при начале своем уже был национален, потому что истинная *национальность состоит не в описании сарафана*, но в самом духе народа. Поэт даже может быть и тогда национален, когда описывает сторонний мир, но *глядит на него глазами своего народа*, когда чувствует и говорит так, что соотечественникам его кажется, будто это чувствуют и говорят они сами»². Другими словами, авторское национальное самосознание проявляется не только в объекте изображения, но и в особой точке зрения.

Гоголь-автор реализует свою стратегию через акториальный нарратив. В предисловии появляется рассказчик. Он, обращаясь к читателю, вводит его в текст, тем самым, указывая имплицитному читателю направление авторской стратегии. Попадая в текст, эксплицитный читатель становится имплицитным зрителем – косвенным объектом фокализации. Именно на этом повествовательном уровне осуществляется сверхкоммуникация автора и читателя. Читатель попадает в мир пасичника Рудого Панька.

В предисловии к «Вечерам...» читаем: “Это **у нас** *вечерницы*. Они, изволите видеть, они похожи на **ваши** балы; только нельзя сказать чтобы совсем”, “...что творилось в православной стороне **нашей**”, “А про сад и говорить нечего: в Петербурге **вашем**, верно, и не сыщите такого”. Подобные оппозиции в речи рассказчика, которые в первую очередь указывают на мировоззренческие различия, говорят о том, что эксплицитный читатель не принадлежит миру Рудого Панька. Эту же функцию выполняет глоссарий, включенный в текст. Эксплицитный читатель – это житель Петербурга, человек светский.

Авторская стратегия «возврата и соединения» направлена в первую очередь на русского *светского* человека, с которым у Рудого Панька (как представителя народного начала) не осталось ничего общего, кроме национальных корней. Можно говорить об иерархии: автор из общей массы читателей отбирает для себя читателя-соотечественника (национальный критерий) – стратегию дискурса; рассказчик как текстовая репрезентация автора – светского человека (социальный критерий) – стратегия нарратива.

Общее-национальное становится пресуппозицией коммуникации Гоголя-автора и его идеального читателя. Пасичник говорит с читателем о своих обычаях, о “языке православном”, о русских дорогах. Он допускает вопросы типа: “...знаете ли вы дьяка диканьской церкви, Фому Григорьевича?”, тем самым вводит персонажа в круг общих знакомых. Рассказчик зазывает читателя к себе в гости, заманивая “горячим книшем с маслом”, “грушевым квасом с терновыми ягодами” и рассказывая о гостеприимстве своей хозяйки – “Приезжайте только, приезжайте поскорей!”. При этом указывает свой адрес. Читатель,

таким образом, приобретает статус “желанного гостя”. Гоголь-автор стирает границы между текстом и реальностью. Он как бы *втягивает читателя в текст*.

Если в предисловии Рудым Паньком через оппозиции констатировалась разница между мировоззрениями рассказчика и эксплицитного читателя, то в повестях эта разница исчезает. Имплицитный *читатель перестает быть чужим*. Он, слушая различные истории о малороссийской народной жизни, символически объединяется с рассказчиком и переживает вместе с ним увиденное им же (национальное гулянье, питье, украинскую ночь и т.д.).

Имплицитный автор, который проявляет себя в лирических воспеваниях прекрасных дней и ночей Малороссии (в этих случаях стирается граница между рассказчиком и объективным автором), начинает исполнять для читателя роль *гида*, описывая достопримечательности Малороссии.

Читательскую стратегию “Вечеров...” можно описать метафорически: прочитать “Вечера...” – это как будто побывать в гостях у Фомы Григорьевича. Читатель приезжает в гости и слушает рассказы, *сидя в тесном кругу* рядом с другими персонажами (т.е. символически соединяясь с ними). А на другой день вместе с персонажами просит рассказать еще что-нибудь. Показательно то, что некоторые реплики рассказчика имеют двойную адресацию. Это может быть и персонаж, который просит рассказать еще что-нибудь, а может быть и эксплицитный читатель.

«Миргород», с точки зрения авторской/читательской стратегии, представляет собой переходный текст от раннего творчества к позднему. Связь с «Вечерами...» отмечается самим автором в заглавии: “Повести, служащие продолжением «Вечеров на хуторе близ Диканьки».

Начало первой повести «Старосветские помещики» фиксирует переход Гоголя-автора от субъективного повествования к «более объективному»: «Я очень люблю скромную жизнь тех уединенных владельцев отдаленных деревень... Я отсюда вижу низенький домик...». События излагаются от первого лица, как и в «Вечерах...», но исчезает посредник между автором и читателем – рассказчик-персонаж.

Эксплицитный автор “Я” начинает реализовывать читательскую стратегию «Вечеров...» на уровне сюжета. Он сам приобретает статус гостя: гостит у Афанасия Ивановича и Пульхерии Ивановны, проезжая через Миргород, узнает о судьбе Ивана Никифоровича и разговаривает с Иваном Ивановичем о «том деле».

Авторская объективность стратегически направлена на сохранение читательского доверия, с одной стороны, а с другой стороны, такая позиция автора (он еще не оторван от малороссийской народной культуры) безболезненно меняет позицию читателя с менее отстраненной на более отстраненную.

В этом проявляется проблема соотношения индивидуального и народного начала: автор/читатель еще не оторван от коллективного национального, но уже ему не принадлежит. Если в ранних текстах главное – состояние мира, то чем далее, тем все более и более проблематизируется положение человека в этом мире. Гоголь, автор стремящийся соединить всех людей в единое народное тело, пытается решить эту проблему в «Тарасе Бульбе» (отчасти еще и в

«Вечерах...» – в повести «Страшная месть»). Максимально отстранившись от изображаемых событий (повесть содержит в себе черты эпопеи), Гоголь решает эту проблему не на уровне особой композиции как в «Вечерах...», а на уровне сюжета.

Показательно, в этом смысле, название 6 главы «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»: «Глава 6, из которой читатель легко может узнать все то, что в ней содержится». Имплицитный автор, как бы убирая название, как бы отказывается от комментария к своему тексту, предоставляя читателю возможность интерпретировать текст самостоятельно. Но в этом и содержится его стратегия – указать читателю на сам факт отсутствия «нарративного комментатора», как это было в «Вечерах...». Прагматичный Гоголь-автор, конечно же, не исчезает, он репрезентирует себя в авторских отступлениях, т.е. на сюжетном уровне.

Переходность «Миргорода» проявляется в совмещении малороссийского и русского. Автор не противопоставляет малороссийское (народное) русскому (социально маркированному) как это было в «Вечерах...». В.Мароши пишет, что «казак Тарас Бульба оказывается персонификацией русского народа»³: “Это было, точно, необыкновенное явление *русской силы*: его вышибало из народной груди огниво бед” («Тарас Бульба»). Автор легко заменяет один славянский народ другим через национальный концепт силы.

Парефразируя Ю.Манна, который сказал, что в поздних текстах «гоголевская фантастика ушла в стиль», можно сказать, что гоголевская стратегия ушла в сюжет.

Переход от субъективного повествования к объективному, которым характеризуется динамика авторской стратегии, определяет и развитие читательской стратегии. Читатель должен занять отстраненную позицию (которая заключает в себе этическую позицию: “посмотреть на себя со стороны”) по отношению к изображаемому, т.е. критически переосмыслить свою стратегию в «Вечерах...».

В поздних текстах меняется топография: из хутора Диканьки место действия переносится в Петербург. Эксплицитный читатель «Вечеров...» (житель Петербурга) становится персонажем. В связи с этим можно сказать, что читатель петербургских повестей слушает рассказ о самом себе. Такой психологический контекст, основанный на доверии к автору «Вечеров...» подкрепляется топографической точностью описания города Петербурга. Нет в тексте К-н. мостов, Н-улиц и т.д. Маркович пишет, что «в повестях Гоголя о Петербурге много примет фактической достоверности. Гоголь поселял своих героев на улицах, где жил сам, где ежедневно проходил, направляясь на службу, в редакции, в гости к землякам и знакомым»⁴.

Такая, неприметная на первый взгляд, деталь выполняет **первый этап** авторской стратегии: через момент узнавания включает имплицитного читателя в текст. Топография города становится пресуппозицией для читателя (важно не знание топографии, а психологический контекст: «Это мой город, я здесь живу»).

Многие исследователи писали о проницаемости границы между фантастическим и реальным в текстах Гоголя. Причем, имплицитный автор рефлексировал эту особенность в самом тексте, говоря о себе в третьем лице (как

бы снимая с себя ответственность): «Но страннее, что непонятнее всего, – это то, как авторы могут брать подобные сюжеты... <...> Во-первых, пользы отечеству никакой; во-вторых... но и во-вторых тоже пользы нет. <...> Ну, где же не бывает несообразностей?.. А все, однако же, как поразмыслишь, во всем этом, право, есть что-то. Кто что ни говори, а подобные происшествия бывают на свете, – редко, но бывают» («Нос»).

Мерцающая граница между фантастическим и реальным, между подлинным и фиктивным «Я» в *тексте*, фиксирует, через подобные гоголевские отступления, проницаемость границы между текстом и реальностью. Гоголь, как прагматичный автор, цель которого изменить реальную действительность, играет с условностью художественного текста. Через момент узнавания топографии города автор «втягивает» читателя в текст, делает его персонажем, посредством этого производит в сознании читателя обратную процедуру: накладывает свой художественный текст на реальную действительность, автор буквально наполняет своими персонажами реальный Петербург. Их существование в действительности поддерживаются различными слухами (например, слухи о прогулках носа, о появлениях мертвого чиновника и т.д.). В.Маркович отмечал, что слухи в начале 19 века отчасти заменяли СМИ. Поэтому использование слухов (источник новостей), как психологического воздействия на читателя (наряду с топографией Петербурга), поддерживает эффект достоверности.

Когда мы говорим, что читатель заключается в текст и становится персонажем, мы имеем в виду не форму читательской стратегии идентификации, а стратегию “зеркального отражения”, которая культивируется самим Гоголем. За счет этого реализуется **второй этап** авторской стратегии, который может существовать лишь при условии читательской *отстраненности*: смех над самим собой как способность человеческого сознания к самоочищению.

Смех позднего Гоголя – это не карнавальное, не созидательное смех. Ю. Манн писал, что к середине 30-х годов в творчестве Гоголя происходит перелом.

Делая человеческое лицо объектом иронии, Гоголь-автор покушается на человеческую природу, его подобие Богу. Этот уничтожающий смех может привести либо к смерти, либо к истинному спасению.

Важным является то, что эксплицитный автор также является жителем Петербурга. Но он не причисляет себя к числу остальных жителей, к миру персонажей. За счет этого создается повествовательная иерархия, которая заключает в себе иерархию морально-нравственную: аукториальный тип повествования. Гоголь-автор как бы не доверяет ни одному из персонажей укачивать читателя путь интерпретации текста (как это было в ранних текстах). Он делает это сам. Поскольку лишь *отстраняясь* от русской жизни, можно увидеть ее целиком и без искажений. Отсюда в позднем творчестве Гоголя появляются «два русских мужика». Этот угол зрения должен принять идеальный читатель Гоголя, для того, чтобы смеяться над самим собой.

Поздний гоголевский текст, как пишет С.Бочаров, это «оплеуха, которая сталкивается с евангельской ланитой»⁵. Читатель, получив удар, должен подставить другую щеку.

Национальная специфика данной коммуникации нам видится в идее

религиозного очищения через смех, освобожденный от карнавального начала; и в способности адекватного принятия русскодумающим читателем гоголевской стратегии очищения: ибо есть у русского человека «отвага оторваться от самого себя и не пощадить даже самого себя»⁶.

Стратегия Гоголя-автора и его идеального читателя характеризуется изменением от раннего творчества к позднему. Стратегия автора меняется: со смехового объединения - на отстранение и очищающее осмеяние. А стратегия идеального читателя: с совместного созерцания - на отстранение от самого себя и очищение через смех.

Идея спасения человечества сводится, таким образом, к идее спасения **русского** человека, который соотносится с человечеством вообще как часть и целое. А гоголевский топос соотносится с человечеством как центр и периферия: хутор, Миргород (Малороссия), Петербург, провинциальный городок Б, город NN, Россия. Человечество для Гоголя, превращаясь в единое народное тело, сужается до пределов Руси, мимо которой «летит все, что ни есть на земли» и которой «дают ... дорогу другие народы и государства» («Мертвые души»).

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Зеньковский, В.В.* История русской философии / В.В.Зеньковский. – М., 1986. – С. 127.
- ² *Гоголь, Н.В.* Несколько слов о Пушкине // Н.В.Гоголь. Собр. соч.: В 8 т. – М.: Правда, 1984. –Т.7. – С. 60.
- ³ *Мароши, В.В.* Имя автора / В.В.Мароши. – Новосибирск, 2000. – С. 89.
- ⁴ *Маркович, В.* Петербургские повести Н.В.Гоголя / В.Маркович. – Ленинград, 1989. – С.5-8.
- ⁵ *Бочаров, С.Г.* Вокруг “Носа” // С.Г.Бочаров. Сюжеты русской литературы. – М., 1999. – С. 105.
- ⁶ *Там же.* – С. 113.

Библиография

- 1) *Бахтин, М.М.* Автор и герой в эстетической деятельности // М.М.Бахтин. Работы 1920-х годов. – Киев, 1994.
- 2) *Бахтин, М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная смеховая культура средневековья и Ренессанса / М.М.Бахтин. – М., 1965.
- 3) *Бочаров, С.Г.* Загадка “Носа” и тайна лица // С.Г. Бочаров. О художественных мирах: Сервантес, Пушкин, Баратынский, Гоголь, Достоевский, Толстой, Платонов. – М., 1985.
- 4) *Вежбицка, А.* Язык, культура и познание / А.Вежбицка. – М., 1997.
- 5) *Гоголь, Н.В.* Собр. соч.: В 8 т. – М.: Правда, 1984.
- 6) *Зеньковский, В.В.* История русской философии / В.В.Зеньковский. – М., 1986.
- 7) *Изер, В.* Процесс чтения: феноменологический подход // Рецептивная критика. – М., 1989.
- 8) *Лихачев, Д.С.* Смех как мировоззрение / Д.С.Лихачев. – М., 1986.
- 9) *Манн, Ю.* Гоголь – критик и публицист // Н.В.Гоголь. Собр. соч. Гоголя: В 8 т. – М.: Правда, 1984.

I. LITERATURĂ. GOGOLIANA

- 10) *Манн, Ю.* Поэтика Гоголя / Ю.Манн. – М., 1988.
- 11) *Маркович, В.* Петербургские повести Н.В.Гоголя / В.Маркович. – Л., 1989.
- 12) *Мароши, В.В.* Имя автора / В.В.Мароши. – Новосибирск, 2000.
- 13) *Пушкин, А.С.* О народности в литературе // А.С. Пушкин. Полн. собр. соч.: в 10 т. – М., 1958.
- 14) *Риффатерр, М.* Формальный анализ и история литературы / М.Риффатерр // Новое литературное обозрение. – М., 1992. – № 1.
- 15) *Руднев, В.* Морфология реальности: Исследование по философии текста / В.Руднев. – М.: Русское феноменологическое общество, 1996.
- 16) *Тюпа, В.И.* Анализ художественного текста / В.И.Тюпа. – М., 2006.
- 17) *Эко, У.* Роль читателя. Исследования по семиотике текста / У.Эко. – М., 2005.
- 18) *Яусс, Х.Р.* История литературы как провокация литературоведения. – М., 1970.

ФОРМИРОВАНИЕ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ ДИСТАНЦИИ Н.В. ГОГОЛЯ ДЛЯ ИЗОБРАЖЕНИЯ УКРАИНСКОГО И РУССКОГО МИРА

Вранчан Елена Витальевна

*Новосибирский государственный
педагогический университет, институт
филологии, массовой информации
и психологии*

Formation of an aesthetic distance of N.V.Gogol for the images of Ukrainian and Russian world

In the article discrepancy of the writer's strategy comes to light. It is considered as consequence of Gogol's removal from Malorossia abroad. Having left a native locus, he forms the point of view of a foreigner estranged from the world. Simultaneously the writer identifies itself with Russia, forming an aesthetic distance for the image of Ukraine and Russia. As it is found out, such position of the writer directed on development of a national theme in his creativity, is also expressed in formation of the point of view of storytellers, in rhetoric of the description of national images, and in the image of art space, in development of a fantastic-epic and mythological plot.

Key words: *strategy of the writer, an aesthetic distance, art space.*

Между исследователями давно ведется спор о национальной принадлежности творчества Гоголя. Укажем на два основных направления в этом споре. Это критика этнографических ошибок и промахов Гоголя и позиция, с которой «на первом месте» ставится не столько «правда *народной* (национальной) жизни», сколько «правда поэтическая, рожденная в процессе “пересоздания” ... обыденного факта обыденной жизни»¹. Поэтому одни (П.А. Кулиш, Т. Шевченко) давали высокую оценку позднему творчеству, особенно «Мертвым душам». Другие высоко отзывались о ранней прозе писателя, тогда как поэму критиковали. Например, В.Г. Белинский, имея в виду одиннадцатую главу «Мертвых душ», где Гоголь писал: «Русь! Русь! вижу тебя, из моего чудного, прекрасного далека тебя вижу...»², обвинял писателя «в незнании России»³. Нам кажется, позиция удаления Гоголя из Малороссии и России за границу, напротив, позволила ему сформировать эстетическую дистанцию для изображения украинского и русского локуса, активизировать состояние творческого вдохновения. Попытаемся подтвердить сказанное и в очередной раз актуализировать своеобразие гоголевского мировидения, сочетающего признаки украинской и русской ментальности.

Удаление Гоголя из Малороссии формирует точку зрения отчужденного от мира иностранца. Уже в Нежине, перед выпуском из гимназии, он пишет Г.И.

Высоцкому от 26 июня 1827 г.: «Я *осиротел* (здесь и далее курсив наш. – Е.В.) и сделался *чужим* в пустом Нежине. Я *иноземец*, забредший на чужбину искать того, что только находится в одной родине...»⁴. В этом же письме Гоголь сообщает о намерении отправиться в Петербург, а потом и за границу, что неизбежно должно привести к усилению эффекта «чуждости». В Петербурге Гоголь создает повести украинского цикла. В них он формирует в процессе повествования представление, противоречащее реальной географии, где его подлинно духовной родиной, «центром» становится Малороссия, а «периферией» – Петербург. Поэтому в предисловии к «Вечерам на хуторе близ Диканьки», Рудый Панько вводит в повествование своего читателя – представителя «большого света» (господина из Петербурга). Более того, пасечник представляет его в роли путешественника и не сомневается, что он совершит «путь по столбовой дороге на Диканьку»⁵. Предостерегая читателей-господ от неприятностей в дороге, он сравнивает их быструю езду, при которой они привыкли «закладывать назад руки и, как говорится, финтить»⁶ по гладким дорогам, с ездой хуторянина. Например, Панько сообщает им про трудности передвижения одного из рассказчиков: «...дороги по хуторам нашим не так гладки, как перед вашими хоромами. Фома Григорьевич третьего году, приезжая из Диканьки, понаведался-таки в *провал* с новою *таратайкою* своею и гнедою кобылою...»⁷. Так вводится смысловая оппозиция: легкость передвижения в Петербурге – трудность и опасность, подстерегающие рассказчика и читателя в малороссийской провинции. «Новая таратайка» Фомы Григорьевича, оказавшаяся в провале, становится метафорой движения рецепции как рассказчика, так и читателя в тексте. Действительно, трудности «путешествия» читателя в художественном пространстве переходят в такие сюжетные извивы, что, по словам деда из «Пропавшей грамоты», «одна только *чертовская таратайка* проедет»⁸.

В контексте «малороссийского» цикла для Рудого Панька столичное пространство Петербурга, где проживает его читатель, представляет «тот» свет. Тогда для читателя магическим пространством должен стать провинциальный мир Малороссии. Он характеризуется как этнографический нарратив: рассказчик вводит в него и комментирует специфические украинские слова и обычаи. Медиация между национальными пространствами достигается по мере осуществления коммуникации между нарраторами и наррататорами. Она реализуется и как репрезентация читателю украинского локуса, где имеется, например, «дом почище какого-нибудь пасичникова куреня», сад, которого «не сыщете» в Петербурге, и как наррация, приковывающая читателя к месту. Такому нарративу реализуется, по воспоминаниям Фомы Григорьевича, его дед: «Бывало, поведет речь – целый день не подвинулся бы с места и все бы *слушал*. Уж не чета какому-нибудь нынешнему балагуру, который как начнет *москала везть* (то есть лгать – Прим. Н.В. Гоголя), да еще и языком таким, будто ему три дня есть не давали, то хоть берись за шапку да из хаты»⁹. Таким образом, идеальному рассказчику надо заинтересовать слушателя – задержать его на месте. С позиции украинского рассказчика пространство Петербурга как место, в котором реализуются цели героя, функционально аналогично «тридцатому царству» и репрезентировано как чудо. В «Ночи перед Рождеством» Вакула «*с изумлением оглядывается ... на все стороны*»¹⁰, его точка зрения поэтизирует

динамику столичного города, создаваемую движением множества экипажей – карет, тысяч «летающих со всех сторон саней». Похожее, но неразвернутое описание Петербурга представлено в повести «Пропавшая грамота»: «Там нагляделся дед *таких див*, что стало ему надолго после того рассказывать...»¹¹.

В отличие от рассказчиков, для писателя романтическим идеалом становится мир казачьего братства, союза людей, объединенных чувством веры и высокого патриотизма. Характерно, что он называет запорожцев «рыцарями», готовыми по первому призыву есаулов садится на коня. По Н.В. Гоголю, такой герой осуществляет свое перемещение в союзе с коллективом, с духовным целым народа. Появление этого братского союза казаков вызвано «неукротимыми набегами монгольских хищников»¹². Оттого, как отмечает повествователь, казаки становятся путешественниками-завоевателями, реализующими медиацию между православным / неправославным мирами. Так, «Все были хожалые, езжалые <...> бывали в молдавской, волошской, в турецкой земле; изъездили все Черное море двухрульными козацкими челнами, нападали <...> на богатейшие и превысокие корабли, перетопили немало турецких галер»¹³.

Путешествуя по «чужой земле», писатель больше вспоминает «Русь»: «Теперь передо мною чужбина, вокруг меня чужбина, но в сердце моем Русь, не гадкая Русь, но одна только прекрасная Русь...»¹⁴. А Н.Я. Прокоповичу он пишет из Парижа: «Если бы мне попало теперь наше подлое и плоское русское местоположение с бревенчатою избою и сереньким небом, то я бы в состоянии им восхищаться, как новым видом»¹⁵. Здесь мы видим противоречивость стратегии писателя в одновременной духовной идентификации себя с Русью и телесном, пространственно-временном разрыве с ней.

Как о России, так и о Малороссии, он пишет за границей. Например, в письме В.А. Жуковскому писатель сообщает из Парижа: «“Мертвые” (“Души”) текут живо, свежее и бодрее, чем в Веве, и мне совершенно кажется, как будто я в России: передо мною все наше, наши помещики, наши чиновники, наши офицеры, наши мужики, наши избы, – словом, вся православная Русь»¹⁶. Похожее состояние творческого вдохновения, упраздняющее временную дистанцию, Гоголь испытывает в Мариенбаде, где, как он сообщает С.П. Шевыреву, «...выясняются и проходят поэтическим строем времена казачества, и, если я ничего не сделаю из этого, то я буду большой дурак. Малороссийские ли песни, которые у меня под рукою, наваяли их, или на душу мою нашло само собою ясновидение прошедшего, только я чувю много того, что ныне редко случается»¹⁷. Свою эстетическую позицию он формирует в письме к П.А. Плетневу: «...уже в самой природе моей заключена способность только тогда представлять себе живой мир, *когда я удалился от него*. Вот почему о России я могу писать только в Риме. Только там она предстает мне вся во всей своей громаде»¹⁸. В творчестве ему удается преодолеть пространственную даль, приблизить «свое», родное пространство. Иными словами, Гоголь удаляясь от объекта письма, наоборот, приближает его, испытывая творческое вдохновение. Попадая в «чужой» мир, он возвращается к «своему». Поэтому современники обвиняли его в продолжительном «удалении» из отечества и, соответственно, «в незнании России», а фантастичность сюжета поэмы была предметом критики даже близких писателю людей¹⁹. Откликом на эту критику становится стремление Гоголя к постоянной самопроверке. Так, в письме к гр. А.Ф. Орлову,

он формулирует свою писательскую позицию так: «Летнее путешествие по России мне необходимо потому, что на многое следует *взглянуть лично и собственными глазами*»²⁰.

Не случайно основным местом встречи героев становится «внутренность» России – провинция, ее ярмарки. В более поздних повестях, например, в «Коляске», ярмарка разворачивается не в местечке, а в пространстве провинциального города. Ее описание сопровождается перечислением необычных и гротескных средств передвижения: «внутренность России, состоящая из мамок, детей, дочек и толстых помещиков, наезжала веселиться брѹчками, таратайками, тарантасами и такими каретами, какие и во сне никому не снились»²¹. В пространстве русской провинции путешествует герой поэмы «Мертвые души» – Чичиков. Позиция повествователя поэмы выстраивается, как при поворотах чичиковской брѹчки, в разных ракурсах. Примечательно высказывание В.Н. Топорова, характеризующее позицию движущегося наблюдателя. По его мнению, брѹчка Чичикова «делает неоднократные повороты <...> соответственно открывающемуся при повороте виду» строится разорванная на части картина. В результате находящийся на тройке наблюдатель «не успевает фиксировать взглядом предметы и, следовательно, воспринимать видимое как картину»²².

«Разорванность» картины обусловлена введением разных позиций наблюдения. Это проявляется уже в самом начале поэмы, где повествователь, как бы принимая точку зрения иностранца-путешественника, останавливается на описании двух русских мужиков, которые в свою очередь делают замечания относительно въехавшего в город экипажа. Еще одна точка зрения вводится через появление молодого щеголя «в белых канифасовых панталонах», который тоже разглядывает экипаж. Затем эти три позиции: точки зрения – повествователя, русского мужика и щеголя объединяются в следующем лирическом отступлении: «Везде поперек каким бы ни было печалям, из которых плетется жизнь наша, весело промчится блистающая радость, как иногда блестящий экипаж с золотой упряжью, картинными конями и сверкающим блеском стекол вдруг неожиданно пронесется мимо какой-нибудь заглухнувшей бедной деревушки, не выдавшей ничего, кроме сельской телеги, и долго мужики стоят, зевая, с открытыми ртами, не надевая шапок, хотя давно уже унесся и пропал из виду дивный экипаж»²³. Для повествователя сравнение оппозиции: печали жизни / «блистающая радость» с оппозицией: «блистающий экипаж» / телега условно. Для мужиков как жителей провинции это оказывается противопоставлением. Тогда щегольской чудо-экипаж репрезентирует «иной», чудесный мир, каким обычно являлся для провинциала столичный город или заграница. Поэтому для русского мужика «дивный экипаж» оказывается знаком чудесной дали.

Движение повествователя в большей степени, чем движение персонажей, связано с освоением пространства Руси. Таким образом, нарратив поэмы имеет автобиографический подтекст, реализующий стремление Гоголя к такому путешествию, как к своеобразному «возвращению» на Родину. Ощущение Гоголя, которое он передает в финале поэмы можно охарактеризовать его же словами: «Не есть ли это возврат к нашей старине после путешествия по чужой земле европейского просвещения <...> возврат на русской тройке, с зали-

вающимся колокольчиком, с которым мы, привстав на бегу и помахивая шляпой, говорим: «В гостях хорошо, а дома лучше!»²⁴. Это «возвращение» метафорически выражается в полете птицы-тройки, тройки-Руси. В описании метафорического средства передвижение угадываются и черты волшебных огненных коней, и романтические представления автора о фантастическом полете «в пропадающую даль»²⁵.

Рассмотрев формирование эстетической дистанции Н.В. Гоголя как стратегию писателя, мы выявили способ изображения в его творчестве украинского и русского мира. Уезжая из Малороссии в Петербург, он дистанцируется от родного локуса, развивая точку зрения иностранца, и одновременно идентифицирует себя с ним с позиции рассказчика «малороссийского» цикла. Этот рассказчик противопоставляет столичному пространству Петербурга малорусский локус, реализуя наррацию, приковывающую к «своему» локусу читателя. Сам Гоголь, путешествуя по «чужой земле», больше вспоминает Русь. Таким образом, писатель оправдывает свой статус «скитальца» необходимостью креативной дистанции отдаления от воображаемого мира. Это обуславливает и смену точек зрения в нарративе поэмы. В ней повествователь принимает точку зрения иностранца-путешественника, познающего русский мир, тогда как для русского персонажа-провинциала, напротив, чудесной далью является столичный город или заграница.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Это мнение принадлежит Максимовичу. Цит. по ст.: Барабаш Ю.Я. Уроки этнографии. Возвращение к давним спорам // Н.В. Гоголь и народная культура: мат-лы конф. М., 2008. С.36.
- 2 Цит. по: Гоголь Н.В. Собр. соч.: в 7 т. М., 1967. Т.5. С.258.
- 3 В.Г. Белинский писал Н.В. Гоголю 3 (15) июля 1847 г.: «...вы в этом прекрасном далеке живете совершенно чуждым ему...». См.: Переписка Н.В. Гоголя: в 2 т. М., 1988. Т.2. С.270.
- 4 Гоголь Н.В. Указ. соч. Т.7. С.46.
- 5 Там же. Т.1. С.11.
- 6 Там же.
- 7 Там же.
- 8 Там же. С.99.
- 9 Там же. С.46. Кажется, в приведенном контексте *балагур* становится близок в смысловом отношении *москалю* и противопоставлен украинскому рассказчику – деду. Традиционно *москаль* – прозвище, употребляемое *малороссами* по отношению к *великороссам*. Таким образом, в указанном контексте Гоголь имплицитно развивает через оппозицию: «украинец» – «балагур» (москаль) национальную тему.
- 10 Там же. С.148.
- 11 Там же. С.104.
- 12 Там же. Т.2. С.39.
- 13 Там же. С.118-119.
- 14 Переписка Н.В. Гоголя: в 2 т. М., 1988. Т.1. С.365. Такое «деление пространственных областей на полярно противоположные *свои* и *чужие*» связано с системой средневековых представлений. См.: Неклюдов С.Ю. Время и пространство в былинке // Славянский фольклор: сб. ст. М., 1972. С.32.

I. LITERATURĂ. GOGOLIANA

- ¹⁵ Гоголь Н.В. Указ. соч. Т.7. С.158.
¹⁶ Вересаев В.В. Сочинения: в 4 т. М., 1990. Т.3. С.14.
¹⁷ Там же. С.60.
¹⁸ Там же. С.173.
¹⁹ Так, С.Т. Аксаков, отмечал, что «...крестьяне на вывод продаются с семействами, а Чичиков отказался от женского пола; без доверенности, выданной в присутственном месте, нельзя продать чужих крестьян, да и председатель не может быть в одно и то же время и доверенным лицом и присутствующим по этому делу». См.: Переписка Н.В. Гоголя: в 2 т. М., 1988. Т.2. С.24.
²⁰ Вересаев В.В. Указ. соч. С.386.
²¹ Гоголь Н.В. Указ. соч. Т.3. С.173.
²² Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. М., 1995. С.104.
²³ Гоголь Н.В. Указ. соч. Т.5. С.108.
²⁴ Там же. Т.6. С.195.
²⁵ Там же. Т.5. С.287.

Список использованной литературы

1. Барабаш, Ю.Я. Уроки этнографии. Возвращение к давним спорам // Н.В. Гоголь и народная культура. Седьмые Гоголевские чтения: мат-лы конф. – М., 2008. – С.29-42.
2. Вересаев, В.В. Сочинения: в 4 т. / В.В. Вересаев. – М., 1990. – Т.3. – 600 с.
3. Гоголь Н.В. Собр. соч.: в 7 т. / под ред. С.И. Машинского, Н.Л. Степанова, М.Б. Храпченко. – М., 1966-1967.
4. Неклюдов, С.Ю. Время и пространство в былинке // Славянский фольклор: сб. ст. / под ред. Б.Н. Путиловой и В.К. Соколовой. – М.: Наука, 1972. – С.18-45.
5. Переписка Н.В. Гоголя: в 2 т. / Сост. и коммент. А. Карпова и М. Виролайнен. – М., 1988.
6. Топоров, В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического / В.Н. Топоров. – М.: Прогресс: Культура, 1995. – 624 с.

ПТИЦА-ТРОЙКА И ТЕОРИЯ РУССКОГО УТРИЗМА (НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ В.ПЕЛЕВИНА «ЖЕЛТАЯ СТРЕЛА»)

Соловьева Светлана Александровна
Череповецкий Государственный Университет

Статья посвящена проблеме интертекстуальных отношений, формирующихся между художественными произведениями и попытке их интерпретации в лингвистическом аспекте. Целью работы является показать, как происходит процесс совмещения и расхождения текстов.

Интертекстуальные отношения строятся на взаимопроникновении текстов разных временных слоев. Этот процесс сопровождается преобразованием старых слоев и потерей прямой денотативности новым интертекстуальным слоем. В этой цепочке преобразований нарастает игровое начало интертекстуальности. При этом прослеживается следующая закономерность: чем более отдален текст во времени от текста-источника, тем больше степень искажения прототекста.

Установление интертекстуальных связей является одной из характерных черт современного постмодернизма. Творчество В. Пелевина при этом не является исключением, но в данном случае речь идет скорее о использовании технологии, прототекст переосмысливается в результате чего появляется новая концепция.

Проблема интертекстуальности часто связывается с проблемой «расщепленности» сознания современного человека, с поисками Другого и «инаковости» по отношению к самому себе. Следствием чего является «децентрация» «текстовой структуры, в которой сосуществуют «нетождественные друг другу, но вполне равноправные смысловые инстанции»⁴.

Использование интертекстовых связей связано с установкой на диалогичность, которая позволяет автору не ограничиваться лишь сферой своего субъективного индивидуального сознания, а вводить в текст одновременно несколько субъектов высказывания, которые являются носителями разных художественных систем. В результате чего возникает «полифонизм» (термин М.М.Бахтина). Другим важным моментом, связанным с проблемой интертекстуальности, является процесс интерпретации и та система координат, в рамках которой происходит представление объекта. В данном случае мы можем выделить в качестве основополагающих факторы говорящего (прямые и скрытые интенции) и адресата (социальные, возрастные, культурно-образовательные, уровень коммуникативной компетенции и др.).

Учитывая сказанное, попытаемся установить некоторые интертекстовые связи между поэмой Н.В. Гоголя «Мертвые души» и повестью В. Пелевина «Желтая стрела». Жанр антиутопии повести связан с уподоблением жизни

поездке в поезде, идущему к разрушенному мосту. Очевидна и объединяющая их идея пути, движения. Только у Пелевина поездка по железной дороге приобретает несколько странные, даже абсурдные, формы. Обычная поездка на поезде предполагает: начальный и конечный пункты движения, возможность остановки поезда, возможность с него сойти, У Пелевина же ничего этого нет: никто из пассажиров поезда не знает, откуда идет этот поезд, где находится (и существует ли вообще) локомотив, который тянет поезд за собой, остановиться этот поезд не может, и нет никакой возможности сойти с него. У Пелевина есть только «темнота», «пустота», разрушенный мост, утризм с его слепой верой в возможность спасения, песенный рефрен: «Остановите, вагоновожатый, остановите сейчас вагон». Поездка – это способ существования, система мировоззрения, некое симулятивное виртуальное пространство.

Тройка, птица –тройка в русской культуре приобрела черты знаковости, отсылающей к конкретному тексту и представляющей его по принципу «часть вместо целого».2

Если предположить, что одним из значимых фреймов в области когнитивного пространства человека является целевой, то в этом контексте совершенно особое значение приобретает на первый взгляд малозначимый диалог из повести, содержащий намек на знаменитую тройку : «...Еще Серегу недавно видел. Очень сильно изменился. Не пьет, не курит. Утризм принял. – Это еще что? – Это религия такая, очень красивая. Они верят, что нас тянет вперед паровоз типа «У-3» - они его еще тройкой называют, - а едем мы все в светлое утро. Те, кто в «У-3» верит, проедут над последним мостом, а остальные – нет.3

Чтобы установить параллель с текстом Н.В.Гоголя недостаточно просто процитировать знаменитые строки: «Не так ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка несешься? Дымом дымится под тобою дорога, гремят мосты, все отстает и остается позади... Русь, куда ж несешься ты? Дай ответ. Не дает ответа. Чудным звоном заливаются колокольчик;, гремит и становится ветром разорванный в куски воздух; летит мимо все, что ни есть на земли, и косясь, постораниваются и дают ей дорогу другие народы и государства».1

Немаловажен тот факт, что данный фрагмент гоголевского текста, не просто хорошо известен читателю, но является значимым в познавательном и эмоциональном отношении и имеет сверхличностный характер.

Попробуем установить лингвистический механизм образования интертекстуальных связей произведений.

В основе организативного пространства повести лежит целевой фрейм, так как любое движение предполагает наличие цели. На языковом уровне он реализуется через повторяющиеся вопросительные реплики, выполняющие функции своего рода пространственных координат: «Где мы?... Я вспомнил, сказал он «Желтая стрела» - это поезд, который едет к разрушенному мосту. Поезд, в котором мы едем». « Куда мы едем? – Ясное дело куда, к разрушенному мосту»... «- Слушай, а ты когда-нибудь думал, откуда мы едем? Откуда идет этот поезд? - Нет, - сказал Хан. — Мне это не особо интересно. Мне интересно узнать, как с него сойти». Неопределенность семантики усиливает и неопределенность пространственной ориентации субъекта. 3

Гоголевское «Не дает ответа» находит отражение в основной концепции повести «Желтая стрела».

С одной стороны, если учитывать интерпретацию текста поэмы «Мертвые души», характерную для советской эпохи, в тексте повести В.Пелевина возникает четкая оппозиция Гоголевской Птице-тройке. С другой, речь может идти о попытке преодоления навязанного однолинейного мышления, якобы опирающегося на традиции классической русской литературы. Утризм по Пелевину – это идеалистическая попытка преодоления границы между бытием и небытием, это религия, позволяющая субъекту существовать в условиях замкнутого пространства. Религия, отражающая одну из особенностей российской ментальности – предпочтение неба земле и поиски своего особого пути. Религия, заставляющая человека идти на определенные «жертвы» «не пьет, не курит». Абсурдность становится нормой жизни и оправдывается авторской попыткой воспроизвести мировоззренческий дух эпохи. По сути, абсурд есть порождение двоемыслия, являющегося неотъемлемым признаком тоталитарного государства. Пространство поезда – это пространство уходящей тоталитарной эпохи. Оно определяет способ мышления персонажей, пространство их жизни, ментальное пространство. Основные признаки этого пространства — замкнутость, переполненность, близость к состоянию взрыва, спертость. Это заведомо ложное пространство, которое не может существовать реально. Многообразие объектов втиснуто во внешнюю рамку, но внутренне оно не представляет целостного образования. Оно фрагментарно, мозаично, внутри него нет причинно — следственных связей. Внешняя логика определяется лишь самой реальией «поезд» и чертами, ей присущими: вагон, тамбур, купе, проводники и т.д.). Утризм, являющийся одним из способов преодоления это пространства, не приемлем главным героем повести, что находит отражение в оппозиции Я – ОНИ, свой – чужой.

Ироничность по отношению к утризму выражается через семантическое поле лексемы ТАМ. Большую роль в организации которого играют фоносемантические средства «там — там» - стук колес в России: «Но, конечно, красивее, задушевнее и нежнее колеса стучат в России — «там-там». Так и кажется, что их стук указывает в какую-то светлую заревую даль — там она, там, ненаглядная...». Стук колес основан на звукоподражании — русским людям он слышится как «там-там», полякам — «пан-пан», японцам — «додеска-дзен», мексиканцам «тональ-нагаль» и т.д. Использование различных звукоподражаний расширяет пространственные рамки, вводит идею интернационального пространства. Ложнопатриотический пафос этих строк ироничен. Интересно, что сразу после того, как Андрей прочел об этом в газете, в тексте повести возникает отождествление звукоподражания «там-там» и местоименного наречия «там», указывающего на пространство за окном, на загробный мир, на нереальную, несуществующую жизнь, о которой люди в поезде могут только мечтать: «Перед Андреем стояла беспокойная девочка с огромными грязными бантами в волосах. <...> - Мама, - спросила вдруг она, - а что там? - Где там? — спросила мама. - Там, - сказала девочка и ткнула кулаком в окно. - Там-там, - с ясной улыбкой сказала мама. - А кто там живет? - Там животные, - сказала мама. - А еще кто там? - Еще там боги и духи, - сказала мама, - но их там никто не видел. - А люди там не живут? спросила девочка. - Нет, - ответила мама, - люди там не

живут. Люди там едут в поезде. - А где лучше, - спросила девочка, - в поезде или там? - Не знаю, - сказала мама, - там я не была. - Я хочу туда, - сказала девочка и постучала пальцем по стеклу окна. - Подожди, - горько вздохнула мать, - еще попадешь. <..> - Я хочу туда-а, - пропела девочка на несуществующий мотив, - там-там, там-там...».

«Бодрствующему существу «здесь» и «там» представляются неслиянной двойцей. <...> для нас происходит некий разрыв между «здесь» и «там». «Здесь» мы живем, а «там» переживаем, первое как близкое, а второе как чужое».5 «Там» — это свобода, мечта. Но это и стук колес «там-там», который звучит так же как «свобода», «мечта» для тех, кто его слышит, т.е. для тех, кто не стал пассажиром, у кого еще есть возможность сойти с этого поезда.

Так где же выход? И есть ли он, если утризм – это тоже заблуждение.

«Просвет бытия» (по Хайдегеру) связан с преодолением замкнутости пространства, с выходом за его пределы. Возникает лишь некая иллюзия, существующая на грани двоимирия. Раздвигая границы между реальностями, автор приводит нас к выводу о равноценности реальности и галлюцинации и буддистский тезис «мир как мое впечатление» смыкается с постмодернистским «мир дан только как описание». Существует некое тайное знание, заключенное в письме Хана. Текст письма, трижды трансформируясь в тексте, представляет информационный код и становится связующим звеном между реальностью и иллюзией. «В прошлое время люди часто спорили, существует ли локомотив, который тянет нас за собой в будущее. Но все осталось за спиной: жизнь едет вперед, и они, как видишь, исчезли. А что в высоте? Слепое здание за окном теряется в зыби лет. Нужен ключ, а он у тебя в руках — так как ты его найдешь и кому предъявишь? Едем под стук колес, выходим пост скрипту двери».

Движение героя - это движение по ходу поезда (нумерация глав повести в обратном порядке) как попытка найти решение проблемы, выход.

Прошлое - это локомотив, который тянет за собой будущее. бывает, что это прошлое вдобавок чужое. ты едешь спиной вперед и видишь только то, что уже исчезло. а чтобы сойти с поезда, нужен билет. ты держишь его в руках, но кому ты его предъявишь? P. S. Все дело в том, что мы постоянно отправляемся в путешествие, которое закончилось за секунду до того, как мы успели выехать»3. Ну как тут не воскликнуть: «Русь, куда несешься ты?» И тут пелевинское «ничего» становится синонимом гоголевского «нет ответа». Безусловно, в процессе установлении интертекстуальных связей между данными произведениями происходит очень серьезный сдвиг культурной проекции, но прототекст при этом не изживает себя, а получает иное прочтение.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Гоголь Н.В. Мертвые души. -М., 1975.-С.153.

² Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. -М., 1987.-С.21.

³ Пелевин В. Омон ра. Желтая стрела. -М., 2003.

⁴ Фатеева Н.А. Интертекст в мире текстов.- М., 2007.-С.4.

⁵ Шпенглер О. Закат Европы. Т.1.-М., 1993.-С.206.

САКРАЛИЗАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА КАК ИДЕАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ СТРОЕНИЯ МИРА В «ВЫБРАННЫХ МЕСТАХ ИЗ ПЕРЕПИСКИ С ДРУЗЬЯМИ» Н. В. ГОГОЛЯ

Мартиросян Вергине Самвеловна

*Ереванский государственный университет,
Богословский факультет*

Ключевые слова: Мифоэпическая и сакральная концепция пространства, Сакральное содержание, Священное содержание текста

Key words: Mythic-poetical concept of space, Sacred space concept, Holy content of text

Избранный нами гоголевский текст «Выбранных мест из переписки с друзьями» интересен, помимо особого отношения к нему самого автора, еще и обращением к мифоэпической и сакральной концепции пространства. В случае применения Гоголем сакральности в тексте пространственные границы раздвигаются, обозначая первый момент восприятия, отмеченный невычлененностью описания из общего контекста бытия, контекста порой суетного и низменного. Именно поэтому с таким пространством «великого» текста связывается бесконечное множество интерпретаций, которыми этот текст живет вечно и всюду. Обнаружение сакрального пространства в «Выбранных местах» дает возможность рассматривать представленные Гоголем Россию, русский народ, литературу и даже театр не только как национальные ценности, а как части некоего главного мирового действия. Такое отношение к тексту наполняет его священным содержанием. Множество выражений из Ветхого и Нового Заветов используются писателем на свой лад. В этих случаях Гоголь не отходит от образца, он только меняет адресат.

Сакральный метод изучения текста позволяет увидеть описанные объекты в контексте другой модели мира и прочесть их по-новому. В случае применения сакральности в литературе пространственные границы, как правило, раздвигаются, обозначая первый момент восприятия, отмеченный невычлененностью описания из общего контекста бытия, контекста порой суетного и низменного¹. Созданные Гоголем тексты в этом смысле в полной мере входят в семантическое сакрализованное поле – как по заложенной в них символике, образным рядам, так и по пространственно-временному континууму, обладающему метафизическим смыслом и насыщенному аллегориями. Сакрализация пространства вытекает из идеи универсального синтеза, всеединства различных духовных и материальных начал, которого, по мысли

Гоголя, можно было достичь, если превратить христианскую веру в центральную силу, объединяющую вокруг себя все другие священные ценности. Этой центральной силой для Гоголя стала Россия. В «Выбранных местах из переписки с друзьями» Россия представляется не столько как определенное географическое пространство, как единение людей, природы, веры и обычаев, сколько как носительница традиций мифопоэтических представлений о спасительном крове и хранителе православных истин. Одним из важных моментов в жизни писателя было паломничество в Иерусалим. При создании Гоголем сакрального образа России замечается постоянное присутствие символического образа Святой Земли. Но дело было не в потребности иметь модель для подражания, а в стремлении обрести свое Священное пространство, иметь более тесную связь с сакральным центром мира. Гоголь видит историческую задачу России не только в возвращении и сохранении в новых условиях своей православной основы, но и в свидетельствовании о православии – незамутненного христианства всему миру, в котором в качестве мировоззрения превалирует рационалистическое восприятие мира. Повторяющееся два раза выражение «Монастырь ваш – Россия!»² напоминает о защищенности божественного миропорядка, спасающего человека от искушений новейшей цивилизации.

Святость пространства накладывает сакральность и на людей, пребывающих в нем. Сакрализации в их системе подвергается и государственная власть, причем, что характерно именно для традиционно-ориентированного мировоззрения, в ее монархической форме. Гоголь дает подробное богословское объяснение божественной сущности и источника самодержавной царской власти. «Сердце царя – в руке Господа, куда он захочет, Он направляет его» (Притч. 21,1), «существующие же власти от Бога установлены» (Рим. 13, 1). Следуя библейскому тексту, Гоголь наделяет чертами сакральности русский народ во главе «царя-батюшки». Гоголь неоднократно подчеркивает в своих трудах сакральное значение монархии, описывая свое видение власти, как образа всемогущего Бога на земле: «Поэты наши прозревали значенье высшее монарха, слыша, что он неминуемо должен наконец сделаться весь одна любовь, и таким образом станет видно всем, почему государь есть образ божий, как это признает, покуда чутьем, вся земля наша... Там только исцелится вполне народ, где постигнет монарх высшее значенье свое – быть образом того на земле, который сам есть любовь»³. В сознании народа монарх является также судьей по образу Бога на земле. В подобных высказываниях писатель стремился подчеркнуть уникальное религиозное своеобразие России, которая одна сохраняла традиции подлинно Христианской Монархии.

Миссия царя обосновывается Гоголем концепцией правосудия⁴ и покритируется на следующих постулатах Священного Писания: «Царь, сидящий на престоле суда, разгоняет очами своими все злое» (Притч. 20, 8), «Плод же правды в мире сеется у тех, которые хранят мир» (Иак. 3, 18), Судьи «не человеческий суд творят, но Господень» (2 Пар. 9, 6).

Иерархия власти тоже получает сакральное значение. Гоголь уподобляет ее с лестницей⁵, что передает идею динамичного становления и восхождения по ступеням совершенства. Интересно, что образ лестницы в христианской традиции – один из символов распятия и схождения с креста⁶.

Гоголь делает показательные замечания относительно дополнения мужского начала власти женским. В общей религиозной атмосфере всего пространства образ губернаторши и женской роли вообще переплетается с Девой Марией, символами которой являются локусы высшего уровня: «Если только сумеете заговорить с ними (с женщинами – М. В.) языком самой души, если только сколько-нибудь сумеете очертить перед женщиной ее высокое поприще, которого ждет теперь от нее мир, – ее небесное поприще быть воздвижницей нас на все прямое, благородное и честное, кликнуть клич человеку на благородное стремление...»⁷

А в сфере взаимоотношений помещик-крестьянин Гоголь выдвигает как идеальную модель взаимоотношений по типу отец-дети⁸. Под бытовым взаимоотношением помещик-мужик скрывается сакральный подтекст, связанный с православным пониманием о сельскохозяйственном трудовом цикле и православной церковной практикой в России. Ритм церковного календаря отождествлялся с ритмом хозяйственных работ. Трудовая и тесно связанная с ней бытовая жизнь в русской крестьянской культуре освящалась, включаясь в развернутую систему обрядов, обычаев, поверий⁹. Поэтому существующий социальный порядок рассматривался Гоголем как исходящий непосредственно от Бога, как проявление Божьей воли, Божьего промысла.

В «Выбранных местах...» сакральные черты получает также театр. Во всех христианских европейских культурах, существовала четкая и очень резко выраженная оппозиция церковь – театр, в которой сакральное пространство противопоставлялось антисакральному. Перенесение, превращение алтаря в кулисы, а самой церкви в пространство театра, то есть совмещение этих диаметрально противоположных друг другу в аксиологическом плане локусов, свидетельствовало о потере обществом ценностных ориентиров, об утрате Истины. Гоголь же, сакрализируя пространство театра, видит в нем «незримую ступень к христианству»¹⁰, место для проповеди христианских истин. Сакрализация Гоголем пространства театра, возможно, было также связано с понятием иконостаса – алтарною преградой, где проходит граница между невидимым высшим божественным миром и видимым человеческим земным миром¹¹. В этом случае через искусство человек входит в богообщение, тем самым восстанавливая связь между двумя частями пространства. Ведь задача искусства – переорганизовать пространство, т.е. организовать его по-новому, устроить по-своему. Здесь, а также в раннем художественном творчестве Гоголя в основу полагается идея об истолковании сакрального искусства посредством метафизики архетипов, небесных праобразов.

Сакральность чувствуется и в тех случаях, когда Гоголь говорит о самом себе. Глава «Завещание» рисует портрет человека, уничижающегося, самовольно отвергающего себя от мира. «Тела моего не погребать...»¹² Памятника не ставить...»¹³ Вообще никому не оплакивать меня...»¹⁴; по сути, Гоголь требует к себе полного забвения в плане личностном, писательском и даже христианском. Тут замечается очевидная ориентация Гоголя на любимого им Апостола Павла. «Мне, наименьшему из всех святых, – говорит Павел, – дана благодать сия... открыть всем, в чем состоит домостроительство тайны, сокрывавшейся от вечности в Боге, создавшем все Иисусом Христом» (Еф. 3, 9). Этому образу уничижающегося святого, так характерного для всей аскетической традиции,

следует и Гоголь. Только в таком состоянии человеку дается благодать познать и открыть всем тайну Бога, это и есть странные и необычные пути святости. Гоголь, завещая отнестись к нему как к отверженному и недостойному даже оплакивая, тем самым соотносит свое поведение с апостольским, а тайну, явленную ему, – с Божественным откровением.

Множество выражений и просьб, обращенных писателем к читателю тоже имеют сакральный смысл. Можно сказать, что библейские выражения предстают перед ним в гоголевском варианте.

Когда Гоголь пишет о том, чтоб не ставили ему памятника после его смерти, он следует божественному запрету «Не делать себе кумира» (Исх. 20, 4).

Главные заповеди Христа («возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим», «возлюби ближнего твоего, как самого себя» – Мф. 22, 37-39) используется писателем на свой лад. Гоголь не отходит от образца, он только изменяет адресат: «Кто после моей смерти вырастет выше духом, нежели как был при жизни моей, тот покажет, что он, точно, любил меня и был мне другом, и сим только воздвигнет мне памятник.»¹⁵.

Далее следует, как скрепляющий элемент, каноническая фраза – «сам по себе слаб и ничтожен»¹⁶. Как известно, в страдании человек постигает истину и приближается к Богу. «И потому я гораздо охотнее буду хвалиться своими немощами, чтобы обитала во мне сила Христова», – пишет апостол Павел (2 Кор. 12, 9).

Через сакральный смысл авторского слова Гоголь испрашивает прощения у всех своих соотечественников, друзей, знакомых, читателя – у всех людей¹⁷. Можно провести аналогию со знаменитым христианским Прощеным воскресением, когда православные просят прощения, которое исходит от сердца к другому сердцу, согретое словом, в котором должны звучать слова Бога: «прощайте и прощены будете» (Лк. 6, 37). Действие праздника разворачивается перед предпасхальной неделей и таинством воскресения Христа и неделей, в которую Иисус мучается на кресте, искупая своей жертвой грехи человеческие. Здесь прослеживается явная аналогия с гоголевскими «Выбранными местами», ибо писатель надеется через сакральность слова в повести не только смягчить и освятить сердца читателей, но и надеется получить сам именно от христианских читателей православное прощение.

Русская литература тоже представляется как сакральный текст. В биографиях значительных русских поэтов – Пушкина, Державина, Жуковского, Крылова – Гоголь видит не только биографии в узком смысле этого слова, которые полезно привлекать в качестве постраничного комментария к основному тексту. Их жизни – тоже часть национальной истории; даже в их смерти (в ее характере) нередко различимы тайные знаки всей национальной судьбы, «виден дух просыпающегося времени». а их творчество выходит за пределы собственно искусства. Все, о чем писали русские поэты, входит в состав некоего главного мирового действия, является художественной проповедью христианских истин. Сакрализация Гоголем русской литературы и литературы вообще связано со священным значением слова. Сам Бог создал Вселенную, небо и землю словом, слово – это его творческая сила. Недаром мы говорим, Слово Божье. Слово Божье – это Божья воля, слово Божье – это Божье творение, слово Божье – это пророческое слово и слово откровения. «Беда, если о

предметах святых и возвышенных станет раздаваться гнилое слово»¹⁸, – пишет Гоголь. Поэтому личностное начало человека-художника постоянно переключается с началом человека пророка-писателя.

Дух наставничества чувствуется у самого Гоголя на всех страницах «Выбранных мест». Этот дух является результатом глубинного осознания того, что не все доступно человеку в этом мире, и есть области, которые открываются душе только перед смертью. Это откровение просто человека, которому было явлено слово Бога. Таким образом, Гоголь своими словами передает божественные слова, говорит о божественном откровении, о непереносимом воскресении души, которое придет через высокое писательское слово.

Будучи человеком, чрезвычайно чувствительным к смерти (не только физической, но и духовной), боявшимся ее, сделавшим ее предметом изображения в своих произведениях, Гоголь именно в силу этого так стремился к жизни и к жизненности, к светлomu воскресению. «Завещаю вообще никому не оплакивать меня, и грех себе возьмет на душу тот, кто станет почитать смерть мою... утратой»¹⁹. Смерть он представляет как шаг к Богу в светлое воскресение. Это попытка объединить всех уже верующих в Бога или сакральное понимание единоподобия людей, находящихся на пороге смерти перед Истиной и Светом.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М., Наука, 1983. С. 234.
- 2 Гоголь Н. В. Выбранные места из переписки с друзьями. М., Советская Россия, 1990. С. 131; 139.
- 3 Там же. С. 77.
- 4 Там же. С. 179.
- 5 Там же. С. 145.
- 6 Топоров В. Н. Лестница. // Мифы народов мира: Энциклопедия в 2-х тт., М., Советская энциклопедия, 1988. т. 2 С. 50-51.
- 7 Гоголь Н. В. Выбранные места из переписки с друзьями. М., Советская Россия, 1990. С. 151.
- 8 Там же. С. 155-159.
- 9 Юдин Ю. И. Роль и место мифологическ представлений в русских бытовых сказках о хозяине и работнике.// Миф, фольклор, литература. Л., Наука, 1978, С. 16-37.
- 10 Гоголь Н. В. Выбранные места из переписки с друзьями. М., Советская Россия, 1990. С. 92.
- 11 Флоренский П. А. Иконостас//Имена. М., Эксмо, 2008. С. 347.
- 12 Гоголь Н. В. Выбранные места из переписки с друзьями. М., Советская Россия, 1990. С. 33.
- 13 Там же. С. 34.
- 14 Там же.
- 15 Там же.
- 16 Там же.
- 17 Там же. С. 32
- 18 Там же. С. 49
- 19 Там же. С. 34.

Литература

1. Гоголь Н. В. Выбранные места из переписки с друзьями. М., Советская Россия, 1990.
2. Миф, фольклор, литература. Л., Наука, 1978.
3. Мифы народов мира: Энциклопедия в 2-х тт., М., Советская энциклопедия, 1988. т. 2.
4. Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М., Наука, 1983.
5. Флоренский П. А. Иконостас//Имена. М., Эксмо, 2008.

БАРОЧНАЯ ТРАДИЦИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ВАСИЛИЯ НАРЕЖНОГО И НИКОЛАЯ ГОГОЛЯ

Новик Ольга

*Харьковский национальный педагогический
университет им. Г.С.Сковороды
(Украина)*

Summary

The problem of influencing of the Ukrainian baroque on creation of Wasiliy Narezhnoy' and Nickolay Gogoly, depth of research of question in modern literary criticism are reported in the article. Reasons and appearances of the baroque literature are examined which meet in poetic and prosaic texts of authors. The basic mechanisms of mastering of baroque's tradition of writers- romanticists are selected.

Многие критики отмечали стилевую эклектику произведений Василия Нарезного, влияние разносторонней образованности писателя на характер его творческой манеры. Ю. Манн пишет, что Нарезный был широко образован, его произведения обнаруживают воздействие самых различных источников: Шиллера, Оссиана, русских писателей XVIII века, античная литература, Шекспир, Сервантес, Лессаж, английский нравоописательный роман XVIII века, немецкое Просвещение, древнерусская литература, массовая романная литература¹. П. Михед писал, что в его произведениях можем найти стилевые элементы украинского и русского былинного эпоса, «Слова» и «Осианна», «восточной повести», плутовского и готического романа¹. Но стилевой доминантой, которая наиболее органично соответствует творческой одаренности является ориентация, прежде всего, на украинскую литературную традицию позднего «низового барокко», на народную смеховую культуру, во многом определившую творческие принципы Василия Нарезного. Риторизм прозы автора идет от знания барочных поэтик и риторик, изученных во время обучения в Переяславской бурсе. Исследователи творчества Николая Гоголя также отмечают привязанность стиля писателя к барочной поэтике¹. П. Михед, ссылаясь на работы В. Белинского, В. Данилова, Ю. Соколова, А. Кадлубовского и других ученых, говорит о непосредственном влиянии Василия Нарезного на Николая Гоголя в усвоении барочной литературной традиции. Ученый пишет, что близость между творческой манерой авторов была настолько очевидной, что дала критикам основание утверждать о подражании Гоголя Нарезному, но это было не подражание, а «творческое использование достижений литературной традиции «народного» барокко, первооткрывателем которого был Нарезный»¹. Попробуем рассмотреть, как проявляются традиции барочной литературы в

произведениях Василия Нарезного, которого считают предтечей Николая Гоголя.

Ученые считают прототипом персонажа мудреца Ивана Особняка из романа «Российский Жилблаз» украинского философа Григория Сковороду. При этом цитируется фраза героя о столичной жизни, против которой звучат инвективы: «всякий город есть море глубокое и пространное, и в нем же гадов несть числа». Эту цитату Ю.Манн называет скрытой цитатой из стихотворения И.М. Долгорукова «Парфену». Возможно, такое утверждение является ошибочным, если взять во внимание образованность автора и распространенность подобных библейских цитат во многих источниках того времени. Анализируя жизненный путь персонажа Ивана Особняка, Ю.Манн находит как точки соприкосновения с образом Сковороды, так и кардинальные различия. После противопоставления городскому разврату сельской жизни, разочарование постигло Особняка и относительно насаждения добродетели, и относительно душевной красоты простого природного человека, а значит, и относительно деревенской гармонии.

Одним из ярких образов романа В.Нарезного «Бурсак» является главный герой произведения, Неон Хлопотинский. Характеристику этого персонажа критика, как правило, связывают с типом школьника-семинариста, а отсюда очевидна и связь с литературой «низового» барокко. Обстоятельства жизни бурсаков автор мог почерпнуть и из литературных, и из фольклорных текстов, так и с рассказов непосредственных очевидцев. Колоритные картины жизни бурсаков в романе «Бурсак» соотносятся не только с традицией ее изображения в предыдущей литературе, но и с тем, как описывает бурсу и бурсаков Николай Гоголь в «Вие». В 1861 году А. Григорьев, сопоставляя «Бурсака» с произведениями Гоголя, писал: «Разве в Нарезном, например (в особенности в «Бурсаке» его), не видать тех элементов, из которых слагаются потом у Гоголя «Вий», «Тарас Бульба» и т. д.? Перечтите хоть изображение жизни бурсы в «Бурсаке» и сравните с ним изображение Гоголя в упомянутых повестях...»¹.

Среди наиболее часто встречающихся образов-символов, которыми писатели барочной эпохи стремились выразить свое понимание мира как чего-то чрезвычайно сложного, полного изменений и противоречий, такие, как лабиринт или ярмарка, старец Протей, волшебница Цирцея, нимфа Луна, и наконец, театр (мотив изменчивости, иллюзорности земного бытия)¹. Образ театра характеризуют многие исследователи, в частности и Л. Ушкалов, подтверждая цитатами из произведений Мелетия Смотрицкого, Касияна Саковича, Кирилла Транквилиона-Ставровецкого, Лазаря Барановича, Ивана Леванды, Григория Сковороды и других писателей¹. Человек в барочном мире-театре выступает не только в ипостаси актера комедии, зовущейся жизнью, но одновременно может быть наблюдателем, отстраненным зрителем, который все же не имеет права судить. В произведениях Василия Нарезного (например, «Бурсак», «Запорожец», «Невеста под замком») игра, переодевания, смена декораций, появление героев под чужими именами составляют важную часть сюжетов, делают их динамичными. В то же время, сквозь всю канву произведений проходит мысль, что человек всего лишь актер в театре жизни и подчиняется воле Божьей. Беглецы рядятся в костюмы нечисти, чтобы устроить побег из монастыря, девушка одевает мужское платье, знатная дама становится

под венец в одеже крестьянки и таких сцен очень много. Разбойник, начавший свое падение с ограбления церкви, раскаивается и находит прощение у людей, а чужие люди оказываются близкими, – все эти маленькие превращения сливаются в единую картину брэнной, скоротечной и изменчивой жизни, которая полностью соотносима с барочной метафорой «мир-театр».

Имена в романах Василия Нарезного несут в себе большую смысловую нагрузку, многие из них режут слух своим несоответствием с языком страны, где происходит действие произведения. Часть имен персонажей созвучны с Библией, с именами святых, а другие в переводе обозначают ту или иную основную черту характера героя, его жизненное кредо. Так, Деомид с древнегреческого «совет Зевса», в романе «Бурсак» исполняет именно роль советчика, наставника, Неона (нового). Еварест (благоугодный), Никодим (побеждающий народ), – имена не просто казацких атаманов, но и людей обладающих множеством достоинств, умеющих покаяться в своих прегрешениях и признать свои ошибки. Сарвил – в романе «Бурсак» имя разбойника. Не случайно все события его жизни за пределами бурсы читатель узнает из уст самого персонажа, что дало возможность писателю показать сложный путь человека от падения к раскаянию, раскрыть внутреннюю борьбу, происходящую в сердце грешника: «Лукавый как раз предстал ко мне, шепча на ухо: «Глупец! Почему ты не пользуешься? Не упускай случая, какого, вероятно, не скоро найти можешь!» Так шептал мне бес, и я послушался льстивого гласа его. <...> Колени подгибались, в ушах мерещилось; мне казалось, что преподобный Вавила гонится за мною. Таково мучит совесть при соделании первого преступления; при втором разе она вопиет менее внятно, при третьем еще менее, а там малопомалу совсем замолкает»¹.

Можно связать выбор имен автором и с дидактизмом романов Нарезного, происходящим, скорее всего, именно от дидактизма барочного, связанного с верой. В отличие от М. Степанова, определяющего творческий метод писателя как «дидактический реализм», П. Михед относит дидактизм произведений автора к искусству барокко¹, в частности потому, что дидактизм Нарезного находит адекватную жанровую структуру в форме плутовского романа, композиция «причудливый ансамбль сложных и разнообразных барочных комбинаций, мотивов»¹, а роль монолога также имеет и барочную традицию.

Еще одним немаловажным аспектом, объединяющим романы Василия Нарезного с барочной эпохой и одновременно с творчеством Николая Гоголя, является изображения Запорожской Сечи. П. Михед отмечает близость интонации начала повести «Запорожец» Василия Нарезного и страниц повести Николая Гоголя «Тарас Бульба»¹. Связь между произведениями критик объясняет единым источником, из которого черпали оба писателя. Начало повести «Запорожец» являет читателю величественную картину возвращения казака-победителя, раненого, едва живого, но храброго и мужественного. Характерно, что Запорожская Сечь в произведении является и местом, где старый казак рассказывает свою историю, и служит своего рода обрамлением повествования о том, что привело знатного вельможу в казацкую вольницу.

Образ сада в «Аристионе» отчасти возникает, как отмечает Ю.Манн, под влиянием «Новой Элоизы»¹. Образ сада был распространен в барочную эпоху, и при этом имеет более глубокие корни в Библии. «Вертоград многоцветный»,

I. LITERATURĂ. GOGOLIANA

«сад желаний» и другие разновидности одного образа в разных сюжетных подтекстах выступают и в литературе начала XIX века. Василий Нарезный делает сад не только местом размышлений и фоном для действий героев своих романов, а и выводит на глаза читателя более глубокие подтексты. Рядом с образом сада в прозе Нарезного часто использован и барочный мотив дороги, играющий важную роль в структуре произведений. Позже дорога станет стержнем произведений Николая Гоголя, Пантелеймона Кулиша и других романтиков.

Исследователи творчества Василия Нарезного основное внимание уделяют его прозаическим произведениям, а поэзия автора остается в тени. Писатель создал ряд стихотворений, которые публиковались в периодике начала XIX века под псевдонимами «Улан-Поселянин», «В.Н.»¹. В контексте нашего исследования вызывают особенный интерес те поэзии, которые написаны как дань традиции. К стихотворению «Той, которую люблю» автор подает примечание, поскольку, как и в барочной поэзии, тут присутствует игра, загадка: «Эта піеса есть родъ стихотворной игрушки: прочитавъ всѣ стихи по порядку, надобно потомъ черезъ стихъ, т. е. одни мужескіе, и тогда откроется совсемъ другой смыслъ»¹. Автор мастерски использует материал для составления поэтической «штуки», характерной для барочного искусства. И хотя стихотворение далеко от религиозной тематики, но формально приближено к барочной поэзии такого рода.

В исследованиях текстов Николая Гоголя звучит мысль, что новизна писателя в периоде русского романтизма заключается именно в том, что он привил русской прозе украинскую языковую чувствительность¹. Традиции украинской культуры в русскую словесность привносили и барочные авторы, которые получили образование в Киево-Могилянской академии, и русские писатели начала XIX века, которые пребывали под влиянием украинской барочной литературы, в том числе и Василий Нарезный. Очевидной является не только связь произведений Василия Нарезного и Николая Гоголя с традициями барочной культуры, но и взаимосвязь украинского элемента в русскоязычном творчестве писателей. Углубленное изучение творчества отдельных писателей в контексте литературной традиции позволит изучить и механизмы передачи традиции в рамках одной национальной традиции и историю национальной литературы в контексте мировой.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Манн Ю. У истоков русского романа / Ю.Манн // Нарезный В.Т. Собрание сочинений в 2 томах. – М.: Художественная литература, 1983. – Т.1. – С. 5–44
- ² Михед П.В. В.Т.Наріжний і барокко (до питання про стиль письменника) // Михед П.В. Крізь призму бароко / Павло Михед. – К.: Ніка-Центр, 2002. – С.11
- ³ Белый Андрей. Мастерство Гоголя. Исследование. – Москва-Ленинград: ОГИЗ, 1934. – С.8
- ⁴ Михед П.В. Об истоках художественного мира Н.В.Гоголя (Н.В.Гоголь и В. Т. Нарезный) // Михед П. В. Крізь призму бароко / Павло Михед. – К.: Ніка-Центр, 2002. – С.55-56
- ⁵ цит. за: Нарезный В.Т. Собрание сочинений в 2 томах. – М.: Художественная литература, 1983. – Т.2 – С.469
- ⁶ Рязанцева Т. Одісея духу. Характерні риси доби бароко // Зарубіжна література. – 1996. – №5. – С.7

- ⁷ Ушкалов Л.В. Світ українського барокко: Філологічні етюди. – Х.: Око, 1994. – С.67
- ⁸ Нарезный В.Т. Бурсак // Нарезный В.Т. Собрание сочинений в 2 томах. – М., 1983. – Т. 2. – С.97
- ⁹ Михед П.В. В.Т.Наріжний і барокко (до питання про стиль письменника) // Михед П. В. Кризь призму бароко / Павло Михед. – К., 2002. – С.12
- ¹⁰ Там же С. 14
- ¹¹ Михед П.В. На путях к историческому роману // Михед П. В. Кризь призму бароко. – К., 2002. – С.32
- ¹² Манн Ю. У истоков русского романа // Нарезный В.Т. Собрание сочинений в 2 т. – М., 1983. – Т.1. – С.30
- ¹³ Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4 т. — Т. 1. — М., 1956. — С. 198; Т. 3. – С. 184; Т. 4. — С. 331
- ¹⁴ Улан-Поселянин. Той, которую люблю // Украинский журнал. – 1825. – Ч.7. – №14. – С.115.
- ¹⁵ Пересунько С.В. Традиції українського барокко у творчості М. Гоголя // Літературознавство. Мовознавство. Фольклористика. Вісник КНУ ім. Тараса Шевченка. – Вип.9. – К.: ВПЦ «Київський університет», 2000. – С. 34

Список литературы

1. Белый А. Мастерство Гоголя. Исследование / А. Белый. – М.-Л.: ОГИЗ, 1934. – 353 с.
2. Манн Ю. У истоков русского романа / Ю.Манн // Нарезный В.Т. Собрание сочинений в 2 томах. – М.: Худ. лит., 1983. – Т.1. – С. 5–44.
3. Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей / И.В. Масанов: В 4 т. — М., 1956 – 1960.
4. Михед П.В. В. Т. Наріжний і барокко (до питання про стиль письменника) // Михед П.В. Кризь призму бароко / Павло Михед. – К.: Ніка-Центр, 2002. – С. 9–24.
5. Михед П.В. Кризь призму бароко / Павло Михед. – К.: Ніка-Центр, 2002. – 328 с.
6. Нарезный В.Т. Собрание сочинений в 2 т. / В. Т. Нарезный. – М.: Худ. лит., 1983. – Т.2 – 472 с.
7. Пересунько С. В. Традиції українського барокко у творчості М. Гоголя / С.В. Пересунько // Літературознавство. Мовознавство. Фольклористика. Вісник КНУ ім. Тараса Шевченка. – Вип. 9. – К.: ВПЦ «Київський університет», 2000. – С. 34–36.
8. Степанов Н.Л. Нарезный / Н.Л. Нарезный // История русской литературы. В 10 т. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941–1956. – Т.V. – Ч.1 – 1941. – С. 275–292.
9. Улан-Поселянин. Той, которую люблю // Украинский журнал. – 1825. – Ч.7. – №14. – С. 115.
10. Ушкалов Л. Григорій Сковорода і антична культура/ Л.В. Ушкалов. – Х., 1997. – 180 с.
11. Ушкалов Л. Світ українського барокко / Л. Ушкалов. – Х., УДК 808.1

ЖИЗНЬ «МЕРТВЫХ ДУШ»: ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ГЕРОЕВ ПОЭМЫ ГОГОЛЯ

Козлов Илья, Растягаева Мария

Уральский государственный университет им. А.М. Горького

In article dead souls as the economic resource forming mutual relations of protagonists of the first volume of the Gogol's poem are considered. Dead souls unite "an ideal" and "material" component of these relations: representation about the person and the status of the person in a society of that time. For such research the interdisciplinary approach (literary criticism and the economic theory) is necessary.

The paradox of economic relations of heroes of a poem consists that dead souls, unlike traditionally understood economic resource, are not made, and, more likely, on the contrary, cause a damage to an economy, but they become object of purchase and sale, and at some instant even become the subject of economic relations.

Dead souls enter "live" economic relations, create conditions of a life, form the relations between landowners and Tchitchikov, between Tchitchikov and the state (in the name of officials of provincial city N). Dead souls stand in the centre of the public relations put in the forefront in a poem by Gogol whereas live serfs in a narration act more likely as assistants (prompting road or characterising the landowner) in business of the protagonist, thus economic relations do not enter.

The protagonist the idea of a continuation of the family moves. By means of acquisition of dead souls he tries to provide comfortable existence to the descendants. Paradox consists in rapprochement live and dead.

In article different economic relations of heroes are considered: the strange offer of Tchitchikov has forced Manilov to be perplexed of a question material aspect (which remained to it inaccessible). Korobochka, on the contrary, cannot understand "symbolical" benefit of that operation in any way which is made by Tchitchikov. Nozdryov instead of sober calculation, suggests to leave things to chance. Sobakevitch tries to take more itself of Tchitchikov. Plyushkin, it is paradoxical transforms the economic transforms into absolute bankruptcy of the person near the death.

In the ratio live and dead heroes gradually get «the symbolical status» dead souls whereas dead souls suddenly start to be represented as live. Tchitchikov force of economic relations transforms dead in live, and as it seems also itself is more and more assured of their vitality. It appears some kind of Haron only transporting souls for a small bribe – obol-copeck – back through the oblivion river.

But here one more paradox of economic relations in this poem affects. The way of accumulation designated above, myth references in a reality, faces a way back: movement from a direct life in death and finding thus not so symbolical capital – soul. More precisely, not finding, but its detection.

Keywords: *economic resource; dead soul how the center of economic relations; live and dead; economic relations in existential aspects*

Поэма Н.В. Гоголя «Мёртвые души и сегодня так же актуальна, как и в первой половине XIX в. Отношения людей друг к другу и, в целом, к окружающей их действительности воссозданы в произведении так, что позволяют и современное положение дел изображать, используя художественные обобщения этой поэмы.

О поэтике «Мёртвых душ» написано очень много. И, по-видимому, на современном этапе особую значимость приобретает исследование поэмы, интегрирующее подходы разных наук. Это позволяет объяснить своеобразное взаимодействие литературного произведения и окружающей его действительности (а точнее – того «фрагмента» действительности, который изучает наука, методы которой, наряду с литературоведческими, привлекаются для исследования).

В частности, необходимо изучение экономических обстоятельств, преломленных в сознании героев, и экономических отношений героев, свободное от представлений советского времени о классовой борьбе помещиков и крестьян.

Мёртвые души (числящиеся по ревизским сказкам как живые) оказываются основным экономическим благом, вокруг которого организуется повествование и экономические отношения героев. «К экономическим благам относятся те, которые являются объектом или результатом экономической деятельности ... С экономическим благом связана проблема редкости благ, обуславливающее соответствующее поведение человека (хозяйственная, производственная деятельность) в условиях ограниченности (редкости) ресурсов»¹. Парадокс таким образом возникших экономических отношений заключается в том, что мёртвые души, в отличие от традиционно понимаемых «экономических благ», не производятся, а, скорее, наоборот, наносят ущерб хозяйству (если брать только экономическую сторону вопроса), и тем не менее они становятся объектом купли-продажи, а в какой-то момент даже становятся субъектом экономических отношений, взаимодействующим с Чичиковым. Парадоксальная ситуация: то, что не может приносить прибыли (по этическим, экономическим и любым другим соображениям) тем не менее, её приносит. Более того, умершие крестьяне, числящиеся как живые, становятся своего рода персонажем, «живущим» в определенном социокультурном поле, создающим пространство «дома» помещиков (мёртвое создаёт живое).

Особенностью этого произведения становится то, что экономическая сторона дела здесь, как представляется, выходит на первый план, занимает значительное место. Собственно, поверхностный взгляд может уверить читателя, что экономические взаимоотношения в этом произведении и составляют исключительный предмет её. Во всех подробностях освещён механизм купли-продажи крестьян «на вывод» (составление и движение бумаг, особенности ведения делопроизводства (сюжет анекдота, лёгшего в основу произведения), особенности заключения сделок с такими непростыми участниками рынка, какими были помещики, встретившиеся Чичикову (герои произведения),

описание хозяйств этих помещиков, способов ведения хозяйств, наконец, состояние людей и общества в разных местах (пространство в произведении) – практически все элементы структуры этого художественного произведения так или иначе связаны с экономикой.

Необходимость рассмотрения мертвых душ с привлечением экономических подходов диктуется характером отношений, которые возникают между героями поэмы (продажа, дарение, распределение), возможностью их становиться экономическими благами. Мертвые души вступают в «живые» экономические отношения, создают обстановку жизни, свойства действительности, формируют отношения, возникающие между помещиками и Чичиковым, между Чичиковым и государством (в лице чиновников губернского города N). Мертвые души стоят в центре общественных отношений, выдвигаемых на первый план в поэме Гоголем, тогда как живые крепостные в повествовании выступают скорее как помощники (подсказывающие дорогу или характеризующие помещика) в деле главного героя, при этом в экономические отношения не вступают.

Механизм создания мертвых душ как своеобразного символического блага прост, идея принадлежит Чичикову, и что интересно, она преподносится как промежуточный итог его нелёгкой чиновнической карьеры.

Для реализации своих планов Чичиков вначале определяет структуру размещения «мертвых душ»: «Впрочем, приезжий делал не всё пустые вопросы: он с чрезвычайной точностью расспросил, кто в городе губернатор, кто председатель палаты, кто прокурор, – словом, не пропустил ни одного значительного чиновника; но еще с большею точностью, если даже не с участием, расспросил обо всех значительных помещиках: сколько кто имеет душ крестьян, как далеко живет от города, какого даже характера и как часто приезжает в город»². Его махинации с душами, слава миллионщика в пределах повествования показывают пути формирования отношений по поводу перераспределения благ (крестьянских душ и денег): «Деятельность Чичикова рождается в противовес сложившимся регламентациям морали и рынка. Существующим запретам и разрешениям герой противопоставляет казуистический способ обогащения и сбережения собственности»³.

Идея практического использования недостатка экономической системы на первый взгляд представляется чистым мошенничеством. Тем не менее, все герои, которых посещает Чичиков предлагая им эту сделку, относятся к ней серьезно и серьезно же рассматривают различные выгоды для себя. «Мёртвые души» в этом случае оказываются «символическим благом», превращающимся в «блага реальное»: то, чего на самом деле не существует (а существует лишь на бумаге), тем не менее приносит высокое положение в обществе (например, слухи о том, что Чичиков – миллионщик, распространившиеся в городе после совершения купчей. Развившаяся затем кампания против Чичикова, «инициированная» Коробочкой, также относится к важному для этой поэмы соотношению реального и мифического, как будто меняющему их местами (фигура фикции по определению Андрея Белого)). Об этом не преминул сказать и сам повествователь в известном отрывке: «...У нас есть такие мудрецы, которые с помещиком, имеющим двести душ, будут говорить совсем иначе, нежели с тем, у которого их триста, а с тем, у которого их триста, будут говорить

опять не так, как с тем, у которого их пятьсот, – словом, хоть восходи до миллиона, всё найдутся оттенки» (С. 51).

Но что движет героем? Какую потребность хочет удовлетворить Чичиков? Ноздрёву главный герой так объясняет причину своей просьбы о продаже мёртвых душ: «Чичиков ... после минутного размышления объявил, что мёртвые души нужны ему для приобретения весу в обществе, что он поместьев больших не имеет, так до того времени хоть бы какие-нибудь душонки» (С. 81). Но поскольку это объяснение не удовлетворяет Ноздрёва, то добавляет ещё одно – немаловажное: «Я задумал жениться; но нужно тебе знать, что отец и мать невесты преамбициозные люди. Такая, право, комиссия: не рад, что связался, хотят непременно, чтобы у жениха было никак не меньше трёхсот душ...» (С. 81 – 82). Последнее объяснение располагается в ряду постоянных упоминаний об особой заботе Чичикова о своих – пока нерождённых – потомках, и таким образом, связывает два крайних полюса: жизнь и смерть. То, что уже отжило свой век и умерло, должно помочь (и единственно только оно и может помочь) продолжению рода, многочисленные умершие помогают рождению нового.

Несуществующее или же не являющееся самим человеком, а только принадлежащее ему, оказывается определением его сущности, способов обращения с ним. Поэтому идея Чичикова не является фантастической, а, наоборот, приобретает непосредственную, зримую реальность.

Деятельность героев в рамках экономических отношений формируется с появлением у Чичикова представления о «мертвых душах» как об экономическом благе, способном обеспечить прирост капитала. Чичиков отправляется к помещикам, старается найти к каждому свой подход. Охарактеризовать экономические отношения главных героев можно следующим образом.

Манилов, более ведший хозяйство в своих мечтах, соглашается со «странностью», которую ему предлагает главный герой, хотя и продолжает недоумевать на протяжении всего текста: «идеальную» часть плана он, возможно способен постичь, но материальная выгода ускользает от него.

Коробочка, наоборот, «приземлённо» ведущая своё хозяйство, никак не может понять «идеальной», символической выгоды для самого главного героя и поэтому начинает подозревать его в обмане.

Ноздрёв же, вместо трезвого расчёта и «честной» сделки предлагает заменить её волей случая: «– Ну, послушай, хочешь метнём банчик? Я поставлю всех умерших на карту, шарманку тоже» – говорит Ноздрёв Чичикову в ответ на его предложение о покупке мёртвых душ; на что Чичиков отвечает: «– Ну, решаться в банк, значит подвергаться неизвестности. ... / – Отчего ж неизвестности? – сказал Ноздрёв. – Никакой неизвестности! будь только на твоей стороне счастье, ты можешь выиграть чёртову пропасть» (С. 84). Однако Чичиков благоразумно отказывается от этого, заметив нечестность Ноздрёва.

Собакевич, не вдаваясь в дальнейшие подробности, старается сам побольше взять с Чичикова, тем самым ещё более упрочивая своё поместье. При том, что повествователь несколько раз подчёркивает особую связь пространства (крепкого, полного жизни и, вместе с тем, замкнутого, не растрчивающего, а нацеленного только на сосредоточение жизненной силы) и его хозяина: «Казалось в этом теле совсем не было души, или она у него была, но вовсе не

там, где следует, а, как у бессмертного кощея, где-то за горами и закрыта такую толстою скорлупою, что всё, что ни ворочалось на дне её, не производило решительно никакого потрясения на поверхности» (С. 104); «Стол, кресла, стулья – всё было самого тяжёлого и беспокойного свойства, – словом, каждый предмет, каждый стул, казалось, говорил “и я тоже Собакевич!” или: “и я тоже очень похож на Собакевича!”» (С. 99). Наверное, именно этой свойство и способствовало удачному и быстрому «обмену» между ним и Чичиковым: умершее просто вытесняется этой жизненной силой, и при том с немалой выгодой.

Особенными оказываются экономические отношения с Плюшкиным, вызванные парадоксальностью его образа. Так же, как Собакевич, он занимается сосредоточением жизненной силы, но она преобразуется у него в ничто, в «прореху». Накопление «жизни» направлено не на себя (как у Собакевича), не на потомков (как об этом постоянно упоминает и на что надеется, по-видимому, Чичиков), а для себя, впрок, на будущее. Тогда как этого будущего нет: Плюшкин стар, его подстерегает смерть. Само его хозяйство изображено как «вымершее»: «Всё говорило, что здесь когда-то хозяйство текло в обширном размере, и всё глядело ныне пасмурно. Ничего не заметно было оживляющего картину – ни отворявшихся дверей, ни выходявших откуда-нибудь людей, никаких живых хлопот и забот дома!» (С. 118); равно как и жилище, комната Плюшкина: «Никак нельзя было сказать, чтобы в комнате сей обитало живое существо, если бы не возвещал его пребыванье старый поношенный колпак, лежавший на столе» (С. 120). Стремление к упрочению хозяйства постепенно приводит Плюшкина к «разбитому корыту». Жизнь уходит во внешний мир, «перерабатывает» полезные (пригодные для использования, но не для накопления) вещи в знаменитую «кучу» Плюшкина. Попытка сберечь жизнь оборачивается остановкой, плесенью, умиранием.

В соотношении живого и мёртвого герои постепенно приобретают «символический статус» мёртвых душ, тогда как сами мёртвые души вдруг начинают изображаться как живые – например, после возвращения, Чичиков делает им настоящий смотр, обзор, придумывая для них биографию, характеры, профессии и т.д. (С. 140 – 141), в противоположность тому, что «бог знает, какой был характер у Манилова», Коробочка и вовсе не имеет никакого характера (а просто «глупая и вздорная баба»), какова была душа у Собакевича – неизвестно, а Плюшкин и вовсе оказывался «прорехой на человечестве», и проблеск в нём живого чувства сравнивается с последней попыткой утопающего спастись.

Чичиков силой экономических отношений превращает мёртвых в живых, и, как кажется и сам всё более уверяется в их жизненности: «Туда я их всех и переселю! в Херсонскую их! пусть их там живут» (С. 251). Чичиков оказывается героем, как будто превращающим умершее в живое (если не фактически, то символически), он воскрешает на бумаге, в ревизской сказке умерших, оказывается своего рода Хароном, только перевозящим души за небольшую мзду – обол-копейку – обратно через реку забвения. Странное соотнесение Чичикова и капитана Копейкина, которое, против всех мыслимых резонансов, проводит почтмейстер, здесь оказывается объяснимым. Дело здесь не только в том, что Чичикова перед тем, как почтмейстер рассказывает эту историю, назвали разбойником в тщетной попытке определить его сущность и разгадать

его устремления, но и в особом свойстве героя, умеющего обратить реальное в символический капитал, равно как и наоборот. Повесть о капитане Копейкине – достаточно традиционная фольклорная история о том, как герой искал правды, но так её и не добился. Обращает на себя внимание другой, более важный момент: превращение героя из ничтожнейшего и незначимого представителя жизни в разбойника, наводящего грозу на своих бывших обидчиков (ср., например, с Башмачкиным в «Шинели»). Но в этой повести «умаление» героя выражено довольно характерно: «Ну просто, то есть, идёшь по улице, а уж нос твой так и слышит, что пахнет тысячами; а у моего капитана Копейкина весь ассигнационный банк, понимаете, состоит из каких-нибудь десяти синюх». И далее ещё более наглядное сопоставление: «Ну, а там размер-то, размер каков: генерал-аншеф и какой-нибудь капитан Копейкин! Девяносто рублей и нуль!» (С. 208, 212). Деньги, наличествующие у человека, определяют его «стоимость», его сущность, и герой повести приобретает «говорящее» имя. Совет отца Чичикову («Больше всего береги и копи копейку... Всё сделаешь и всё прошибёшь на свете копейкой». С. 235) соотносится с советом генерал-аншефа Копейкину: «Я для вас ничего не могу сделать; старайтесь покамест помочь себе сами, ищите сами средств» (С. 212). Этим советам герои и следуют, повышая свой символический капитал.

Но здесь сказывается ещё один парадокс экономических отношений в этой поэме. Путь накопления, обозначенный выше, обращения мифа в реальность, сталкивается с обратным путём: движением от непосредственной жизни в смерть и обретением при этом уже не символического капитала (выраженного в символах «человеческого происхождения» – деньгах), а непосредственно души. Точнее, не обретением, но обнаружением её.

Прокурор, невольной причиной смерти которого стал Чичиков, – единственный герой в поэме, умерший на протяжении развития действия. У него сразу же обнаружилась душа: «Послали за доктором, чтобы пустить кровь, но увидели, что прокурор был уже одно бездушное тело. Тогда только с соболезнованием узнали, что у покойника была, точно, душа, хотя он по скромности своей никогда её не показывал» (С. 219). Путь, которым «прошел» прокурор (от жизни к смерти и обнаружению для всех его души), оказывается тем не менее не встречным Чичикову, а проходит поперёк его пути и на время задерживает его (эпизод «бегства» героя из города), суля счастье, по мысли самого Чичикова. Таким образом оказывается, что «деятельность Чичикова – своего рода один из «окольных путей», о которых говорит повествователь (С. 219), которые не раз избирало в своей истории человечество: попытка человека обратить смерть (границу и начало пути) в символический капитал для бессмертия и обретения истины.

Неоднократно в литературоведении (И.П. Золотусский, А.К. Воронский) Чичикова называют потребителем, каковым он и является на самом деле, в силу того, что стремится осуществить свои мечты: «Но в нем не было привязанности собственно к деньгам для денег: им не владели скряжничество и скупость. Нет, не они двигали им: ему мерещилась впереди жизнь во всех довольствах, со всякими достатками; экипажи, дом, отлично устроенный, вкусные обеды – вот что беспрерывно носилось в голове его» (С. 238). А. Ястребов пишет, что «Чичиков первый в русской литературе герой, который с юных, “мягких” лет

I. LITERATURĂ. GOGOLIANA

мечтал о потомстве»⁴. Таким образом, экономические отношения Чичикова с другими героями становятся одновременно инструментом достижения поставленных им целей, не связанных с экономической сферой, и влияют впоследствии на миропонимание героя. Несмотря на незавершенность текста поэмы, во втором томе мы находим подтверждение тому, что Чичиков отчасти (хотя бы и в размышлениях о приобретении имения Хлобуева) реализовал свою идею: «Он чувствовал удовольствие, – удовольствие оттого, что стал теперь помещиком, помещиком не фантастическим, но действительным, помещиком, у которого есть уже и земли, и уголья, и люди, – люди же не мечтательные, не в воображенье пребываемые, но существующие» (С. 351).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Большая экономическая энциклопедия. М., 2008. С. 64.

² Гоголь Н.В. Собрание сочинений в 6 т. Т. 5. М., 1953. С. 10 (ссылки на текст поэмы в дальнейшем приводятся в скобках в тексте статьи).

³ Ястребов А. Богатство и бедность: поэзия и проза денег. М., 1999. С. 200.

⁴ Там же. С. 383.

2. VARIA

ОТ «КРАСНОГО СМЕХА» К «КРАСНОЙ КОРОНЕ». ИСПОЛЬЗОВАНИЕ И ТРАНСФОРМАЦИЯ АНДРЕЕВСКИХ МОТИВОВ В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ БУЛГАКОВА

Marianne Gourg
Université Paris 8

В первом десятилетии XX-го века, Л. Андреев пользовался огромным успехом и молодой Булгаков не мог не знать его произведений, колеблющихся между стилизованным, гиперболическим реализмом с одной стороны, символизмом и фантастикой с другой. На самом деле, между нашумевшей при публикации повестью *Красный смех* и военной прозой раннего Булгакова (*Красная корона; Необыкновенные приключения доктора; Белая гвардия*) можно отметить целый ряд текстуальных совпадений, общих мотивов. Эти переключки отчасти объясняются наличием общей тематики: в том и другом случае, речь идёт о войне и о резком отрицательном отношении к ней обоих авторов. Тем не менее, количество и специфичность данных созвучий, вынуждает предположить, что, создавая свои произведения, Булгаков, не раз, отталкивался от андреевских мотивов. Не менее ясно, что он их трансформировал согласно законам своей собственной поэтики.

Самым показательным для нашей темы произведением является *Красная корона*.

Близость заглавий с выделением центрального для обоих произведений слова «красный» бросается в глаза. Фабулы *Красной короны* и *Красного смеха* почти схожи. В обоих случаях, речь идёт о двух братьях, один из которых (здесь младший, там старший) погибает на войне или в результате её последствий. Оставшийся в живых брат ведёт повествование и, одновременно, уходит в безумие. Поражает в обоих текстах фрагментарность. Довольно длинная повесть Андреева распадается на множество маленьких главочек, которые автор обозначает словом «отрывок». Они распределены на две части. Рассказ же Булгакова намного короче и состоит из девяти небольших повествовательных единиц, связанных с личностью и драмой рассказчика.

В тексте Андреева, мотив красного смеха, являющийся как бы фантастической материализацией вездесущего мирового безумия, впервые появляется в связи с эпизодом гибели молодого вольноопределяющегося, у которого голову отрывает снарядом!

«В правую щеку мне дунуло теплым ветром, сильно качнуло меня — и только, а перед моими глазами на месте бледного лица было что-то короткое, тупое, красное и оттуда лила кровь, словно из откупоренной бутылки, как их

рисуют на плохих вывесках. И в том коротком, красном, текущем продолжалась ещё какая-то улыбка, беззубый смех – красный смех.» (*Красный смех*)

У Булгакова, сцена смерти Николки, вызвавшей у его брата потрясение, лишившее его разума, почти перекликается с этим эпизодом:

«Журясь от солнца, я глядел на странный маскарад, уехал в серенькой фуражке, вернулся в красной. И день окончился. Стал черный щит, на нем цветной головной убор. Не было волос и не было лба. Вместо него был красный венчик с желтыми зубьями ключьями (...)

Всадник был горд в седле, но он был слеп и нем. Два красных пятна с потеками были там, где час назад светились ясные глаза.» (*Красная корона*)

Колю также определяют как «вольноопределяющийся»:

«И голос сказал:

– Эх, вольноопределяющегося нашего осколком.» (*Красная корона*)

В обоих произведениях солнце, жара, свет, человеческие голоса воспринимаются как болезненные явления, ассоциирующиеся с неизбывным, безысходным страданием:

«Больше всего, я ненавижу солнце, громкие человеческие голоса и стук частый, частый стук. Людей боюсь до того, что, если вечером слышу в коридоре чужие шаги и говор, начинаю вскрикивать... Но света не позволяю зажигать, потому что, если вспыхнет лампа, я целый вечер буду рыдать, заламывая руки.» (*Красная корона*)

«Солнце было так огромно, так огненно и страшно как будто земля приблизилась к нему и скоро сгорит в этом беспощадном огне.» (*Красный смех*)

«Вот тоже боюсь толпы, людей, когда их соберется много. Когда вечером я услышу на улице шум, громкий крик, то я вздрагиваю и думаю, что это уже началась резня» (*Красный смех*).

У Булгакова, мотив палящего, безжалостного, ослепительного солнца получит дальнейшее развитие вплоть до *Мастера и Маргариты*, где оно связано с болью, со смертельной мукой.

И в *Красной короне*, и в *Красном смехе*, находим мы мотив слепых, незрячих глаз.

«И не смотрели глаза» (*Красный смех*).

«И тут я увидел, в его черных, больших, без зрачка глазах такую муку, такую бездну ужаса и безумия, как будто я заглянул, в самую несчастную душу на свете» (*Красный смех*).

«И в ночь покорно жду, что придет знакомый всадник с незрячими глазами» (*Красная корона*).

Приход смерти уничтожает краски. В *Красной короне*, всё поглощает черный свет.

«Тогда ролер черный стал гуще и всё затянул, даже головной убор...»

В *Красном смехе*, мир покрывается сплошным красным цветом крови и безумия:

«Само небо казалось красным и можно было подумать, что во вселенной произошла какая-то страшная перемена и исчезновение цветов. Исчезли голубой и зеленый и другие привычные и тихие цвета, а солнце загорелось красным бенгальским огнем».

I. LITERATURĂ. VARIA

«Лицо его было окрашено в тот же красный, призрачный цвет крови, превратившийся в воздух и свет».

«Как будто стонал красный воздух, как будто стонали земля и небо».

В обоих произведениях присутствует мотив призрака. Коля вырастает перед братом, отдает честь, приложив руку к козырьку (этот жест, два раза упомянутый в *Красной короне* встречается у Андреева в описании молодого человека обреченного на смерть: «... И докладывал держа руку к козырьку, что генерал просит нас удержаться только 2 часа (...) ... и руку у козырька он держал, чтобы тем привычным и простым движением отогнать сумасшедший страх») и повторяет без конца бередящую сердце рассказчика фразу. «Брат, я не могу оставить эскадрон». Более традиционным образом, в *Красном смехе*, умерший мерещится своему брату, строчащим за письменным столом, за которым он недавно испещрял белые страницы несуществующими буквами.

Время от времени островки упорядоченного мира вторгаются в повествование об ужасах и хаосе. Поражает сходство подобранных для обозначения покоя и порядка деталей.

В *Красной короне*, картина потерянного рая возникает во сне, снимающем чудесным образом все наболевшие узлы: смерти не было, вины нет. В своем «закатном романе», Булгаков снова использует этот прием. Измученный угрызениями совести Пилат чувствует себя на миг освобожденным, когда он видит сон, где он шествует по лунной дороге рядом с живым и благостным бродячим философом, который уверяет его в том, что казни не было. Дом представляется внутреннему взору спящего рассказчика средоточием навеки ушедшего мира:

«Гостиную со старенькой мебелью красного плюша. Уютное кресло с треснувшей ножкой. В раме пыльной и черной – портрет на стене. Цветы на подставках. Пианино раскрыто и партитура Фауста на нем».

В *Необыкновенных приключениях доктора*, перед запуганным, дрожащим от страха, ожидающим с каждой минутой прихода диких Чеченцев доктором, вдруг, среди кавказских гор, выплывает домашняя картина рабочего кабинета.

«И тотчас взвивается надо мной мутно – белая птица тоски. Встает зеленая лампа, круг света на глянцеватых листьях, стены кабинета... Все полетело верхним концом вниз и к чертовой матери! (...) Но всё-таки наступает сон. Но какой? То лампа под абажуром, то гигантский темный абажур ночи и в нем пляшущий огонь костра. То тихий скрип пера, то треск огненных кукурузных стеблей».

Почт аналогичное видение у героя Андреева трупов и стонущих раненых у стены своего кабинета, лампы с зеленым колпаком:

«И тогда – и тогда внезапно я вспомнил дом: уголок комнаты, клочок голубых обоев и запыленный нетронутый графин с водой на моем столике – на моем столике у которого одна ножка короче двух других и под нее подложен свернутый кусочек бумаги»

и дальше:

«И как только закрыл глаза, в них вступил тот же знакомый и необыкновенный образ: клочок голубых обоев и нетронутый графин с водой на моем столике... Но только теперь горела лампа с зеленым колпаком, значит, был вечер или ночь. Образ остановился неподвижно, и я долго и очень спокойно,

очень внимательно рассматривал, как играет огонь в хрустале графина, разглядывал обои».

Вернувшись искалеченный домой, герой смотрит на чашки, напоминающие ему о днях счастья:

«И чашечки были те же, синие снаружи и белые внутри, очень красивые чашечки, которые подарили нам еще на свадьбу».

При этом, нельзя не помнить не только о *Красной короне*, но и о *Белой гвардии*:

«На столе, чашки с нежными цветами снаружи и золотые внутри, особенные в виде фигурных колонок. При матери, Анне Владимировне, это был праздничный сервиз в семействе а теперь у детей пошел на каждый день».

Естественно, голубые обои ассоциируются со знаменитыми креповыми шторами *Белой гвардии*. У того и другого писателя наличествует общий ряд предметов, символизирующих покой, противостоящий ужасам войны; они вкраплены в контрастный контекст, что и создает серию оппозиций: закрытое, защищенное пространство дома и угрожающее, неведомое пространство полей и горных ущелий, где идут бои или разум и безумие, красота и безобразие.

Еще сближает *Красный смех* с *Необыкновенными приключениями доктора* мотив оживающего поля:

«А ночь нарастает, безграничная, черная, ползучая. Шалит, ругает, ущелье длинное. В ночных бархатах – неизвестность. Тыла нет. И начинает казаться, что оживает за спиной дубовая роща. Может – там уже ползут, припадая к росистой траве тени в черкесках».

«И все поле, залитое красными отсветами пожаров, закопшилось, точно живое, загорелось: громкими криками, воплями, проклетиями и стонами. Эти темные бугорки копошились и ползали, как сонные раки, выпущенные из корзины, раскорегенные, странные, едва ли похожие на людей в своих оборванных, смутных движениях и тяжелой неподвижности».

Некоторые страницы *Красного смеха* перекликаются с секвенциями *Белой гвардии*. Так, описание разговора рассказчика со смертельно раненым ассоциируется одновременно с описанием раненого Алексея, с романтическими мечтами Николки о славной и красивой смерти, с музыкой и присуждением ордена и со смертью Най-Турса, чьи последние движения странно напоминают о вальсе:

«А хорошо бы, товарищ, получить орден за храбрость. (...) У него начался гнойник, был сильный жар, и через 3 дня его должны будут свалить в яму к мертвым, а он лежал, улыбался мечтательно и говорил об ордене» (*Красный смех*).

«Очень просто плывет по улице белый, глазетовый гроб, и в гробу погибший в бою унтер-офицер Турбин с благородным восковым лицом, и жаль, что крестов теперь не дают, а то, непременно с крестом на груди и георгиевской лентой» (*Белая гвардия*).

«Он ясно помнит, когда его ранили в грудь навывлет, он упал еще некоторое время до потери сознания, он подпрыгивал ногами, как-будто кому подтанцовывал. И теперь, он вспоминает об этой атаке со странным чувством, отчасти со страхом, отчасти, как будто с желанием еще раз испытать то же самое» (*Красный смех*).

I. LITERATURĂ. VARIA

«Он подпрыгнул на одной ноге, взмахнул другой как-будто в вальсе, и побольному оскалился неуместной улыбкой. Затем полковник Най-Турс оказался лежащим у ног Николки» (*Белая гвардия*).

Сцена выступления оратора, вырастающего из вихря толпы и скрывающегося с глаз неизвестно куда, напоминает эпизод появления и чудесного исчезновения большевистского оратора в *Белой гвардии*. Таким же образом, отчаянный бег повествователя по закрытым дворам, где он вскарабкается на дровяные штабеля перед тем как оказаться в глухих переулках и драться с ожесточенным встречным не может не вызвать на ум аналогичные приключения Николки, его схватку с «рыжим нероном» дворником:

«Потом я перелезал какие-то заборы, обломав себе все ногти, взбирался на штабеля дров (...). Спрыгнув с последнего забора, я очутился в каком-то узеньком, кривом переулке, похожем на коридор между двух глухих стен, и побежал и побежал долго, но переулок оказался без выхода. (...) Он помолчал и внезапно набросился на меня, стараясь повалить меня на землю, и его холодные пальцы жадно нащупывали мое горло, но путались в одежде. Я укусил его за руку, вырвался и побежал, и он долго гнался за мной по пустынным улицам, громко стуча сапогами» (*Красный смех*).

«Человек, как бы играя в веселую игру, обхватил Николку левой рукой, а правой уцепился за его левую руку и стал выкручивать её за спину (...) Николка, как боевой петух, наскочил на дворника и тяжело ударил его, рискуя застрелить самого себя, ручкой в зубы.

Все это он сообразил уже неизвестно каким образом, оказавшись на штабеле дров, рядом с сараем, под стеной соседнего дома. Обледеневшие поленья зашатались под ногами (...) и тут ворота на Разъезжую глухие, заперты. Значит, опять к стене. Но увы, дров уже нет. Николка запер предохранитель и сунул револьвер в карман. Полез по куче битого кирпича, а затем, как муха, по отвесной стене, вставляя носки в такие норки, что в мирное время не поместилась бы и копейка. Оборвал ногти, окровенил пальцы и вцарапался на стену» (*Белая гвардия*).

Наконец, оба писателя проклинаят войну на веку веков:

«Проклятые войнам отныне и вовеки!» (*Необыкновенные приключения доктора*).

«Мне только 30 лет... Будьте вы прокляты!» (*Красный смех*).

Родство обоих текстов очевидно.

Теперь, постараемся проследить специфическое использование трансформации андреевских мотивов Булгаковым. Как было отмечено раньше, фабулы *Красного смеха* и *Красной короны* безусловно очень близки. У Андреева, каждый отрывок начинается с многоточия, с неполной фразы. Прием фрагментарности оправдывает тип повествования, где сцеплены вместе довольно однообразные эпизоды, варьирующие на разные лады и посредством нагромождения самых утрированных и безобразных подробностей, тему ужаса и беззакония войны. Эти повторы потенциально бесконечны.

У Булгакова же, фрагментарность носит совсем иную функцию. Через неё, внимание читателя сосредоточивается исключительно на самые главные сцены, которые заполняют все психическое пространство рассказчика. При этом динамика сюжета отнюдь не ослаблена. Наоборот, поскольку эти сцены

отличны друг от друга и позволяют проследить психическую эволюция рассказчика, ими достигается эффект сжатости. Опущены все ненужные действию подробности. Довольно большой промежуток времени укладывается в короткий текст.

В *Красном смехе*, повествование ведёт младший брат, сначала якобы прямо со слов погибшего (что и объясняет употребление первого лица „до известной степени ведущее читателя в некоторое заблуждение), потом, от своего собственного лица. При этом, нет ни малейшей разницы между переданной шладшим братом речью умерщого и его собственной. То ли полностью совпадают стиль и чувства братьев, то ли, в своем прогрессирующем безумии, повествователь мнит себя точным двойником покойника. Как бы это ни было, указанное полное отождествление повествовательных инстанций ослабляет напряжение между главными полюсами рассказа, который, как было уже отмечено, в конце концов сводится к довольно монотонному перечню ужасов войны. Сюжет растворяется. На этом общем обоим авторам кошмарном фоне, ничего не выделяется особенно. Но появляется и отличие: у Булгакова же, сюжет предельно динамичен. Порождает эту динамику моральное напряжение героя, его чувство вины и ответственности, его вера в необходимость расплаты. Зато, ничего подобного нет в повести Андреева, которая, в отсутствии крепкого остова остается довольно нерасчлененной. По тем же причинам, в ней мотив призрака остаётся сюжетно малооправданным, почти исключительно декоративным.

В *Мастере и Маргарите*, Булгаков использует гораздо более искусно центральный повествовательный прием *Красного смеха*. В булгаковском произведении «Роман о Пилате», представляющий собой единое семантическое и стилистическое целое, имеет несколько «авторов». В нем данный текст включен в другой текст, что и наделяет его надличным значением и придаёт ему характер «вечного», как бы священного текста. С другой стороны, наличие обрамляющего текста, позволяет автору не размывать грани повествования.

В тексте Андреева же мы наблюдаем бесконечные повторы, вариации на одну и ту же тему, возвращение тех же сцен и тех же слов, накопление устрашающих деталей. Каждый из приведенных нами цитат имеет, как минимум, 3 или 4 варианта. Ничего подобного нет у Булгакова. Примером тому может служить тема безумия, центральная в обоих произведениях и у обоих писателей.

Так, *Красный смех* открывается словами «безумие и ужас», которые дальше повторяются, как лейт-мотив. Мотив безумия распространяется на все пространство андреевской повести; редко кто из действующих лиц избегает этой участи, не говоря о толпах сумасшедших, которые появляются на вокзалах, в армии и т.д. Сумасшествие становится обычным, чуть ли не нормальным явлением.

В *Красной короне*, слово «безумие» встречается всего один раз: сходит с ума всего один человек, что и придает этому факту, лежащему в основе сюжета исключительную важность.

Своими повторами, андреевский текст звучит, как заклинание, долженствующее передать безысходную замкнутость сознания бессильного освободиться от навязчивых и ужасающих видений. У Булгакова, нет повторов

I. LITERATURĂ. VARIA

кроме роковой фразы привидения, которая, тем самым, выделяется, приобретает емкость, врезается в память читателя, как символ «адской муки» рассказчика.

В отличие от Андреева, Булгаков скуп на прилагательные. Тем и объясняется их предельная выразительная сила у него.

Наконец, андреевскому приему нагромождения Булгаков противопоставляет прием расчленения: видно это хотя бы в технике, прилагаемой к уже упомянутой сцене о смертельно раненом. В «Красном смехе», герой одновременно вспоминает о странном танце, исполненном в момент ранения (чтоб впрочем, довольно маловероятно, так как навряд ли в это время он на себя смотрел со стороны!), мечтает о награде, думает о старушке матери. Булгаков же использует эту тематику в четырех разных местах, каждый раз в связи с разными персонажами, к которым прикрепляется та или иная деталь. При этом варьируются точки зрения: мечты Коли рассказывает автор, Коля – свидетель смерти Най-Турса и т.д. Как результат, булгаковский рассказ выигрывает в точности и правдоподобности.

Перенимая детали, тематику, приемы Андреева, Булгаков их включает в свою собственную систему, где все подчинено действию, сюжету. При этом, очевидна связь этой прозы с пушкинской. С другой стороны, своей ясностью, сжатостью и выразительной силой булгаковская проза явно тяготеет к театру.

Использованные издания

Л. Н. Андреев, *Рассказы*, «Русские классики», Booking International, Paris, 1995.

М. А. Булгаков, *Собрание сочинений в 5-ти томах*, Москва, 1989, т. 1.

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ МИРОВОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА НАЧАЛА XXI ВЕКА

Светлана Ананьева

Алматы, Казахстан

Нарастающая динамика международного сотрудничества Института в многостороннем формате позволила осуществить интересный проект с участием литературоведов и критиков дальнего и ближнего зарубежья. Результатом расширения и углубления наших контактов стала коллективная монография «Новейшая зарубежная литература» (ответственный редактор – С.А. Каскабасов), авторы которой предприняли попытку дать объективную картину мирового литературного процесса.

В изданных в 2006 году «Очерках по мировой литературе рубежа XX – XXI столетий» (ответственный редактор - М.Х. Маданова) определены главные, существенные, с точки зрения авторов разделов, тенденции и закономерности мирового литературного процесса рубежа веков. Научно-популярный дайджест национальных литератур Азии, Восточной и Западной Европы был подготовлен на основе нового материала, с привлечением Интернет-ресурсов. В книге представлено жанровое и тематическое многообразие чешской (Любомир Махала), турецкой (Мехмет Торенек), индийской (Индра Нат Чаудхури), французской (М.Х. Маданова), арабской (Г.Е. Надирова), греческой (С.В. Ананьева), немецкой (Е.И. Зейферт), латиноамериканской (С.М. Алтыбаева), итальянской (А.К. Машакова), английской (А.К. Тусупова), японской (А.Е. Ментебаева) и русской (Н.К. Сарсекеева) литератур, показаны их типологические особенности, даны краткие биографические сведения о ведущих мастерах художественного слова, проанализированы крупные произведения прозы, поэзии и драматургии.

Началось второе десятилетие XXI века, и все более отчетливо проявляются основные тенденции мирового литературоведения. К ним автор «Предисловия» нового издания академик С.А. Каскабасов причисляет: «соединение литературоведения с психоанализом, философией, социологией, антропологией; выход герменевтической рефлексии на более высокий уровень, представление «нарративной идентичности» через персонажей; выдвигание «перволичного» повествования как критической дискурсивной силы и т.д. Актуальная проблема интерпретации художественного произведения близка к основным философским вопросам бытия и сознания. Опыт структурализма и семиотики позволил представить культуру как текст, и, пользуясь постмодернистским термином, как интертекст, построенный на непрямых и дальних взаимосвязях явлений, мотивов и тем» [1, с.3].

Главной особенностью нынешнего этапа литературного развития А.И. Чагин считает «принципиальное изменение самой структуры литературного процесса. Впервые после 1917 года русская литература преодолела ситуацию раскола национальной культуры и снова вошла в свои естественные берега.

Если прежде открытый литературный процесс представлял лишь один поток литературы – литературу, разрешенную государством, т.е. то, что называлось «русской советской литературой», а два других литературных потока – литература зарубежья и андеграунд – существовали автономно, были отделены от основного русла литературы, то теперь все три потока литературы, взаимодействуя между собой, равноправно участвуют в едином открытом литературном процессе, обозначая пределы единой русской литературы» [2, с.325].

Литературы вступают в диалог, превращающийся, нередко, в полилог. Все это, по мнению А. Чагина, «напоминает литературную ситуацию начала прошлого века и особенно начала 1920-х годов, когда для русской литературы (как и сегодня) было характерно эстетическое и мировоззренческое многообразие, когда (как и сегодня) границы между литературой, оставшейся на родине, и литературой эмиграции были (до 1925 года) прозрачными» [2, с.326].

Начинает издаваться «литература ящика» или «литература письменного стола» и в Румынии. В этой стране «необходимость объективно перечитать прежнюю литературу с новой перспективы, оценить ее эстетическую актуальность появилась после 1989-го года» [3, с.82]. Более того, как отмечают авторы раздела «Румынская литература» Ливия Которча и Богдан Крецу, «новые авторы и книги, вошедшие в румынскую литературу после 1990-го года, существенно меняют литературную иерархию, установленную критикой 60-х годов» [3, с.94]. Известные литературоведы и критики Румынии рассматривают творчество старых романистов в новом историческом и культурном контексте: «Роман стал для читателя едва ли не единственным свидетелем реальности, которую он все же не смел прямо и целиком вывести напоказ или осуждать, но на которую указывал всякими приемами, свойственными европейской и национальной традиции этого очень богатого своими формами прозаического жанра» [3, с.109]. Неореализм и веризм, роман-парабола, его-фикция ... Наши румынские коллеги пишут о своей литературе высокопрофессионально, со знанием дела, неравнодушно, раскрывая читателю все ее многообразие, «не забывая о ее истинных и великих завоеваниях прошлого, широко используя которые она стремится к настоящей универсальности» [3, с.128]. Новая литература Румынии обращена не только национальными традициями, но и общими человеческими и художественными ценностями, пережитыми страданиями. Она обогащена историческим опытом предыдущих веков.

Следует отметить, что у каждого из авторов коллективной монографии «Новейшая зарубежная литература» - своя тема и своя интонация при анализе литературного процесса. Открывает книгу раздел «Немецкая литература». Кристоф Юргенсен выделяет в родной литературе разнообразие тем и стилевых решений, нередко наслаивающихся друг на друга, подчеркивая, что это многообразие направлений и путей развития едва ли подлежит упорядочению. Поэтому он избирает интересный прием и составляет «солидный обзор многоплановой немецкой литературы из веера глав», выделенных по основной тематике: *литература поворота; холокост и фашизм – настоящее время прошлого; тетого ergo fui – в поиске автобиографических*

следов; между культурами, между языками; поп-литература. После поворота (этот термин активно используется критиками и литературоведами Германии. – С.А.) многогранная литература Германии развивалась живо. В этом убеждаешься после знакомства с исследованием К. Юргенсена, которое завершается на мажорной ноте: «В Германии продолжают свою литературную деятельность представители старшего поколения писателей Грасс, Хандке, Вольф и другие. Появилось и новое поколение литераторов, мечтающее о признании. К концу десятилетия прекратились звучавшие ранее причитания по поводу кризиса современной немецкой литературы. Символично в этом плане название статьи Томаса Крафта «Молодая немецкая литература получает заметный стимул» [4, с.40].

Преимущественно о современной французской романистике, вошедшей впервые в университетские программы и ставшей темой семинаров, коллоквиумов, круглых столов, объектом анализа в научных монографиях, пишет Наталья Пахсарьян. Повсеместно наблюдается констатация кризисного состояния французского романа в постмодернистской ситуации. «Внутренние противоречия самой теории постмодернизма еще более усиливают ощущение неорганичности, или, по крайней мере, неполноты определения художественных тенденций конца XX – начала XXI вв. как постмодернистских... Необходимость использовать память о модернизме, «наложение» поэтики постмодернизма на модернизм критики называют «принципом черепицы» [5, с.48]. Далее московская исследовательница уточняет картину: жанровые границы стерты, провозглашается новизна во что бы то ни стало, непонятен принцип чтения и адресат романов. «Романисты как будто пренебрегают одновременно и уроками прошлого, и опытом настоящего, ощупью движутся к тому, что лежит за пределами эстетики, но, тем не менее, требует эстетических решений: общество, история, «другие». При этом чаще всего писатели понимают вымысел как центростремительную силу, запечатлевают в тексте самый ход эстетического присвоения объекта, что выталкивает их на периферию художественного мира и заставляет жалеть об утраченной плодovitости романистов прошлого» [5, с.49].

Главными определениями современной литературы названы – *критическая литература, транзитная литература, материальная литература и диалогическая литература.* Звучат призывы вернуться к «романическому» роману, возродить мифы и сказки. Но «романическое» теперь – это история, рассказываемая себе самому.

Англо-американская университетская проза, по мнению Н. Левитской и А. Тусуповой, является одним из ярчайших литературных явлений рубежа веков. Современная американская литература в ее многообразных жанровых проявлениях свидетельствует как о трансформации традиций, так и о трансформации самих жанров. Современные американские писатели глубоко интегрированы в современное общество. Популярны романтические и сентиментальные романы, хорошо сконструированные, написанные простым и доступным языком, с интересным и захватывающим сюжетом, романы социального плана и др. Популярна книга для чтения в самолете. Об этом рассказывали во время своего визита в наш Институт видные представители научной и творческой интеллигенции США, эксперт в области американской

I. LITERATURĂ. VARIA

культуры, литературы и кинематографии Джонатан Витч и преподаватель Кэтти Куп. Дж. Витч, выпускник Стэнфордского университета по специальности английская и американская литература, аспирант Гарвардского университета, автор монографии «Американский сюрреализм», ставшей выдающейся американской книгой 1997 года.

А.К. Тусупова анализирует поэзию национальных меньшинств, поэзию индейцев, негритянскую литературу, наиболее развитую из всех этнических литератур США, и др. К сожалению, самые популярные писатели США не всегда оказываются самыми лучшими. Но современный литературный процесс крайне разнообразен, что внушает надежду на то, что литература будет существовать до тех пор, пока люди будут читать.

Философской основой мировидения современных английских писателей является экзистенциализм. А в интеллектуально-духовной жизни страны заметно возвращение интереса к нравам, быту, характеру, человеку, что определило обращение к «викторианской эпохе». Так интересно и увлекательно анализирует Н.А. Левитская современную литературу Англии, достойную продолжательницу традиций классического, или «неовикторианского» романа: «Повествовательность, композиционное мастерство, тонкий психологический рисунок, изящная нюансировка в передаче внутренних состояний, унаследованные английскими прозаиками от их великих предшественников, позволяют английской литературе претендовать на статус хранительницы классических романских традиций» [6, с.205]. Характерной тенденцией современной английской прозы, по мнению российского исследователя Н.А. Левитской, является «усвоение достижений традиционной и экспериментальной прозы, что порождает проблемы «псевдореализма» и «нового гуманитарного синтеза», соотношения модернизма и постмодернизма. Характерными чертами современной литературы Англии выступают отказ от «истины», ироническое отстранение. Множественность смыслов, диалог читателя и текста» [6, с.232-233].

Модернизм и постмодернизм в болгарской литературе рассматривается в статье крупного специалиста, литературоведа и критика Пламена Антова. Раздел о современной болгарской литературе имеет подзаголовок «Симптомы одного нового статус-кво». В литературе Болгарии в последние годы серьезных авторов и произведений появляется достаточно. Но «в радикально изменившейся социокультурной и ценностной ситуации появляется одна новая литература – выигрывающая, быстро утверждающая, актуальная именно постольку, поскольку как раз она адекватным образом обслуживает эстетические потребности новоустановленного социального статус-кво...» [7, с.155].

Четко, убедительно, конкретно размышляет Павел Антов о современной ситуации в литературе. Ее моральным долгом исследователь из Софии считает возрождение критичности и гуманистичного пафоса. Но наблюдается обратное. Логично и объективно Пламен Антов воссоздает наблюдаемую ситуацию: «Своим безразличием к социальному, служением удовольствию, поверхностному и эфемерному, целостной утратой своих онтологических и метафизических измерений литература активно включается в производство и утверждение потребительских ценностей капитализма. Это что-то большее, чем

просто контрмодернизм. Это отказ от морали в полном, гуманистическом смысле сего понятия... Кардинальная антитеза модерности между культурой и властью преодолена, происходит позорный соглашательский процесс сближения и слияния властного дискурса и его эстетической рефлексии. Результат – опасный монодискурсивизм, который, как каждый монодискурсивизм, скорее является симптомом тоталитарного» [7, с.170].

Самодостаточным и саморегулируемым механизмом характеризует словацкую литературу начала девяностых годов кандидат филологических наук Ивана Тараненкова, «настолько самодостаточным и саморегулируемым, что он перестал быть интересным читателям – за исключением тех, кто создает литературу или занимается ею профессионально» [8, с.241]. Более привлекательными становятся тексты, продукты мидкультуры. Неоднородность и гетерогенность, автономия авторских поэтик, бесплодие и эксклюзивность сменились такими произведениями авторов, «у которых поэтики не существует вообще, если не считать поэтикой несокрушимое желание писать. Современная словацкая литература находится в состоянии инерции, неподвижности, если под ней понимать отсутствие телеологического движения от одного качества к другому, более новому. Это не значит, - разъясняет далее И. Тараненкова, - что в ней не появляются интересные литературные тексты. Но они не определяются принадлежностью к направлению или группировке. Они не стремятся установить какую-либо тенденцию» [8, с.245].

В современном развитии словацкой поэзии кандидат филологических наук Любица Самолайова отмечает двойственный путь развития: очень сильную тенденцию «к абстракции высказывания, национальности выражения, строго рациональной рефлексии, мотивация которой скрывается глубоко в поэтических образах, и потому она почти неразгадываема, с другой стороны, однако, данная тенденция уравнивается стремлением к передаче ярких чувственных деталей, к выразительной визуализации и конфронтации эмоционального переживания с его рациональными или иррациональными (интуитивными) последствиями. Причем переживание не спрятано, а подано таким образом, что вызывает впечатление повседневности, обыденности, типичности» [8, с.257-258]. Раздел о словацкой литературе отличает своеобразная композиция, непосредственному анализу прозаических и поэтических произведений предшествует Предисловие кандидата филологических наук Института словацкой литературы Словацкой академии наук Михала Хабай. В установлении контактов с научным коллективом Института словацкой литературы САН (г.Братислава) неоценима помощь Наталии Муранко (Университет Константина Филозофа, г.Нитру), которая и блестяще перевела материал своих коллег, написанный со знанием дела, научным стилем, на русский язык.

Современное состояние литературного процесса в Испании, по мнению автора одноименного раздела А.К. Машаковой, имеет ряд отличительных черт, связанных с тем, что «испанские поэты и писатели создают свои произведения на испанском, баскском и галисийском языках» [9, с.130]. Автором данного раздела обобщен большой художественный материал, что позволило старшему научному сотруднику отдела мировой литературы и международных связей

I. LITERATURĂ. VARIA

проследить развитие основных жанров: автобиографический, любовный, приключенческий, детективный, исторический роман, роман-путешествие и т.д. Она предпринимает экскурс в историю литературы Испании, выделяя четыре крупные периода в ее развитии. Известными испанскими писателями современности названы Артуро Перес-Реверте, Игнасио Каррион, Энрике Вила-Матас, Висенте Сото, Хуан Педро Апарисио, Хосе Мария Мерино, Бернандо Ачага, Рамон Асин, Хавьер Мариас, Мануэль Ривас, Фернандо Мариас и др.

Вспоминается в этой связи первый визит испанских писателей в Казахстан в 2005 году и участие Хосе Мария Мерино, лауреата многочисленных литературных премий, Рамона Асина, первого президента Союза писателей Испании, и Хавьера Мартина, канцлера Посольства Королевства Испании в Республике Казахстан, в работе круглого стола «Национальная литература в многонациональной стране» в Национальной библиотеке. Был особо подчеркнут тот факт, что сосуществование разных культур и литератур в Испании и в Казахстане обогащает культуры наших стран. Блистательный экскурс в историю испанской литературы сделал Мурат Ауэзов, акцентируя внимание на том, что Испания со своей богатейшей культурой и литературой должна быть включена в наши контексты. «Золотой век» испанской литературы и его яркие представители Лопе де Вега, Педро Кальдерон, Тирсо де Молино, Франсиско Кеведо оказали огромное влияние на развитие мировой литературы. «Дон Кихот» Мигеля де Сервантеса Сааведра разрушил каноны рыцарского романа, избавил от бытовавших стереотипов – и в этом его огромное значение. От всемирно известного произведения ведет отсчет «жизнерадостное свободомыслие» (Ф. Энгельс) как главный тезис Ренессанса.

В истории казахско-испанских литературных связей ценен и уникален следующий факт. Чрезвычайный и Полномочный Посол Королевства Испании в Казахстане Франциско Паскуале де ла Порте в серии «Дипломатическая почта» издал роман «Надя» о таинствах славянской души. Автор произведения, профессиональный дипломат, имеющий солидный послужной список: Экваториальная Гвинея, Румыния, Перу, Германия, бывшая Югославия и Россия твердо уверен в том, что сама жизнь и окружающая нас действительность – это роман.

Доктор исторических наук, директор Центра корееведения КазНУ им. Аль-Фараби Герман Ким, автор раздела о корейской литературе, отмечая, что литература Южной Кореи малоизвестна зарубежным читателям, подчеркивает совершенно специфическую картину ее развития, обусловленную расколом на два государства, образовавшихся в результате раздела сфер влияния между СССР и США. Он четко структурирует материал: *литература послевоенного периода, проза и поэзия 1970-1980-х годов, современная литература, женское литературное творчество, раскол Родины как литературная тема и литература разделенной нации*. Вестернизация корейского общества повлияла и на изменения в жанровой структуре корейской литературы, для которой характерна еще одна мировая тенденция – постепенное стирание границ между серьезной «высокой» и массовой «низкой» литературами. Широко распространены женские романы, детективная литература, фэнтези, комиксы и др. Период 1990-х годов в развитии литературы назван «периодом индивидуальной чувственности».

Интересен раздел о литературе Египта. Младший научный сотрудник отдела мировой литературы и международных связей А.А. Бисенкулов, владеющий арабским языком, обобщил тенденции развития литературы на примере анализа творчества Нагиба Махфуза, Соаллаха Ибрагима, Яхья ат-Тахер Абдалла, Аля Аль Асуани, Ахмада Алайди, Гамала Аль-Гайтани и др. Современная литература Египта обращена в прошлое своей страны. Писатели пытаются возродить интерес к арабскому языку, художественным переводам, призывая к возрождению любви к собственной богатейшей культуре.

Склонность романтизировать незнакомое и полужановое прошлое и преодолевать материал настоящего российский писатель Сергей Шаргунов считает естественным стремлением человека, подчеркивая при этом новую востребованность интеллектуализма. Изменение литературного климата замечает и критик Сергей Беляков: «Вновь появились критический реализм и психологическая проза. Появился даже роман идей» [10, с.9]. И читателям, и писателям, замечает критик Андрей Рудалев, «захотелось искренности, ясности, очевидности, наступило пресыщение околослитературной игрой в словесный бисер, появилась жажда поиска истины» [10, с.10]. Жажда поиска истины все отчетливее просматривается в литературах Кыргызстана (автор – Ш.Р. Елеукунов), Азербайджана (автор – Т. Джафаров), Молдовы (автор – М. Метляева), Украины (автор – С.В. Ананьева). Глубоко и всесторонне анализирует современный литературный процесс Кыргызстана известный литературовед и критик, доктор филологических наук Ш.Р. Елеукунов, отмечая ее достижения и своеобразные черты в новейшее время.

Идейно-тематическое, жанрово-стилистическое и поэтическое новшества в азербайджанской поэзии, прозе, драматургии и публицистике двух последних десятилетий доктор филологических наук Тельман Джафаров связывает с именами авторов, широко известных еще всесоюзному читателю. Традиционалисты «верховенствуют как в поэзии, так и в прозе» [11, с.561]. Постмодернисты и авангардисты, нацеленные на стирание памяти, значительно уступают. Тема войны и беженцев, тоска по потерянным городам и селам, судьба бывших воинов и другие морально-этические проблемы, интерес к человеческой неординарности нашли отражение в творчестве мастеров художественного слова Азербайджана. Элементы детектива, фантастики, антиутопии, мотивы тюркской мифологии, восточного сюрреализма, античная тематика расширяют рамки новой азербайджанской прозы и драматургии.

С сожалением М. Метляева, член Союза писателей Румынии и Молдовы, пишет о том, что экскурс в современную молдавскую литературу «дает лишь часть ее общей картины, реальность которой намного обширней и многообразней» [12, с.552]. Но Мирослава Метляева своими публикациями на страницах нашего журнала «Керуен», журнала «Простор», альманаха «Голоса Сибири» (г.Кемерово) сделала все для того, чтобы мы узнали современную литературу Молдовы получше и почувствовали ее своеобразие, национальный колорит как неотъемлемой страницы мировой культуры и литературы. Известный критик и переводчик, поэт и прозаик анализирует в разделе «Молдавская литература» все жанры: прозу, поэзию, драматургию. Вводит в научный оборот большой материал. Пишет о современной литературной критике: «В какой-то степени современные молдавские литературные

I. LITERATURĂ. VARIA

критики становятся культурологами, которые пытаются определить закономерности осознания человеком особенностей духовной составляющей нынешнего общества» [12, с.552].

Все разделы коллективной монографии «Новейшая зарубежная литература» даны в авторской редакции. Написаны они крупными специалистами в области своих литератур, равнодушными к судьбе культуры и искусства, что позволяет вести речь о значимом вкладе в исследование национальных литератур рубежа веков.

Литература:

1. Каскабасов С.А. Предисловие // Новейшая зарубежная литература. – Алматы: ИД «Жибек жолы», 2011. – С.3-7.
2. После раскола: русская литература сегодня // Новейшая зарубежная литература. – Алматы: ИД «Жибек жолы», 2011. – С.325-336.
3. Румынская литература // Новейшая зарубежная литература. – Алматы: ИД «Жибек жолы», 2011. – С.82-129.
4. Немецкая литература // Новейшая зарубежная литература. – Алматы: ИД «Жибек жолы», 2011. – С.8-42.
5. Французская литература // Новейшая зарубежная литература. – Алматы: ИД «Жибек жолы», 2011. – С.43-81.
6. Английская литература // Новейшая зарубежная литература. – Алматы: ИД «Жибек жолы», 2011. – С.203-233.
7. Болгарская литература // Новейшая зарубежная литература. – Алматы: ИД «Жибек жолы», 2011. – С.153-171.
8. Словацкая литература // Новейшая зарубежная литература. – Алматы: ИД «Жибек жолы», 2011. – С.234-258.
9. Испанская литература // Новейшая зарубежная литература. – Алматы: ИД «Жибек жолы», 2011. – С.130-152.
10. Круглый стол «Литература «нулевых»: предварительные итоги» // Л.У. Литературная учеба. – 2010. Книга первая. Январь-февраль. – С.6-20.
11. Азербайджанская литература // Новейшая зарубежная литература. – Алматы: ИД «Жибек жолы», 2011. – С.555-577.
12. Молдавская литература // Новейшая зарубежная литература. – Алматы: ИД «Жибек жолы», 2011. – С.494-554.

Актуальные проблемы литературоведения, искусствознания и фольклористики на современном этапе, Материалы Международной конференции. – Алматы: ИД «CREDOS», 2011. – С.393-403.

«СЛАВЯНСКАЯ НОТА» В ПОЭЗИИ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ 1920-30-х ГОДОВ

Лапаева Наталья

Пермский государственный педагогический университет

«SLAVONIC NOTE» IN THE RUSSIAN EMIGRANT POETRY OF 1920-30th

The paper (article) traces the role of Czech, Poland, Kingdom of Serbian, Croats and the Slovenes, Bulgaria in the fates of Russian emigrant poets of 1920-30th. It represents the results of poetic analysis of lyrical works by M. Tsvetaeva, L. Stolitsa, L. Alexeeva, E. Tauber, A. Dyrakov, A. Kondratiev and others that figure the process of artistic understanding of Slavonic countries. The author proves that the way of describing Slavonic countries reflexes the desire of Russian poets to accustom themselves to a new cultural-historical and natural landscape, to find things in common between related cultures – Russian, West Slavonic and Balcan Slavonic countries.

Russian literature of the first wave emigration; Russian emigrant poets in Czech, Poland, Yugoslavia, Bulgaria; slavonic cultural landscape; motive of the motherland / foreign land; «slavonic» topic; process of the cultural and national self-determination

Трудно переоценить ту роль, которую сыграли славянские страны: Сербия, Болгария, Чехия Польша – в литературных судьбах русских поэтов-эмигрантов первой волны. Думается, можно говорить о географическом «славянском» многообразии русской эмигрантской поэзии 1920-30-х годов. Славянские страны стали местом, где жили и продолжали творчески развиваться многие русские поэты, покинувшие Россию после революции 1917 года.

В начале 1920-х годов Прага становится центром культурной жизни русской эмиграции. Т.П. Буслакова объясняет это следующими фактами: «Условия жизни русских в Чехословакии были связаны с последствиями Русской акции, предпринятой правительством и президентом Т. Г. Масариком в 1922 г. Были выделены средства из фонда президентской канцелярии <...> Так стала возможна организация русского университета, имевшего два факультета – юридический и гуманитарный или историко-филологический, Технического института и Сельскохозяйственной школы. <...> Преподавание велось на славянских языках»¹.

В Праге существовало немало русских издательств («Наша речь», «Славянское издательство», «Пламя» и др.); выходило достаточное количество периодических изданий (журналы «Русская мысль», «Воля России», «Своими путями», «Голос минувшего на чужой стороне», газета «Русское дело» и др.).

Эмигрантская поэзия в Чехии развивалась динамично и стремительно. Многие поэты испытали творческое вдохновение в тот свой период, когда оказались в Праге. В частности, Лили Фейлер утверждает, что Марина Цветаева в Праге была «на вершине творчества»². Можно сказать, что в Чехии, в Праге, «на вершине творчества» почувствовали себя также и другие поэты: Вадим Морковин, Вячеслав Лебедев, Алла Головина, Эмилия Чегринцева, Татьяна Раттгауз и др.

Польша как одна из стран-лимитрофов также стала местом сосредоточения диаспоры поэтов-эмигрантов из России. В Польше нашли вдохновение такие знаковые поэты русского зарубежья, как Александр Кондратьев (село Дорогобуж, Волынь), Лев Гомолицкий (Варшава, Лодзь), Константин Оленин (Сарны), Евгений Вадимов (Варшава) и др. Важнейшим свидетельством существования литературной жизни русских эмигрантов на территории Польши являлись существующие книгоиздательства («Слово», «Таверна поэтов», «Литературное содружество»), а также регулярно выходящие журналы и газеты («Меч», «Родное слово»).

Важнейшую роль в судьбах эмигрантов первой волны сыграли балканские страны. Например, в Болгарии, как утверждает И. А. Шомракова, «в 1921 насчитывалось 12000, в 1922 – ок. 30000, к 1 января 1930 – 21830, в 1936-37 – 157000 русских беженцев»³. И хотя Болгария не стала «центром русского рассеяния в Европе» по причине того, что «ограниченные материальные возможности Болгарии, установление дипломатических отношений с СССР и волна национализма в конце 20-х – начале 30-х вынудили многих русских уехать из страны»⁴, для некоторых русских поэтов эта страна, по существу, оказалась второй родиной. Талантливые представители русской поэзии Любовь Столица и Александр Федоров после отъезда из России до конца своих дней жили в Болгарии, в *Софии*. Отметим, что в Софии начал выходить один из первых журналов русской эмиграции «Русская мысль»; очень плодотворно работали Российско-болгарское книгоиздательство, издательство «Русь», книжный магазин и библиотека «Зарницы», издававшие русскую и зарубежную прозу, а также сочинения русских писателей-эмигрантов.

Существовали и «балканские», «польские», «болгарские» эпизоды в индивидуальных судьбах поэтов-эмигрантов, когда, «кочуя» по миру, они на какое-то время задерживались в той или иной стране, а потом двигались дальше. Так, например, часть эмигрантского бытия Алексея Дуракова была связана с Македонией (он жил в Скопье, Вранье); Александр Бем сначала уехал в Белград, затем оказался в Варшаве, наконец, перебрался в Прагу, чтобы осесть в ней теперь уже навсегда; Федор Косаткин-Ростовский перед тем, как уехать в Париж, жил в Сербии, где работал учителем в гимназии и т. д.

Безусловно, особенное место в судьбах представителей литературы русского зарубежья первой волны занимала Югославия. Зорислав Паункович пишет: «...после Гражданской войны Югославия приютила около 40 000 беженцев из России, большинство их осело в Сербии, где им была оказана государственная поддержка. У русской эмиграции в Югославии до Второй мировой войны были свои учреждения и издания, своя культурная жизнь. <...> Учитывая это, как и исконно, исторически сложившуюся близость между югославами, особенно сербами и русскими, в Югославии существовал

благоприятный климат для восприятия русской литературы»⁵. Думается, не случайно первый зарубежный Съезд русских писателей и журналистов (1928), участниками которого были члены Парижского, Пражского, Берлинского, Белградского, Варшавского Союзов, открылся именно в Белграде.

С Королевством сербов, хорватов и словенцев были тесно связаны судьбы Ильи Голенищева-Кутузова, Екатерины Таубер, Михаила Залесского, Лидии Алексеевой, Алексея Эйснера, Александра Неймирока, Алексея Дуракова и др. Белград оказался для многих из них тем городом, где они учились, находили работу, писали стихи, печатались. Русские, находящиеся на территории КСХС, имели возможность печататься в таких издательствах, как «Наша речь», «Пламя», «Славянское издательство», и это было проявлением полноценности жизни литературы, оказавшейся вне родины.

Свидетельством активной жизни поэтов русской диаспоры в славянских странах является факт создания на их территории многочисленных и плодотворно работавших литературных объединений. Трудно переоценить роль руководимого Альфредом Бемом литературного объединения «Скит» в Праге (его члены – Сергей Рафальский, Алексей Фотинский, Борис Семенов, Владимир Мансветов, Алла Головина, Евгений Гессен, Вячеслав Лебедев и др.), которое так много определяло в культурной и литературной жизни русского зарубежья. В видении Любви Белошевой, «даже в Праге, ставшей с годами одним из эмигрантских центров со своей сложившейся структурой, <...>, отрыв от родины <...>, бремя нелегкого эмигрантского быта молодыми переносилось не менее тяжело, чем старшими по возрасту. В этой обстановке именно “Скит поэтов”, превратившийся с годами в литературный “Скит” <...> создавал на протяжении лет своеобразную творческую литературную среду и, по сути, составил Праге репутацию одного из главных после Парижа литературных центров русского Зарубежья»⁶.

Особую роль в жизни русской поэтической диаспоры в Польше играли такие кружки и объединения, как «Таверна поэтов», куда входили, несомненно, литературно одаренные Всеволод Байкин, Михаил Константинович, Олег Колодий и др.; «Священная лира», членами которой являлись очень яркие русские зарубежные поэты Александр Кондратьев, Лев Гомолицкий, Георгий Клиггер.

По-своему важную роль в существовании и развитии литературы русского зарубежья сыграли и литературные объединения, возникшие в Белграде. Отметим как значимый факт существования в Белграде в середине 1920-х годов литературного объединения «Книжный кружок», наиболее известными участниками которого были замечательные поэты Екатерина Таубер, Евгений Кискевич, а также деятельность самого крупного русского литературного объединения «Литературная среда», которое основал и которым бесменно руководил Илья Голенищев-Кутузов. В литературных вечерах «Среды», на которых читались стихи и отрывки из прозы, обсуждались рефераты, принимали участие Александр Неймирок, Екатерина Таубер, Лидия Алексеева, Алексей Дураков, Михаил Погодин, Владимир Гальский и др.

Творчество поэтов, эмигрантская судьба которых проинтегрировалась в историю и культуру славянских стран, имеет свои особенности. Симптоматичным явлением истории литературы русского зарубежья можно считать

существование в ней двух противоборствующих направлений поэзии: «парижского» и «пражского». Организатор и идеолог пражского «Скита» Альфред Бем был уверен в существовании «поэтической пражской школы». Сущность расхождения «парижан» и «пражан» он видел в несовпадении их взглядов на литературу: с его точки зрения, «парижане» считали литературу «средством самораскрытия, выявления своего я в его наиболее интимных глубинах», «пражане» же – «творческим преобразованием жизни по особым законам, одной литературе присущим»⁷.

Думается, небезынтересно рассмотреть особенности восприятия славянских стран русскими поэтами, которые проявились в их творчестве. Попав в новое для себя пространство, поэты-эмигранты пытались его художественно осмыслить, ценностно упорядочить, организовать символически, сообщить ему структуру и смысл. В «географических», иначе говоря, посвященных той или иной земле, стихах русских поэтов-эмигрантов проступает, по сути, экзистенциальный аспект отношения человека к месту.

В цикле «Стихи к Чехии» Марина Цветаева признавалась, что Чехия для нее – родина, поскольку там родился ее сын. Всмотревшись в «богемский» пейзаж, в котором она видит присутствие Бога («Богова! Богемия!»), она восклицает: «Эти горы – родина / Сына моего», «Эти доли – родина / Сына моего», «Эти хаты – родина / Сына моего»⁸. Оккупацию Чехословакии Германией в 1939 г. она воспринимает как личную катастрофу и как проявление чудовищной несправедливости («От Эдема – скажите, чехи! – / Что осталось? – Пепелище...» [с. 355], «Что с тобою случилось, край мой, рай мой чешский?» [с. 346]). Она сочувствует и сострадает «сей маленькой стране», призывает ее к сопротивлению «Германам, Германии сынам»: «С объятьями удавными / Расправится силач! / Да здравие, Моравия! / Словакия, словач!» (с. 355).

Особенное – теплое – расположение к Чехии ощутимо и в стихотворениях Ирины Бем. Отталкиваясь от жестокой действительности войны, она грезит о мире, счастье, гармонии, напрямую связывая их с этой страной, «на иные суровые страны ни в чем не похожей»⁹. В стихотворении «Иногда, просыпаясь, забудешь совсем, что война...» именно на фоне «чешского» пространства поэтесса разворачивает утопические картины счастливой жизни – «Может быть, на окне ледяные застыли цветы, / А другие, живые, мешают с рождественской елью / Теплый запах и краски; ребенок смеется, и ты / Предаешься на миг беспричинно, как в детстве, веселью» (с. 70).

Праге, этому удивительному по красоте городу на Влтаве, не могли не посвящать своих стихов поэты, для которых она оказалась вторым домом. В «пражском тексте», создателями которого стали Михаил Форштетер, Эмилия Чегринцева, Ирина Бем, Вячеслав Лебедев и др., соединились восхищение красотой и шармом этого города, ощущение окутывающей его тайны и странного обаяния, которое от него исходит.

Стихотворение Михаила Форштетера «Прага» свидетельствует о том, что поэт заморожен мистическим обликом Праги – он чувствует себя ловцом и пленником города, который пытается одновременно «поймать» и разгадать («Тысячебашенный и старый, / <...> / Грехам и наваждениям тайным / Прикосновенен темный рок: / перед тобою не случайным ловцом в овраге я залег»¹⁰). Для Христины Кротковой Прага притягательна органичным соедине-

нием в ней старого и сегодняшнего (поэтесса видит «столетий поредевших испокон / На погребях замок и цепь преданий» и улицы, где «асфальтами заменены торцы, / Чтобы моторы выбегали глуше. / Трамваев отдаленные концы / Чуть сблизилась в осенней луже»); прекрасного и выморочно-больного («В газонах чародейные цветы / Рассыпали мертвеющие пряжи, / Льют темное обилие листы / На заживо зарытый в землю радий»¹¹). Эмилию Чегринцеву очаровывает старинный лик города, увлекают легенды, которыми окутана древняя Прага («И в предчувствии бед и бездоля, / одинокий и злой, как скопцы, / серым пальцем глиняный Голем / королевские метит дворцы»). Пытаясь понять душу города, Эмилия Чегринцева реконструирует мифы, связанные с его прошлым, внимательно и тревожно вглядывается в них, испытывая на себе их магическое влияние («И тогда из-под арок извивы / узких улиц, сквозь копоть и пыль, / золотистым играющим пивом / малостранская вспенится быть»¹²).

«Польский дискурс» в поэзии русского зарубежья отличают возвышенность тона, благородные интонации. Эти качества обнаруживаются и в стихотворении «К Польше» поэта дальневосточной эмиграции Валерия Перелешина, видящего Польшу «издалече» («Но мне издалече видна / Ты прежнею Польшей Прекрасной...»). Поэт запечатлел свое восхищение этой страной, передал живое и трепетное к ней отношение, почувствовал, что Польша – это порыв, полет, высокая трагедия («О Польша! Ты голубь живой / Меж молотом и наковальней – / Прекрасная предков страна...»¹³).

В облике Польши всегда проакцентрована ее красота. Так, например, даже «странные» страницы польской истории Владимиру Корвину-Пиотровскому видятся в ярком и зримом великолепии: «Замостье и Збараж, и Краков вельможный / Сегодня в шелку и парче <...> / О, польское счастье под месяцем узким, / Невеста Марина с царевичем русским / По снежному полю идет...»¹⁴. Отметим, что в восприятии поэтов-эмигрантов красота Польши – не материальная и статичная, но метафизическая, «летающая», трепетно-одухотворенная.

Вместе с тем, Польша «магнитит» своей богатейшей, с героическими и трагическими страницами, историей. Именно такой видит Варшаву как воплощение польского София Прегель в стихотворении «Смерть Варшавы». Ее обращение к Варшаве – соединение восторга перед красотой «города торжественной нищеты» («О, куполов серебряные шапки, / Светлые лица зданий твоих! / О, площадей бездонные лужи, / О, голубых решеток рога...») и боли, рожденной от переживания трагических событий современной истории Польши («Город упал, смертельно контужен, / Злойбой повержен врага»¹⁵).

В видении Георгия Гачева, Польша – это всегда несколько «женская линия»¹⁶. В этой связи обращает на себя внимание стихотворение Александра Вертинского «Пани Ирэна», в котором образ лирической героини – гордой, красивой, устало-меланхоличной польки с роскошным именем Ирэна (поэт признается, что влюблен в ее «гордые польские руки, / В эту кровь голубых королей», его волнуют «и акцент <...> польской изысканной речи, / И ресниц утомленный полет»¹⁷) – есть своего рода символическая проекция его представлений о Польше как некоем феноменальном ментальном явлении.

Очевидно, что в стихах о Балканах, принадлежащих эмигрантам первой волны, доминирует «позитивное» начало. Вместе с тем, отношение поэтов к «балканскому» топосу имеет свои оттенки.

Стихи о Болгарии Любови Столицы отражают энергию ностальгии, выражающуюся в сближении духовного облика России и Болгарии. «Съесть хоть полломтика нашего – / Ах! – черного хлеба сладимого... / И еще раз насмотреться бы / На лик, что любила единственно / Там... и в Болгарии»¹⁸, – как бы заклинает саму себя поэтесса. В сознании Любови Столицы православная Болгария вызывает ассоциации с оставшейся «там» Россией, что сообщает ее «болгарским» стихам особую теплоту и наполняет их каким-то метафизическим светом. По признанию Любови Столицы, в Болгарии, как и в России, она пережила «дни сказки... и горестной истины...».

Теплота и задушевность интонаций характеризуют и некоторые стихи русских поэтов-эмигрантов, посвященных Сербии. Лидия Алексеева воспринимает Белград как «свой», дорогой сердцу и родственной душе, город. Изображая начавшуюся весну в прекрасном и легком, ставшем родным городе, она пишет: «А у нас в Белграде, / Хоть ледок еще на лужах прочен, / Но вороны с криком гнезда ладят, / И трава пробилась у обочин / Тех тропинок»¹⁹.

Георгий Гачев, размышлявший о «балканском космо-психо-логосе», заметил, что его оригинальность определяется «рожденностью» «> вблизи Природы»²⁰.

Действительно, Балканы в стихах русских эмигрантов – уникальное пространство, где человек, во-первых, может испытать близость к природе и довольно свободно вписать себя в красивейший девственно-дикий пейзаж («И я не вернусь умирать туда, / Где гор нетронутый снег, / Где летом быстрой речки вода / Смывала с камней мой след» [Нонна Белавина]²¹, «Не видно моря. Облака / На небе выцветшем застыли. / Кустарник пощипать слегка / Пришла коза из древней были, / <...> / Здесь остаюсь на целый день, / Пьяна сладчайшим тонким хмелем. / О эта глушь и эта лень...» [Екатерина Таубер]²²), во-вторых, ощутить удаленность от цивилизации («И сплетались цветные узоры – / Снег на горных балканских вершинах, / И вода голубого Босфора, / И ночные Парижа витрины» [Зинаида Ковалевская]²³, «Мне часто ночами снится / Серых гор и туманов встреча: / Черногорская граница: / Угол Богом забытый – Билеча» [Михаил Залесский]²⁴).

Подчеркнуто «природным», спасительным и гармонизирующим отношением человека с миром предстает «балканский», точнее – «сербский», ландшафт в стихотворении Алексея Дуракова «Вранье». Приезд во Вранье для поэта – выход в другое измерение. Вранье как художественный локус вбирает в себя разнообразные оттенки смыслов: это и граница, перейдя которую, лирический герой попадает из цивилизации в природу («Из духоты, от жизни пыльной / Да вдруг в благословенный край»); и окно в мир красоты, света и гармонии («...А в небе – синь и воронье»); и место, с которым связывается надежда на обретение душевного и физического выздоровления («Здесь сердце бьется в замираньи...», «...и воздух солнышком разнежен / И для чахоточных грудей / Всевышней властью обезврежен / Над морем высоты своей»²⁵).

Наряду с почувствованной в природе Балкан спокойной гармонией Алексея Дуракова привлекает и ее величественно-тревожная красота, которую

воплощают в основном горы с их «подозрительным, томительным покоем». Его стихотворение «Босния» выразительно и рельефно запечатлевает infernalную, фантазмагорическую красоту горного балканского пейзажа – «Гор содвинувшиеся гряды, / Как чудовища, припавшие к земле, / У ворот чистилица на страже, / Горбятся в кроваво-дымной мгле ...» (с. 229).

В лирических опусах Алексея Дуракова природное начало в «балканском» ландшафте дополняет историко-культурная его составляющая. Поэт глубинно ощущает силу и обаяние балканского мира, сложившегося на перекрестке культур. Об этом свидетельствует его стихотворение «Дубровник», в котором автор, всматриваясь в «былью искаженный лик» древнего города, в сегодняшнем его силуэте пытается найти черты архаичного, увидеть приметы языческого («А ночью благостной и краткой / - Живая тень твоих теней - / Глядит твой Ораст на остатки / Истлевших от бессилья дней. / И разделив его тревогу, / Средь тишины полночный Влах / Тебя с мольбой возносит к Богу / На древних каменных руках» (с. 230).

В «славянских» стихах поэтов русского зарубежья нашла свое художественное воплощение актуализировавшаяся для них проблема поисков собственной идентичности: оторванные от родины, но попавшие в родственное культурное пространство, они попытались установить связь со своими корнями, «припомнить» свое происхождение, ощутить укорененность в древних пластах славянской культуры. Это нашло отражение в попытках реконструкции древних славянских языческих мифов и обработке мотивов славянского фольклора.

Как весьма интересным в этом контексте охарактеризуем цикл Александра Кондратьева «Славянские боги», в котором он трансформирует образы языческой мифологии западных и восточных славян, и стихотворение Евгения Вадимова «Купава», которым он откликнулся на кондратьевский «славянский» цикл. Александр Кондратьев апеллирует к персонажам древней мифологии славян-язычников: Перуну («В пернатый плащ одет и на подножье зыбком / Свинцово-темных туч стою неколебим...»²⁶), Светлому витязю («Пробуждать природу ото сна / Едет витязь под плащом багряным. / Всюду читится по славянским странам / Светлый бог...» [с. 188]), Болотнику («Я – Водяному брат двоюродный. Рога, / В отличие от него, мне украшают темя...»), Вилу («...Наш независим нрав. / С колчаном за спиной, одежду подобрал, / Порою на лосях несемся мы огромных / Вслед за медведицей средь скал головоломных» [с. 191]), Дзеване («Царицы Лета дочь, как мать, / Но строже, чем она, я – Лестница-Дзевана. / В сени священных рощ люблю среди тумана / Вечернего мольбам невинных дев внимать» [с. 188]) и др.

Евгений Вадимов вслед за поэтом-предшественником поэтично описывает языческую деву Купаву («Идет Купава дорогой синей, / Вскрывая тайны речного дна – / И млеет запах лесной полыни...»²⁷). Можно предположить, что сам процесс «оживления» / реконструирования образов многочисленных языческих божеств и героев архаичных славянских мифов давал поэтам, оторванным от реальной родины, возможность обратиться к своей культурной и исторической прародине, задуматься об особенностях менталитета славян, почувствовать укорененность в национальной почве.

I. LITERATURĂ. VARIA

Таким образом, в поэзии русского зарубежья 1920-30-х гг. весьма существенной оказалась семантическая наполненность понятия «славянское». «Проживание» поэтами конкретного – чешского, польского, балканского – ландшафта, его природных, культурных, антропогенных составляющих оформлялось в стихах, отразивших направления поиска культурных ориентиров в охваченном социальными катаклизмами мире, запечатлевших процессы национального самоопределения и желание отыскать связи между родственными по духу культурами.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Буслакова Т. П. Литература русского зарубежья: Курс лекций. – М.: Высшая школа, 2003. – С. 13.
- ² Фейлер Л. Марина Цветаева. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. – С. 208.
- ³ Шомракова И. А. Болгарские издательства // Литературная энциклопедия русского зарубежья. 1918-1940 / Т.2. Периодика и литературные центры. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. – С. 43.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Пуанкович З. О восприятии творчества Газданова в Югославии // Гайто Газданов и «незамеченное поколение»: писатель на пересечении традиций и культур: Сб. науч. тр. ИНИОН РАН / Редкол.: Красавченко Т. Н. – М., 2005. – С. 214-215.
- ⁶ Белошевская Л. Пражское литературное содружество «Скит» // «Скит». Прага 1922-1940: Антология. Биографии. Документы. – М.: Русский путь, 2006. – С. 76.
- ⁷ Бем А. Задачи современной эмигрантской литературы // «Скит». Прага 1922-1940: Антология. Биографии. Документы. – Указ. изд. – С. 683.
- ⁸ Цветаева М. Собрание сочинений в 7 т. Т. 2. Стихотворения. Переводы. – М.: Эллис Лак, 1994. – С. 348-349. Далее в статье тексты стихов Марины Цветаевой цитируются по этому изданию с указанием страницы в скобках.
- ⁹ Цит. по: Вернуться в Россию – стихами... 200 поэтов эмиграции: Антология / Сост., авт. предисл., коммент и биограф. сведений В. Крейд. – М.: Республика, 1995. – С. 69.
- ¹⁰ Там же. С. 496.
- ¹¹ Цит. по: Поэты пражского «Скита» / Сост., вступ. ст., коммент. О. М. Малевича. – СПб.: ООО «Издательство «Росток»», 2005. – С. 185.
- ¹² Там же. С. 305.
- ¹³ Цит. по: «Мы жили тогда на планете другой...»: Антология поэзии русского зарубежья. 1920-1990: (Первая и вторая волна): В 4 кн. Кн. 4 / Сост. Е. В. Витковский; Коммент.: Г. И. Мосешвили. – М.: Московский рабочий, 1997. – С. 121.
- ¹⁴ Цит. по: «Мы жили тогда на планете другой...»: Антология поэзии русского зарубежья. 1920-1990: (Первая и вторая волна): В 4 кн. Кн. 1 / Сост. Е. В. Витковский; Коммент.: Г. И. Мосешвили. – М.: Московский рабочий, 1995. – С. 329.
- ¹⁵ Цит. по: «Мы жили тогда на планете другой...»: Антология поэзии русского зарубежья. 1920-1990: (Первая и вторая волна): В 4 кн. Кн. 3 / Сост. Е. В. Витковский; Коммент.: Г. И. Мосешвили. – М.: Московский рабочий, 1994. – С. 71.
- ¹⁶ Гачев Г. Национальные образы мира: Курс лекций. – М.: Издательский центр «Академия», 1998. С. 252.
- ¹⁷ Цит. по: «Мы жили тогда на планете другой...»: Антология поэзии русского зарубежья. 1920-1990: (Первая и вторая волна): В 4 кн. Кн. 1 / Сост. Е. В. Витковский; Коммент.: Г. И. Мосешвили. – Указ. изд. – С. 295.
- ¹⁸ Цит. по: Ковчег: Поэзия первой эмиграции / Сост., авт. предисл. и коммент. В. Крейд. – М.: Политиздат, 1991. – С. 346.
- ¹⁹ Алексеева Л. Горькое счастье. Собрание сочинений. – М.: Водолей Publishers, 2007. – С. 146.

- ²⁰ Гачев Г. Национальные образы мира: Курс лекций. – Указ. изд. – С. 257.
- ²¹ Цит. по: «Мы жили тогда на планете другой...»: Антология поэзии русского зарубежья. 1920-1990: (Первая и вторая волна): В 4 кн. Кн. 4 / Сост. Е. В. Витковский; Комментар.: Г. И. Мосешвили. – Указ изд. – С. 147.
- ²² Цит. по: «Мы жили тогда на планете другой...»: Антология поэзии русского зарубежья. 1920-1990: (Первая и вторая волна): В 4 кн. Кн. 3 / Сост. Е. В. Витковский; Комментар.: Г. И. Мосешвили. – Указ изд. – С. 33.
- ²³ Цит. по: «Мы жили тогда на планете другой...»: Антология поэзии русского зарубежья. 1920-1990: (Первая и вторая волна): В 4 кн. Кн. 4 / Сост. Е. В. Витковский; Комментар.: Г. И. Мосешвили. – Указ. изд. – С. 154.
- ²⁴ Цит. по: «Мы жили тогда на планете другой...»: Антология поэзии русского зарубежья. 1920-1990: (Первая и вторая волна): В 4 кн. Кн. 3 / Сост. Е. В. Витковский; Комментар.: Г. И. Мосешвили. – Указ. изд. – С. 26.
- ²⁵ Цит. по: «Мы жили тогда на планете другой...»: Антология поэзии русского зарубежья. 1920-1990: (Первая и вторая волна): В 4 кн. Кн. 2 / Сост. Е. В. Витковский; Комментар.: Г. И. Мосешвили. – М.: Московский рабочий, 1994. – С. 227. Далее в статье тексты стихов Алексея Дуракова цитируются по этому изданию с указанием страницы в скобках.
- ²⁶ Цит. по: «Мы жили тогда на планете другой...»: Антология поэзии русского зарубежья. 1920-1990: (Первая и вторая волна): В 4 кн. Кн. 1 / Сост. Е. В. Витковский; Комментар.: Г. И. Мосешвили. – Указ изд. – С. 189. Далее в статье тексты стихов Александра Кондратьева цитируются по этому изданию с указанием страницы в скобках.
- ²⁷ Цит. по: Вернуться в Россию – стихами... 200 поэтов эмиграции: Антология / Сост., авт. предисл., коммент и биограф. сведений В. Крейд. – Указ. изд. – С. 117.

Список использованной литературы

1. Алексеева Л. Горькое счастье. Собрание сочинений. – М.: Водолей Publishers, 2007.
2. Белошевская Л. Пражское литературное содружество «Скит» // «Скит». Прага 1922-1940: Антология. Биографии. Документы. – М.: Русский путь, 2006.
3. Бем А. Задачи современной эмигрантской литературы // «Скит». Прага 1922-1940: Антология. Биографии. Документы. – Указ. изд.
4. Буслакова Т. П. Литература русского зарубежья: Курс лекций. – М.: Высшая школа, 2003.
5. Вернуться в Россию – стихами... 200 поэтов эмиграции: Антология / Сост., авт. предисл., коммент и биограф. сведений В. Крейд. – М.: Республика, 1995.
6. Гачев Г. Национальные образы мира: Курс лекций. – М.: Издательский центр «Академия», 1998.
7. Ковчег: Поэзия первой эмиграции / Сост., авт. предисл. и коммент. В. Крейд. – М.: Политиздат, 1991.
8. «Мы жили тогда на планете другой...»: Антология поэзии русского зарубежья. 1920-1990: (Первая и вторая волна): В 4 кн. Кн. 1 / Сост. Е. В. Витковский; Комментар.: Г. И. Мосешвили. – М.: Московский рабочий, 1995.
9. «Мы жили тогда на планете другой...»: Антология поэзии русского зарубежья. 1920-1990: (Первая и вторая волна): В 4 кн. Кн. 2 / Сост. Е. В. Витковский; Комментар.: Г. И. Мосешвили. – М.: Московский рабочий, 1994.

I. LITERATURĂ. VARIA

10. «Мы жили тогда на планете другой...»: Антология поэзии русского зарубежья. 1920-1990: (Первая и вторая волна): В 4 кн. Кн. 3 / Сост. Е. В. Витковский; Коммент.: Г. И. Мосешвили. – М.: Московский рабочий, 1994.

11. «Мы жили тогда на планете другой...»: Антология поэзии русского зарубежья. 1920-1990: (Первая и вторая волна): В 4 кн. Кн. 4 / Сост. Е. В. Витковский; Коммент.: Г. И. Мосешвили. – М.: Московский рабочий, 1997.

12. Поэты пражского «Скита»/ Сост., вступ. ст., коммент. О. М. Малевича. – СПб.: ООО «Издательство «Росток»», 2005.

13. Пуанкович З. О восприятии творчества Газданова в Югославии // Гайто Газданов и «незамеченное поколение»: писатель на пересечении традиций и культур: Сб. науч. тр. ИНИОН РАН / Редкол.: Красавченко Т. Н. – М., 2005.

14. Фейлер Л. Марина Цветаева. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1998.

15. Цветаева М. Собрание сочинений в 7 т. Т. 2. Стихотворения. Переводы. – М.: Эллис Лак, 1994.

16. Шомракова И. А. Болгарские издательства // Литературная энциклопедия русского зарубежья. 1918-1940 / Т.2. Периодика и литературные центры. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000.

ТВОРЧЕСТВО И.А. БУНИНА В ОЦЕНКЕ И.А. ИЛЬИНА

А.В. Науменко-Порохина

Москва

Вопросам эстетического, художественного начала в творчестве русских писателей И.А. Ильин посвятил ряд работ философского и литературоведческого характера, среди которых, безусловно, первостепенными и значимыми являются две: «Основы художества. О совершенном в искусстве» и «О тьме и просветлении. Книга художественной критики. Бунин – Ремизов – Шмелев». Причем, в первой автором разработаны методы и принципы анализа художественного произведения, а во второй они применены в ходе конкретного изучения и детального разбора творческих актов И.Бунина, А.Ремизова и И.Шмелева. Они и создавались И.Ильиным в такой последовательности: первая закончена в 1937, тогда же и напечатана в Риге очень маленьким тиражом – всего 1000 экз. Но, как свидетельствовали современники, не осталась незамеченной: «Особенно мне близка была книга проф.Ильина «Основы художества. О совершенном в искусстве», автор которой говорит о том, что искусство есть служение и радость, и утверждает существование объективных ценностей прекрасного, зовет к классическому искусству и отвергает модернистское течение, в котором он видит чувственную возбужденность, нервную развинченность и духовную пустоту»(Климов Е.Е. Встречи, Рига, 19994.С.57) и: «Книга И.А. Ильина – книга огромного захвата. Он говорит о всех видах искусства: об архитектурном искусстве, о живописи, о музыке, о пластике, о поэзии во всем многообразии ее. Он говорит и мастерам искусства, и знатокам-ценителям его; говорит и критикам, и «снобам», и равнодушным, и – просто публике. Он вводит в лабораторию искусства и учит, как надо творить высокое искусство, - дает его законы, вскрывает к нему пути»(Шмелев И.С. Книга о вечном. Возрождение. №4088 от 23июля 1937г). Вторая книга закончена в 1939 и объявлена к выходу, но по неизвестным причинам не была опубликована. Впервые появилась в печати в 1959 в Мюнхене.

Будучи истинно русским, глубоко религиозным человеком, сыном своего народа, ощущающим с ним глубокую, кровную связь, не нарушаемую насильственной разлукой и изгнанием, И.Ильин постиг основы русского самосознания и поведал о них грядущим поколениям в своих многочисленных трудах. В данном случае ученый говорит о русском художественном сознании, сформировавшемся под влиянием русского национального характера, в коем преобладала сила и духовная мощь православного религиозного начала. Эти знания и лежат в основе его убедительного утверждения о том, что: «для русского человека все великое в искусстве родилось из служения; служения

свободного и добровольного, ибо – вдохновенного»(1). Как здесь не вспомнить великие пушкинские строки: «Служенье муз не терпит суеты, Прекрасное должно быть величаво» (и это тоже глубоко естественное и глубоко традиционное, русское, тонко подмеченное пушкинским гением!). Заметим, именно служенье – так творчество понимал не только А.С.Пушкин, но и, как совершенно справедливо подметил И.А.Ильин: «великие русские поэты выговаривали – и Державин, и Жуковский, и Пушкин, и Лермонтов, и Баратынский, и Языков, и Веневитинов, и Тютчев – и выговорили, что художник имеет пророческое призвание; не потому, что он «предсказывает будущее», а потому, что через него прорекает себя созданная Богом сущность мира и человека. Ей он и предстоит, как живой тайне Божией; ей он и служит, становясь её «живым органом»(Тютчев)... А когда он выговаривает созревшее, то оно – это Главное, это Сказуемое, этот про-рекающийся «отрывок» мировой сущности, ради которого и творится все художественное произведение, - оно является в прикровенном виде: оно скрыто за чувственным обликом искусства»(2).

Это, в свою очередь, позволяет исследователю описать и объяснить свой главный постулат о художественном Предмете, который, по его убеждению, есть «про-рекающаяся живая тайна». «Живая тайна» для И.Ильина – это всегда Божественное начало, то наивысшее, что стремится познать и ощутить истинный художник. Именно поэтому художественный Предмет, по Ильину, определяет всё в произведении: и содержательное и формальное начала. Это очевидно, и в этом И.Ильин традиционен, как, впрочем, и во многом другом. Именно эта его традиционность противостояла и противостоит разрушительному так называемому новаторству, расплодившемуся в великом множестве течений и направлений в искусстве и литературе XX века. Чего стоит только «саморазрушающееся искусство» или «литература потока сознания»! О каких канонах и правилах можно говорить, когда даже в самых строгих и точных литературоведческих сферах, как теория литературы или введение в литературоведение, где шагу не ступишь без определения или понятия, наблюдается явный хаос и неразбериха все в тех же терминах и определениях, осознанно создаваемая нынешними «теоретиками» от литературоведения под общей редакцией Л.В.Чернец! Недавно вышедший учебник(!) для вузов «Введение в литературоведение» вышеупомянутого автора к учебной литературе не имеет никакого отношения, ибо ничему не научает начинающего филолога, зато пестрит абсурдными новациями, выхолащивающими суть и содержание науки о литературном произведении и творческом процессе. Заменив содержание формой, а суть понятия самим новым понятием, подобные теоретики в конечном счете формируют приспособленческую, рефлексивную, космополитическую личность.

Предлагаемый же И.А.Ильиным принцип осмысления художественного произведения и творчества разных писателей позволяет критику и литературоведу сориентировать читателя не только на восприятие, но и на формирование высоких нравственных идеалов и ценностей, так необходимых любой личности: любви к Отечеству, ответственности за содеянное, честности, искренности, добротолубия и многому другому, чего катастрофически не достает очень многим молодым людям нашего времени. Такой подход способствует

выработке государственного, гражданского отношения к роли личности в судьбе страны, помогает видеть проблему в целом, не отвлекает на частности, не уводит в сферу лишнего и случайного, не формирует схоластов и формалистов, безразличных к судьбе собственного народа.

Есть две разнонаправленные величины в развитии общества и личности: созидательная и разрушающая. И всегда находились сторонники как одной, так и другой. Вопрос в том, какое начало победит в вечной борьбе. И.Ильин убежден, что созидательное. Он, как и многие русские патриоты-изгнанники, переживший в начале XX века разруху и уничтожение сильнейшего в мире Российского государства, был убежден в победе созидательного в русском человеке.

Философски осмысливая происходившее в его бытность в искусстве, И. Ильин создал гармоничное и убеждающее учение о художнике и художественности, о критике настоящей и ложной, о со-творце читателе, о самом созидателе художественном процессе. При этом показал очевидный приоритет содержательного начала над формальным, а, значит, противостоял и в этом тоже всему разрушительному. Особенно сильно ученый ощущал великую роль творческой, здоровой критики и её, по сути, отсутствие в первой половине XX века! Да и не только в начале XX века, вспомним, как остро недоставало умного критика А.С. Пушкину, М.Ю. Лермонтову, Н.В. Гоголю. Рассуждая о творческом процессе, И. Ильин закономерно и логично приходит к следующему: «Художественное произведение подобно осуществленному закону. В нем все отобрано Главным; в нем всюду прорекается сам сказуемый Предмет; но есть сама воплощенная тайна, пропетая музыкально, или вообразенная в живописные образы, или облеченная в слова... И зная это, невольно спрашиваешь себя иногда: что же воспринимают, что постигают, что истолковывают в искусстве современные «формальные» критики, разрывающие одежду искусства на кусочки так, как если бы то была не живая риза явившейся тайны, а праздная, мертвая ткань с произвольно брошенными складками? Нет в искусстве самодовлеющей «формы» или самодовлеющего «способа выражения»... Создание искусства есть прежде всего и больше всего выношенное художником Главное, сказуемое им содержание, почерпнутое им из таинственного существа мира и человека, или – несравненно больше и священнее – из тайны Божией. Все остальное в искусстве есть или профессиональная техника, или же риза главного предметно-таинственного содержания»(3).

Будучи убежденным в том, что: «художники – наши душевные врачи и воспитатели», ученый, обеспокоенный происходящим, предостерегает и писателя, и читателя от неверных шагов: «Горе им и горе нам, если они вместо благих средств дадут нам яд; и вместо благих путей ведут нас к распаду и гибели! Но если они верны своему призванию, то дело их становится служением и радостью», - после чего следует очевидное даже для непосвященных: «вот почему в искусстве нет и не может быть никакой самостоятельной и самодовлеющей «формы»; ибо форма его вращена в содержание; и вращена она именно потому, что первоначально, в душе самого художника, она выросла из этого главного, таинственного, предметного содержания»(4). И сказал это И.Ильин в 1934г., когда в разрушаемом(насильственно!) искусстве России происходил, по сути, разгул формализма, инициируемый идеологами-коммунистами, отчего, как известно, не могли плодотворно писать да и жить тоже

русские писатели и поэты А.Блок, С.Есенин, В.Маяковский, М.Булгаков и многие другие.

Именно потому, что труды И.А.Ильина противостояли разрушению русской культуры и искусства разными инородцами, они и были запрещены на Родине целых 50 лет! А за это время «абрамовичи» и «чернецы» успели воспитать духовно нищими и слепыми несколько поколений русских людей: «Вот художественная болезнь нашего века: люди воспринимают искусство духовно глухим и духовно слепым глазом. Не в наших силах остановить эту болезнь. Но в наших силах стать под знамя истинного, ответственного и вдохновенного, непобедимого и неумирающего, классического и в то же время пророческого искусства; стать с непоколебимой уверенностью, что исторические бури и страдания смоят душевную нечисть и очистят духовный воздух и что в искусстве, как и везде, распутий и соблазнов много, а путь – один»(5).

Поистине провидческие слова, сказанные русским мыслителем почти век назад, не утратившие своей актуальности и сегодня. Более того, именно сегодня нужны такие книги, которые помогают прозреть незрячим и обрести слух слепым! Ведь это теперь не секрет, что на протяжении всего XX века местечковые «теоретики» успели искорежить много душ. Но дурачить можно одного человека и то не долго, а целый народ одурачить еще никому не удавалось! Русские медленно, очень медленно учатся на горьком опыте предшественников и современников, но ничем не объяснимая мученическая гибель лучших поэтов и писателей России А.С.Пушкина, М.Ю.Лермонтова, Н.В.Гоголя, А.Блока, С.Есенина, В.Маяковского, А.М.Горького, Дм.Кедрина, Н.Рубцова, И.Талькова ускоряет наше духовное прозрение, закаляет русское национальное сознание. Как молодой росток пробивает даже асфальт, так и исконное, национальное, сильное начало сметет все искусственные нагромождения чужеродной системы, внедряемой в России на протяжении всего XX века. В это верил И.Ильин, в это верят лучшие люди сегодняшней России, да и его горячее патриотическое слово теперь доступно всем желающим.

Выработав методологию, И.Ильин приступает к анализу творческого акта художника во второй книге «О тьме и просветлении. Книга художественной критики. Бунин – Ремизов – Шмелев». Именно в этом труде он продемонстрировал все возможности своей теории, позволяющей увидеть и оценить достоинства и недостатки художественного творчества любого автора.

В основе теории И.Ильина лежит принципиально важная теоретико-методологическая посылка о Типе художественного опыта, или, иначе, типе художественного сознания. По И.Ильину, таких типов - два: внутренний и внешний. По сути, ученый делает открытие в теории художественности, которое помогает грамотному критику, и не только критику, яснее, быстрее и глубже воспринять художественный процесс и определить уровень и силу того или иного художника слова. Иными словами, применяя принцип И.Ильина, можно легко отличить настоящее творение от талантливой подделки, истинное искусство от жалкой его копии. Вот как определяет внешний и внутренний опыт ученый: «Каждому из нас доступен и внешний, и внутренний опыт. Внешний опыт прилепляет нас к чувственным восприятиям и состояниям, Мы живем нашим телом, и воспринимаем мир именно через него. Художник, вос-

принимающий и рисующий мир из такого художественного акта, есть художник внешнего опыта. Такой художник есть прежде всего живописец и скульптор, ему дано видеть природу, человеческое тело, понимать ощущения, знать человеческий инстинкт, но мир души и духа неуловим при помощи чувственного опыта. Поэтому такому художнику ни постичь, ни увидеть, ни показать его не удастся.

Напротив, внутренний опыт уводит нас от чувственных восприятий и состояний и открывает нам иной мир, мир, воспринимаемый нечувственно. Связанная с телом от рождения до смерти, душа может отвертываться от тела, не верить ему, не считать его существенным, не предаваться его зовам и соблазнам, - идти не к нему, а или через него, или мимо него, к нечувственным обстоятельствам и состояниям мира. Мир человеческой души, Божественного откровения, религиозного смысла жизни, высшего назначения человека.

Напротив, художник внутреннего опыта есть ясновидец душевно-духовной жизни человека и мира. Он не живописец, а психолог, он архитектор не материальных и не инстинктивных, а духовных масс. При этом художникам не дано обходиться совсем без внешнего и без внутреннего опыта. Но им дана возможность творить преимущественно из внешнего или преимущественно из внутреннего опыта или владеть обоими источниками, сочетая их. Из всего этого не трудно понять, что, в сущности, ни один писатель не прикован к какому-нибудь одному, определенному акту. Более того, есть художники, создающие каждое произведение из нового акта, повинуюсь основному закону художественности, согласно которому не поэт навязывает свой талант эстетическому Предмету, а Предмет диктует таланту необходимый Ему художественный акт»(6).

И. Ильин, таким образом, выработав критерий оценки и методологию своего анализа художественного творчества, уже в публичных лекциях о русских писателях за рубежом (о чем он сообщает в письме к И. Шмелеву): «Сейчас пишу Бунина, через неделю надо обработать Мережковского, а еще через неделю в один присест Краснова и Алданова»(7), а затем в книге «О тьме и просветлении...» дает нам, по сути, образец изучения и анализа художественного Акта И.А.Бунина. При этом небезынтересным оказался и сам исследовательский опыт И.Ильина, которым он поделился с И.Шмелевым. В одном из писем И.Ильин, знакомя И.Шмелева со своими творческими замыслами, по сути, вводит его в свою творческую лабораторию, свой творческий акт, делая И.Шмелева со-участником, со-творцом, а вместе с ним и всех нас. Нельзя без творческого со-переживания читать это письмо, оно захватывает, просветляет, ставит многое на свои места, приобщает к труду ученого и одновременно критика-творца: «У меня долгое время был такой план: - сначала столп и утверждение Шмелёв. Потом Бунин. Потом Ремизов. Потом Мережковский. Но это было, в сущности, бесплатье: это не целое, это острова, это «кресла» с литературными величинами. Лишь кончая главу о Ремизове – я понял, чего требует предмет. И чую я, что он требует иного: не портретов, расположенных по степени любви и ценимости, а единого замысла, и притом не в плане эстетической материи или эстетического образа, а в плане художественного предмета. Тогда и заглавие должно быть предметное. И вот, что вышло. О тьме и скорби. Книга художественной критики. Бунин. Ремизов. Шмелёв. А это

значит: тьму и скорбь послала нам «история», т.е. Господь. И все мы во тьме ходим и скорбью живём. И вот старшее ныне поколение литературных художников, сидя с нами во тьме и скорби, что видит, что показывает, что даёт, куда ведёт.

А) Бунин. Тьма первобытного эроса – и мука от него.

Б) Ремизов. Тьма нечисти злобы и страха – мука о ней, но не скорбь, а мука, требующая жалости.

И нет скорби ни у того, ни у другого; и нет преодоления, нет выхода к свету.

В) Шмелёв – тьма богоутраты, и скорбь в мире и о мире, и через скорбь выход к Богу и свету.

Так что – исход должен быть дан финалом, преодолением. И вся книга строится снизу вверх, с предоставлением Бунину – воспрезирать меня до смерти; с предоставлением Ремизову написать обо мне какую-нибудь химерическую дребедень, как он иногда размалёвывает знакомых.

Мне важно, чтобы Вы узрели замысел и то, почему разрешающий проблему идёт в конце. Это восхождение, подъём апофеоза. Стоят же все три главы – островами; внутренне-само-законченными; так что ценители Шмелёва могут читать только о нём, а обожатели бунинской темы – только о нём (8).

В ответном письме И.Ильину И.Шмелев также точно, глубоко, - изнутри, охарактеризовал литературную ситуацию в эмиграции и указал на отсутствие сильного крыла в современной ему критике. Одновременно дал и самую высокую оценку труда своего близкого друга, ученого, патриота России: «Для меня дорого(как и для всякого русского писателя), что Вы(а больше и некому в эмигрантской и прочей вселенной) всерьез, и глубоко, и проникновенно, и вдохновенно, и властно – даете писателей, как никогда и никто еще не давал. Ибо с таким мерилom, какое Вы применяете, никто ещё не брал, да и понятия о сем не имел. Доведется ли только прочесть, увидеть...»(9).

Переписка «двух Иванов» как видим, существенно дополняет и расширяет наше представление об их творчестве, скорее, со-творчестве, как любил утверждать И.Ильин. Материалы эти бесценны для нас и наших потомков, поскольку проливают свет на многое, что теперь ушло безвозвратно. А главное, переписка обнажает то духовное родство, едино-мыслие, взаимоподдержку этих великих русских людей, которые помогли им выжить вне Родины и сохранить великое духовное наследие. Именно оно, это великое достояние русского народа, а свое творчество они понимали как служение народу, замалчивалось в советской России более 50 лет!

Об учение И.Ильина о художественном творчестве, о художнике, о со-творце – критике в одночасье разбиваются все советские глиняные колоссы от литературоведения с их безжизненными и умозрительными концепциями и прочими «теоретическими» построениями(10). Так, автор, по И.Ильину, «творя, видит; видит очами духа, которые открылись во вдохновении. Он творит из некоей внутренней духовной очевидности»(11). Это открытие И.Ильина глубоко и верно понял И.Шмелев и дал высокую оценку книге в статье «Книга о Вечном»: « Да, именно, о вечном: о «божественном глаголе», о «Божьих лучах в земных явлениях», - о приоткрывающейся Божьей тайне. Другим словом и не могу я определить глубокую сущность этой книги, захватывающей дерзанием и

откровением, острой мыслью и страстной верой... многих заморозит нравственной высотой, обогатит духовно, откроет глаза на то, что казалось «само собой разумеющимся». Эта книга – о тайне мира и человека, о сокровенной их сущности. Опыт духовного видения дает читателю книга И.Ильина. Приводит к познанию основ искусства, вводит в религию искусства, в служение и радость, творит его символ веры»(12).

Из писем узнаем и о том, как шла работа над созданием этих книг. Попутно авторы переписки высказывают свое отношение к И.Бунину и Д.Мережковскому, боровшихся за получение Нобелевской премии в 1931-33гг. Оба осуждали пиар-кампании, развернувшиеся в русской зарубежной прессе вокруг творчества И.Бунина и Д.Мережковского. К примеру, высказывание И.Шмелева: « Об И. Бунине Степун гремит-трубит на всех площадях(начиная с Современных записок – и вся печать)...Бунин был уверен, что присудят ему. Я знаю от Кульмана, который хлопотал. Были подняты все силы, из 7 государств...»(13). При этом и И.Шмелев и И.Ильин стремились к справедливым и объективным оценкам творчества своего великого соотечественника. Называя И.Бунина прекрасным писателем, И.Шмелев дал высокую оценку его таланта: « Я люблю Бунина за чистоту слова, за труд, за вкус, за русскую природу.... Много сохранил нам, собрал. Большой талант...»(14).

И. Ильин точно подмечал особенности Бунина-художника, стремился определить специфику Художественного Предмета писателя и уже в отдельных замечаниях личного характера это проявилось в одном из писем: «Мережковский есть одно дутое недоразумение. Но я не понимаю, какой «человеческий идеал» можно находить у Бунина. Мрачнейший их эпикурейцев; из всех прозрителей в человеческую бестиальность – нещаднейший; великий микроскопист элементарно-родового инстинкта. Его учитель – Лев Толстой в «Смерти Ивана Ильича»(15).

Таким же эмоциональным, а в ряде случаев и жестким, было их обсуждение лекций И.Ильина о Бунине, что свидетельствовало в первую очередь о творческих поисках И.Ильина и И.Шмелева, а так же и подтверждало большую степень важности поднятого вопроса. Порой его оценки слишком категоричны, однако не лишены основательности: « Вы мой «етюд» о Буниади криво восприняли: я его осадил, посадил и усадил; а Вы восприняли это так, будто я его – преподнес, вознес, превознес. С точки зрения художественно-эстетической я ему приговорил: быть в негениальных талантах, за кавалергардов не соваться, помнить третий ранжир»(16). На что И.Шмелев справедливо заметил: « Вы дали гениально-верно и тем самым воспели! Не плохая высота, которую Бунину определили. Вы его поставили, да, но как же верно и высоко – относительно. И я писал на Ваш вопрос – не врагом ли станет Бунин, если опубликовать. И я ответил - нет, если он не дурак и не в самообмане»(17). Этот обмен мнениями проявил принципиальную позицию И.А.Ильина-критика и литературоведа. Однако, не изучив ход анализа И.Ильина, невозможно полно представить себе логики и оснований подобных выводов. Обратимся к тексту работы «Творчество И.А.Бунина». Что в ней существенно и значимо? Что обогатило литературоведение начала XX века? И что, на наш взгляд по праву изменит взгляд многих современных литературоведов на проблему изучения отдельной творческой личности и литературного процесса в целом?

При этом опыт И.Ильина можно принимать или не принимать. Но пройти мимо его открытий, или игнорировать их невозможно. Подтверждением тому – обнажающаяся на фоне его трудов схоластика советского литературоведения.

Анализ творчества И.Бунина И.Ильин традиционно начинает с главного, с истоков, с духовно-нравственного наследия и атмосферы – русской помещичьей усадьбы, с «крестьянской простонародной-всенародной» стихии, даровавшей искусству И. Бунина «первоначальность и самостоятельность». Используя сравнительно-сопоставительный принцип исследования, И.Ильин убедителен в утверждении высокой степени самостоятельности, силы и самородности таланта И.Бунина: «Художественный акт Бунина есть исконно и органически акт внешнего опыта, акт чувственного восприятия, акт инстинктивного художника. В этом он близок Толстому; но этим его близость и ограничивается. Толстой очень хорошо знает стихию человеческой материальности, телесности, чувственности, но сам как художник никогда не уходит в нее целиком. Бунин же обычно уходит в стихию целиком и нередко становится её чистым художественным медиумом. Толстой поэт инстинкта; Бунин его анатом»(18).

В силу того, что в творческом акте И.Бунина превалирует описание природного человека, живущего инстинктом « в его первобытной цельности», а сам акт «живет зрением, обонянием, слухом, вкусом, осязанием и пространственным воображением», очевидным становится и вывод, который делает И.Ильин: «Искусство И.Бунина по существу своему до-духовно»(19). С силой этой очевидности нельзя не согласиться, ибо исследователь привлек к анализу самые разные и множество произведений писателя, что и дало ему основания к подобным утверждениям. Более того, чуткий к слову и наблюдательный читатель и сам в состоянии прийти к таким выводам. На это и рассчитаны, по сути дальнейшие рассуждения И.Ильина; он делится своими мыслями с читателем, увлекая последнего и раскрывая ему особенности художественного акта И.Бунина: «его художественный акт – инстинктивен, чувствен, опьянен и опьянителен, эротичен и завершается «словесной чувственностью». Бунин-художник вступает в чувственный мир – и природный, и человеческий, - опьяняясь; опьяненный уходит в него до дна, на самое дно, страстное и страшное; там он добывает опыт и видение; и с добытыми там содержаниями и видениями творит свои литературные образы, пребывая в них и создавая из них...»(20).

Попутно И.Ильин отмечает, что у И.Бунина воображение, чувства, воля, а также тип героя подчинены основной установке чувственного художественного акта и поэтому сверхчувственную глубину и значительность природы, духовную и психологическую жизнь личности, волевых её свершений, более того, волевых фигур и мыслителей его художественный акт не раскрывает.

Внимательно исследует ученый состав художественного акта И.Бунина: словесную ткань(эстетическую материю), образную ткань(эстетический образ), Эстетический предмет, его природу. Будучи превосходным стилистом, И.Ильин тонко, глубоко, доказательно анализирует словесное мастерство И.Бунина. Отмечая несомненные удаchi писателя, И.Ильин, опираясь на тексты его произведений, видит и неуравновешенность, и небрежности, и затруднения стилистических построений: «Чем меньше рассудка, рефлексии, обличительства, тем более его стиль поет. Чем наивнее, тем музыкальнее; чем непосредствен-

нее, тем поэтичнее. И обратно: морально-тенденциозный очерк «Старуха» мучителен по рассудочности и безмузыкальности своего стиля... Таков закон стиля у Бунина: чем психологичнее тема, тем рефлексивнее стиль; чем рефлексивнее акт, тем меньше в стиле непосредственности, поэтичности, музыкальности, изящества. Поскольку акт Бунина холодный, объективно-описывающий, а не акт чувствующего сердца»(21).

И. Ильин, доказывая, почему художественный акт И.Бунина «холодный», «объективно-описывающий», «чувственно-инстинктивный», формирующий «словесно-чувственный» стиль, «синтаксически недифференцированный», продемонстрировал высокое мастерство критика и талант вдумчивого исследователя. Ведь только профессионалу понятно, какую титаническую работу нужно провести и какими феноменальными способностями стилиста надо обладать, чтоб с такой внешней легкостью, ярко и убедительно анализировать стиль «великого стилиста Бунина». Показательным в этом смысле является «понимание и видение» строения бунинской фразы, умение ученого «разгадать» ее функцию в художественном тексте: « Это особое строение фразы, при котором подлежащее отодвигается к концу... Эта стилистическая манера отнюдь не искусственна и не надуманна; она рождена актом. Такое строение фразы передает ритм духовного безволия – падающий, снижающийся, покорно отдающийся, томно томящийся, чувственно упоенный; оно рисует не бытие, не действие и даже не обстояние, а безвольное разморенное эротическое состояние... Эстетическая материя точно передает здесь строение акта и природу образа, а может быть, и предмета. Это художественно: но только при соблюдении меры в стиле и в образе.

Инстинктивный акт рождает стиль, не прокаленный ни мыслью, ни волею, который оказывается недифференцированным в своем синтаксическом строении и склонен приносить интерес образа, предмета и читателя в жертву радостям чувственного словотворчества. Такова опасность инстинктивного акта: эстетическая материя грозит художнику непокорным своеволием»(22).

Именно анализ стиля И.Бунина ярко высветил глубину и прозорливость, значительность открытий И.Ильина в области художественной критики, продемонстрировал обусловленность формы художественного произведения его содержанием, т.е. художественным Предметом. Такой подход, в свою очередь, «обнажает» и возможности исследователя, его теоретическую подготовленность к критической деятельности. В этом заключалась и еще одна задача И. Ильина – сформировать высоко профессионального критика со-творца, который бы, в свою очередь, оказывал воздействие на художественный процесс, выделяя в нем главное и второстепенное.

Столь же цельными и логичными являются и рассуждения И.Ильина об эстетическом образе И. Бунина. Собственно, у писателя все на поверхности: и то, как он воспринимает мир и отдельную личность, и то, как её отражает в произведении. Именно поэтому очевидными и вместе с тем вполне закономерными являются послышки и выводы критика: «Бунин видит человека в его инстинктивно-родовом примитиве... Есть в человеческой душе некое темное лоно, гнездо инстинкта во всей его первобытности, остроте, необузданности и бездуховности. Именно в это лоно ведет нас Бунин»; или: «человеком владеет темное, родовое начало, жаждущее наслаждения и влекущееся к родовым

I. LITERATURĂ. VARIA

целям, не ведающее ни Бога, ни духа, ни добра. Это темное начало глубже всякой культуры и цивилизации. Именно такую разворачивает Бунин перед читателем человеческую жизнь»(23).

Признавая цельность, монолитность Бунина-художника в акте, стиле, образах и предметах, И.Ильин не приемлет ни бунинского упоения «несказанной прекрасностью чувственного мира», ни его же «содрогания от бесконечной отвратительности человека и животного». При этом он не распространяет личный опыт на сознание других критиков, а лишь показывает глубину своего проникновения в творческий акт художника. И только изучив всю работу И.Ильина, понимаешь, почему он приговорил И.Бунина «с точки зрения художественно-эстетической» быть в «негениальных талантах». Воспевая до-духовное, родовое, инстинктивное, Бунин оказался в плену страстей без духа, разлагающих и разрушительных, т.е. враждебных всем началам художественности.

Примечания

¹ Ильин И. Собр.соч. в 10-ти тт. Т.6,кн.1. – С.54.

² Там же. – С.55.

³ Там же. – С.57-58.

⁴ Там же. – С.61.

⁵ Там же. – С.62.

⁶ Там же. – С.197-198.

⁷ Ильин И. – И.Шмелеву(19.01.31г.)//Переписка двух Иванов. – М.,2000.-С.196.

⁸ Там же. – С.224.

⁹ Там же. – С.228.

¹⁰ См. об этом: Науменко-Порохина А.В. «Филологические труды И.Ильина.//Русское зарубежье – духовный и культурный феномен.//Мат-лы Международной научной конференции. – М.,2003. – С.239-248; «Духовные искания русской эмиграции»//Венок Шмелеву. М., 2000г. –С.240-246.

¹¹ Ильин И. Собр.соч. в 10-ти тт. Т.6, кн.1, - М.,1996.- С.54.

¹² Шмелев И. Книга о Вечном.//Ильин И. Собр. Соч. в 10-ти тт. Т.6, кн.1, - М., 1996. – С.409.

¹³ Шмелев И. – Ильину И.(21.10.31г.)//Переписка двух Иванов. – М.,2000г., - С.234.

¹⁴ Там же, - С. 428.

¹⁵ Там же, - С. 197.

¹⁶ Там же, - С.464.

¹⁷ Там же, - С.468.

¹⁸ Ильин И. Собр. Соч. в 10-ти тт. Т.6, кн.1., -М., 1996, -С.215-216.

¹⁹ Там же, - С.224.

²⁰ Там же, - С.236.

²¹ Там же, - С.244-245.

²² Там же, - С.250.

²³ Там же, - С.266.

ANDRIĆEV ODNOS PREMA NEIZVESNOSTI: MOGUĆE, VEROVATNO, PREDVIDIVO I RIZIČNO

Dr Zdravko Šolak

*profesor, Visoka poslovna škola
Novi Sad, Srbija*

Abstract

ANDRIĆ AND HIS RELATIONSHIP TOWARDS UNCERTAINTY: THE POSSIBLE, THE PROBABLE, THE PREDICTABLE AND THE HAZARDOUS

In the works of the Nobel Prize winner Ivo Andrić we can see the writer's thoughts about uncertainty. He uses terms such as uncertainty, certainty, event, probability, prediction, safety, game, stakes and risk. A closer inspection of the places where Andrić uses these terms and includes them in his text reveals that he was very well informed which leads us to believe that he read the discussions regarding uncertainty and predicting. He can perceive the human poor ability to predict and he calls it our most pathetic and most tragic weakness. Andrić's predictions are sometimes dreary. Events in recent history have confirmed some of his predictions when it comes to the prospects of the Bosnian people.

Key words: *Ivo Andrić, uncertainty, probability, risk*

Uvod

Nobelovca Ivu Andrića obično smatraju piscem romana i priča čije su teme vezane za prošlost i istoriju. Ali dok pripoveda o događajima koji su prošli Andrić se ponekad pozabavi opisom neizvesne situacije u kojoj su se neki lik ili neki likovi našli. To su situacije u kojima se očekuju budući događaji. Obično su pri tom navedeni i mogući ishodi ili razrešenje neizvesnosti. Takvi opisi javljaju se u romanima *Na Drini ćuprija* (1945) i *Travnička hronika* (1945). Ima ih isto tako i u pripovetkama koje su nastajale posle Drugog svetskog rata. U *Znakovima pored puta*, delu u kojem su sakupljene misli i zapažanja koje je Andrić beležio tokom života, nalazimo na njegovo zapažanje o odnosu prošlosti, sadašnjosti i budućnosti:

»I sam pisac istorijskih pripovedaka i romana, prisno vezan sa minulim vremenima, ja ipak nalazima da su ljudi suviše okrenuti ka prošlosti. Uzroci? Prvo većina ljudi nema dovoljno snage ni istrajnosti da ispita i sagleda budućnost, drugo, sadašnjost je sva u pokretu, protivurečnostima i promenama. Jedino je prošlost bar prividno utvrđena i nepomična, i dopušta nam da na njenim polumračnim predelima smestimo veći deo svojih želja, pogleda, strasti i kajanja. I mi se u nuždi time obilato i

koristimo. Ali, ja osećam da to nije dobro ni pravo. Trebalo bi da čvršće stojim na tlu sadašnjosti i da se češće i smelije zalećemo u budućnost. A to bi značilo stvoriti novog čoveka, jer budućnost je njegovo područje. [1, 250]

Neizvesnost je pred nama, ona odlikuje pojavu događaja koji u budućnosti mogu da se dese. Postoji nada da će njeno razrešenje doneti povoljne, priželjkivane ishode. Ali nada može da bude praćena i strepnjom s neugodnim psihološkim opterećenjem usled bojazni da bi se neizvesnost mogla razrešiti na nepovoljan način. Neizvesnost ponekad nije do kraja sagledana, ne vide se svi ishodi pa neki događaji mogu da nastupe iznenada kao potpuno neočekivani. Kada u opise događaja o kojima pripoveda uključuje neizvesnost, mogućnost i rizik Andrića pri tom zanima ljudsko ponašanje vezano za očekivanje budućih događaja i sudbonosnih zbivanja. Zanima ga psihološko stanje osobe koja u neizvesnim okolnostima, s mislima usredsređenim na budućnost, iščekuje razrešenje neizvesne situacije. U takvim prilikama nada ponekad može da pomogne da se lakše podnese psihološki teret usled neizvesnosti koja, kada je u pitanju ljudski život, često nosi neželjene pa i nepovoljne ishode. O tome je Andrić ostavio kratko zapažanje: »Kako da ne budemo ispunjeni poštovanjem prema neizvesnosti koja se stere pred nama kad ona, možda, krije u sebi naš spas i izbavljenje.« [1, 28]

U nekoj neizvesnoj situaciji mogli bismo da se pozabavimo mogućim ishodima: da sagledamo naše mogućnosti, da sastavimo potpunu listu ishoda, da pobrojimo ako smo u stanju sve što iz date neizvesne situacije može da se pojavi kao njen ishod. Mogli bismo se pozabaviti i predviđanjem. Ili kako Andrić kaže: „opreznim i mudrim predviđanjem svih mogućih mogućnosti“ [8, 212]. Kako će se neizvesna situacija razrešiti? Koji su ishodi povoljni, a koji nisu? Ako je situacija za nas rizična, da li je rizik znatan? Povodom neizvesnih situacija u koje pojedinac dospeva moglo bi se pre svega uzeti u obzir njegova moć predviđanja. Pa i jedna porodica, društvena zajednica, i ljudski rod uopšte, lakše bi se suočavali s neizvesnim okolnostima ako bi njihova moć predviđanja u tim okolnostima bila veća. Andrić je zapazio važnost čovekove moći predviđanja i o tome ostavio zanimljiva zapažanja u svojim pričama i romanima. On traga za odgovorom na pitanje: kakav treba da je čovekov odnos prema neizvesnosti i „nepredviđenim iskušenjima“. Kada ljudi u nekim neizvesnim okolnostima ostanu u ubeđenju da se neki događaji mogu očekivati, da je znatna verovatnoća da će nastupiti u skoroj budućnosti, oni mogu da ispolje tipično ponašanje koje se lako zapaža. Opise ponašanja pojedinaca i grupa ljudi koji su izloženi riziku nalazimo kod Andrića u pričama koje se bave temama vezanim za život u Beogradu u vreme okupacije (*Zeko, Zatvorena vrata, Razaranja, Slučaj Stevana Karajana*)¹.

Moć predviđanja

Baveći se čovekovim odnosom prema neizvesnim okolnostima u kojima mogu da se dese budući očekivani i neočekivani događaji, Andrić pridaje poseban značaj predviđanju. Predviđanje budućih događaja u neizvesnim okolnostima i u skladu s njim čovekovo ponašanje mogu da doprinesu umanjenju nepovoljnih posledica koje iza njih ostaju, odnosno uvećanju korisnih efekata. To je bio jak podsticaj za razvoj primenjenih kvantitativnih metoda u mnogim oblastima istraživanja, ekonomiji, medicini, meteorologiji i drugim.

Na nekoliko mesta u svom delu Andrić se osvrtao na čovekovu mogućnost da predviđa buduće događaje. U romanu *Na Drini ćuprija*, opisujući smenu rodni i nerodni godina, on umeće rečenicu i unosi u tekst sledeće zapažanje:

[Najbednija i najtragičnija od svih čovekovih slabosti je nesumnjivo njegova nesposobnost predviđanja, koja je u opštoj protivnosti sa tolikim njegovim darovima, veštinama i znanjima. [2, 335]

Da li slučajno ili možda podstaknut onim što je čitao, skromnu čovekovu moć da predviđa, Andrić u ovom slučaju vezuje za prinose u ratarstvu. Inače predviđanje poljoprivrednih prinosa oduvek je zanimalo statističare, služeći pri tom kao ogledno područje za unapređenje samih metoda. Čovek uskraćen sposobnošću da predvidi ishod neke neizvesne situacije u kojoj se nađe, bespomoćan je. Andrić to stanje naziva bednim. Predviđanje i odgovarajuća akcija često bi bili dovoljni da se izbegnu tragične posledice nekih događaja. Pisac je navedenu misao o čovekovoj slabosti kada je predviđanje u pitanju stavio u zagradu beležeći je tako kao usputnu. Imajući u vidu kontekst iz kog je izdvojena razlozi za upotrebu zagrada sasvim su razumljivi. Veza s tim tekstom tek je posredna.¹

Tom zapažanju o skromnoj čovekovoj moći predviđanja Andrić će se kasnije vraćati. Kako treba da se ponaša čovek s ograničenom sposobnošću predviđanja pred „teško predvidljivom budućnošću”? Tražeći odgovor na ovo pitanje Andrić u samom pokušaju predviđanja vidi neophodan kvalitet čovekovog odnosa prema neizvesnosti. U *Znakovima pored puta* nalazimo i druga zapažanja koja se odnose na čovekovu ograničenu moć predviđanja budućih zbivanja.

Nekada davno, napisao sam da je jedna od čovekovih slabosti njegova mala i ograničena sposobnost predviđanja, naročito kada su u pitanju ne sitne i svakodnevne, nego krupne i sudbonosne stvari. [1, 137] Eto šta je čovek! Kad ustane, ujutru, on ne zna, i ne sluti, šta će mu se toga dana desiti, niti kad legne, kakav će san usnuti. Ni toliko! [1, 55]

Pojave iz svakodnevnog života navedene su kao primer nesigurnosti čovekovog predviđanja. Iz *Znakova pored puta* neka zapažanja su kasnije uključivana u pripovetke i romane. Tako je i ova misao proširena i prenetu u priču *Na stadionu*. O predvidljivosti i predviđanju Andrić se takođe pozabavio i u priči *Đorđe Đorđević*.

Piščeva obaveštenost

Pokazujući interesovanje za okolnosti koje uključuju neizvesnost Andrić je u njihovoj deskripciji koristio i neke osnovne termine koji se inače koriste i u računu verovatnoće. On pominje budućnost i uočava neizvesnost, ishode, događaje, slučaj i slučajnost, nadanje, rizik. Neke njegove formulacije kao da su uzete iz neke rasprave o neizvesnom i verovatnom. U *Travničkoj hronici* nalazimo i sledeći rečenicu: „Ne dešava se uvek ono što izgleda najverovatnije.” [2, 398]. Kada bi tako bilo, onda ne bi bilo teško „predvideti tok stvari”. A izražavajući se o procenama budućih zbivanja na međunarodnoj političkoj sceni, u istom romanu se kaže: „Iz svega toga pukovniku nije bilo teško da dođe do zaključka da se sa priličnom verovatnoćom može uskoro očekivati ponovni prekid odnosa sa Francuskom, nove koalicije, i ratovi” [2, 293]. U *Znakovima pored puta* zapisao je i sledeće: „Ništa nije zbrinuto ni utvrđeno, ništa jasno

ni izvesno. Niko nije tačan. Svak je nepouzdan i sve je nesigurno, i ništa nije nemoguće" [1, 162]. A u romanu *Na Drini ćuprija* ovako opisuje raspoloženje družine koje već uhvatilo piće: „sve je moguće; ništa nije stvarno, ali ništa nije neverovatno ni potpuno isključeno”. [2, 237]

Mada nisu nađene neke direktne potvrde čini se da je Andrić poimanje verovatnoće, kao i deskripciju neizvesnih okolnosti u svojim delima zasnivao na izvorima naučnih studija i rasprava. Treba imati u vidu da je on kao diplomata između dva svetska rata službovao u Rimu, Gracu, Marselju, Berlinu. Kao znalac stranih jezika mogao je da na nemačkom i francuskom jeziku čita velika naučna i filozofska dela koja su u to vreme publikovana. Možemo pretpostaviti da su ideje o neizvesnosti i verovatnoći, prenete iz devetnaestog veka u dvadeseti, kao naučne rasprave o kojim se dosta debatovalo dvadesetih i tridesetih godina, stigle do Andrića koji je bio i veliki čitalac. Između dva svetska rata pojavljuje se delo Kolmogorova objavljeno na nemačkom 1933. i na ruskom 1936. godine. I nemački statističar Mises publikuje svoje delo 1928. godine u Berlinu. Objavljeno je 1932. godine u nemačkom prevodu i Laplasovo delo o verovatnoći. Laplasove i Misesove rasprave o verovatnoći imale su pored matematičke i svoju filozofsku komponentu.¹ Da li su dela ovih autora ili neka druga slična dela podstakla Andrića da u događaje o kojima pripoveda uključi i komponentu neizvesnog, verovatnog i rizičnog? Neki direktni dokazi ne mogu da se pruže, ali je vidljivo da je on dobro obavешten. Andrić je u jednom pismu napisao da čita sve što mu dođe pod ruku. Sasvim je moguće da se i neka studija u kojoj se raspravlja o neizvesnom i verovatnom, našla u toj lektiri.

Priča *Đorđe Đorđević*

Za temu kojom se bavimo u ovom osvrtu priča *Đorđe Đorđević* ima poseban značaj. Andrić je ovu priču objavio 1960 godine. Samim izborom imena glavnog junaka pisac nagoveštava da je lik izmišljen. To je čovek koji se u životu u svemu rukovodi oprezom. Ta osobina nasleđena je od dede koji se takođe zvao *Đorđe Đorđević*. Posle kratkih uvodnih pasusa opisuje se ponašanje *Đorđa-unuka* u raznim životnim situacijama. Ova pripovetka u celosti je posvećena predviđanju, riziku i čovekovom odnosu prema njima. Kakav bi to bio život ako bi se dosledno svuda i uvek sigurnost stavljala ispred rizika? Može li čovek uopšte da tu doslednost ostvari? Sam pisac otvara dilemu: „Možda se i može mnogo koješta predvideti i sprečiti što izgleda nepredvidljivo? [4, 76]. A ako se ipak nemoguće uvek obezbediti dobrim predviđanjima, kako se vladati u tom sključaju? Određena mera opreza zasnovanom na predviđanju ipak je prihvatljiva. „Dobro, recimo da je tako: ne može! Ali u svakom slučaju ostaje opreznom čoveku zadovoljstvo i uteha da je učinio svoju ljudsku dužnost, ostaje mu ponos da je živeo kao misaono biće koje predviđa i misli [...]” [4, 75]

A kako je u Andrićevoj priči proživio svoj život čovek koji se u svemu rukovodio oprezom? *Đorđe Đorđević* koji je predviđao, tragao za informacijama, izbegavao rizik, i bio uvek na oprezu, spotakao se na stepenicama, pao i poginuo. Spoticanje na stepenicama i nezgodan pad mogu da budu uzrok nečije pogibije. Ali to se retko dešava. Ako čovek rezerviše svoje moći da bi održao oprez na visini u okolnostima koje nose znatnu dozu rizika, može da nastupi takav događaj koji je mogao biti izbegnut uz malo opreznije ponašanje. To se desilo *Đorđu Đorđeviću*: vraćajući se kući s kupljenim večernjim novinama kročio je na betonsko stepešenište u

jednoj strmoj uličici, pri čemu je iz znatiželje otvorio novine da pogleda predviđanje vremenskih prilika, ali se spotakao, pao, i od smrtonosnog udarca poginuo.

Nada i nadanje

Jedan od mogućih načina na koji čovek može da se odnosi prema budućnosti jeste nadanje, To očekivanje da će se stvari povoljno odvijati može da počiva na ispravnoj proceni verovatnoće da će se neki događaji desiti. Ali subjektivne procene ponekad počivaju na prećenjenom uverenju da će nastupiti povoljan ishod, a ponekad se, opet, podcenjuje mogućnost pojave neželjenog ishoda. U priči *Na stadionu* Andrić iz pozicije zrelog čoveka govori o nadi da će nekada obećano *sutra* doneti ugodan i sadržajan život. *Ništa od svega toga*, kaže pisac, *slagalo sutra*. Čoveka često iznenade događaji koji se dešavaju u neposrednoj budućnosti. On je u nemogućnosti da predvidi događaje koji će se već *sutra* desiti:

Да, сутра, сутра! Ето, свашта уме и много може човек. Заиста много. И ја не спадам међу најгоре и најнеспособније. Али тај исти човек, кад увече легне да спава, не зна какав ће сан уснити и, кад ујутро устане и крене у ведар дан, не зна како ће тај дан завршити, кога ће срести ни шта ће чути, ни куда ће га реч коју чује одвести. Ни толико не зна! [6, 221]

Taj pogled unazad u priči *Na stadionu*, djeluje, što se same pripovedačke tehnike tiče, kao inovativan. Priča se o onom što u čovekovom životu znači *sutra*, ali kada se ono već preselilo u prošlost. Očekivani su povoljni događaji koji se nisu desili, a bili su predmet nadanja. Priča *Na stadionu*, kao i priča *Dorđe Dorđević*, nisu sumorne iako govore o neostvarenom životu i čovekovoј nemoći, o razočarenju kada je u pitanju očekivanje vezano budućnost,

Kada su u pitanju povoljni ishodi neizvesnih okolnosti nada počiva na mogućnosti da se oni dese. S takvom računicom: *možda će se desiti*, ponekad se čovek odluči na neku aktivnost, na neki poduhvat. Andrić podseća da neizvesnih okolnosti ima puno u životu i da je nada sadržana u mogućnosti povoljnog raspleta: „Možda’ to je lutrija, dobrosrećna kocka koju igramo sami sa sobom u ovom našem životu punom neizvesnosti, stešnjenom između dva tamna okeana nepostojanja, onog koji se prostire ispred našeg rođenja i onog koji nas čeka posle naše smrti.” [1, 124]

U svojim romanima Andrić tek ponegde uključi komponentu neizvesnog, mogućeg i rizičnog. Tu je on štedljiv kada su reči u pitanju. Ali posmatrajući ta mesta vidi se da on dosledno iznosi svoj uverenja, svoje poglede na te pojmove. U sledećem zapažanju vidi se da je ono poslednje što je pisac zapisao u jednoj od njegovih svesaka.

Poslednja stranica je za neizvesnost. Za srećno neznanje s kojim se legne pod teretom mraka i ustaje na poziv sunčeve svetlosti. Neizvesnost je imanje onih koji nemaju ništa i velika nada onih koji nisu navikli na dobro u životu. Neizvesnost je za razumne ljude ono što je gatar za budale, slabiće i sebičnjake: nagoveštava dobro i zlo. Pogađa retko, ali zato dopušta sve, i najoprečnije mogućnosti. [1, 27]

Poimanje ekonomskog rizika

Promenama koje su se desile u Bosni pošto su se Turci iz nje povukli i prepustili je Austrougarkoj, Andrić se bavio u romanu *Na drini ćuprija*. To je, takođe, tema i

većeg broja pripovedaka. Bila je to za narod u Bosni ne samo promena porbljivača već i promena društvenog poretka. Austrougarska uprava unela je znatne promene i nove forme ekonomskih odnosa. U deskripciji tih odnosa Andrić pokazuje posebno interesovanje za rizik. On uočava izloženost riziku kao njihovu bitnu odliku:

Sve se više pokazuje da zarada i lakši život koji ona donosi imaju svoje naličje, da su i novac i onaj ko ga ima samo ulog u nekoj velikoj ćudljivoj igri kojoj niko ne zna sva pravila i ne može da predvidi ishod. I ne sluteći, svi mi u toj igri igramo, neko sa manjim neko sa većim ulogom, ali svi sa stalnim rizikom. [2, 259]

Ulog, pravila, igra, ishod, rizik, novac, zarada. predviđanje pomenuti u ovom opisu kao da su pozajmljeni iz nekog modernog udžbenika, kao da su preuzeti iz rečnika stručnih ekonomskih pojmova. Za pisca igra je velika i ćudljiva, a mogućnost predviđanja ponovo skromna, pravila se ne znaju u potpunosti, a izloženost riziku je neprekidna.

Opisujući prilike koje su nastale u Bosni posle proglašenja aneksije 1908. godine Andrić se najpre osvrće na zbivanja u ekonomskoj sferi odnosa. To se osetilo najpre u pograničnim mestima, a Višegrad u kojem se dešava radnja romana *Na drini ćuprija*, takvo je mesto. Kriza je izvor snažnih uticaja koji se brzo reflektuju na ukupnost života i na sve ljude:

[...] nastupila je aneksiona kriza. To je uništilo svaku nadu na privlačenje novih kapitala. Ovi krajevi na granici postali su tako nesigurni da su i već investirani kapitali počeli da beže. [2, 327]

Sasvim je jasno zbog čega se investitori oćećaju nesigurno i zbog čega beže. Društveni nemiri i sukobljavanja ne odgovaraju dugoročnim poslovnim planovima. Ovaj deo bosanske i svetske istorije Andrić je opisivao i u romanu *Gospođica*. U jednoj epizodi tog romana opisuje se ponašanje dve ličnosti, Gospođice i Rafe Konfortija, u danima aneksione krize, 1908. godine. To su osobe koje se bave sumnjivim poslovima na novčanom tržištu. Rafo i Gospođica različito procenjuju kretanje cene zlatnika tokom kriznog vremena. Gospođica je zapravo oprezna osoba, a Rafo je predstavljen kao poznavalac prilika i poznavalac ljudskog ponašanja u kriznim vremenima. On savetuje Gospođicu koja ima kapital da ulaže u kupovanje zlatnika koji se nude iz kućnih rezervi kako bi se pribavio novac za kupovinu hrane, i pojačale zalihe u očekivanju rata. Rafin je savet da se zlatnici kupuju dok njihova cena raste usled povećane ponude gotovog papirnog novca kojeg ljudi žele da se oslobode. A da se, kasnije, u pravom trenutku zlatnici prodaju, i da se u razlici na ceni profitira. Gospođica nema Rafino razumevanje situacije koja je za nju, u celini neizvesna. Ona sluša Konfortija, ali samo delimično. Kasnije, iako zadovoljna dobitkom na špekulaciji, pomalo je i razočarana što u celosti nije poslušala savetodavca i uložila i zaradila više.

Rizik i strah

Osećanjem straha Andrić se bavio na mnogim mestima u svom delu. Strah povezan s rizikom od nastupanja nepovoljnih događaja može da se manifestuje ponašanjem koje kod nekih pojedinaca može znatno da odudara od ponašanja drugih ljudi koji se nalaze u istim okolnostima. Andrić je Drugi svetski rat proveo u okupiranom Beogradu. Tokom savezničkog bombardovanja 1944. godine sam je bio izložen riziku, a verovatno je imao prilike da posmatra i ponašanje drugih ljudi tokom

vazdušnih napada. U priči *Razaranja* on opisuje ponašanje mladog čoveka u skloništu. Visok muškarac naslonjen na svoju ženu intenzivno preživljava strah dok bombardovanje traje. Njegovo držanje upadljivo odudara od držanja drugih ljudi u skloništu. I u priči *Zeko* opisano je ponašanje ljudi u skloništu koje ih nedovoljno štiti. Intenzivan osećaj straha praćen je bledilom u licu kod svih koji su bili u skloništu, ali spoljne reakcije su različite. Uvek se nađe poneko kod koga su te reakcije znatno ispoljenije.

Andrićeva vidovitost

U vreme krupnih zbivanja koja su zadesila bivšu Jugoslaviju, pogotovo Bosnu i Hercegovinu neko se dosetio da bi razumevanju komplikovanih odnosa među narodima koji tamo žive moglo da pomogne delo nobelovca Ive Andrića. Ono što ponekad izmiče sociološkim, politikološkim i studijama druge vrste, pisac Andrić je uspevao da prenese svojim deskripcijama komplikovanih društvenih odnosa. On sam je dobar posmatrač zbivanja oko sebe; u mladim danima bio je i učesnik pokreta koji su težili promenama, kasnije visoki diplomata, ali uvek strastven čitač dokumenata i drugih izvora koji su mu pomagali da izoštri svoje sudove.

Posebnu pažnju zaslužuju Andrićeva dugoročna predviđanja društvenih promena. Ta predviđanja su obično javljaju u dijalozima ili je pak izabrana forma pisma da bi se predviđanje prenelo čitaocu. Na ova mesta iz njegovih dela obično se pozivaju pisci feljtona i prigodnih tekstova prikazujući Andrića kao dobrog prognozera kada su u pitanju balkanski narodi i odnosi među njima. Jedno takvo predviđanje dato je u *Travničkoj hronici*. Jedan stranac, francuski diplomata, na službi u Bosni, razgovara s Bosancem:

Sumnje nema da će i vaša zemlja jednog dana ući u evropski sklop, ali se može desiti da uđe podvojena i nasledno opterećena shvatanjima, navikama i nagonima kojih nigde više nema i koji će joj kao aveti, sprečavati normalan razvitak i stvarati od nje nesavremeno čudovište i svačiji plen kao što je danas turski. A ovaj narod to ne zaslužuje. [3, 352]

U ovom romanu koji je objavljen 1945, godine Andrić pominje *ulazak u evropski sklop*, a perspektive svojih sunarodnika procenjuje na način za koji bi se iz današnje perspektive posmatrano moglo reći da počiva na dubokom razumevanju prilika u bosanskoj sredini i poznavanju odnosa među narodima koji u njoj žive. Dugoročno predviđanje moralo je da počiva na dubokom piščevom uverenju da su tipične odlike tih odnosa upravo onakve kakve ih on vidi, u njihovu sporu promenljivost i dugoročnu održivost glavnih njihovih karakteristika.

U pripoveci *Pismo iz 1920. godine* Maks, piščev prijatelj iz sarajevskih gimnazijskih dana, po rođenju Bosanac ali po poreklu stranac, piše pismo piscu naratoru i u tom pismu govori o svom viđenju prilika u Bosni. Andrić i u ovoj priči ocenu tipičnih odnosa među narodima u Bosni vezuje za čoveka koji je stranac, zapravo skori doseljenik:

Ali oduvek je u bosanskim građanskim krugovima bilo lažne građanske učtivosti [...] To prikrija kako-tako mržnju, ali je ne uklanja i ne sprečava u rastenju. Bojim se da [...] u tim krugovima dremaju stari nagoni i kainovski planovi, i da će živeti dok god ne budu potpuno izmenjene osnove materijalnog i duhovnog života u Bosni. A kad će doći to vreme, i ko će imati snage da to izvede? Jednom će doći, ja u to verujem,

ali ono što sam video u Bosni ne ukazuje na to da se tim putem već sada ide. Naprotiv.” [5, 184]

Ponekad su Andrićeva dugoročna predviđanja društvenih promena sumorna, opterećenja nevericom u mogućnost napretka. To je odlika Andrićevog realizma koji poneko naziva pesimizmom. Ali on se ne usteže da takve misli saopšti. U romanu *Na Drini Ćuprija* plan mladog para remete krupni događaji s početka Prvog svetskog rata, a ocena mlade učiteljice skoro je na granici očajanja. Plan da sa svojim izabranikom ode u drugu zemlju, u Ameriku, i da se tamo nastavi život s boljim izgledima od onog što je nudila kasaba, propao je:

[...] nikad niko od naših neće uspeti da se spase iz ovog kruga mrkih bregova, [...] ni da ovde ostvari zemlju u kojoj se, kako kažu, mnogo radi, ali se dobro i slobodno živi. Nikada! [2, 354]

Viđenje prilika u Bosni daje se i u priči *Zmija*. Dve sestre, strankinje, Austrijanke, voze se kočijom između dva bosanska mesta. Daleko od naselja nailaze na devojčicu, malu čobanicu, koju je ujela zmija. Pokušavaju da pomognu ali ne znaju kako. Jedna od sestara se u očajanju rasplakala. Situacija se mora prihvatiti kao takva kakva jeste. Pomoći ni izlaza nema. Desiće se ono što je neminovno. Druga sestra je teši: „Ja te ne razumem. Zar вреди zbog Bosne plakati?” [5, 118]

Izvesno nasuprot neizvesnom

Razmišljanje o neizvesnom i izvesnom Andrića je navodilo na razmišljanje o kraju ljudskog života. Ponekad su ta razmišljanja sumorna. Dok se nalazio u poseti Egiptu razboleo se. Tada je zabeležio. „Sve je neizvesno i daleko. Samo je bliza i izvesna smrt koja se javlja u meni sitnim kucanjem negde na sred grudni” [1, 460]. Šta znače smrt i umiranje? „Svaki razgovor o smrti mene uozbilji ... To poštovanje našeg odlaska sa sveta meni ne dolazi od onog bauka koji za nas ljude znači smrt, nego naprotiv, od života samog i od moje velike ljubavi prema njemu [1, 162]. Razmišljanje o izvesnosti kraja ljudskog života Andrić prenosi on skoro kao izreku. U romanu *Na Drini Ćuprija* Alihodža je hteo da kaže žandarmima koji su ga terali dalje od miniranog mosta govoreći mu da je život u opasnosti, da je „ovde život već odavno u opasnosti i da smo svi ionako mrtvi, samo se redom sahranjujemo” [2, 388]. I u *Travničkoj hronici* jedan kajmakam je ovu misao u dijalogu naveo kao izreku: „Svi smo mi mrtvi, samo se redom sahranjujemo.” [2, 56] Ono što neki nazivaju Andrićevim pesimizmom pre bi moglo da se privati kao njegova iskrenost, obeležje njegovog realizma, bar kada su u pitanju njegova zapažanja o neizvesnom i mogućem.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Prema novijem pokušaju grupisanja Andrićevih priča ove priče čine „ciklus priča o životu u ratnom Beogradu”. [8, 161]

² U Andrićevom tekstu umetnute rečenice nisu retke. Sam pisac je ostavio zabeležku o tim rečenicama: „Opisujući ljude, predmete ili raspoloženja, trudim se da kažem samo ono što je neophodno i onoliko koliko je najnužnije. Bar tako se meni čini. Ali se ponekad

dešava da opisujući nešto, čujem u sebi, kao privlačnu melodiju, jednu rečenicu koja nema mnogo veze sa onim što pišem, a koja me uporno prati i koje ne mogu [i neću] da se oslobodim. Najposle popustim i stavim je usred srede teksta koji pišem, bez veze i razloga, za svoju dušu i sebi na zadovoljstvo. [1, 243]

- ³ Dela iz teorije verovatnoće publikovana između dva svetska rata: Mises, von R. [1928] *Wahrscheinlichkeit, Statistik und Wahrheit*, Springer, Wiena. С. Н. Вернштейн Теория вероятностей, Государственное издательство Москва, 1927, Ленинград; P. S.de Laplace [1814] *Philosophischer Versuch ober die Wahrscheinlichkeit*, Herausgegeben von R. von Mises, 1932, Akademische Verlags Gesellschaft, Leipzig.

Literatura

1. Andrić Ivo, *Znakovi pored puta*, Prosveta, Beograd, 1975.
2. Andrić Ivo, *Na Drini ćuprija*, Prosveta, Beograd, 1975.
3. Andrić Ivo, *Travnička hronika*, Prosveta, Beograd, 1975.
4. Andrić Ivo, *Znakovi*, Prosveta, Beograd, 1975.
5. Andrić Ivo, *Deca*, Prosveta, Beograd, 1975.
6. Andrić Ivo, *Žeđ*, Prosveta, Beograd, 1975.
7. Andrić Ivo, *Kuća na osami*, Sabrana djela, Sarajevo, 1981.
8. Đukić-Perišić, Žaneta. Mag srpske pripovetke, Jedan pogled na Andrićev pripovedački opus, *Sveske zadužbine Ive Andrića*, God. 27, sveska 24, 2007, str. 154–175.
9. Vot, Jan, Književnost i društvo, u: Petrović, S.(editor) *Sociologija književosti*, Zavod za udžbenike i nastavna sredstva, Beograd, 1990, str. 288–298.

ТВОРЧЕСТВО В.Ф.ТЕНДРЯКОВА В КОНТЕКСТЕ ОБЩИХ ТЕНДЕНЦИЙ РАЗВИТИЯ ЛИТЕРАТУРЫ 1960-1980-Х ГГ.

Шустер В.Г.

Армавирский православно-социальный институт

Имя В.Ф.Тендрякова, забытое литературоведением последних двух десятилетий и на сегодняшний день фактически утраченное историей развития отечественной литературы, так или иначе приобретает статус особого значения. В связи с этим, важно обозначить проблему утраты литературных связей в контексте творчества писателей одного поколения, которая встает перед исследователями. Так, например, очевидно невозможно глубоко логически последовательно и убедительно точно изучить творчество В.Крупина без учета литературного влияния его «наставника в литературном творчестве»¹. Безусловно, существующие в литературоведении лакуны связаны в большинстве своем со сменой литературных «привилегий» после угасания соцреализма, когда творчество многих писателей оставалось «непечатаемым» и неопубликованным впоследствии.

Важно подчеркнуть, что специфика творчества В.Ф.Тендрякова 1970-1980 гг., система фундаментальных этико-эстетических категорий полноценно проявляются с учетом целостного художественного пути писателя, его становления и развития. Несомненным фактом такой преемственности является то, что В.Ф.Тендряков уже в произведениях 50-60 гг. своей этической позицией выделялся из массового литературного потока социалистического реализма, за что чаще всего подвергался резкой критике. Творчество писателя представляло собой характерный пример того, как связь с эпохой, «стремление быть в "духе времени"» (Ю.Селезнев) не должна становиться связанностью эпохой. Откликаясь на ту или иную современную писателю жизненную ситуацию, В.Ф.Тендряков пытался рассуждать о вневременных этических вопросах человечества, выстраивая самостоятельную художественную концепцию. Проблематика его раннего творчества прежде всего предполагала раскрытие многих нравственных проблем, решение которых в полной мере выразилось в художественном поиске 70-80 гг.

Утрата читателем поздних произведений В.Ф.Тендрякова, чаще публикуемых в 1980-е годы за рубежом, также остается проблемой целостности, полноты изучения тенденций его развития. Решение данного вопроса видится исключительно на пути возвращения к целостному наследию писателя.

Целью настоящей статьи является попытка дать краткий обзор целостного пути писателя, подчеркнуть характер его изменений в 1970-1980-е годы. В.Тендряков как писатель вошел в литературу в 1950-е годы, заявив о

себе уже первом рассказом «Дела моего взвода» (1947). Такие произведения как «Не ко двору», «Ухабы», «Поденка - век короткий», «За бегущим днем» во многом отразили тенденции соцреализма, хотя уже в них выразились некоторые позиции несогласия с господствующим литературным методом. Обрушившаяся на писателя критика явилась своего рода показательной, как бы задающей должное направление писателям, выстраивающей литературный процесс советской эпохи в необходимом русле.

Но В.Ф. Тендряков был негибким. Он продолжал «работать» (труд писателя всегда был для него именно «работой»), писал «в стол», принимая лишь временность любой эпохи. «Никаких кукишей в кармане, никаких намеков на невозможность что-то сказать. Помни Гоголя: "Печать - вздор, все будет в печати"»², - смело наставлял В.Ф.Тендряков своих современников. Под этим девизом рождался целый философско-публицистический цикл повестей и рассказов, статей 1970-1980-х годов «Классовые гримасы, или Картинки истории», которые современник писателя В.Крупин назвал «чрезвычайно смелыми и нужными». Получившие очень точное определение «документальная» проза, или «потаенная» литература (Г.Николаев), произведения данного цикла стали попыткой переосмысления наиболее значимых этапов русской истории XX века в сложный период «повреждения пониманий» (Л.Бородин), когда «черное нужно было принимать за белое, а белое за черное»³. Автор произведений подвергает критике как государственную деятельность 20-60-х гг. – антинародная политика коллективизации, раскулачивания, искусственного голода («Хлеб для собаки», «Пара гнедых»), обесценивание личности («Донна Анна», «Охота», «Революция! Революция! Революция!»), политическая утопия социализма («На блаженном острове коммунизма»), – так и изменения, происходящие в самом человеке, – утрата личностью нравственных идеалов и ценностей («Покушение на миражи», «Люди или нелюди»). «Документальная» проза, создававшаяся в советское время, была своего рода «литературной перспективой», писательской работой «в стол», позволявшей В.Ф.Тендрякову полностью реализовать свою творческую позицию. Эта характерная тенденция в литературе 1960-1980-х годов, сформированная творчеством А.Солженицына, О.Волкова, В.Крупина, В.Максимова, Л.Бородина и других, сложилась в огромный пласт «возвращенной литературы».

В цикле «Классовые гримасы, или Картинки истории» В.Ф.Тендряков выступает как непримиримый разоблачитель коммунистической идеологии, подвергая детальному анализу все стороны жизни современной писателю действительности. Этот факт - результат его идеологического перехода, когда наступила потребность «искать и понимать», открыто показывая абсурдность советской идеологии, бытия во лжи. Современник писателя Бенедикт Сарнов, учившийся в Литературном институте в те же годы, в книге воспоминаний «Скуки не было», описывает студенческие годы следующим образом: «Он был человек чистый, не просто наивно, а прямо-таки истово верующий в советскую власть». Можно сказать, что предпосылки такого перехода намечаются еще в произведениях 1960-1970 гг. («Пара гнедых», «Апостольская командировка»).

Эта же проблема осмысления «исторических альтернатив» тесно связана с вопросами нравственности и проблемой человека. Высший этический идеал в творчестве В.Тендрякова всегда связан с проблемой его реализации в жизни.

Почва бытия ближнего, горизонт его мироощущения избирается В.Ф. Тендряковым в качестве пространства-основы, которая и составляет метафизическую и нравственную точку отсчета, критерий духовно-онтологического измерения отдельной и каждой в этом ряду личности. «Художник, как и любой субъект, воспринимает мир лично <...>»⁴, – поясняет писатель. Ведущие этические категории в творчестве В.Ф.Тендрякова раскрываются не только в области человеческих отношений дня сегодняшнего, но и приобретают масштаб исторического видения. Связующим началом большого и малого времени здесь становится попытка преодоления «нарушения общности».

Подобно авторам «деревенской» прозы Ф.Абрамову, Б.Можаеву, В.Распутину, В.Белову, В.Шукшину В.Ф.Тендряков не может не затронуть вопросов коллективизации, раскулачивания, которые определяются им как «насилие в масштабе всей нации»⁵. Однако процессы, происходящие в деревне 1920-1930-х годов показаны писателем не изнутри, глазами простого сельского жителя (как например, Никита Рогов, Иван Африканович у В.Белова), а в некотором отстоянии от исконно русского деревенского уклада жизни, когда повествователем становится биографический герой. Такая ретроспектива обращает к детским воспоминаниям писателя («Подымаю с самого дна моей памяти... Но памяти надежной, за которую я готов нести прямую ответственность»⁶), пронесенным через взгляды и убеждения зрелого В.Ф.Тендрякова: «<...> меня охватило запоздалое, зато пронзительное до нетерпимости желание оглянуться назад: где, в каком месте случился идеологический переворот?»⁷.

В цикле «Классовые гримасы, или Картинки истории» В.Ф.Тендряков следует по пути детального анализа исторических проблем, когда художник отходит на второй план, уступая место исследователю. Именно эту особенность позднего творчества отметили критики, назвав данный цикл повестей, рассказов и статей «потаенной публицистикой». Предметом внимания В.Ф.Тендрякова становится нравственное «жизнесостояние» человека в наиболее уязвимые, сложные моменты исторического развития 20-60-х гг. XX века, «жизнесостояние», непосредственно связывающее человека с его эпохой, объединяющее личностные и пространственно-временные координаты в поиске пути нравственного становления и преображения. Бытие истории получает у писателя всеобъемлющий смысл. Это и эпоха, и путь России XX столетия и, более того, – преемственность традиций и ценностей, линия связи человека с ближним, согласия поколений. История заключает в себе тот всечеловеческий горизонт видения, который способен в полной мере выразить путь становления – актуально определяющую составляющую творчества В.Ф.Тендрякова 1970–1980-х годов. Осмысление исторического бытия под знаком нравственного преображения личности осуществляется на отрезке современной автору эпохи (1929 – 1933 – 1937 – 1942 – 1948 – 1945 – 1956), целеустремленной к актуальной перспективе миробытия.

Исторические категории в художественном и публицистическом творчестве В.Ф. Тендрякова возникают прежде всего как категории этические, аксиологические, выступающие в качестве критерия оценки нравственного уровня бытия человека. Писатель берет на себя ответственность «указывать на роковые заблуждения, которыми переполнена наша история», «открывать глаза на тяжкие недуги нашего общества, «называть вещи своими именами»⁸.

Для писателя важно показать взгляд человека на события, поставить личность перед своим временем, выразить это чувство исторической причастности и индивидуальной ответственности, так как «произошло так много наглядно большого, уродливого»⁹.

«Прости меня», – мысленно произнесет, вне всякого сомнения, устами самого В.Ф.Тендрякова персонаж историко-биографического цикла Владимир Тенков, переживший не просто момент заблуждения, но собственно метафизический путь небытия. Невысказанное, но убедительно-ёмкое «прости» – стержневой смысл, организующий собой присутствие повествования, то, что связывает осознание действительности и обретение ответственности, сокращает разрыв между настоящим и должным. В то же время индивидуально-личное здесь осуществляется исключительно через связь с историей в ее широком проявлении – в единстве с «человеческим содержанием эпохи» (В.Кожин). Покаянное «прости меня», обращенное «прозревшим» героем к его собеседнику, теперь актуально-насушное по отношению к ближнему, сохраняет связь ответственности между прошлым и будущим. Такая связь в первую очередь подчеркнута созидательная.

Творчество В.Ф.Тендрякова 1970-1980-х гг. носит ярко выраженный нравственно-философский, публицистический характер. На первый план выходит проблематика произведений, личность персонажей, изображение внутреннего мира, нравственно-онтологических исканий личности. Сюжетная сторона творчества вторична и часто выступает как способ «собираения» литературных героев в решении единой проблемы. Герой в прозе В.Ф.Тендрякова 70-80-х годов – это личность «становящаяся», открывающая для себя потенциал «внутреннего человека». Для писателя характерно изображение персонажей в переломные, проблемные моменты их бытия (Коля Корякин из «Расплаты», персонажи «Ночи после выпуска») или воссоздание какого-либо этапа пути личности, ее становления (Павел и Майя Шкановы из повести «Затмение», Володя Тенков из цикла «Классовые гримасы, или Картинки истории»).

Творчество В.Ф.Тендрякова во всем его многообразии и развитии имеет несомненно важное значение как для понимания литературного процесса 1960-1980-х годов и требует более пристального внимания со стороны современного литературоведения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Цит. по Крупин В. Гамбургский мускат [Из воспоминаний о встрече с В.Ф. Тендряковым] // Литературная газета. – 2004. – 7-13 апр. (№14). – С. 8

² Там же

³ Тендряков В.Ф. Собр. соч.: в 5 т. – М.: Худож. лит., 1989. – Т. 5, с. 133

⁴ Тендряков В.Ф. Искусство и самопознание // Вопросы философии -1975. – № 8. – С. 117-128. С. 127

⁵ Тендряков В.Ф. Собр. соч.: в 5 т. – М.: Худож. лит., 1989. – Т. 5, с. 259

⁶ Тендряков В.Ф. Собр. соч.: в 5 т. – М.: Худож. лит., 1989. – Т. 5. С. 5

⁷ Тендряков В.Ф. Собр. соч.: в 5 т. – М.: Худож. лит., 1989. – Т. 5. С. 274

⁸ Тендряков В.Ф. Собр. соч.: в 5 т. – М.: Худож. лит., 1989. – Т. 5. С. 429

⁹ Тендряков В.Ф. Собр. соч.: в 5 т. – М.: Худож. лит., 1989. – Т. 5. С. 337

ЛИТЕРАТУРА

1. Кожин В. Современность искусства и ответственность человека. // Статьи о современной литературе. – М.: Современник, 1982. – 303 с.
2. Крупин В. Гамбургский мускат [Из воспоминаний о встрече с В.Ф. Тендряковым] // Литературная газета. – 2004. – 7-13 апр. (№14). – С. 8
3. Селезнев Ю.И. Вечное движение – М.: Современник, 1976. – 326 с.
4. Тендряков В.Ф. Искусство и самопознание // Вопросы философии -1975. – № 8. – С. 117-128.
5. Тендряков В.Ф. Собр. соч.: в 5 т. – М.: Худож. лит., 1989

ОБРАЗ БАТЫЯ В ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Нурбулат Джуанышбеков

Казахский национальный университет им. аль-Фараби

The article is devoted to represent of Batyi in the ancient Russian literature. The image of Batyi is reveal in "The story about ravaging of Ryazan by Batyi in 1237". The stereotypic perception of Batyi's image as enemy and villain is discredited. In the historical context of "The Word" of Serapion Vladimirskii, "The existence of prince Alexander Nevskii", "Galicko-Volynskii chronicle" the image of Batyi is appear with new point of view. In the ancient Russian literature a thread of interaction of Slavic and Turkic cultures had appeared.

Key words: *Batyi, the ancient Russian literature, Turkic culture, a stereotype, a context, interaction.*

В повести «О приходе Батыя на Рязань» впервые создается в русской литературе образ Батыя, фигура которого не раз будет в центре внимания русских и тюркских писателей, ученых. Западный поход Батыя описывался и оценивался с разных точек зрения. Монголы и восточные тюрки основной свой удар направляли против своих извечных врагов - кипчаков-половцев. В Руси они видели естественных союзников половцев и поэтому одновременно с разгромом войск половецких ханов Бачмана и Котяна они напали на Русь. В 1237 году основные силы монголов во главе с Бату ханом (Батыем) взяли Рязань, затем Владимир. В это же время хан Мункэ разбивает кипчаков Бачмана на Волге и устремляется на алан. Хан Берке продолжает преследовать кипчаков. В повести образ Батыя носит отрицательный характер. Да и не мог он быть иным, потому что это был образ завоевателя, врага. Естественно, все его недостатки гиперболизируются. Безбожный, обманщик, хвастун, лукавый, немилостивый, похотливый, нечестивый – таковыми эпитетами и определениями награждается Бату. Попробуем беспристрастно отнестись к этому образу, объективно соотнести его с историческими фактами. Бату хан подходит к границам северо-восточной Руси. Пятнадцать лет прошло со дня битвы на Калке, когда русские князья вероломно выдали монгольских послов половцам, обрекая их на злые муки. Батый был олицетворением пассионарного взрыва монголов, начавшегося при его деде, Чингисхане. Мощная вспышка этногенеза предполагала войну в качестве выработки новых стереотипов поведения нового этноса. Батыю предстояло на новой территории заложить основы нового суперэтноса. Поэтому война монголов и Руси была неизбежной. Поэтому, имея превосходящие военные силы, Батый предлагает князю рязанскому Юрию Ингваревичу платить обычную дань. Приволжские города Владимирского княжества Ярославль, Ростов, Углич, Тверь вступили в переговоры с монголами,

даже выторговали льготы и избежали разгрома. Как известно, монголы не оставляли гарнизона в завоеванных городах и как только монголы оставляли город, жители возвращались и продолжали жить прежней жизнью. Некоторые историки считали, что Батый установил иго, приведшее Россия к запустению, упадку, к тому, что она отстала в своем развитии от Европы на 300 лет. В XIX веке родилась идея о спасении Россией Европы: «России определено было высокое предназначение... Ее необозримые равнины поглотили силу монголов и остановили их нашествие на самом краю Европы: варвары не осмелились оставить у себя в тылу поработенную Русь и возвратились на степи своего востока. Образующеся просвещение было спасено растерзанной и издыхающей Россией».[1]

Странное нашествие, когда монголы занимаю Переялавль и Чернигов, а Ярослав Владимирский отправляется в это время походом на Литву, заодно взяв русский город Каменец и пленив княгиню Михайлову. Киевский князь бежит в Венгрию, а освободившийся престол спешит занять смоленский князь Ростислав Мстиславич, но его изгоняет Даниил Галицкий. Города, успевшие вовремя сдаться, объявлялись «гобалык», добрый город, с этих городов бралась умеренная контрибуция лошадьми и провиантом. Да и другие города страдали недолго, их «подчинение носило чисто символический характер; после ухода монгольского войска жители возвращались домой, и все шло по-старому».[2]

Вернемся к «Повести о разорении Батыем Рязани». Князь рязанский вступает в переговоры, отправляя послом сына Федора Юрьевича. Обычно послы приносили дары, в том числе и женщин. Князь Федор отправился в посольство, захватив зачем-то жену Евпраксию и малолетнего сына. Батый милостиво принял дары и обещал не трогать Рязани. Чтоб закрепить дружеские отношения, он решил вступить в династийный брак, который был обычным делом в отношениях Руси и Степи. Он попросил выдать за него какую либо княжескую дочь или сестру. Тем более, что один из рязанских вельмож из окружения Федора расписывает красоту княгини Евпраксии, ее знатность и ум. Батый просит Федора дать ему возможность полюбоваться красотой княгини. Федор оскорбляет Батыя, дерзко и со смехом бросая ему вызов: « Не полезно бо есть намъ, христїаном, тобѣ, нечестивому царю, водити жены свои на блудъ. Аще насъ приодолѣши, то и женами нашими владѣти начнеши».[3]

Батый принимает вызов Федора, он «возярился и огорчился», приказав убить князя и членов посольства. Расправа с послами означала неминуемую жестокую войну, в которой не могло быть жалости и милосердия. И мы видим, что Батый следует рыцарскому кодексу чести, Ясе Чингисхана. Впрочем, этих рыцарских норм придерживались и русские князья. Важнейшим правилом рыцарей была верность сюзерену, личное мужество. Батый уважает личное мужество Олега Ингоревича и собирается излечить его от ран и привлечь на свою сторону. Решительный и грубый отказ Олега приводит Батыя в ярость. В повести подчеркивается жестокое отношение Батыя к городу Рязани и его жителям. Но эта жестокость вызвана стойким сопротивлением рязанцев, которые пять дней сдерживали осаду города и только применение стенобитных орудий сокрушило сопротивление его жителей. По кодексу рыцарской чести действует Батый и в отношении Евпатия Коловрата. Евпатий – образец средневекового рыцаря, готовый совершать подвиги ради своего сюзерена.

Таковым является тюркский рыцарь Кюль-тегин, и французский рыцарь Роланд. После падения Рязани он организовал партизанский отряд, который причинил татарам много неприятностей. Взятые в плен, смертельно раненные воины Евпатия удивляют Батыя своим смелым и мудрым ответом. Они признают себя ратниками Евпатия, вассала Ингваря Ингоревича. Посланы от князя почтить Батыя, «сильна царя», и оказать ему честь, проводив его с рязанской земли. Они просят царя не обижаться, что не успевают наливать чаши на великую силу – рать татарскую. Батый отдает должное их мужеству и мудрости, отправляя на поимку Евпатия Коловрата значительные воинские силы во главе со своим шурином Хостоврулом. Хостоврул, который похвастался привести Евпатия к Батыю живым, не может сделать этого. Образ Евпатия схож с образами былинных богатырей. Он исполин, рассекает Хостоврула на две части от седла, побеждает многих тюркских богатырей и успешно бьется в одиночку с целым татарским полком. Только применение пороков, то есть метательных орудий, убило Евпатия. Приближенные Батыя удивленно заявляют Батыю о беспрецедентной силе и храбрости рязанских богатырей.

Характерна речь Батыя над телом русского богатыря. Он отдает дань героизму Евпатия Коловрата, заявляя, что, если бы он остался бы жив, «то держал быхъ его против сердца своего».

Более лаконичен и менее образен летописный рассказ о взятии Козельска, которого татары называют злым городом. Интересно, что даже в XIX веке жители Козельска не хотели иметь ничего общего с жителями соседнего Поганкина, потому что жители последнего снабжали провиантом монголов. Да, конечно, злодеяния татар против жителей Козельска заслуживают осуждения, но вспомним, что князь Михаил Черниговский не пришел на выручку своему городу, отверг мирные переговоры с монголами, не приняв битвы, бросил свою родную землю и бежал в Венгрию, потом в Польшу, в Галич. Когда монголы отправились в Европу, он вернулся в Киев. После возвращения монголов князь снова бежал в Венгрию, затем в Лион, где просил у папы помощи против татар. Когда он вернулся на родину, то возмущенные соотечественники казнили его.

В летописи повествуется и о взятии Владимира и о битве на реке Сити с войсками Юрия II, который в этом бою был убит. Вызывает недоумение, что другие русские князья и не подумали помочь Юрию, а затем Киеву. Впрочем, сметливые люди сообразили, что не за чем погибать в битвах с противником, который и сам уйдет. Многие русские воины пополняли войска Батыя. Даже брат и наследник Юрия, князь Ярослав, не оказал ему помощи, хотя силы у него были, так как в это время он совершал походы на литовцев и суздальцев. Эти силы понадобились Ярославу для спасения Новгорода шведско-немецких крестоносцев. В 1243 году он явился на поклон к Батыю и получил от него ярлык на великое княжение. Дипломатическая гибкость Ярослава, а затем его сына Александра уберегли Северо-Восточную Русь от многих бедствий и запущения.

События похода Батыя нашли отражения также в дидактическом «Слове» Серрапиона Владимирского. Первое «слово» было создано после битвы на Калке около 1230 года, а последние четыре во Владимире в 1274-1275 гг. У Серрапиона нет ненависти к иноплеменникам. В монгольских туменах он видит наказание божье, возмездие за грехи и призывает к покаянию, пророчески предсказывает о скором

Апокалипсисе. Бедствия, связанные с походом Батыея, описаны в третьем и четвертом «слове». Простота и непосредственность его поучений направлена не против Батыея, а против грешных дел, суеверий и предрассудков своих соплеменников.

В «Житие Александра Невского» образ Батыея близок к объективному изображению. Дело в том, что отец Александра и сам Александр были баскаками Батыея, сборщиками дани, великими князьями по данному им ханскому ярлыку. Батый отдает должное воинским подвигам Александра, шлет к нему своих послов.

Александр получает благословение священника и едет в Орду. О пребывании князя в Орде житие умалчивает. Нам известно, что Батый воздает ему честь, способствует побратимству своего старшего сына Сартака и Александра, принятию Сартаком христианства, оказывает помощь Александру в борьбе с немецко-шведскими рыцарями. Однако по отношению к младшему брату Александра Андрею Батый проявляет гнев. Житие умалчивает причины этого гнева, мы можем только догадываться, что этот гнев вызван отказом платить дань. Следствием был захват Суздальской земли ордынским воеводой Неврюем. Тесная связь с Батыем, с Ордой, позволяет Александру «отмолити людей и от беды тоя». Именно поэтому автор жития видит в Александре идеального правителя, прославляет его лучшие качества. Батый и Орда для автора неотвратимая сила. В то же время «царь силен на Восточной стране» вступает с Александром в равноправные отношения.

Галицко-Волынская летопись отличается интересным художественным стилем, который выдает автора образованного, близкого к княжеским кругам. Летопись повествует о событиях начала XIII века в Южной Руси, причем повествование длится до 60-х годов, в ней рассказывается об истории Галицкой Руси, тесно связанной с половцами и монголами, а затем до 1292 года в ней рассказывается о событиях в Волынской земле. Трогательна легенда о половецких ханах Сырчане и Отроке. Хан Отрок был изгнан Владимиром Мономахом, в Абхазию за Дербент. Вся земля половецкая тогда подчинилась Мономаху. После смерти Мономаха хан Сырчан посылает певца к Отроку, чтобы тот спел ему песни половецкие и передал наказ вернуться обратно на родину. Если же Отрок не захочет вернуться, певец должен был дать ему понюхать емшана, запаха степной полыни. Отрок, понюхав емшана, воскликнул: «Луче есть на своей землѣ костью лечи, нели на чюже славну быти». [4]

Легенда о патриотизме половцев странно звучит в летописи, написанной во времена татарского нашествия. Автор в отличие от киевского летописца явно симпатизирует половцам, приводя замечательную легенду, содержание которой переключается с тем чувством любви к родине, которое и он испытывает. В летописи рассказывается о взятии монголами Киева в 1240 году. Повествование довольно объективно. Отдается должное мужеству киевлян и воинскому искусству монголов. После ожесточенного боя город захвачен. Батый восхищен стойкостью его защитников и сохраняет жизнь раненому Дмитрию. Летописец тем самым подчеркивает верность Батыея кодексу рыцарской чести.

Довольно подробно описывается поездка Даниила Галицкого в Орду. Видимо, автор был сам участником этой поездки. По мнению летописца, больше всего князя должно было смущать необходимость поклоняться кусту, солнцу,

луне. Однако Батый никого насильно не принуждал принять тенгрианскую веру. В монгольских войсках действовала Яса Чингисхана, запрещающая гонения по вере, и приказывающая не трогать священников любой веры. Поэтому хан разрешает Даниилу на пиру пить вместо кумыса вино. Любезно и ласково принимает его, выдает ему ярлык на княжение. Судя по всему, князь должен был быть доволен результатами поездки. Однако летописец восклицает: « О злее зла честь татарская!». Он выражает народную антипатию к татарам, тем самым заставляя Даниила порвать мирные договоренности с ханом. Из истории известно, что Даниил вел прозападническую политику, а Александр Невский протатарскую. История признала верной политику Александра, что нашло отражение и в древнерусской литературе.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Пушкин А. С. ПСС, в 10 т., Т. 7. М., 1956 – 1958, С. 306.

² Насонов А. Н. Монголы и Русь. М.; Л., 1940, С. 36 -37.

³ Повесть о разорении Батыем Рязани в 1237 году. // Гудзий Н. К. Хрестоматия по древней русской литературе XI –XVII вв. М., 1961. С. 147-148.

⁴ Галицко-Волынская летопись.// Гудзий Н. К. Хрестоматия по древней русской литературе XI –XVII вв. М., 1961. С. 164.

ЭМОТИВНОСТЬ ПОЭЗИИ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ

Кажигалиева Гж.А.

(Алматы, Казахстан)

Казахский национальный
медицинский университет
им. С.Асфендиярова

The article touches upon emotional – content dominant of S.Essenin's and N.Rubtsov's poetry, the means of expressing it. The originality of emotion of fiction and its national colouring is analyzed in this article. The emotive lexis is revealed and the peculiarities of national world-perception and national stereotypes are represented.

Key-words: *emotion of fiction, national stereotypes, Russian character, emotional – content dominant of the work, emotional lexis.*

Поэзия – мир поэта, его чувств, его восприятия мира. У каждого поэта, как известно, свой стиль, свой способ выражения эмоций.

Принято считать, что мы узнаем поэта по языку и стилю его произведений. Да, безусловно. Однако, как справедливо заметила Л.Г.Бабенко: «...за языком стоит не только система языка, но и психология. Каждый языковой элемент обусловлен не только лингвистическими, но и психологическими закономерностями»¹. Поэтому Пушкина, Есенина, Лермонтова и др. великих поэтов и писателей узнают не только специалисты, но и те, кто не изучал особенностей языка и стиля их произведений. Читатель прежде всего воспринимает эмоциональную тональность стихотворения, его настроение.

Что же представляет собой эмотивность художественного произведения и имеет ли она национальные корни?

Как правило, эмоциональная окрашенность произведения имеет как эксплицитное, так и имплицитное выражение. К эксплицитным средствам выражения эмотивности в художественном произведении относится эмотивная лексика, различные фигуры речи, эмоционал которых реализуется в соответствующем тексте.

Имплицитно эмотивными могут быть самые различные языковые единицы: от лексических до синтаксических. Рассмотрим на примере творчества ряда известных русских поэтов, как проявляется эмотивность художественного произведения и насколько она отражает национальное: стереотипы национального мышления, символы и реалии культуры народа.

Одной из ярких и своеобразных в плане эмотивности является поэзия С.Есенина. Его творчество пронизано русской народной культурой. Ведь душа и сердце поэта были исполнены любовью к родной земле. Она дарила ему вдохновение. Воистину справедливо заметил А.Блок, что «гениальный поэт

всегда народен». И эмотивность, которая, по нашему мнению, является определяющей частью художественного произведения, также национальна.

Поэзия Есенина – это половодье чувств: радость, грусть, боль, любовь, тоска. Однако доминирующей эмоциональной составляющей его стихотворений является *грусть-тоска*. Основными составляющими эмотивности есенинской поэзии служат эмотивы, представляющие особенности национального мировосприятия, национальные стереотипы: *тоска* (*волоокая, озерная, веселая, глубокая, журавлиная, тоска сентября, зима-тоска, полюбить тоску, жизнь – обман с чарующей тоской*), *плач* (*плачут вербы, золотеющая осень, глухари, иволга, чибис и кулик, листва плачет на песок*) *грусть* (*грустная песня, теплая грусть, грустная дума, хочу грустить*).

Подобная эмоциональная тональность восходит к фольклору, к русским народным песням, в которых традиционными были мотивы плача и страданий. Есенин определяет это так: «Грустная песня, ты – русская боль». Мир чувств поэта близок и понятен читателю, так как имеет яркое национальное выражение, отражающее стереотипы и символы русской культуры. Как писал Есенин: «Но, наверно, навеки имею нежность грустную русской души».

Так, символизируют печаль-грусть *березы-свечки, надломленная осока, ива, русская зима, трава-лебедя, тальянка, песня панихидная*.

Соответствующий эмоциональный фон создают и слова с имплицитным эмоционалом, такие как: *не сбылось, непутевая жизнь, отшумевшая жизнь, увядающая сила, не найти покоя, погибшая душа, сиротливый, чужая младость и др.*

Свой «вклад» в эмотивность произведения, раскрытие его национального колорита вносят оксюмороны. В стихотворениях Есенина оксюмороны *тоска веселая, радость грустная, загрустила радость, полюбить тоску* демонстрируют, насколько противоречив, сложен мир чувств и загадочна русская душа.

Эмоционально-смысловая доминанта ¹ стихотворений Есенина проявляется и на уровне синтаксиса, в частности, инфинитивные предложения с модальным значением невозможности действия подчеркивают общее грустное настроение:

- 1) Тебе о солнце *не пропеть*,
В окошко *не увидеть* рая.
- 2) Уж кому-то *не петь* на холму.
- 3) Не бродить, *не мять* в кустах багряных
Лебеды и *не искать* следа.
- 4) Кому-то пятками уже *не мять* по рощам
Щербленный лист и золото травы.
- 5) И *не избежать* бури,
Не миновать утрат...

Не менее эмоционально насыщена и поэзия Н.Рубцова. В стихотворениях «О чем писать?» и «Брал человек холодный мертвый камень» он выражает свое отношение к поэзии, к тому, какой она должна быть.

О чем писать?
На то не наша воля!
Тобой одним
Не будет мир воспет!

Ты тему моря взял
И тему поля,
А тему гор
Другой возьмет поэт!
*Но если нет
Ни радости, ни горя,
Тогда не мни,
Что звонко запоешь,
Любая тема –
Поля или моря,
И тема гор –
Все это будет ложь!*
«О чем писать?»

Брал человек
Холодный мертвый камень,
По искре высекал
Из камня пламень.
Твоя судьба
Не менее сурова –
Вот так же *высекать*
Огонь из слова!
«Брал человек...»

Настоящий поэт должен «высекать огонь из слова», уметь неповторимо, красиво выразить эмоции. Не может быть поэтом тот, кто не испытал «ни радости, ни горя». Главное – это способность передать свои чувства, то, что испытывает душа, и выразить это ярко, так, чтобы читатель смог понять всю красоту поэтического слова. И такой является поэзия Н.Рубцова. Она пронизана сильными чувствами. В контексте поэтических произведений поэта невозможно выделить немотивные компоненты. Каждый фрагмент в отдельности и вместе представляет эмоциональную картину.

Весьма интересным в этом плане является стихотворение «И отправился в темный угол». Его эмотивность построена на контекстуальных контрастах. Рассмотрим два фрагмента стихотворения:

1) Есть у нас старики по селам,
Что утратили будто речь:
*Ты с рассказом к нему веселым –
Он без звука к себе на печь.*

2) Только изредка над паромной
Над рекою, где бакен желт,
Лошадь белая в поле темном
Вскинет голову и заржет...

Подобное противопоставление в данном стихотворении создает эмоциональную доминанту грусти и образ старца, с израненной душой. Метафоризм, содержащийся в следующем отрывке:

Знаю, завтра разбудит только
Словом будничным, кратким столь
Я спрошу его: - Надо сколько? –

Он ответит: - Не знаю, сколь!

усиливает общее настроение стихотворения. Молчаливость старика, его краткий и будничный ответ: «Не знаю, сколь!» передают читателям его чувства, можно сказать, их отсутствие, безразличие к жизни, ощущение пустоты, мрачное предчувствие.

Состояние природы созвучно эмоциям героя произведения. Окружающая среда мрачна, безмолвна, создается ощущение безрадостной, угасающей жизни. Природа, ее эмоциональное описание говорит нам о том, что происходит в душе старца:

1) И отправился в темный угол,

Долго с лавки смотрел в окно

На *поблекшие травы луга...*

Хоть бы слово еще одно!

2) Ночевая! Глухим покоем

Сумрак душу врачует мне...

3) *Только изредка* над паромной

Над рекою, где бакен желт,

Лошадь белая в поле темном

Вскинет голову и заржет...

В данных отрывках стихотворения важную роль играет и используемая автором цветовая гамма, а именно преобладание темного. *Темный угол, сумрак душу врачует мне, поле темное* являются своего рода «мрачными» метафорами, передающими эмоционально-смысловую доминанту стихотворения. *Поблекшие травы* – мотив угасания жизни и угасания интереса к ней.

Также эмоционально насыщены и последние строки стихотворения:

Лошадь белая в поле темном

Вскинет голову и заржет...

Что может «воплощать» лошадь белая? Те незначительные радости, что еще могут быть в жизни, что-то светлое. Или - это неизвестность, то, что пугает, но к чему мы неизбежно приближаемся.

В данном стихотворении, таким образом, каждая строка, каждое слово в контексте несут не только смысловую, но в первую очередь эмоциональную нагрузку.

В стихотворениях Рубцова, так же, как и у Есенина прослеживаются символы национальной культуры и национальные стереотипы. В данном стихотворении они не эксплицитны, за исключением печи (русская печь). Но, исходя из содержания всего произведения, понимаешь, что речь идет об особом русском характере. Как пишет сам автор: «Есть у нас старики по селам...». Немногословные, замкнутые, немного отрешенные, суровые, загадочные. Это один из национальных стереотипов, представляющий русский характер.

В стихотворениях Н.Рубцова, в отличие от поэзии Есенина, не так часто звучит эмотив *грусть*. Но тем не менее данный эмоциональный фон почти в каждом его произведении. Это грусть о былом, о том, что не вернуть, о славном прошлом Руси.

1) С моста идет дорога в гору.

А на горе – какая *грусть!*-

Лежат *развалины собора,*

I. LITERATURĂ. VARIA

Как будто спит *былая Русь*.

2) *Какая жизнь отликовала,
Отгоревала, отошла!*

3) Когда душе моей
Земная веет святость,
И полная река
Несет небесный свет,-
Мне *грустно* оттого,
Что *знаю эту радость*
Лишь *только я один*:
Друзей со мною нет...

4) Только чаще *побеждает проза*,
Словно дунет ветер *хмурых дней*.
Ведь шумит такая же береза
Над *могилой матери* моей.

Выделенные слова и предложения несут на себе основную эмоциональную нагрузку.

Иногда для передачи соответствующего настроения автор прибегает к противопоставлению, к антитезе.

1) А утром солнышко взойдет,-
Кто может средство отыскать,
Чтоб задержать его восход?
Остановить его закат?
Вот так поэзия, она
Звенит – ее не остановишь!
А замолчит – напрасно стонешь!
Она незрима и вольна.
Прославит нас или унизит,
Но все равно возьмет свое!
И не она от нас зависит,
А мы зависим от нее.

2) Окошко. Стол. Половики.
В окошке – вид реки...
Черны мои черновики.
Чисты чистовики.
За часом час уходит прочь,
Мелькает свет и тень.
Звезда над речкой – значит, ночь.
А солнце – значит, день.
Но я забуду ночь реки,
Забуду день реки:
Мне спать велят чистовики,
Вставить – черновики.

3) Без остановки мчатся журавли!
В лучах весны – зови иль не зови! –
Они кричат все радостней, все ближе...
Вот снова игры юности, любви

Я вижу здесь... но прежних не увижу.

И обступают бурную реку

Все те ж цветы... но девушки другие.

Приведенные выше примеры демонстрируют яркий эмоциональный потенциал антонимии, который раскрывается поэзией. Эмоциональность мышления и поэтический дар представляют нам удивительные художественные, выразительные возможности слова. Так, к примеру, в стихотворениях Н.Рубцова наблюдается еще одна особенность поэтического, эмоционального противопоставления. Она заключается в следующем: жизнеутверждающее, мажорное начало, отражающее, разумеется, позитивный эмоционал (радость) и грусть, безысходность в конце стихотворения. Подобная эмотивность наблюдается в стихотворении «Сентябрь».

Слава тебе, поднебесный

Радостный краткий покой!

Солнечный блеск твой чудесный

С нашей играет рекой,

С рощей играет багряной,

С россыпью ягод в сенах,

Словно бы праздник нагрел

На золотогривых конях!

Радуюсь громкому лаю,

Листьям, корове, грачу,

И ничего не желаю,

И ничего не хочу!

И никому не известно

То, что, с зимой говоря,

В бездне таится небесной

Ветер и грусть октября...

Выделенные курсивом слова и предложения являются базовыми для передачи смены настроения.

В целом подобная эмоциональная картина, отражающая противоречивость чувств, их смену, открывается в первую очередь через содержание стихотворения и используемые поэтические фигуры противопоставления.

Мотив грусти, тревоги в поэзии Рубцова передается и через те природные явления, которые стереотипно воспринимаются как отрицательные. Это туман (когда туман сгущается и грусть), омутный (омутные воды, омутная ночь), ночь (ужас ночи, омутная ночь), мгла (алеющая мгла, увяданье цветов, белеющих во мгле, мгла заледенелая), тьма (тьма кромешная), дождь (в дни осенних горестных дождей, но слишком дождь шумел уныло), осенний (я жил в предчувствии осеннем уже не лучших перемен, ветер и грусть октября).

Все, что связано с осенью и непогодой, у поэта ассоциируется с грустью, вызывает грустные воспоминания. Но также именно природа радует поэта:

1) *Светлеет грусть, когда цветут цветы,*

Когда брожу я многоцветным лугом

Один или с хорошим давним другом,

Который сам не терпит суеты.

За нами шум и пыльные хвосты –

I. LITERATURĂ. VARIA

Все улеглось! Одно осталось ясно –
Что мир устроен грозно и прекрасно,
Что легче там, где поле и цветы.

2) *Выпал снег – и все забылось,*
Чем душа была полна!

Сердце проще вдруг забилося,
Словно выпил я вина.

3) *Снег летит – гляди и слушай!*

Так вот, просто и хитро,
Жизнь порой врачует душу...

Ну и ладно! И добро.

Грусть в поэзии Н.Рубцова имеет фольклорные истоки и демонстрирует яркий национальный характер эмотивности. Так, несколько стихотворений Н.Рубцова написаны в «стиле» таких жанров русского фольклора, как песни и сказки. К примеру, стихотворение «В избе» представляет собой своеобразное «подражание» русским народным сказкам. В нем есть сказочный зачин и используется соответствующая лексика:

Стоит изба, дымя трубой,
Живет в избе старик рябой,
Живет за окнами с резьбой
Старуха, гордая собой...

Вполне народным по языку и стилю является и следующее стихотворение:

Огороды русские
Под холмом седым.
А дороги узкие,
Тихие, как дым.
Солнышко осоковое
Брызжет серебром.
Чучело гороховое
Машет рукавом...
До свиданья, пугало,
Огородный бог! –
Душу убаюкала
Пыль твоих дорог...

Структура стихотворения, описываемые реалии национального характера (*огороды русские, солнышко осоковое, чучело гороховое, пугало, дороги*), эмоционально-смысловая доминанта - все соответствует языку и стилю русского фольклора.

Русские народные эмоционально-смысловые мотивы звучат и в стихотворении «Дорожная элегия». В нем, в частности, используются повторы слов, звучит тема дороги, разлуки – то, что обычно характерно для русских народных песен.

Дорога, дорога,
Разлука, разлука.
Знакома до срока
Дорожная мука...

Национальный характер эмотивности поэзии Н.Рубцова проявляется и на уровне синтаксиса. Невозможность действия, выражаемая инфинитивными предложениями, как известно, традиционный «эмоциональный прием» русского фольклора. В стихотворениях Рубцова он также используется для выражения грусти, печали, тоски. Так, например, эмоционально насыщены следующие строки:

1) *Не порвать* мне житейские цепи,
Не умчаться, глазами горя,
 В пугачевские вольные степи,
 Где гуляла душа бунтаря.

2) Как *не найти* погаснувшей звезды,
 Как никогда, бродя цветущей степью,
 Меж белых листьев и на белых стеблях
 Мне *не найти* зеленые цветы.

Произведенный, таким образом, анализ эмоционально-смысловой доминанты поэзии С.Есенина и Н.Рубцова, позволяет, на наш взгляд, утверждать, что эмотивность поэзии проявляется как на уровне языковых единиц (эмотивы), так и на уровне фигур художественной речи, как эксплицитно, так и имплицитно и демонстрирует яркий национальный характер, выявляемый через определенное стереотипное восприятие реалий окружающего мира.

Литература

1. Бабенко Л.Г. , Казарин Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика; Практикум / Л.Г. Бабенко, Ю.В. Казарин. – 5-е изд. - М.: Флинта: Наука, 2008. - 496 с.

ХУДОЖНЯ МОДЕЛЬ ЕТНІЧНОГО МІФУ В ЛІРИЦІ ПОЕТИЧНОГО ПОКОЛІННЯ 80-Х РОКІВ ХХ СТ.

Анісімова Ніна

*Бердянський державний педагогічний університет
Україна*

Summary

The artistic peculiarities of lyrics by Peter Medyanka, the representative of the poetical generation in the 80s XX-th century, are analyzed in the article. The ethnic original of his works which is shown in the Carpathian artistic myth is determined. The main motives Medyanka's lyrics are investigated; they are compared with works of the other representatives of the 1980s generation. Peter Medyanka's esthetical originalities of the poetry are analyzed.

The key words: *lyrics, myth, Zakarpatie, motherland, toponymy, figure-symbol, topographical names, regionality, ethnic space, archetype.*

З-поміж представників поетичного покоління 1980-х виразно виділяється когорта ліриків, яка репрезентує так званий "гуцульський терен". До нього уже традиційно відносять поетів-горян, залюблених у карпатську тематику і відданих так званому "регіоналізмові", – В. Герасим'юка, І. Малковича, І. Андрусяка. Цей типологічний ряд можна поповнити й ім'ям Петра Мідянки, вихідця із Закарпаття, автора поетичних збірок "Поріг", "Осередок", "Фараметлики", "Зелений фирес", "Трава Господня", "Срібний прімаш". Попри яскравість стилю П. Мідянка у порівнянні з іншими "вісімдесятниками" залишається малооцінованим поетом. Можливо, на заваді глибокому осмисленню лірики цього самобутнього поета стоїть виразний "регіоналізм" його поетичного мислення, на чому акцентували у своїх критичних розвідках В. Моренець, Є. Баран, А. Бондар, В. Єшкілев, В. Махно.

П. Мідянка – один із тих поетів, хто впродовж усієї своєї творчості звертається до однієї теми, яка з кожною наступною збіркою розвивається, набуває нових полісемантичних відтінків, смислових нюансів, оригінальних стильових вирішень, проте постійно присутня і визначає самобутність мистецького почерку автора. Такою наскрізною темою П. Мідянки є моделювання багатоманітного образу малої батьківщини, що в ліриці трансформується в архетиповий образ землі-матері, позначений виразною етногенетичною забарвленістю. П. Мідянка послідовно, від збірки до збірки творить міф свого закарпатського краю: його лірика досить яскраво відбиває специфіку цього регіону в його найрізноманітніших аспектах – етнічних, географічно-територіальних, етнографічних та духовно-ментальних. Проте змальовуючи локальну (закарпатську) місцевість, автор не замикається у її тісних межах, а творить універсальну картину світу.

Художній світ П. Мідянки сповнений потужним енергетичним потоком, що бере витoki з карпатських джерел, живиться їх міфами та звичаями. Архетип землі-матері під пером поета набуває виразного національного забарвлення, художньо втілюючись в образі рідної землі та його синонімічних іпостасях (малої батьківщини, отчого краю, рідної домівки тощо). П. Мідянці, як і іншим “вісімдесятникам”, притаманний антеїзм, селянськість, інтимний зв'язок із землею та природою, що становлять визначальну рису української духовності. Завдяки „землі-матері” існує багатоманітний і надзвичайно повнокровний закарпатський простір як центр світобудови у художньому космосі поета: сувора гірська природа, мужні верховинці, тварини (маржина), рослини, представники найдавніших професій, багатобарвне гуцульське і лемківське мистецтво.

Основним значенням архетипового образу землі-матері як “колиски етносу-нації” (С.Андрусів) є “свята земля”, “рідна Батьківщина-Мати”. Поетичний світ П. Мідянки вражає своєю різнобарвною топонімікою, що засвідчує його прив'язаність до світу “малої батьківщини”: “Потисса”, “Угрин веснує”, “Літня румунка в місті”, “І він, і я – кохались в русинах”, “Закарпатець на схилі літ”, “Лемкові на спомин”, “Ужгородські кав'ярні” та ін. Міфологічним центром, що концентрує ідейну й змістову завантаженість у структурі поетичного тексту П. Мідянки, є закарпатське гірське село, символ міфологізованої “святої землі”. Його поезія рясніє безліччю географічних і топографічних назв: це й населені пункти (Косів, Космач, Брустури, Тячівщина, Земплін, Капушани, Чазарі, Абод), і назви гірських вершин, лісів, річок та полонин (Мараморош, Уж, Верховина, Нересул, Рогнески, Криволісся, Великий Плай, Сколівські Бескиди, Татри, Тересва). Топоніміка є вагомою складовою поезії П. Мідянки, його візитною картою, за якою безпомилково вгадується неповторний стиль поета. Проте назви хоч і пов'язані з певними географічними поняттями, насправді ж позбавлені конкретики, оскільки виступають образами-символами, своєрідними етнічними кодами, що мають причетність до вселюдських вимірів. Не випадковим видається порівняння гірського села з Орлеаном чи Кампіном (“Кореневище”), а життя верховинців за своєю суворістю та значущістю зіставляється з епохою палеоліту. Занадто широка і колоритна географія поетичних назв тільки на перший погляд може ввести читача в оману: зображуючи вузький простір закарпатських сіл, присілків, містечок, поет не впадає у набридливий патріотизм місцевого гатунку, а порушує при цьому глобальні проблеми буття української нації доби порубіжжя.

У кожного митця є своєрідний “географічний центр” творчого світу, який набуває особливого сакралізованого змісту. Саме таким “святим місцем”, що символізує “рідну домівку”, “отчий поріг” для П. Мідянки постають Косів, Тячівщина, Мараморош – осердя його поетичного космосу. Можна без перебільшень сказати, що вся Мідянчина поезія обертається довкола цих закарпатських сіл та верховин, які своєю природою, самим своїм духом налаштовують на міфотворення.

П. Мідянка прагне осмислити місце України у колі європейських держав, акцентуючи на близькості закарпатського регіону до центрів Європи. Так, у вірші “Рухаєшся в гори...” дорога до Європи набуває символічного аспекту: це важкий шлях порозуміння між Сходом і Заходом, між двома культурами, між різними релігіями. Дорога ця сповнена труднощів і протиріч, відтак ліричний суб'єкт – homo viator – виступає мандрівником європейськими магістралями,

зазвичай рухаючись полониною чи сходячи на гору, простуючи "верхами". Рух угору – це виснажливий шлях долання труднощів, це міфологема усвідомленого вибору шляху, що його кожен торує для себе – до вершин духовності, це метафора стремління людини до небес. Порушує П. Мідянка і гостру проблему етнічної нівеляції Закарпаття: хто тільки не посягав на його окремішність, самобутність. Звучить думка про рокованість долі закарпатського краю, що знаходиться в центрі Європи і упродовж віків піддавався чужоземному поневоленню, спокушаючи своєю екзотикою. Недаремно поета називають "власником Європи", який гостро відчуває свою причетність до великого етносу.

Усіх поетів-"вісімдесятників" хвилювала проблема втрати архетипу Великої Матері через знецінення одвічних національних мотивів і символів. Це болючо-гіркотне відчуття породило в поезії В. Герасим'юка, І.Малковича, І.Римарука мотив утраченого міфу малої батьківщини, який художньо реалізується в архетипових образах-символах "чужої землі", "вітчизни злої", "покинutoї хати", "згаслої ватри", що перегукуються з типологічно подібним образом-символом "забутої землі" у поезії Б.-І.Антонича з однойменною назвою.

У П. Мідянки годі шукати поезії з мотивом рідної хати як символу захищеного світу, прихистку і гармонії. Поет доповнює поширений у ліриці "вісімдесятників" образ покинутої хати, хати-пустки, що символізує руйнування гармонійного національного простору. Мотив покинутості увиразнюється акцентуацією історичної долі верховинського регіону – недавні події ХХ ст. спричинили виселення а то й розстріли цілих родин за підтримку УПА. Поет з боєм пише про планомірне вимирання печальний етносу лемків, його душу крають "їхні *доми покинуті й побиті*", *їхнє "відрубане коріння"* ("Лемкові на спомин"). Ліричний суб'єкт хоче побачити в рідному краї Ельзас, а насправді постає "німа країна та пуца" ("Кохана Ельзо, край наш – не Ельзас").

Поетичний світ П. Мідянки насичений ліричними портретами закарпатської людності, які поглиблюють образ малої батьківщини, а у художньому вираженні архетипу землі-матері акцентують віками вироблені духовні орієнтири. Життя мешканців Тячівщини постає у нерозривній єдності важкої праці і живодайного спілкування з природою ("Стара Тячівщина", "В закарпатському ареалі"). Поетизуючи свій "Малий Прованс", поет ніколи не фальшивить, уникає надмірного ліризму чи ідеалізації. Від першої поетичної збірки він виявляє критичне ставлення до батьківщини, додаючи свій голос до поезії Т.Шевченка, В.Симоненка, В.Стуса – велетів духу, які уміли любити Україну у різних її проявах.

Архетип землі-матері у П. Мідянки набуває і соціального ракурсу: поезія щедро насичена галереєю людських доль, подекуди навіть суперечливих і химерних ("Пісня Муціана Іванька", "Вітольд із Цегольнянської"). Поезія П. Мідянки може слугувати художньою ілюстрацією до найдавніших професій закарпатського регіону – його тексти рясніють ліричними сюжетами про свічкарів, дротарів, циганів-бляхарів, цегельників тощо ("На Замплін ти подався в свічкарі"). Постає повнокровний образ мешканців Закарпаття – русинів, яких поет змальовує без прикрас, оголюючи подекуди й непривабливі деталі тяжкої праці, буднів і побуту ("*Т він, і я – кохались у русинах...*").

Руйнування етнічного простору, прагнення наживи, втрата патріотичних почуттів, поява "синдрому американізму" стає предметом іронічного зобра-

ження і в вірші “Тримається на малтері каміння...”. Вгадуються шевченківські і франківські гострі інвективні нотки у змалюванні “юрби голоколінної”, що цурається рідного і схиляється перед усім американським. Буття закарпатців під пером П. Мідянки постає складним і химерним простором, у якому співіснують фанатична віра й антидуховність (“Боже мій! Сліди старого місця...”).

Невід’ємною складовою архетипового образу землі-матері у поезії П. Мідянки є моделювання своєрідного культурного простору Закарпаття, де нерозривно поєдналися риси народної культури (її символізують “і конвульсивний, і побожний “фольк”, // І чічка біла”) і західного поп-арту. Протиборство східної і західної моделей культур поет передає через прийом парадоксального перевтілення: зображено символічну “смерть” музиканта, майстра джазу, гру якого витісняє наступ “попси” (“Сервус, пане Воргол...”). З іронією пише автор про культурний простір Закарпаття: займаючи центрове місце у Європі, цей регіон, з одного боку, вражає готичною архітектурою і розмаїттям культурних нашарувань, а з іншого – потерпає від нищення духовності, коли визначальну роль починають відігравати гроші, а культурні цінності сприймаються як данина моді. Висновок поета може здатися песимістичний: меркантильний народ врятує не “Європа” чи “Америка”, а подолання тотального зубожіння (“Третман”).

Важливою складовою міфу “малої батьківщини” у поезії П. Мідянки є його поетична мова, позначена впливом закарпатських діалектизмів. Сам поет вважає, що вони ніскільки не утруднюють сприймання його віршованих текстів, сприяють відображенню душі закарпатця, способу його мислення і світосприйняття. Рідна мова є для Мідянчиних персонажів символом рідної землі, отчого порогу, малої батьківщини.

Поетичний світ П. Мідянки відзначається органічною цілісністю й гармонійністю, що досягається патріотичним спрямуванням лірики, яка сконцентрована довкруг “Малого Провансу” – Закарпаття. Архетип землі-матері є образом-лейтмотивом усієї поетичної творчості П. Мідянки, тим стрижневим чинником, що становить вісь естетичної системи. “Регіональний” колорит і визначає самотність лірики поета, який шукав і віднайшов свою Лукрозу серед карпатського терену.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ В ПРОЗЕ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ БЕЛАРУСИ

Ольга Полукошко

Белорусский государственный университет

Summary

The object of research in the proposed work is the historical prose of Belarusian literature in Russian – the field that is unknown to Belarusian study of literature. Belarusian literature in Russian is rare the object of philological research. And it is unknown to wide circle of readers. The question about the relation of Belarusian literature in Russian to national literature is still polemic. Evidently the cause is in the language which the artistic works are created and in the nationality of an author. The Russian language like the Belarusian language is an official language in Belarus. At the common and official level it actually dominates the Belarusian language. In spite of that in the literary sphere it is an “outsider”. What about the authors, there are both native Belarusians and people who is born in other country but live in Belarus amongst they. Therefore we decided that it would be interesting to watch the reflection specific of the national history (the choice of theme, historical events, historical heroes that interested an author) in the historical prose of Belarusian authors who wrote in Russian in the latter half of the twentieth century.

Ключевые слова: Национальная история, историческая проза, русскоязычные писатели.

Историческая проза – один из самых интересных жанров. Привлекательность этого жанра во многом обусловлена его двойственной природой, т. е. соединением науки и искусства, исторического факта и художественного вымысла. Писатели не только изображают яркие, эмоциональные картины прошлого, но и стремятся формировать у читателя чёткую гражданскую позицию. Однако, как и учёному, писателю не всегда удаётся избежать определённой тенденциозности, односторонности в трактовке событий, оценке той или иной исторической личности. Это обусловлено, не в последнюю очередь, гражданской позицией автора, его происхождением, временем, в котором он живёт и которое диктует свои взгляды на события.

Объектом данной работы была выбрана белорусская историческая проза русскоязычных авторов. Необходимо отметить тот факт, что русскоязычная литература Беларуси вызывает много споров у литературоведов. В частности, спорным является вопрос отнесения её к национальной литературе. Причина, вероятно, в языке, на котором создаются подобные произведения и национальности самих писателей. Несмотря на то, что русский язык, как и белорусский, является государственным, а на бытовом и официальном уровне

даже доминирует над белорусским, в литературной среде он выступает “аутсайдером”. Что же касается самих авторов, то среди них есть как коренные белорусы, так и люди, которых судьба связала с нашей страной. Поэтому мы решили, что было бы интересно проследить специфику передачи национальной истории – в первую очередь, это выбор темы, исторических событий, исторических персонажей, которые заинтересовали автора – в русскоязычной прозе Беларуси.

Если посмотреть на тематическую карту белорусской русскоязычной исторической прозы второй половины XX века, то можно заметить два основных тематических блока: 1) события, так или иначе, связанные с общей историей трёх “братних народов” – белорусского, русского, украинского; и 2) события собственно национальной истории (Таблица 1).

Если говорить о первой группе произведений, то необходимо отметить, что она превосходит по количеству вторую. Ещё одной особенностью является преобладание в этой группе романа. Кроме того, тематически она также более разнообразна. Наиболее «массовыми» здесь являются произведения о Казацкой и гражданской войнах. Нам бы хотелось более подробно остановиться на первой.

История Беларуси очень богата на события, а XVII век, как и Казацко-крестьянская война, занимает в этом смысле особое место. Белорусский историк С. Черопко отмечает, что в этой войне «переплелись такие явления, как вторжение украинских казаков на Беларусь и грандиозное по своей сущности крестьянское восстание, которое стало последствием соединения социальных, национальных, религиозных, культурных противоречий в единый комплекс. Южная и Восточная части Великого княжества Литовского – белорусское Полесье и Приднепровье превратились в арену борьбы между двумя враждующими сторонами»¹.

Именно эти события, а точнее – восстание 1648 г. в полесском городе Пинске горожан и крестьян совместно с казаками против войск гетмана Радзивила – описываются в романе Ильи Клаза «Белая Русь» (1977 г.). Событиям XVII века посвящён и роман Ивана Мяло «Принада» (1982 г.). Здесь, как и в романе «Белая Русь» главными героями выступают полешуки и казаки, но, в отличие от первого, действие второго разворачивается не на белорусских землях, а на родине писателя – в российском городе Стародубе (Брянская область). Общей для этих двух произведений является и художественная концепция, характерная для большинства произведений соцреализма: «крестьянские восстания хороши, а сами восставшие, наоборот, не понимали, кто их истинный враг»². Но если герои И. Мяло только в финале осознают неизменность и несправедливость власти, то полешуки И. Клаза изначально знают, что российский царь ничем не лучше польского короля, однако решающим фактором в присоединении к восставшим казакам выступает православная вера. Именно она, по мысли авторов, являлась связующим звеном между белорусским, украинским и русским народами в то время.

Вопросы веры поднимаются и в романе Эдуарда Скобелева «Мирослав, князь Дреговичский: Дума о минувшем» (1979 г.). Здесь, как и во многих исторических романах советской эпохи, действие происходит во времена Киевской Руси X века, однако преимущественно на белорусских землях. В

произведении древний летописец рассказывает о противостоянии дреговичского князя Мирослава киевскому князю Владимиру, который силой насаждает новую веру.

«По мере своих сил я стремился воссоздать историческую правду»³ – признаётся Э. Скобелев. Для этого, видно, он предлагает нам, читателям иной взгляд на события того времени, иную – альтернативную – историю. Мы переживаем крещение Руси вместе с человеком, которого заставляют отказаться от своей веры, и смотрим на всё глазами не христианина, не монаха, а язычника, у которого свой взгляд на то, что происходит вокруг. Автор даёт нам возможность посмотреть на известные события и исторических личностей в ином ракурсе – то, что традиционно считалось добром, в романе выступает злом: признанные Православной Церковью святыми князь Владимир и княгиня Ольга – вероломными преступниками, княгиня Рогнеда (символ гордости и патриотичной верности в национальной истории) – взбалмошной вероотступницей.

Э. Скобелев предлагает и оригинальные версии общеизвестных фактов. Так, в отличие от общегосударственных летописей, историю славянства он ведёт от сына богини Магожи Сколона и его сыновей – Чесна, Лузга и Подла. Кроме того, читатель становится свидетелем вероломного убийства князя Олега и сочинения официальной версии об змеином укусе. Иначе подаётся и история выбора конфессии князем Владимиром, только претворившимся слепым, а позднее и чудесным образом прозревшим.

Свою версию исторических событий, которые происходили на белорусских землях, правда, уже не X, а IV века представляет и Сергей Зайцев в романе-былине «Побеждая – оглянись» (1988 г.). События эти происходят во времена формирования древнерусской державы. Так как письменных памятников того времени не существует, а те немногие упоминания, которые можно обнаружить в древних источниках, не дают ничего определённого, писатель вынужден был положиться только на свою фантазию, интуицию и народный эпос – причём не только славянский, но и скандинавский.

В перечисленных выше произведениях описываются разнообразные события из истории восточных славян, но неизменным местом действия остаются белорусские земли. Исключением могут быть, пожалуй, лишь произведения И. Мяло (романы «Принада», «Овсяный бунт»), действие в которых происходит на родной для писателя Стародубщине (Россия). Правда, среди персонажей непременно найдутся белорусские крестьяне, которые будут играть важную роль в романе.

Что же касается второй группы произведений, посвящённых собственно национальной истории, то количество их немного меньше. В данной системе произведений преобладает повесть, а основой сюжетобразования зачастую выступает личная судьба исторической личности. На роль главных персонажей литераторы активно выдвигают творцов, художников. Так, в повести Эрнеста Ялугина «Мстиславцев Посох» (1971 г.) рассказывается о юных годах Петра Мстиславца, одного из белорусских первопечатников, а в повести Константина Тарасова «Милость для атеиста, или Странствие в тесном кругу» (1986 г.) воссоздаётся образ мыслителя XVII века, автора трактата «О несуществовании Бога», брестского шляхтича Казимира Лыщинского, преданного смерти на

костре за атеизм. Усиленный интерес к проблеме героя подчёркивают и названия произведений, состоящие из имён исторических личностей. Среди них и упомянутая выше повесть Э. Ялугина «Мстиславцев посох», и повесть К. Тарасова «Три жизни Рогнеды» (1986 г.).

Таким образом, проанализировав ряд исторических произведений русскоязычных писателей Беларуси, мы видим, что национальная история занимает в них центральное место, а сами авторы, наряду с белорусскоязычными, принимают непосредственное участие в формировании национальной идеи и национальной мифологии.

Таблица 1

СОБЫТИЯ, СВЯЗАННЫЕ С ОБЩЕЙ ИСТОРИЕЙ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН	СОБЫТИЯ ИЗ ИСТОРИИ БЕЛУРУССКИХ ЗЕМЕЛЬ
Илья Клаз «Белая Русь» (1977 г.)	Эрнест Ялугин «Мстиславцев посох» (1978 г.)
Эдуард Скобелев «Мирослав. Князь Дреговичский: Дума о минувшем» (1979 г.)	Константин Тарасов «Погоня на Грюнвальд» (1980 г.)
Иван Мяло «Принада» (1982 г.)	Константин Тарасов «Три жизни Рогнеды» (1986 г.)
Иван Мяло «Овсяный бунт» (1986 г.)	Константин Тарасов «Милость для Атеиста, или Странствие в тесном кругу» (1986 г.)
Сергей Зайцев «Побеждая – оглянись: Роман-былина» (1986 г.)	
Михаил Круль «Красный костёл» (1987 г.)	

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Чаропка С. А. Гістарыяграфія Казацка-сялянскай вайны 1648–1651 гг. на Беларусі // Известия Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины, № 2 (35), 2006. – С. 37
- 2 Дробенко Е. «Занимательная история»: исторический роман и социалистический реализм // Соцреалистический канон / Сб. ст. под общ. ред. Х. Гюнтера и Е. Дробенко – Спб.: Академический проект, 2000. – С. 880.
- 3 Скобелев Э. Мирослав, князь Дреговичский: Дума о минувшем – Мн.: Маст. лит., 1979. – С.425.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дробенко Е. «Занимательная история»: исторический роман и социалистический реализм // Соцреалистический канон / Сб. ст. под общ. ред. Х. Гюнтера и Е. Дробенко. – Спб.: Академический проект, 2000. – С. 874 – 895.
2. Зайцев С. Побеждая – оглянись: Роман-былина. – Мн.: Маст. лит., 1986. – 366 с.
3. Клаз И. Белая Русь. Роман. – Мн.: Маст. лит., 1977. – 304 с.

I. LITERATURĂ. VARIA

4. Мяло И. Овсяный бунт: Ист. роман. – Мн.: Маст. літ., 1986. – 318 с.
5. Мяло И. Принада: Роман. – Мн.: Маст. літ., 1982. – 271 с.
6. Скобелев Э. Мирослав, князь Дреговичский: Дума о минувшем – Мн.: Маст. літ., 1979. – 432 с.
7. Тарасов К. Странствие в тесном кругу: Повести. – Мн.: Маст. літ., 1986. – 319 с.
8. Чаропка С. А. Гістарыяграфія Казацка-сялянскай вайны 1648–1651 гг. на Беларусі // Известия Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины, № 2 (35), 2006. – С. 37 – 44.
9. Ялугин Э. Мстиславцев посох: Историч. повесть. Для ст. шк. возр. – Мн.: Маст. літ., 1978. – 272 с.

II. LINGVISTICĂ. STILISTICĂ. METODICĂ

ВЗАИМОСВЯЗЬ ФИЛОСОФСКОГО, ЛОГИЧЕСКОГО И ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АСПЕКТОВ В РАССМОТРЕНИИ КАТЕГОРИАЛЬНОЙ СУЩНОСТИ ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ НА ПРИМЕРЕ СОПОСТАВЛЕНИЯ СИНТАКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ

А.Г. Шустер

НЧОУ ВПО «Армавирский Православно-Социальный Институт»

Особый интерес к категориям «причина» и «следствие» можно объяснить, прежде всего, экстралингвистической стороной данных объектов, и тем значительным местом, которое занимают причинно-следственные связи в структуризации мироздания. Это обусловлено тем, что в причинно-следственных отношениях выявляется одна из наиболее общих закономерностей мышления и языка, без понимания которой невозможно выразить идеи взаимосвязи явлений, событий и умозаключений, существующей в природе, и как следствие в языке, так как последний является отражением действительности. Характеризуясь ярко выраженной текстообразующей функцией, причинно-следственные отношения демонстрируют взаимосвязь компонентов предложения, частей предложения и предложений в составе текста.

Традиционно категории «причина» и «следствие» являлись объектами исследования философии и логики. Исходя из этого общая специфика языкового выражения причинно-следственных отношений будет анализироваться нами с учетом логико-философского осмысления многоаспектности каузальных связей.

В античной философии, в частности в «Метафизике» Аристотеля существовал достаточно упрощенный взгляд на каузальные отношения, который выразился в противопоставлении друг другу причины и следствия и более детальном исследовании сущности и типологии причин [1], что оставило по нашему мнению без должного внимания категорию следствия. Концепция Аристотеля оказала влияние на последующие изучение сущности отношений обусловленности. При различии подходов к выделению типологии причин, все они были сосредоточены на исследовании категории причины [2]. И только в философской системе Т. Гоббса наметилась тенденция к анализу категории следствия. Несмотря на то, что категория следствия считалась не менее важной, чем категория причины, основная роль отводилась причине [3].

Отвергая такой взгляд на причинно-следственные отношения, мы будем рассматривать их как компоненты взаимодействия, в котором следствие, определяясь причиной, в свою очередь играет активную роль, оказывая обратное воздействие на причину. Таким образом «...понятия причины и

следствия оказываются диалектически сопряженными» [4]. Диалектическое единение причины и следствия было отмечено еще Дж. С. Миллем. Ученый подчеркивал равнозначную необходимость друг для друга событий, связанных причинно-следственными отношениями, поэтому одно и то же событие Милль именуется причиной и следствием одновременно [5]. Данная точка зрения нашла свое отражение в современных философских системах, в частности в разработке концепции «цепей причинения» [6].

Необходимо отметить, что производимое причиной следствие зависит от условий сопутствующим данным явлениям. Различие между причиной и условием относительно. Каждое условие в какой-то мере является и причиной, а каждая причина в соответствующем отношении есть условие. Следовательно в диалектическом единстве находятся не только понятия причина и следствие, но и условие, так как следствие порождается причиной при определенных условиях. Это дает основание говорить не о двойственной, а о тройственной взаимосвязи:

ПРИЧИНА

СЛЕДСТВИЕ

УСЛОВИЕ

Итак, причина и условие находятся в единстве, и, как гласит постулат, «равные причины в соответствующих условиях порождают равные следствия» [7]. Исходя из этого, можно вывести обратное положение: одна и та же причина при разных условиях порождает разные следствия.

Например: Вода нагрелась до такой степени, что вся выкипела.

Вода нагрелась до такой степени, что можно заваривать чай.

He was so angry that we had to leave him alone.

He was so angry that we had to apologize to him.

Можно отметить ряд признаков характерных для причинно-следственной связи:

1. Наличие между двумя явлениями, находящимися в каузальной связи, отношения порождения. Причина не просто предшествует следствию во времени, а порождает, вызывает его к жизни, «генетически обуславливает его возникновение и существование» [8].

2. Отношения генетического порождения обуславливает существование и другого признака: причинно-следственная связь характеризуется «однонаправленностью или временной асимметрией» [9]. Это означает, что формирование причины всегда предшествует по времени возникновению следствия, а не наоборот, то есть процесс причинения имеет определенную направленность от того что есть, к тому, что появится.

Вообще идея симметризма // асимметризма имеет глобальный универсальный общенаучный (а не только собственно лингвистический) характер. В философии с категориями симметрия // асимметрия связывают не только феномен бесконечного развития, но и все важнейшие законы диалектики. Таким образом, «симметрия // асимметрия есть бинарная универсалия, которая позволяет ввести в современное общее науковедение новое концептуальное

II. LINGVISTICĂ. STILISTICĂ. METODICĂ

пространство, значимое как для объяснения все новых и новых явлений природы и искусства, так и для научного поиска и познания в целом» [10]. Асимметрия в переводе с греческого означает отсутствие или разрушенность симметрии. Симметрия в широком смысле – инвариантность (неизменность, устойчивость) структуры какого-либо объекта относительно его преобразований, выражающихся в изменении физических условий пространства или времени.

Асимметрия причинно-следственных позволяет интерпретировать их в терминах подчиненности, зависимости, что отражается в их грамматической маркировке (с помощью подчинительных союзов). Отношения зависимости могут быть грамматически не оформлены (имплицитные), но осознаваться на логическом уровне, так следствие находится в отношении зависимости от породившей его причины. Из этого следует, что синтаксические конструкции, являющиеся сочинительными по формальным показателям, с точки зрения логико-смыслового показателя содержат элемент подчинения и занимают промежуточный уровень между сочинением и подчинением.

Например: Покупка была неудачная, и он понес убыток (Л.Н. Толстой. Корней Васильев).

He was boasting and being ridiculous and she was laughing at him (Th. Dreiser. American Tragedy).

3. С асимметрией связан такой признак как необходимость. Он обусловлен односторонней зависимостью между причиной и следствием [11]. Действительно при равных условиях причинно-следственные отношения необратимы, однако изменение условий может повлечь за собой возвращение конечного результата к исходному состоянию.

Например: При температуре ниже нуля вода превращается в лед.

При температуре выше нуля лед превращается в воду.

4. Каузальная связь является «однозначной и необходимой» [12]. То есть, если причина возникает в строго определенных, фиксированных условиях, то она с необходимостью порождает определенное следствие. Таким образом, причинно-следственная связь носит закономерный характер (при равных условиях и равных причинах).

5. Причинно-следственные отношения характеризуются «пространственной и временной непрерывностью» [13]. Цепь причинно связанных событий развертывается в пространственно-временной сфере. Если причина и следствие существуют в одной точке пространства, то они разделены временным интервалом, и причинная цепь реализуется во времени. Если причина и следствие разделены пространственным промежутком, то такая причинная цепь разворачивается в пространстве. И этот временной или пространственный интервал должен быть заполнен непрерывной цепью событий, связанных между собой причинно-следственной связью.

Причинно-следственная связь является фундаментальной, так как на ее основе формируются более сложные виды каузальных отношений, так называемые «цепи причинения» [14]. Среди них можно выделить:

1. Односторонние цепи причинения. В них одно и то же явление выступает и причиной и следствием, то есть следствие становится в свою очередь причиной другого следствия. Схематически это можно выразить так:

Ап Вс(п) Сс(п) Дс и т.д.

Например:

Влиятельный торгово-ремесленный класс добивался, чтобы его экономическому могуществу соответствовало могущество политическое (причина). В результате политический диктат богатой земельной аристократии был сломлен (следствие и причина). В связи с этим претерпела изменения старинная религия, служившая идеологической основой греческого аристократического государства (следствие) (Л. Г. Емохонова. Мировая художественная культура).

The sound of his own voice was so pleasant to him (cause), that he was speaking for three-quarter hour about silly things (result and cause). So that we were bored listening him and had to interrupt his idle talk (result) (A. Christie. Hickory Dickory Dock).

2. Двухлинейные цепи причинения с обратной связью, когда следствие влияет на порождающую его причину; схематически выразим это таким образом:

Ап Вс

Например: Понимание способствует осознанию себя как личности (А. П. Петровский. Психология).

Православие на протяжении веков так воспитало русского человека, что он даже видимо, порывая с верою, не мог отрешиться от привитого народу мирозерцания. (М.М. Дунаев. Православие и русская литература).

Mary had lost any hope and she did not think about her life (Ch. Dickens. Dombey and son).

3. Разветвляющиеся цепи причинения, когда одна причина порождает несколько следствий или несколько причин порождают одно следствие. Схема этой цепи выглядит следующим образом:

Вс1

Ап Сс2

Дс3

Например:

Не будь варваров (причина), он (классический мир) бы жил до сих пор (следствие1) и, наверное, выработал бы себе и новые идеи, и новые стремления, и новые бытовые формы (следствие2). (Д. Писарев. Схоластика XIX века).

Тут в комнату ворвался ветер (причина), так что пламя свечей в канделябрах легко (следствие1), тяжелая занавеска на окне отодвинулась (следствие2), распахнулось окно (следствие3) (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита).

It was strange and unusual crime (cause) so that Scotland Yard was in trouble (result1) and Poirot came into deep thinking (result2) (A. Christie. Hickory Dickory Dock).

Clyde was taller (cause1), better build (cause2) and hence better looking (result) (Th. Dreiser. American Tragedy).

II. LINGVISTICĂ. STILISTICĂ. METODICĂ

Если толковать каузальность с позиций логики, то здесь под причиной понимается «обстоятельство, добавление которого к имеющимся обстоятельствам вызывает следствие – явление, представляющее собой событие, существование предмета, изменение предмета, возникновение нового свойства у предмета» [15]. Однако, представляя суждение в некоторой стандартной форме, в логике принято указывать вначале посылку (причину), а потом заключение (следствие), хотя в языковой системе их порядок расположения в структуре предложения может быть произвольным.

Сравним: Я не пришел на занятия вследствие болезни.

Вследствие болезни я не пришел на занятия.

He made mistake because of absence of experience.

Because of absence experience he made mistake.

По мнению ряда лингвистов, предложения, имеющие причинно-следственное значение, логически соответствуют умозаключению. Умозаключение, как известно, представляет собой рассуждение, в ходе которого из одного или нескольких суждений (посылок) выводится новое суждение (следствие). Переход от посылки к следствию совершается по правилу вывода. Всякое правильное умозаключение должно удовлетворять условиям: «если его посылки истинны, то должно быть истинным и заключение» [16].

Говоря о взаимоотношениях суждения и факта, можно отметить, что факт коррелятивен суждению, так как факт, как и суждение, получает доступ к действительности не прямо, а опосредованно, факт, как и суждение, является формой человеческой мысли, а не формой действительности. В отличие от суждения, факт представляется только истинной пропозицией. «Значение истинности на синтаксическом уровне вводит модульная часть предложения» [17].

Модус ситуации логического вывода состоит из двух звеньев: «исходного пресуппозиционного знания и информации вывода» [18]. Модальный элемент, вводящий пресуппозиционную информацию, обладает значением достоверности данной информации (известно, общеизвестно и т.д.), модальный элемент, вводящий информацию вывода, может иметь значение уверенности – неуверенности автора в достоверности информации (уверен, предполагаю и т.д.).

В отличие от события, факты полностью оторваны от временной ориентации (они не могут начинаться, продолжаться и заканчиваться), хотя временная отнесенность присутствует внутри них. Поэтому мы полностью согласны с Н.Д. Рыбка, который утверждает, что «бытийный процесс развивается от причины к следствию, а процесс познания идет от следствия к причине» [19].

Категория следствия тесно связана с процессом мышления. Р. М. Теремова считает, что «...различные формы познавательной деятельности сознания связаны с разграничением двух уровней познания объективной действительности – эмпирическом и теоретическом» [20]. На эмпирическом уровне познания говорящий утверждает наличие причинно-следственной связи, характеризующей реальную действительность. Речь идет о реальных предметных отношениях, которые существуют объективно, вне сознания субъекта. На теоретическом уровне познания выявляются скрытые сущности явлений реального мира, причем «причинная зависимость между событиями выявляется на основе определенных

логических операций, при активной, творческой роли говорящего лица, вносящего момент оценки связи между событиями» [21]. Таким образом, на эмпирическом уровне познания идет речь о реальных предметных отношениях вне их отношения к сознанию субъекта, а на теоретическом уровне познания говорящий имеет своим объектом не саму причинно-следственную ситуацию, а рассуждение, размышление по поводу этой ситуации.

Традиционно отмечается в философии гносеологическая связь причинно-следственных отношений с категориями количества и качества. Так, А.П. Шептулин в своей книге «Категории диалектики» пишет: «Познание людьми взаимосвязи количества и качества...подводит их вплотную к выявлению новых моментов всемирной универсальной взаимосвязи – причинности; и вместе с этим к необходимости формирования причины и следствия» [22].

Определенные изменения (количественные и качественные) объекта или явления приводят к новым качественным характеристикам и тем самым служат причиной для возникновения следственных изменений. Это дало основание Ж.Н. Тимофеевой разделить предложения со следственной семантикой на «квалитативно и квантитативно окрашенные» [23]. В соответствие с этим «причинный компонент квантитативно-следственной ситуации содержит количественную характеристику действия, признаков или предметов, ... которая заключается в определенной мере количества проявления данных признаков» [24]. А в сфере действия квалитативно-следственной ситуации «следствие является результатом проявления определенных свойств предмета или признака действия» [25].

Таким образом, зоны квантитативного и квалитативного следствия формируются наличием следственной семантики, находящейся в зависимости от количественной или качественной характеристики причинного компонента. Мы считаем целесообразным рассматривать качественный и количественный компоненты каузальных отношений в тесной взаимосвязи, а не разделять их, опираясь на один из законов диалектики, который гласит: «любые количественные изменения неизменно приводят к образованию нового качества» [26].

Говоря о структурах с условно-следственной семантикой, уместно обратиться к понятиям реальность, гипотетичность (ирреальность). Информация, представленная в гипотетическом модальном ключе, обладает нулевым прагматическим эффектом, то есть носит характер желательности, предположительности, тогда как зона реального обладает максимальным прагматическим эффектом.

Сравним:

Дали бы мне вторую жизнь (условие нереально), я повторил бы ее в том же духе (следствие нереально) (Л. Леонов. Русский лес);

Будут места (условие реально) – поедете! (следствие реально) (А. Рыбаков. Страх).

Lend your money lose your friend (Proverb).

Were Angel here, he would help us (Th. Hardy. Tess of the d'Urbervilles).

Таким образом, говоря о каузальных отношениях, вычленяемых на эмпирическом уровне познания, мы имеем в виду взаимосвязь трех компонентов: причины, условия и следствия, где причина при наличии определенных условий порождает определенное следствие. Для причинно-

II. LINGVISTICĂ. STILISTICĂ. METODICĂ

следственных отношений характерен ряд признаков, отличающих данный вид отношений от других:

- наличие между причиной и следствием отношения порождения;
- временная асимметрия;
- однозначность и необходимость;
- пространственная и временная непрерывность.

Причинно-следственные отношения тесно связаны с процессом мышления, что выражается в разграничении двух уровней познания объективной действительности (эмпирическом и теоретическом), а значит и следственной семантики (следствие-событие, следствие-факт).

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Аристотель. Сочинения в 4-х т. – М., т. 1, 1976.
- ² Антология мировой философии. – Т. 2, 1970.
- ³ Гоббс Т. Сочинения в 2-х т. – М., т.1., 1989.
- ⁴ Алексеев П.В., Панин В.А. Философия. – М.: Наука, 2001. – с. 453
- ⁵ Светлов В.А. Практическая логика. СПб., 1995.
- ⁶ Фролов И.Т. Введение в философию в 2-х частях. Ч.1. – М.: Политиздат, 1989.
- ⁷ Алексеев П.В., Панин В.А. Философия. – М.: Наука, 2001. – с. 409.
- ⁸ Там же. – с. 408.
- ⁹ Фролов И.Т. Введение в философию в 2-х частях. Ч.1. – М.: Политиздат, 1989. – с. 133.
- ¹⁰ Черемисина-Ениколопова Н.В. Симметрия / асимметрия как глубинный бинарный лингвистический и общенаучный закон // Общие методологические проблемы филологии. – СПб. – Ставрополь, 2001. – с. 27.
- ¹¹ Комаров А.П. О лингвистическом статусе каузальной связи (к вопросу о системности средств выражения причинно-следственных отношений в современном немецком языке. – Алма-Ата, 1970. – с. 18.
- ¹² Фролов И.Т. Введение в философию в 2-х частях. Ч.1. – М.: Политиздат, 1989. – с. 134.
- ¹³ Алексеев П.В., Панин В.А. Философия. – М.: Наука, 2001. – с. 410.
- ¹⁴ Фролов И.Т. Введение в философию в 2-х частях. Ч.1. – М.: Политиздат, 1989. – с. 411.
- ¹⁵ Ивин А.А. Основания логики оценок. – М., 1970. – с. 114.
- ¹⁶ Там же. – с. 231.
- ¹⁷ Тимофеева Ж.Н. Способы и средства выражения следственных отношений в простом и сложном предложении в современном русском языке: дис. ...канд.филолог. наук. – Ставрополь, 1996. – с. 17.
- ¹⁸ Там же. – с. 17.
- ¹⁹ Рыбка Н.Д. О выражении синтаксического значения следствия в простом предложении // Семантика грамматических форм: межвуз. сб. науч. трудов. – Ростов-на-Дону, 1982. – с. 112.
- ²⁰ Теремова Р.М. Следственные конструкции в современном русском языке. – Л.: Просвещение, 1987. – с. 28.
- ²¹ Там же. – с. 28-29.
- ²² Шептулин А.П. Категории диалектики. – М.: Наука, 1971. – с. 157.
- ²³ Тимофеева Ж.Н. Способы и средства выражения следственных отношений в простом и сложном предложении в современном русском языке: дис. ...канд.филолог. наук. – Ставрополь, 1996. – с. 31.
- ²⁴ Там же. – с. 31.
- ²⁵ Там же. – с. 32.
- ²⁶ Фролов И.Т. Введение в философию в 2-х частях. Ч.1. – М.: Политиздат, 1989. – с. 112.

Список использованной литературы

1. Алексеев П.В., Панин В.А. Философия. – М.: Наука, 2001.
2. Аристотель. Сочинения в 4-х т. – М., т. 1, 1976.
3. Антология мировой философии. – Т. 2, 1970.
4. Гоббс Т. Сочинения в 2-х т. – М., т.1., 1989.
5. Ивин А.А. Основания логики оценок. – М., 1970.
6. Комаров А.П. О лингвистическом статусе каузальной связи (к вопросу о системности средств выражения причинно-следственных отношений в современном немецком языке. – Алма-Ата, 1970.
7. Рыбка Н.Д. О выражении синтаксического значения следствия в простом предложении // Семантика грамматических форм: межвуз. сб. науч. трудов. – Ростов-на-Дону, 1982.
8. Светлов В.А. Практическая логика. СПб., 1995.
9. Теремова Р.М. Следственные конструкции в современном русском языке. – Л.: Просвещение, 1987.
10. Тимофеева Ж.Н. Способы и средства выражения следственных отношений в простом и сложном предложении в современном русском языке: дис. ...канд. филолог. наук. – Ставрополь, 1996.
11. Фролов И.Т. Введение в философию в 2-х частях. Ч.1. – М.: Политиздат, 1989.
12. Черемисина-Ениколопова Н.В. Симметрия / асимметрия как глубинный бинарный лингвистический и общенаучный закон // Общие методологические проблемы филологии. – СПб. – Ставрополь, 2001.
13. Шептулин А.П. Категории диалектики. – М.: Наука, 1971.

КАТЕГОРИЯ КОНЦЕПТА

Алоян Н.Л.

CATEGORY OF CONCEPT

Aloyan N.L.

Summary

This article is determined concept as a result of reflection of objective and subjective activity. Concept is presented as a combination of verbal and non-verbal images of environment situations. Cognitive sign forming content of concept reflects definite sides of activity phenomena. In the content of concept it includes components connecting both a meaning of word and a sign reflecting information base of man, his mentality and cultural heritage.

В настоящее время следует признать, что именно *концепт* является ключевым понятием лингвистики. Однако, несмотря на то, что понятие *концепт* можно считать для современной лингвистики утвердившимся, содержание этого понятия очень существенно варьирует в концепциях разных научных школ и отдельных ученых.

Дело в том, что *концепт* — категория мыслительная, ненаблюдаемая, и это дает большой простор для ее толкования. Категория концепта фигурирует сегодня в исследованиях философов, логиков, психологов, культурологов, и она несет на себе следы всех этих внелингвистических интерпретаций.

Впервые в отечественной науке термин *концепт* был употреблен С. А. Аскольдовым-Алексеевым в 1928г. Ученый определил концепт как мысленное образование, которое замещает в процессе мысли неопределенное множество предметов, действий, мыслительных функций одного и того же рода (*концепты растение, справедливость, математические концепты*) [1. с.4].

Д. С. Лихачев примерно в это же время использовал понятие *концепт* для обозначения обобщенной мыслительной единицы, которая отражает и интерпретирует явления действительности в зависимости от образования, личного опыта, профессионального и социального опыта носителя языка и, являясь своего рода обобщением различных значений слова в индивидуальных сознаниях носителей языка, позволяет общающимся преодолевать существующие между ними индивидуальные различия в понимании слов. Концепт, по Д.С. Лихачеву, не возникает из значений слов, а является результатом столкновения усвоенного значения с личным жизненным опытом говорящего. Концепт в этом плане, по Д. С. Лихачеву, выполняет заместительную функцию в языковом общении [2].

Е. С. Кубрякова предлагает такое определение концепта: «*Концепт* — оперативная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, квант знания. Самые важные концепты выражены в языке» [3.с. 90-92].

С нашей точки зрения, ассоциативные связи имени концепта принадлежат сфере вербализации концепта и не могут входить в его содержание, а лишь отражают в языковой форме, позволяют описать его содержание. Кроме того, концепт может не иметь субстантивного наименования и вообще какого-либо языкового наименования.

Феноменологические структуры формируют совокупность знаний и представлений о феноменах экстралингвистической и собственно лингвистической природы, т. е. об исторических событиях, реальных личностях, законах природы, произведениях искусства, в том числе и литературных, и т. д.

Лингвистические структуры лежат в основе языковой и речевой компетенции, они формируют совокупность знаний о законах языка, о его синтаксическом строении, лексическом запасе, фонетико-фонологическом строе, о законах функционирования его единиц и построения речи на данном языке» [4. с. 64].

Мы определяем концепт как дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету.

Близкое к нашему понимание концепта предложено М. В. Пименовой: «*Концепт*— это некое представление о фрагменте мира или части такого фрагмента, имеющее сложную структуру, выраженную разными группами признаков, реализуемых разнообразными языковыми способами и средствами. Концептуальный признак объективируется в закрепленной и свободной формах сочетаний соответствующих языковых единиц — репрезентантов концепта. Концепт отражает категориальные и ценностные характеристики знаний о некоторых фрагментах мира. В структуре концепта отображаются признаки, функционально значимые для соответствующей культуры. Полное описание того или иного концепта, значимого для определенной культуры, возможно только при исследовании наиболее полного набора средств его выражения» [5. с. 10].

Концепт кодируется в сознании индивидуальным чувственным образом, выступающим как чувственный компонент содержания концепта, и является базовой единицей универсального предметного кода человека (Л. С. Выготский, Н. И. Жинкин, И. Н. Горелов).

Так, мы полагаем, что концепты правильнее интерпретировать прежде всего как единицы мышления, а не памяти, поскольку их основное назначение — обеспечивать процесс мышления. Они выступают и как хранители информации, но являются ли они единицами памяти, еще предстоит доказать.

Не все концепты имеют и ценностную составляющую — с нашей точки зрения, к примеру, пространственные и временные концепты не имеют цен-

II. LINGVISTICĂ. STILISTICĂ. METODICĂ

ностной составляющей, да и во многих других случаях ценностную составляющую приходится искать «с пристрастием».

Мы не считаем также целесообразным использовать термин «ментальный лексикон»: лексикон остается в сфере языка, а концепты — единицы концептосферы, то есть сознания.

Важнейшим понятием когнитивной лингвистики является понятие концептосферы — области знаний, составленной из концептов как ее единиц.

Термин «концептосфера» был введен в отечественной науке академиком Д. С. Лихачевым. Концептосфера, по определению акад. Д. С. Лихачева, это совокупность концептов нации, она образована всеми потенциями концептов носителей языка. Концептосфера народа шире семантической сферы, представленной значениями слов языка. Чем богаче культура нации, ее фольклор, литература, наука, изобразительное искусство, исторический опыт, религия, тем богаче концептосфера народа [2. 1993, с. 5].

И концепты, и соответственно концептосфера — сущности ментальные (мыслительные), ненаблюдаемые. Современные научные данные убедительно подтверждают реальность существования концептосферы и концептов, а именно реальность мышления, не опирающегося на слова (невербального мышления).

Необходимо также указать на то, что концептосфера носит, по-видимому, достаточно упорядоченный характер. Концепты, образующие концептосферу, по отдельным своим признакам вступают в системные отношения сходства, различия и иерархии с другими концептами.

Конкретный характер системных отношений концептов требует исследования, но общий принцип системности, несомненно, на национальную концептосферу распространяется, поскольку само мышление предполагает категоризацию предметов мысли, а категоризация предполагает упорядочение ее объектов.

Таким образом, **концептосфера** — это упорядоченная совокупность концептов народа, информационная база мышления.

В.В. Красных использует термин *когнитивное пространство* и разграничивает *индивидуальное когнитивное пространство* — определенным образом структурированная совокупность знаний и представлений, которыми обладает любая (языковая) личность, каждый говорящий и *коллективное когнитивное пространство* — определенным образом структурированная совокупность знаний и представлений, которыми необходимо обладают все личности, входящие в тот или иной социум [4. с. 61]. В данной концепции остается неясным различие между этими двумя видами когнитивных пространств: если индивидуальное когнитивное пространство — это то, которым обладает каждый говорящий, а коллективное — то, которым обладают все, то это одно и то же: то, чем обладает каждый, и есть то, чем обладают все. Вместе с тем необходимость разграничения индивидуальной и национальной концептосфер не вызывает сомнений.

В.В. Красных предлагает также понятие *когнитивной базы*, под которой понимается определенным образом структурированная совокупность необходимо обязательных знаний и национально-детерминированных и минимизированных представлений того или иного национально-лингвокультурного

сообщества, которыми обладают все носители того или иного национально-культурного менталитета. Сравним мысль Ю. Е. Прохорова о том, что принадлежность к определенной культуре определяется наличием базового стереотипного ядра знаний, повторяющегося в процессах социализации индивидуумов в данном обществе, и достаточно стереотипного (на уровне этнической культуры, а не личности) выбора элементов периферии [6. с. 14].

Представляется, что базовое стереотипное ядро знаний, или когнитивная база народа, действительно существует, но выделяется из индивидуальных концептосфер как некоторая их часть, в равной мере присвоенная всеми членами лингвокультурного сообщества.

Можно говорить также о существовании групповых концептосфер (профессиональная, возрастная, тендерная и т. д.). Все эти концептосферы представляют интерес для когнитивной лингвистики, можно сопоставлять групповые и индивидуальные концептосферы с национальной концептосферой, групповые концептосферы с индивидуальными, групповые и индивидуальные концептосферы друг с другом и т. д.

Широко практикуется в когнитивной лингвистике и сопоставление различных национальных концептосфер между собой, что позволяет выявить национальную специфику концептуализации сходных явлений сознанием разных народов, выявить безэквивалентные концепты и концептуальные лакуны (отсутствие концепта).

Признание концепта единицей мышления вновь ставит на повестку дня вопрос о соотношении языка и мышления: обязательны ли языковые средства для осуществления концептуального мышления?

По отношению к проблеме вербальности/невербальности мышления В. В. Красных подразделяет ученых на вербалистов и антивербалистов. К вербалистам она относит таких ученых, как М. Мюллер, В. фон Гумбольдт, Ф. Шлейермахер, Ф. де Соссюр, А. А. Реформатский [4. с. 13]. Добавим, что сюда же должны быть отнесены и все авторы традиционных вузовских учебников по введению в языкознание и общему языкознанию, а также по философии, вышедших в советское время.

Получается, что если лингвист занимается речевой деятельностью, он *может* считать сознание языковым — ему так удобнее. Проблема кажется нам сложнее: подход к сознанию не может быть лингвистическим, философским, психологическим и т.д. — сознание едино, и все науки, оперирующие этим понятием, должны опираться на естественнонаучное понятие о сознании и его связи с языком, на экспериментальные данные. В настоящее время все больше экспериментальных исследований свидетельствуют о невербальном характере сознания.

Мышление осуществляется без обязательного обращения к языку. Инструментом мышления выступает универсальный предметный код, цепочка которого как нейрофизиологического субстрата мышления была разработана Н. И. Жинкиным, опиравшимся на некоторые фундаментальные идеи, высказанные Л. С. Выготским. Дальнейшую разработку этой идеи осуществил И. Н. Горелов.

Единицами универсального предметного кода являются предметные чувственные образы, которые кодируют знания. Знания представлены в

сознании человека концептами, а в качестве кодирующего концепт образа выступают чувственные образы, входящие в концепт как его составная часть. Таким образом, чувственная составляющая концепта кодирует содержащуюся в нем рациональную информацию, обеспечивая его функционирование как мыслительной единицы. В мыслительном процессе человек оперирует образами, которые несут и «прикрепленные» к ним рациональные знания.

Универсальный предметный код субъективен, индивидуален у каждого говорящего, поскольку он образуется у каждого человека как отражение его неповторимого, индивидуального чувственного жизненного опыта.

Единицы универсального предметного кода — это чувственные представления, схемы, картины, возможно — эмоциональные состояния, которые объединяют и дифференцируют элементы знаний человека в его сознании и памяти по различным основаниям.

Образные единицы универсального предметного кода могут косвенно обнаруживать себя.

Когда студенты на экзамене не знают ответа на вопрос, они непроизвольно пытаются помочь себе, изображая руками перед собой в ходе рассуждения некоторые замысловатые фигуры — как бы пытаюсь изобразить, передать экзаменатору тот образ, который, как они считают, кодирует необходимый им концепт в их сознании и для которого они не могут найти подходящие слова. Это, как правило, свидетельствует о незнании рационального, логического содержания концепта. Если человек не знает смысла какого-либо абстрактного понятия, он часто помогает себе объяснить его движениями рук. Видимо, он пытается опереться на образное ядро концепта, изобразить его (как, например, можно изобразить образное ядро таких концептов, как *рябь, зыбь, винтовая лестница, круглый, квадратный, маленький* и др.), в то время как абстрактная идея «руками» изображена быть не может. Универсальный предметный код является нейрофизиологическим субстратом мышления, который существует и функционирует независимо от национального языка.

Концептосфера невербальна и существует в сознании на базе УПК автономно, независимо от языковых средств ее объективации.

Проблема вербальной, языковой репрезентации, объективации концептов — это особая проблема, связанная с коммуникативными потребностями индивидов, а не с существованием и функционированием концептосферы как субстрата мышления.

Мышление невербально, язык служит не для осуществления мышления, а для выражения, сообщения и обсуждения результатов мыслительного процесса человека; последний же есть процесс оперирования концептами.

Вопрос о соотношении понятий *сознание* и *мышление* остается в гуманитарных науках актуальным на протяжении многих десятилетий. В настоящее время к этим понятиям присоединились понятия *интеллект, концептосфера*.

Фундаментальным представляется разграничение сознания, мышления и интеллекта.

Литература

1. Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. – М., 1997.
2. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Изв. РАН – СЛЯ – 1993, №1.
3. Кубрякова Е.С. Начальные этапы становления когнитивной лингвистики. / Вопросы когнитивной лингвистики. 2004, №1.
4. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – М., 2003.
5. Пименова М.В. Предисловие. / Введение в когнитивную лингвистику. Под ред. М.В.Пименовой. Вып.4. – Кемерово, 2004в.
6. Прохоров Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. – М., 1996.

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ФУНКЦИЙ ЯЗЫКА В СОВРЕМЕННОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

Баяндина С.Ж.

*Кокшетауский государственный университет
имени Ш. Уалиханова*

Современная лингвистика, ставшая к концу XX и началу XXI века одной из ведущих отраслей гуманитарного знания, далеко продвинулась вперед, изменив свой облик, поставив перед собой новые задачи, решение которых возможно только в рамках различных наук. Отход от традиционной лингвистики, стоявшей на редуccionистских позициях, привел к созданию нового образа современного лингвистического знания.

На наш взгляд, всестороннее исследование языка и его функций как в чисто лингвистическом аспекте, так и с позиций различных смежных наук, а также рассмотрение сущности языка и его функций в плане отнесения к миру и человеку, позволит покончить как с двойственностью понятий “функция языка” и “функции речи”, так как речь и язык взаимосвязаны, и речь выступает как внешнее проявление языка, так и разобраться с сущностью термина “функция” и выявить ее онтологическую картину, вырисовывающуюся, как нам представляется, на фоне различных смежных наук. Только интегрированное исследование сущности термина “функция” в его всесторонней взаимосвязи со всеми проявлениями языка (в системе языковой деятельности, в системе речевой деятельности, в плане его отношения к миру внешних и внутренних явлений, к внутреннему миру человека, в отношении к человеку, в отношении к обществу) позволит выявить его сущностную природу.

Критически анализируя узкое понимание в выявлении сущности термина “функция”, мы считаем возможным говорить о множестве функций языка, о полисемичности значений термина “функция” на современном этапе. Ученые выдвигают положение об эволюции функций языка, причем генеральная тенденция в эволюции понимания функция языка в его отношении к миру и человеку может быть определена как прогрессирующее их “человечение” по мере развития самосознания человека в ходе познавательной деятельности, по мере роста автономии человека во вселенной. А поскольку язык, согласно основополагающему определению В. фон Гумбольдта, “служит посредником между миром внешних явлений и внутренним миром человека (в первую очередь его мышлением), постольку функции языка должны определяться исходя из его отношения к миру и человеку положение человека в мире и его отношение к миру с течением времени меняются, неудивительно, что в ходе познавательной деятельности представления о мире и человеке претерпевали изменения. Соответственно менялись представления о функциях языка и их иерархии (9, 447-448).

Эволюция понимания функций языка в его отношении к миру и человеку прежде всего связана с изменением представления о нем как редуccionистской сущности. Выдвинутая Ф. де Соссюром в XX веке лингвистическая парадигма, утверждавшая, что язык представляет собой самостоятельное явление, язык в самом себе и для себя, что язык представляет систему знаков, содержание которой определяется их отношением друг к другу, была имманентной, отсекавшей всякие связи языкознания с другими науками, и самого языка с другими явлениями, так как язык рассматривался только как самодостаточная ценность. Уже к концу XX века стали появляться новые интегрированные парадигмы, в которых осуществлялся, во-первых, взгляд на язык как на деятельность говорящих субъектов, актуализирующаяся в определенных условиях общения и с определенной установкой и целью (лингвопрагматическая парадигма), во-вторых, реализовывался взгляд на язык как на инструмент, основное назначение которого – вербальная (словесно-речевая) коммуникация (коммуникативная парадигма), в-третьих, претворялся в научный обиход взгляд на язык как форму сознания и мышления, в которой реализуется система знаний человека о мире, говорящего и думающего на том или ином языке (когнитивная парадигма).

Именно поворот в исследовании языка в сторону “человеческого фактора” и рассмотрение его в контексте человеческой деятельности, а также исследование языка как деятельностной сущности позволило, как нам представляется, решить вопрос и о сущности функций языка. Язык представляет собой деятельность особого рода.

В концепции языка как деятельности предлагается следующий тип языковой онтологии: трактовка языка как культурно-исторического и знакового феномена, характеризующегося действительным социальным существованием и процессуальностью. Социальная и процессуальная обусловленность языка проявляется в случаях: 1) употребления в качестве знакового средства, опосредующего социальное общение (атрибутивные знаковые свойства языка); 2) в деятельности общения при реализации коммуникативной функции; 3) в использовании языка как превращенной формы жизнедеятельности человека, опосредованной социальной действительностью, отражающейся в виде вербализованного человеческого опыта (1).

Учет деятельностной сущности языка позволил говорить об основной функции языка как функции организации деятельности, реализующейся через языковые единицы. Эта функция проявляется в различных условиях применения языка, «а поскольку, – пишет Д.Г. Богушевич, – язык есть один из видов действий, то в основу классификаций его единиц должны быть положены два типа организующей функции. Каждая единица должна быть определена в системе этих двух типов функций: в системе функции реализации и функции манифестации» (6, 42). Следует указать и на то, что функция организации деятельности актуализируется в процессе “трехчленной структуры деятельности, включающей в себя язык субъектов деятельности, деятельность, объединяющую субъектов в коллектив в триаде: деятельность – система употребления – система языка (Там же).

Как видим, выделять функции языка следует с учетом трех основных позиций: 1) функции языка с учетом деятельностной сущности языка; 2)

II. LINGVISTICĂ. STILISTICĂ. METODICĂ

функции языка в деятельности человека; 3) при исследовании функций языка необходимо учитывать также социальную природу самого языка, проявляющуюся в его социальной сущности, социальной дифференцированности, социальном языковом поведенческом плане.

Современная онтологическая парадигма языковых функций включает в себя следующие парадигмы: 1) социолингвистическая парадигма, позволяющая выявить социальную природу языковых функций и их социально-дифференцированное функционирование в обществе в соответствии с назначением языка; 2) лингвистическая парадигма, раскрывающая сущность языка как средства отражения и познания мира; 3) лингвокоммуникативная парадигма, показывающая язык в качестве инструмента коммуникации; 4) лингвокогнитивная парадигма, исследующая язык и его функции в плане описания языка как формы сознания и мышления, при помощи которой дается представление о языке как национальном феномене и особой коммуникативной системе, реализующей неадекватное восприятие этносами о мире и структурирующей в соответствии с особенностями национального самосознания и мировидения; 5) лингвопрагматическая парадигма, реализующая представление о языке, проявляющемся в деятельности говорящих субъектов в соответствии с установками и целями говорения. Кроме того, лингвопрагматический аспект включает в себя и исследование вопроса о том, как манипулирует человек языковыми знаниями и как это отражается на его поведении; 6) антропоцентрическая парадигма занимается изучением языка и его функций в плане проявления человеческого фактора в языке, в процессе его функционирования, а также реализаций проявлений языка и его свойств, в частности, функций языка в плане “человек и язык и его функционирование”, “мир/человек”/язык и его функции”; “человек”/человек (индивид и общество) язык, функции языка.

Социальные функции языка представляют собой проявление сущности языка, его назначения и действия в обществе.

Понятие “социальная функция” имеет несколько значений в социолингвистике: 1) внешнее проявление свойств какого-либо объекта, процесса в той или иной системе отношений (функция, свойство); 2) роль, которую играет определенный социальный институт или процесс по отношению к целому (функции–роли); 3) связь частей с целым, их взаимозависимость; 4) назначение языка в обществе, его действие.

Язык как организованное целое входит в систему социальных явлений, где занимает особое место, поэтому функции языка в системе социальных явлений “не могут быть никакими иными, как только социальными, общественными” (2, 34).

Существенный вклад в изучение социальной функции языка Ю.Д. Дешериев, Г.В. Степанов, А.Д. Швейцер, Л.В. Никольский, Б. Х. Хасанов, А. Орусбаев, Э.Д. Сулейменова и др.

Если социальные функции языка связаны с выражением социальной сущности самого языка, то проявление общественно-социальных функций языка связано с действием языка в той или иной социальной сфере и предопределяются общественными факторами, связанными с функциями языка в обществе. По определению Ю.Д. Дешериева, “общественные (социальные) функции – это конкретная реализация коммуникативной функции языка в

определенной сфере социальной жизни – это роль, выполняемая им в данной сфере (8, 35).

Кроме того, следует иметь в виду, что социальная дифференциация языка, связанная с расслоением и варьированием его социальной коммуникативной системы по сферам общения, предполагает также учет социальной природы языкового поведения людей в обществе. Актами социальной природы являются лишь те, которые или имеют социальные условия своего возникновения, или, имея иные источники происхождения, зависят от социальных условий по форме своего совершения, или, наконец, те, которые независимо от первых условий имеют определенные социальные последствия.

Социально обусловленные характеристики языкового поведения людей связаны с социальными доминантами и функциональными группами, а именно: стратификационными и ситуативными переменными, в ходе актуализации которых реализуется то или иное языковое поведение людей и проявляются те или иные прагматические функции, пронизывающие социальную оценку людьми того или иного факта или поведения, поэтому аспект, как манипулирует человек языковыми знаниями и как это отражается на его социально-языковом (речевом) поведении, нашел отражение в лингвистической прагматике.

Национально-языковое поведение людей может быть охарактеризовано и в процессе осуществления этнической функции языка, выделяются несколько частных функций этнической функции языка, а именно: этноконсолидирующая, этнодифференцирующая. Этноконсолидирующая функция языка – это функция интеграции людей в один этнос, она создается не употреблением языка, а “отношением людей к языку, национально-культурной идеологией” (10, 2000, 24) Функция языка как фактора сохранения национальности выражается в создании лингвокультурного сообщества или лингвистического тождества людей. По мнению Т.Г. Стефаненко, единство языка способствует процессу коммуникации, помогает осуществлять деятельность людей в рамках этнической общности (12).

Язык, наряду с общностью территории и культуры является необходимым условием для формирования этноса (4). Именно общность языка, общность территории способствуют унификации этнической общности, и в этом проявляется этноинтегрирующая функция языка. Вместе с тем язык выполняет и этнодифференцирующую функцию, отличая один этнос от другого. С. Арутюнов, подчеркивает роль языка как этноопределивателя, заостряет внимание на его этнодифференцирующей функции: “язык по крайней мере на уровне обыденного сознания, на уровне автостереотипа этноса и представлений о данном этносе. Среди его соседей является в огромном большинстве случаев самым важным, ранее всего называемым признаком и определителем этноса” (Там же, 142).

Этнодифференцирующая роль языка проявляется в том, что каждому живому языку соответствует один какой-либо этнос, с этногенезом которого связано первоначальное оформление данного языка как своеобразного и независимого идиома. А.Г. Агаев считает, что следует говорить не об этнодифференцирующей функции языка, а о функции языка как этнического признака (3). При этом функцию этнического признака выполняет не общность языка, а

II. LINGVISTICĂ. STILISTICĂ. METODICĂ

сам язык, обособленный от других языков и выполняющий функцию этнического размежевания. Эти две функции – этноинтегрирующая и этнодифференцирующая дополняют друг друга, так как функцию внутриэтнического объединения этносов язык выполняет благодаря наличию у него другой функции – этнодифференцирующей функции, или функции этнического размежевания.

Исследование функций языка в отношении к человеку позволило выявить антропогенную функцию языка, так как ведущими учеными (А.Шлейхер, И.Г. Гердер, В.Ф. Гумбольдт, А.А. Потебня, и. А. Бодуэн де Куртене, Э. Бенвенист) давно была доказана мысль о том, что “человек становится разумным благодаря языку”, что именно благодаря языку человек является человеком, творческой личностью. В процессе познания объективного мира при помощи языка человек познает не только окружающий мир, но и самого себя. В ходе социализации формируется его сознание, и это способствует выделению его из массы как творческой личности. Благодаря речевому общению, опосредованному языковыми знаниями человек социализируется как общественное существо.

По словам Э. Бенвениста, индивид и общество, как взаимосвязанные явления, и возникли благодаря языку, так как в процессе общения человек социализируется, становясь общественным существом, а общество в свою очередь, способствует развитию самого языка: “именно в языке и через язык индивид и общество взаимно детерминируют друг друга (5, 27). Поскольку язык и общество – это взаимосвязанные явления, детерминирующие друг друга, то правомерным представляется выделить функции языка и по отношению к обществу, которыми являются такие, как языковая функция социализации, языковая функция индивидуализации, языковая функция установления контакта (фатическая), метаязыковая (обеспечивающая взаимопонимание людей в обществе), и главная функция – коммуникативная.

Функция социализации актуализируется в процессе общения людей посредством языка, который способствует адаптации человека в обществе, помогает овладеть общественно-историческим опытом, необходимым для осуществления духовно-практической деятельности. Эта функция одновременно является социобразующей и обобществляющей, так как, согласно утверждению Э. Бенвениста, “только язык и дает обществу возможность существования”, соединяя людей в единое целое (5, 86).

Суть социоразличительной функции состоит в том, что язык, выполняя этнодифференцирующую функцию, разграничивает один этнос от другого. Общность языка консолидирует общество в одно лингвокультурное сообщество, так как родная речь, по словам, Э. Сепира, служит символом социальной солидарности всех говорящих на данном языке, поэтому правильным является высказывание (11). В.фон Гумбольдт писал о том, что человек, говоря “... очерчивает круг своего духовного родства, отделяет тех, кто говорит, как он, от тех, кто говорит иначе. Это черта, разделяющая все человечество на два класса – свой и чужой – есть основа всякой первоначальной общественной связи (7, 1984).

Таким образом, исследование функций языка в контексте современной лингвистической парадигмы требует продолжения.

Литература

1. Абишева К.М. Социально-языковая контактология. – Алматы, Ғылым. 2001.
2. Аврорин В.А. Проблемы изучения функциональной стороны языка. – Л.: Наука, 1975.
3. Агаев А.Г. Функции языка как этнического признака // Язык и общество. – М. 1967.
4. Арутюнов С. Этнические процессы и язык// Введение в этнолингвистику: Курс лекций и хрестоматия. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. Ун-та, 2001
5. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974.
6. Богусевич Д.Г. Единица, функция, уровень: К проблеме классификации единиц языка, – Мн.: Выш. шк., 1985
7. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. – М. 1984
8. Дешериев Ю.Д. Социальная лингвистика. – М.: Наука, 1977.
9. Зубкова Л.Г. Общая теория языка в развитии. – М.: Изд-во РУДН, 2003.
10. Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика. – М.: Аспект-пресс, 2000.
11. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культуре. – М.: Прогресс, 1993.
12. Стефаненко. Т. Г. Этнопсихология. – М. 2003.

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРАЦИЯ АССОЦИАТИВНО СВЯЗАННЫХ СЛОВ

Слива Татьяна

Национальный педагогический университет
имени М. П. Драгоманова (г. Киев, Украина)

АННОТАЦИЯ

Доклад посвящен анализу семантических отношений между ассоциантом (словом-стимулом) и его ассоциатами (словами-реакциями). Рассматриваются группы лексем, ассоциативная связь между которыми находит подтверждение на семантическом уровне (ассоциативно-семантические группы - АСГ).

Объектом исследования являются члены АСГ с кауземой зима, содержащие в своей семантической структуре ядерную сему 'снег'.

Ключевые слова: ассоциативно-семантическая группа, каузема, рефлексема, денотативная зона.

Key words: associative-semantic group, kauzema, reflexema, denotative zone.

Изучение ассоциаций в лингвистике ведет свою историю еще от Аристотеля, то перемещаясь на периферию научного поиска, то становясь объектом внимания ученых.

В семасиологии исследованием ассоциаций занимались В. Вундт, Н.Я. Марр, И.И. Мещанинов, С. Ульманн, Г. Шпербер, и др. Большой вклад в их изучение внес Д. Диз, предприняв попытку свести воедино психологический и лингвистический анализ.

Теория Д. Диза получила высокую оценку специалистов (Ч. Кофера, С. Эрвин-Трипп, Д. Слобина, А. А. Леонтьева). Слабой стороной этой теории, по мнению А. А. Залевской, явилось недостаточное внимание к семантическим связям внутри групп ассоциативно связанных слов.

В результате осознания того, что лингвистическая классификация отношений в паре "стимул – реакция" может иметь семантическую основу, главной целью исследований стало не выделение классов ассоциаций, а выявление типологии семантических отношений между стимулом и реакциями (А. Н. Гвоздев, В. В. Иванова, Ю. Н. Караулов, А. П. Клименко, И. В. Роднева, Ю. О. Самарин, Т. Слама-Казаку, Д. Н. Терехова, А. А. Уфимцева, Е. П. Шубин и др.).

Основываясь на утверждении Ю. Н. Караулова, что «если есть семантическая связь, то есть и ассоциация, но обратное неверно»¹, мы выделили группу лексем, ассоциативная связь между которыми находит подтверждение

на семантическом уровне: это слова, семантически связанные с названиями времен года. Состав данной группы определен в результате сплошной выборки из толковых словарей, а также с помощью ненаправленного ассоциативного эксперимента.

Такие объединения слов мы обозначили как *ассоциативно-семантические группы* (АСГ). Члены АСГ (рефлексема) объединяются вокруг слова-стимула (каузема) и содержат в качестве ядерных семы, представленные на периферии семантической структуры последней. При этом ядерные семы каузема в смысловой структуре рефлексем выступают как периферийные.

Для подтверждения существования ассоциативно-семантической связи мы использовали примеры из произведений русской литературы периода с начала XIX века и до наших дней, поскольку, по мнению многих ученых, в частности А. П. Клименко, фундаментом ассоциирования является возможность встречи стимула (в данном случае каузема) и ассоциации (в нашей терминологии рефлексемы) в рамках одного ограниченного текста², а Т. М. Рогожникова полагает, что «...текст является благодатным материалом... для формирования и развития ассоциативной структуры значения слова»³.

Объектом исследования является одна из групп рефлексем каузема *зима*.

В семантической структуре слова *зима* в рамках признака 'вид осадков' выделяется периферийная сема 'снег'. Эта сема также вычленяется, но как ядерная в структуре ряда рефлексем АСГ, которые покрывают денотативное поле, состоящее из нескольких денотативных зон.

Первую зону составляют различные названия осадков в виде снега: *снег* – «твердые атмосферные осадки, выпадающие из облаков в виде звездообразных кристалликов или хлопьев, представляющих собой скопление таких кристалликов»⁴, *снежок* – «...Небольшой, редкий снег», *крупа* – «2. Снег в виде мелких шаровидных зернышек». Анализ текстов художественной литературы показал, что к этой группе следует отнести словосочетание *хлопья снега* (*снежные хлопья*), несмотря на то, что значение «вид осадков» не нашло отражения в словарных дефинициях лексемы *хлопья* (в отличие от слова *крупа*) (*хлопья* – «1. Пушистые маленькие комочки чего-л.»): «Начинает идти снег. Сначала мелкий, не то **снег**, не то **крупа**, потом большие мохнатые **хлопья**» (В. Некрасов); «В вихрях вьюга вяжет сеть Из густо падающих **хлопьев**...» (Б. Л. Пастернак).

Ассоциативная связь с кауземой рефлексем данной зоны подтверждается следующими примерами: «Вновь зимы настали сроки, **Снег** идет, задумчив, тих» (Н. И. Рыленков); «Зима, метель, и в крупных **хлопьях** При сильном ветре **снег валит**» (Д. Т. Ленский). Более того, в текстах может происходить информативно-коммуникативная замена каузема рефлексемой: «*Зимы ждала, ждала природа. **Снег вытал** только в январе...*» (А. С. Пушкин); «*Прошло лето, и осень прошла; **лег снег***» (М. Пришвин).

В словарной дефиниции к слову *снег* (и другим рефлексемам) семантический признак 'зима' имплицирован, но дистрибутивный анализ подтверждает наличие данной семы как периферийной.

Вторая денотативная зона представлена сингулятивом *снежинка* – «кристалл снега (обычно в виде звездочки)»: «Зима <...> **Снежинками** пронзая тьму, заглядывала в дом из сада» (Б. Л. Пастернак); «*Смог я каждую каплю летом И **снежинку зимой** сберечь*» (М. Светлов).

II. LINGVISTICĂ. STILISTICĂ. METODICĂ

Рефлексы третьей зоны имеют квантитативное значение 'количество снега зимой': *бесснежие* – «отсутствие или необычно малое количество снега зимой», *малоснежье* – «малое количество снега», *многоснежье* – «обилие снега, снегопадов»; *снегопад* – «выпадение снега (обычно в большом количестве)»: «*Зима* <...> во время *снегопада* <...> заглядывала в дом из сада» (Б. Л. Пастернак); «*Снегу* – хоть давай займы всем другим *бесснежным зимам*» (Н. Н. Асеев). В последнем примере анализируемое значение представлено синтаксическим дериватом *бесснежный*.

К четвертой зоне относится слово *первоснежье* – «первый снег, покрывший землю».

Пятая зона представлена лексемой *пороша* – «слой свежего, только что выпавшего снега. || Мелкий сухой снег, гонимый ветром». Как и в описанном выше случае, в тексте может происходить коммуникативная замена лексемы *зима* рефлексомой *пороша*: «...И скоро мяжкой *порошей* засеребрится мертвый край» (И.А. Бунин); «*Зима*. <...> утихла ли метель? *Пороша* есть иль нет?» (А.С. Пушкин)

Шестую зону составляют названия скопления снега: *сугроб* – «наметенная ветром куча снега», *занос* – «2. Обычно мн. Наметенный вьюгой, ветром сугроб, преграждающий путь», *перенос (перемет)* – «3. Снег, передвигаемый ветром и лежащий полосами поперек дороги»: «...накатились дороги по *сугробам* – и *зимние* будни установились» (И. А. Бунин); «Кто-то с полночи нагреб На проталину *сугроб*, Над землю разомлелой Пронесясь *зимой* белой» (Вяч. И. Иванов), «*Зимой* живым заслоном встают навстречу снежным *заносам* молодые ели» (В. Архангельский).

Значение 'предметы, сделанные человеком из снега' представлено в структуре рефлексем седьмой денотативной зоны: *снежок* – «2. Небольшой плотный комок, слепленный из снега», *баба (снежная баба)* – «6. Фигура из снега... напоминающая человеческую»: «*Зимой* и игры зимние: вечером – дома, а утром в погожий день ребята... лепят *бабу*» (И. Соколов-Микитов), *снеговик* – «Разг. Фигура в виде положенных друг на друга снежных комков, напоминающая фигуру человека...». В речи рефлексема и каузема могут быть представлены в одном контексте, при этом даже возможна коммуникативная замена слова *зима* адекватной конструкцией с употреблением рефлексемы: «Не знаю, правда ли, – что уж весна идет. Не верится: вчера еще в *снежки* играли...» (О. Беляевская) – то есть, «вчера еще была зима». В экземплификаторе «Размером он был, пожалуй, с большой снежный ком из тех, что дети кладут в основание *зимней бабы*» (Б. Акунин) происходит противоположная замена (*зимняя баба* вместо *снежная баба*) в результате актуализации в прилагательном *зимний* квалитативного значения.

Дефиниционный анализ показал, что к данной группе можно отнести и артефакт *снегурочка* – «1. Героиня русской народной сказки – девушка, вылепленная из снега и ожившая; внучка деда-мороза» – в случае актуализации сем 'сделанный человеком' и 'снег': «Легли на *снежок* непрямый Прозрачные тени зимы. *Снегурочку* лепят ребята...» (Н. Рыленков).

Рефлексы восьмой зоны называют способы перемещения снежной массы: *метель* – «сильный ветер со снегом; вьюга», *пурга* – «сильная снежная вьюга; буран со снегом», *поземка* – «метель без снегопада, во время которой

снег переносится ветром по поверхности земли или снежного покрова», *вьюга* – «сильная метель, снежная буря», *буран* – «сильная метель, снежная буря...»; *буря* – «сильный ветер большой разрушительной силы, сопровождаемый обычно дождем, снегом, градом». В художественной литературе зима часто представляется как суровое время года, пора ненастья, что обуславливает большую частоту употребления в одном контексте и взаимозаменяемость кауземы и членов рассматриваемой зоны: «*Ожидает весна за жестокой пургой*» (М. Светлов); «*Пора метелей злых и бурь. Опять надолго миновала*» (А. Плещеев); «*Тяжко нам было под вьюгами зиму холодную спать...*» (А. А. Блок).

Большое количество снега зимой может оказывать негативное воздействие на окружающую среду. Последствия такого воздействия называют рефлексемы девятой денотативной зоны: *снеголом* – «сламывание стволов деревьев под тяжестью снега» и *снеговал* – «Выворачивание деревьев с корнем под давлением осевшего на кронах снега». Прозрачная внутренняя форма этих сложных слов с эксплицированной в морфной структуре семой 'снег' позволяет квалифицировать данные композиты как рефлексемы слова *зима*.

Снег, кроме всего прочего, является источником влаги, что используется, например, в хозяйственной деятельности человека, в частности, в ряде сельхозработ, названия которых образуют десятую денотативную зону: *снегозадержание* – «искусственное задержание снега на полях для накопления влаги в почве и утепления зимующих растений», *снегонакопление* – «накопление снега на полях с целью сохранения влаги», *снегопахание* – «создание снежных валов, гребней вспахиванием снежного поля как средство снегозадержания». Денотативная зона, которую покрывают данные рефлексемы, имеет прагматический характер, о чем свидетельствует представленная в их семантической структуре архисема 'хозяйственная деятельность'.

Если для сельского хозяйства обилие снега является положительным фактором, то в других хозяйственных сферах наличие снега зимой может создавать определенные трудности, например, препятствовать свободному передвижению. Названия способов предотвращения проблем, возникающих зимой при передвижении, являются рефлексемами одиннадцатой денотативной зоны: *снегозащита* – «мероприятия для предохранения от снежных заносов железнодорожных путей, автомобильных дорог и т.д.»– и *снегоуборка* – «уборка снега с полотна железных дорог, улиц, тротуаров и т.д.».

В состав АСГ, кроме рассмотренных, входят и другие рефлексемы, имеющие в своей структуре сему 'снег' (например, *снегоуборщик*, *снегирь*, *снежнаягодник* и др.). Особенностью этих слов является то, что они занимают аппликативные зоны, т.е. одновременно входят в состав двух и более денотативных зон. С описанными выше лексемами их сближает эксплицитно выраженная интегральная сема, однако со словом-кауземой данные рефлексемы связаны посредством иных семантических признаков (например, 'хозяйственная деятельность', 'состояние животного мира', 'цвет' и др.). Исследование таких лексем и составляет дальнейшую перспективу исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Караулов, Ю.Н. Общая и русская идеография / Ю.Н. Караулов. – М., 1976. – 355 с.
- ² Клименко, А. П. Проблема лексической системности в психолингвистическом освещении. / А.П. Клименко. – Минск, 1980. – 43 с. – (Автореф. дис. ... докт. фил. наук).
- ³ Рогожникова, Т. М. Ассоциативная структура значения слова и процесс понимания текста. / Т.М. Рогожникова - Калининский гос.ун-т, Тверь, 1990. – 260 с. – (Психолингвистические проблемы семантики) (Сб. науч. трудов; с.96-100).
- ⁴ Здесь и далее словарные дефиниции цитируются по изданию: Большой толковый словарь русского языка / [гл. ред. С.А. Кузнецов] – СПб: Норинт, 2003. – 1536 с.

О СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ ИНОЯЗЫЧНЫХ АББРЕВИАТУР В РУССКОМ И ХОРВАТСКОМ ЯЗЫКАХ

Марина Радченко

Задарский университет (Задар, Хорватия)

АННОТАЦИЯ

В работе рассматривается один из аспектов процесса освоения аббревиатурных заимствований в русском и хорватском языках: включение иноязычной аббревиатуры в словообразовательную систему принимающего языка и ее участие в деривационных процессах. Исследуется словообразовательный потенциал заимствованных аббревиатур в двух родственных славянских языках, а также способы, средства и специфические особенности формирования дериватов на их основе. В качестве материала для исследования послужили как узувальные производные от аббревиатур иноязычного происхождения, зафиксированные в русских и хорватских лексикографических источниках, так и окказиональные дериваты, встречающиеся на страницах различных периодических изданий, в текстах интернет-коммуникации и в сетевой публицистике.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *аббревиация, иноязычная аббревиатура, русский язык, хорватский язык, словообразование, дериват, суффиксация.*

Аббревиация как особый способ словообразования получила широкое распространение в европейских языках в XX веке. Аббревиация в языке выполняет компрессивную функцию, т.е. служит для создания более кратких, чем мотивирующее словосочетание, однословных номинаций. Аббревиатуры широко используются в деловой, научной и публицистической речи, а сокращенную форму могут получать названия государств, организаций, учреждений, партий, новых технических терминов из различных отраслей науки и техники и т.п. Д.И. Алексеев справедливо подчеркивает, что «поскольку факторы, способствующие образованию аббревиатур, соблюдаются в настоящее время и, очевидно, будут соблюдаться впредь, можно ожидать, что аббревиация как способ создания названий будет еще долго обладать продуктивностью»¹. Так, в русском и хорватском языках наблюдается активное образование слов путем объединения усеченных основ или усеченных и полных основ исходного словосочетания. Однако пополнение активной лексики данных языков аббревиатурными неологизмами происходит не только путем упрощения исконно русских или исконно хорватских сложных наименований, но и за счет иноязычных заимствований.

II. LINGVISTICĂ. STILISTICĂ. METODICĂ

В обоих исследуемых языках при освоении иноязычных аббревиатур используются все известные способы заимствования иноязычных слов и выражений: калькирование, транскрипция, транслитерация. Так, кальки – сокращения уже переведенных на заимствующий язык многокомпонентных наименований – внешне ничем не напоминают о своем иноязычном происхождении, например: русск. *США (Соединенные Штаты Америки)* и хорв. *SAD (Sjedinjene Američke Države)* – калька с англ. *USA (United States of America)*; русск. *МАГАТЭ (Международное агентство по атомной энергии)* – калька с англ. *IAEA (International Atomic Energy Agency)*, а хорв. *ZND (Zajednica neovisnih država)* – калька с русск. *СНГ (Союз независимых государств)*.

В некоторых случаях произношение калькированных англоязычных аббревиатур в русском и хорватском языках совпадает, например: *UFO (Unidentified Flying Object) > НЛО (Неопознанный летающий объект) и NLO (Nepoznati leteći objekt)*. В хорватском языке написание калькированной аббревиатуры в некоторых случаях может совпадать с оригинальным написанием в языке-источнике, например: *EU (Europska Unija) < EU (European Union)* или *UN (Ujedinjeni narodi) < UN (United Nations)*.

Некоторые заимствованные аббревиатуры представляют собой иноязычные сокращения, лексикализовавшиеся еще в языке-источнике и пришедшие как в русский, так и в хорватский язык уже в виде самостоятельного слова, оформленного строчными буквами, например: *лазер* и *laser* (от англ. *laser < light amplification by stimulated emission of radiation*), *Интернет* и *internet* (от англ. *Internet < international + net*).

В русском языке значительную группу составляют аббревиатуры, передающие исходное иноязычное сокращение в виде его транслитерации или транскрипции, например: *НАТО* (англ. *NATO < North Atlantic Treaty Organization*), *НАСА* (англ. *NASA < National Aeronautics and Space Administration*) или *Би-би-си* (от англ. *BBC < British Broadcasting Corporation*). Возможно и сосуществование одной и той же иноязычной аббревиатуры в виде и кальки, и транскрипции или транслитерации. Следует отметить, что в русском языке последних десятилетий появилась еще одна большая и стремительно развивающаяся группа заимствованных слов – аббревиатуры, в большинстве своем пришедшие из американского варианта английского языка, которые не освоены графически и сохраняют свое исходное написание латиницей.

В хорватском языке транслитерируются сокращения, заимствованные из языков, пользующихся иной графической системой, в том числе кириллическим алфавитом, например, русские аббревиатуры, такие как: *КГБ (Комитет государственной безопасности) > KGB, ГУЛАГ (Государственное управление исправительно-трудовых лагерей, поселений и мест заключения) > gulag, ФСБ (Федеральная служба безопасности) > FSB*. Сокращения, пришедшие в хорватский из языков, в которых используется латинская графика, сохраняют свое исконное написание.

Один из аспектов процесса освоения аббревиатурных заимствований представляет, на наш взгляд, особый интерес для изучения, а именно: словообразовательный потенциал заимствованных аббревиатур, способы, средства и специфические особенности формирования дериватов на их основе. В

качестве материала для исследования послужили как узуальные производные от аббревиатур иноязычного происхождения, зафиксированные в русских и хорватских лексикографических источниках, так и окказиональные дериваты, встречающиеся на страницах различных периодических изданий, в текстах интернет-коммуникации и в сетевой публицистике. Экстралингвистическими факторами использования аббревиатур в качестве производящих основ являются общественная значимость обозначаемого понятия и активное функционирование аббревиатуры в речи. Собственно языковыми – завершение лексикализации аббревиатур; стирание внутренней формы, когда слово перестает восприниматься как сложносокращенное. Наиболее продуктивной с точки зрения формирования производных является группа аббревиатур, лексикализовавшихся еще в языке-источнике и заимствованных в виде цельнооформленных слов. Обладая всеми характеристиками, присущими исконному слову принимающего языка, они легко соединяются с русскими и хорватскими словообразовательными формантами, например: *Интернет* – *интернетовский, интернетизация, интернетчик; internet* – *inernetski, internetizacija*. Не менее продуктивны заимствованные аббревиатуры, лексикализовавшиеся уже в принимающем языке, т.е. получившие собственную словообразовательную парадигму и не отличающиеся в этом смысле от исконно русских или исконно хорватских существительных. Они также могут свободно сочетаться с аффиксами заимствующего языка и образовывать целый ряд производных, нпр. *Unprofor*¹ (от англ. *UNPROFOR* < *United Nations Protection Force*) – *unproforac, unproforka, unproforski* в хорватском языке и *nuar* (от англ. *PR* < *public relations*) – *пиаровец, пиарщик, пиаровский, пиарный, пиарить* и т.д. Однако в процесс словообразования включаются также и те иноязычные аббревиатуры, которые еще не лексикализованы в принимающем языке. К этой группе принадлежит большинство инициальных аббревиатур. В качестве основы для дериватов выступает звуковой комплекс самой аббревиатуры (для инициально-звуковых сокращений: *HATO* – *натовский, NASA* – *NASA-in* [násin], *UEFA* – *UEFA-in* [uéfin]) либо сочетание названий составляющих их букв (для инициально-буквенных сокращений: *СС* – *эсэсовец, BBC* – *BBC-jevac* [bibisíjevac]).

Производные от иноязычных аббревиатур образуются в соответствии с внутренними законами принимающего языка, по продуктивным словообразовательным типам. Чаще всего они пополняют ряды существительных, которые являются названиями лиц, характеризующихся отношением к организации, учреждению, партии и т.п. При этом в русском языке наиболее активны суффиксы *-ец/-овец-*, присоединяемые ко всем типам аббревиатурных основ, а также суффиксы *-ник/-шник-*, присоединяемые к инициальным сокращениям буквенного подтипа: *ООН* – *ооновоец, ЦРУ* – *цэрэушник*. В хорватском языке от заимствованных аббревиатур активно образуются существительные со значением действующего лица на *-ac-*: *KGB* – *kagebeovac, FSB* – *FSB-ovac, UN* – *уеноvac*.

В производстве русских модификационных существительных используется суффикс *-к/-шк-*, который присоединяется к инициальным аббревиатурам буквенного подтипа: *SMS* – *эсмэска, ди-ви-ди* – *дивидишка*. Активны также суффиксы субъективной оценки *-ик-, -чик-*, присоединяемые, в основном, к

II. LINGVISTICĂ. STILISTICĂ. METODICĂ

аббревиатурам инициального звукового подтипа, к смешанным и слоговым: *GPS* – *GPSик* / *джиписик*, *Hi-fi* – *хайфайчик*.

В текстах интернет-коммуникации на хорватском языке зафиксированы окказиональные новообразования с уменьшительно-ласкательным суффиксом *-ić*: *SMS* – *SMSić*, *CD* – *CDić* и под.

Для отвлеченных существительных с суффиксами *-изациј-*, *-фикациј-* (в русском языке) и *-izacij-* (в хорватском) характерно чересступенчатое словообразование без прохождения глагольной ступени: *MTV* (*Music Television*) – *эмтивизация*, *MTVizacija*; *NATO* – *НАТОфикация*, *NATO* – *natoizacija*.

Префиксальные существительные от аббревиатур иноязычного происхождения в обоих языках образуются редко, а в качестве словообразовательного форманта используются заимствованные приставки, например, *анти-* (*антиспид*, *antiEU*).

В обоих языках заимствованные аббревиатуры используются как мотивационная база для производства прилагательных при помощи суффиксов *-ск/-овск* и *-н-* в русском языке (*диджей* – *диджейский*, *ВИП* – *виповский*, *ООН* – *ооновский*, *SMS* – *эсмэсный*) и *-ovsk-*, *-in-* (*UN* – *uenovski*, *FIFA* – *FIFA-in* [fifin]) в хорватском.

Глаголы от иноязычных аббревиатур образуются нечасто. В их создании большую роль играет использование говорящим приемов языковой игры. Почти все глаголы окказиональны в силу необычности участия аббревиатурной основы в среде глагольного словопроизводства, хотя создаются они аналогично по продуктивным в сфере отыменного глагольного словопроизводства типам. В русском языке преобладающими являются глаголы несовершенного вида с суффиксом *-и-*: *диджей* – *диджеить*, *пиар* – *пиарить*. В хорватском языке следует выделить окказиональные производные от аббревиатуры *SMS* – *SMSati* / *esemesati* и *SMSnuti* / *esemesnuti*.

Как видно из приведенных примеров, производные от иноязычных аббревиатур, особенно новообразования окказионального характера, являясь новым классом слов, имеют весьма нестабильную, вариативную орфографию. Так, аббревиатурная основа в составе производного слова может передаваться прописными или строчными буквами, а также инициалами слов, составляющих базовое словосочетание, или транскрипционно. Производные, кроме того, могут писаться слитно, через дефис или раздельно, нередко вопреки правилам орфографии заимствующего языка.

С помощью русских словообразовательных аффиксов производные могут быть образованы и от заимствованных аббревиатур, графически не освоенных русским языком, недавно вошедших в него и используемых в написании латиницей. Таким образом, в русском языке последних лет появляются гибридные дериваты – слова, включающие в свой состав морфемы, оформленные по законам русской и иноязычной графики, например: *CDшка*, *SMS-ка*, *PR-щик* и *PRщик*, *DOS-овский*, *VIПовский*, *CD-ROMный*. Аббревиатурная основа в составе данных слов передается латинской графикой, а русские слово- и формообразующие элементы могут отделяться дефисом. Однако наряду с производными, имеющими нехарактерную для русского языка комбинированную форму, как правило, употребляются и их варианты в написании кириллицей. Основу подобных дериватов составляют русские транскрипции

названий буквенных компонентов нетранслитерированной аббревиатуры. Данные варианты могут сосуществовать, пока со временем не складывается предпочтение в употреблении одной из форм, а наблюдения показывают, что в современных печатных изданиях явно обнаруживается тенденция все более активного использования русского варианта написания слов.

Следует отметить, что и в русском и в хорватском языках в словообразовательный процесс могут включаться аббревиатуры иноязычного происхождения, в состав которых входят цифровые символы, например, *MP3 (moving picture 3) – MP3шка, MP3ić*.

Говоря о способах формирования производных от инициальных аббревиатур, нельзя обойти вниманием еще одно, характерное скорее для языков с аналитическим строем, явление, получившее в последнее время широкое распространение в русском языке. Речь идет об особом рода составных существительных, которые многие русские лингвисты рассматривают как новую категорию слов на периферии синтаксиса и словообразования, для которых в русской лингвистике предлагается целый ряд наименований. Так, работах В. Шаде и М.В. Костроминой используется термин *биномины*. Академик В.Г. Костомаров, замечая в сочетании двух существительных влияние иноязычных синтаксических образцов, рассматривает их как промежуточные между словами и словосочетаниями и считает их подобными тюркским *изафетам*: «Слово *изафет* – при всей условности его употребления здесь – удобно, так как разграничивает словосочетания и сложные (составные) слова, по крайней мере, выделяет среди последних группу с определительными отношениями компонентов»³. Особенно многочисленны примеры употребления в качестве первой части подобных новообразований аббревиатур, заимствованных из английского языка с сохранением исконного графического оформления: *CD-проигрыватель, IP-телефония, IT-специалист, PR-поддержка, SMS-знакомство, VIP-билет* и др. В хорватском языке в последнее время наблюдается появление сложных слов, созданных по аналогичной модели, т.е. путем соединения иноязычной аббревиатуры с исконно хорватским словом: *CD-uređaj, GMO-hrana, GSM-mreža, SMS-anketa, SMS-poruka, USB-priključak* и под. Однако, по нашим наблюдениям, в хорватском языке процесс образования сложносоставных слов с иноязычными элементами менее продуктивен, чем в русском. Подобные новообразования имеют окказиональный характер, а гораздо более широко употребляются словосочетания, состоящие из иноязычной аббревиатуры и хорватского существительного.

Изучение конкретного материала свидетельствует о том, что лексика русского и хорватского языков активно пополняется за счет аббревиатур иноязычного происхождения, которые функционируют в заимствующем языке в весьма разнообразном виде. В обоих языках на базе заимствованных аббревиатур различных структурных типов возникают новые производные, а наиболее распространенным способом их образования является суффиксация. При этом частотность употребления аббревиатуры оказывает определяющее влияние на степень ее словообразовательной активности. Процесс отаббревиатурного словотворчества значительно активизируется на рубеже XX-XXI веков, когда аббревиатурные заимствования, демонстрирующие разную степень вхождения в принимающий язык, реализуют значительный словообразова-

тельный потенциал в многочисленных дериватах. Интенсивность таких процессов в каждом случае обусловлена, в первую очередь, экстралингвистическими факторами: актуальностью обозначаемых явлений в жизни общества и, в силу этого, частотностью употребления сокращений и их дериватов в языке СМИ и интернет-коммуникации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Д.И. Алексеев. Сокращенные слова в русском языке. Саратов, 1979. С. 132.

² *Unprofor* – русск. *СООНО* < *Силы Организации Объединенных Наций по охране*, – миротворческая миссия Организации Объединенных Наций на территории стран бывшей Югославии, действовавшая в 1992-1995 годах.

³ В.Г. Костомаров. Изафет в русском синтаксисе словосочетания? // *Словарь. Грамматика. Текст. М., 1996. С. 212-217.*

Литература

1. Алексеев, Д.И. Сокращенные слова в русском языке / Д.И. Алексеев. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1979. – 327 с.

2. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2004. – 1536 с.

3. Земская, Е.А. Словообразование // *Современный русский язык* / Под ред. В.А. Белошапковой. – М.: Азбуковник, 2003. – С. 286-441.

4. Костомаров, В.Г. Изафет в русском синтаксисе словосочетания? // *Словарь. Грамматика. Текст.* – М., 1996. – С. 212-217.

5. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / Под ред. Г.Н. Складневской. – М.: Эксмо, 2007. – 1136 с.

6. Anić, V. *Veliki rječnik hrvatskoga jezika* / Vladimir Anić; priredila Ljiljana Jojić. – Zagreb: Novi Liber, 2005.

7. *Hrvatski enciklopedijski rječnik* / Vladimir Anić i dr. – Zagreb: Novi Liber, 2002.

8. Muhvić-Dimanovski, V. *Neologizmi: problemi teorije i primjene* / Vesna Muhvić-Dimanovski. – Zagreb: Filozofski fakultet, Zavod za lingvistiku, 2005.

ДИСКУРСИВНО-СЕМИОТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО МЕТАФОРИКИ И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Кураш Сергей

Мозырский государственный педагогический университет им. И.П. Шамякина

The report is devoted to revealing of parameters of discourse-semiotics space of the national poetic metaphor and ways of its interaction with the similar sort spaces of another cultures and languages. The discourse-semiotics space of a metaphor is understood as its participation in the system of such interactions, as «the text – extra-language space», «the text – language», «the text – intertext», «the text in the addressing act – the text in the perception act». These interactions can result from the intercultural interaction. The metaphor thus carries out not only concept-forming function, but also function of the mechanism of a transfer of cultural senses and concepts in the another culture on a different discourse levels. As an illustrative material the texts of modern Russian and Belarusian poets are involved mainly.

Key words: *metaphor, discourse, poetic text, intercultural communications.*

Введение

Как показывает анализ динамики метафорологических исследований в последние годы [Кураш 2008б], перспективы их развития связаны не с языковыми «отдельностями» (метафоризацией слов, их сочетаний и т.п.), а с текстом как центральной подлинно коммуникативной единицей, к тому же с учётом того, что художественный текст и сам как объект лингвистики активно расширил свои концептуальные границы, захватив в них и «прилегающие» («при-, сверх-, мета-, интер-) текстовые зоны – ту самую «жизнь», которая заставила лингвистов укоренить в своём активном обиходе понятие «дискурс» [Арутюнова 1990а: 136], в научной интерпретации которого «акцент ... ставится на его интеракциональной природе» [Усманова 2001: 239]. «Интерактивность как текстово-дискурсивная категория представлена субъектно-объектно-субъектным взаимодействием коммуникантов, погружённых в семиосферу и бытие, и вербально – «следами» этого взаимодействия в тексте, высказывании» [Селиванова 2003: 61].

Из данного тезиса выделим следующие значимые интеракции: текст – бытие (т.е. вне-текст, экстралингвистический универсум); текст – семиосфера (т.е. знаковое пространство, и прежде всего языковые знаки – вплоть до текстов); текст – коммуниканты. Именно их суммирование и даёт момент

II. LINGVISTICĂ. STILISTICĂ. METODICĂ

дискурса (или, если придерживаться текстоцентризма, – дискурсивной модели текста [Ревуцкий 2006]).

На феноменологическое единство метафоры и поэтического дискурса одной из первых указала Н.Д. Арутюнова, обозначив черты их гомогенности: актуализация далеких и неявных связей, единство образа и смысла, диффузность значения, допущение разных интерпретаций, устранение мотивировок и разъяснений [Арутюнова 1990б: 5-32].

В развитие этой идеи можно высказать гипотезу, что проблема «метафора и поэтический текст / дискурс» обретёт конкретные очертания своего решения «на новом витке», когда будет изучена роль метафоры в осуществлении дискурсивных связей текста. Это, во-первых, задача, выдвинутая логикой развития целого ряда наук: поэтики, лингвистики текста, дискурсивной лингвистики, семиотики, наконец, метафорологии; во-вторых, объективное требование времени – конца XX – начала XXI века, – явившего читателю (участнику дискурса) огромный массив текстов метафоричных, зашифрованных, аллюзивных, информативно уплотнённых.

Раскрытие сущности поэтической метафоры в аспекте дискурсообразования должно, таким образом, идти по линии выяснения архитектурных функций метафоры (и как способа, и как средства) в структурировании основных перечисленных выше дискурсивных интеракций. Под дискурсивно-семиотическим пространством метафоры понимается её встроенность в систему таких интеракций, как «текст – внеязыковая действительность», «текст – язык», «текст – интертекст», «текст в акте адресации – текст в акте восприятия». Данные интеракции могут возникать и как результат межкультурного взаимодействия.

Цель данной работы – выявить способы реализации различных ипостасей межкультурного диалога в дискурсивных интеракциях, осуществляемых посредством метафоры, на материале современной русской и белорусской поэзии. Следовательно, нам предстоит показать, как метафоры могут участвовать в реализации таких интеракций, как «текст – внеязыковая инокультурная действительность», «текст на языке А – язык Б», «текст – интеркультурный интертекст», «текст в актах адресации и восприятия коммуникантами разных лингвокультур», т.е. рассмотреть дискурсивно-семиотическое поле поэтической метафоры с точки зрения её погружённости в национально-культурный контекст, определить механизм кодирования фоновой информации в структуре метафорического взаимодействия (на материале текстов русских и белорусских поэтов XX веков).

Результаты исследования

1. Метафора в реализации отношений «текст – внеязыковая инокультурная действительность». Здесь прежде всего следует принять положение о знаковом характере художественного текста. Ср.: «Структура повествовательного текста, по мнению нарратологов, аналогична сосюрговской структуре знака. «История» (фабула) является предметом рассказа (означаемым), нарративный дискурс – означающим. Но между ними имеется промежуточный уровень «рассказа» (сюжета). По отношению к истории, которую рассказ организует и упорядочивает, он играет роль означающего. По отношению к

нарративному дискурсу – роль содержания высказывания (непосредственного означаемого), тогда как сам нарративный дискурс выполняет функцию означающего, то есть на вербальном уровне рассказ/сюжет – означаемое, на экстралингвистическом – означающее. На уровне сюжета происходит не процесс вербализации, воплощения в слове, а процесс фокализации, воплощения в сценах и образах. Это фаза «гипотетической переработки», упорядоченной и структурированной истории» [Ермоленко 2002: 32].

И хотя можно привести иные трактовки экстраполяции семиотических понятий «означаемого» и «означающего» на область текстолингвистики, фактом, требующим признания, остаётся одно: художественный текст – это некое подобие / антиподобие внешней по отношению к речедеятелю действительности, слепок с неё либо её отражение в «кривом зеркале». Так или иначе, вне соотношения с действительностью (универсумом) текст не мыслится. В этом смысле художественный текст – это метафора действительности, её знак, её реконструкция, а метафора – это принцип взгляда на мир посредством текста, инструмент семиотического освоения действительности средствами художественного дискурса. Следовательно, сигнификативно художественный текст всегда метафоричен, как метафорично по своей сути художественное мышление.

В аспекте заявленного ракурса изучения поэтической метафорики нам следует рассмотреть различные варианты соединения разнокультурных реалий в рамках метафорически структурируемых текстами оппозиций «своего» и «чужого».

1.1. **«Своё – чужое».** Метафоры и родственные ей тропеические построения, структурирующие данную оппозицию, в высокой степени характерны для текстов поэтов, имевших возможность приобщиться к чужой культуре (во время поездок, путешествий, эмиграции и т.д.). Ср. у Н. Гумилёва в стихотворении «Сомалийский полуостров»: *Дышала трава, Точно шкура вспотевшего льва...* Нередко при этом оппозиция разрешается в пользу «своего», ср.: *Колькі цудаў за марскім прыбоем, / За кармою белай карабля, / Але што зраўняеца з табою, / Родная, адзіная зямля?! (М. Прокоповіч).* Это достаточно парадоксальный вариант метафоры, поскольку «правый» (сравнивающий) элемент тропа – по определению его «объясняющая» когнитивная база, т.е. та, которая привлекается как донор новых знаний об объекте. Парадоксальность состоит в пресуппозитивном признании того факта, что о «чужом» мы знаем (должны знать) больше, чем о «своём»; по крайней мере, мы обращаемся к «чужому», чтобы найти что-то новое, ранее не замечавшееся в «своём». Однако в то же время в целом ряде случаев граница между «своим» и «чужим» уже не осознаётся в силу освоенности в национальной картине мира многих инокультурных реалий, их «общеизвестности», присущих им устойчивых коннотаций. Так, например, многочисленные компаративные тропы с «правым» элементом *море*, встречающиеся у белорусских поэтов, свидетельствуют об «освоении» данной «небелорусской» реалии белорусской культурой, национальным способом образного миропонимания. Иными словами, *море (океан)* и некоторые другие «небелорусские» реалии воспринимается белорусами скорее как «своё», нежели как «чужое». Ср. также: *Я стану, як стэн, салёны, / Нібы Ледавіты, Шквальны...* (Р. Бородулин).

II. LINGVISTICĂ. STILISTICĂ. METODICĂ

Реализация данной оппозиции свойственна, в частности, для ономастических метафор, ср.: *Хто ж ты, / Краю майго Гарыбальдзі? / Каліноўскі* (В. Стрижак).

Особо следует указать на такие случаи, когда поэты «играют» не на когнитивной **силе** метафоры, а на её когнитивной **слабости**, т.е. когда в семантической структуре слов-понятий, выступающих в качестве «правого» элемента, актуализируются именно семы «чуждости», «непонятности» и т.п. Например, какие-то непонятные знаки или неразборчиво написанные буквы мы называем *иероглифами, арабской вязью* и т.п. Ср.: *В чем разгадка строки, / ненадолго записанной в снег? / Иероглиф судьбы, / наделенный значением крика...* (Б. Ахмалулина).

1.2. «**Чужое – чужое**». Подобные компаративные тропы также обычно покрывают тематическое инокультуры поле в текстах, посвящённых реалиям жизни других народов, эпох и пр., и встречаются не столь часто.

1.3. «**Чужое – своё**». Подобные метафоры обычно иллюстрируют именно когнитивную **силу** метафорического мышления, презентуя феномен другой культуры как близкий, понятный, «свой», внося его таким образом в семиосферу собственной культуры, ср.: *Открыв травой набитый рот, Скакал, как лошадь, бегемот, И зверь, чудовищный на взгляд, С кошачьей мордой, а рогат – За ними.* (Н. Гумилёв); *Паўстаў Нью-Йорк перада мной... / З чым параўнаць? Мурашнік, вулей?* (П. Панченко). Как видно, прагматическое назначение метафорики подобного рода – представить незнакомый объект в знакомых очертаниях.

Таким образом, метафорическое взаимодействие – это не просто интеракция двух или более понятийных областей (денотасфер), но и нередко факт взаимодействия различных «культурных ландшафтов». Следовательно, метафорика той или иной национальной поэзии способна транслировать не только интракультурную, но и интеркультурную информацию, выступать как семиотический базис для межкультурной коммуникации [Кураш 2008а].

2. Отношения «текст – инокультурная семиосфера» правомерно свести к двум основным ипостасям: «текст на языке А – текст на языке Б» и «текст – инокультурный интертекст».

2.1. Метафорика, связанная с первым типом отношений (**язык А – язык Б**), может быть представлена следующими типологическими проявлениями:

2.1.1. – отношениями сходства (иконичности) денотата и сигнификата текста, т.е. дублирования информации, представленной на уровне смыслов, концептов, средствами фактур, относящихся к форме (ритм, фоника, морфемика, синтаксис, графика, композиция и пр.). В этом случае можно говорить о метафорике на уровне фактур текста, что также может быть проиллюстрировано и фактами, относящимися к сфере межкультурной коммуникации, реализуемой поэтическим дискурсом. Это, в частности, характерно для таких жанровых форм поэтического дискурса, как визуальная поэзия, стихографика, каллиграмма, движущийся графический стих и др. Ср., например, приводимое ниже стихотворение Т. Манковой:

Не менее интересно в данном отношении и то, как может транслироваться в инокультуру поэтический образ, созданный на языке с одним типом письма (например, с иероглифическим), посредством языка с другим типом письма (например, с буквенно-звуковым). Интереснейший материал на эту тему можно прочитать в статье переводчика китайской поэзии на русский язык О.М. Городецкой [Городецкая 2002]. С семиотической точки зрения такой перевод – это процесс, обратный тому, который проходит создатель фигурных текстов, аналогичных приведённому выше: это процесс не метафорического кодирования, а метафорического декодирования.

2.1.2. – метафорическим структурированием собственно языковых концептов. Если для интракультурной поэтической коммуникации ядром этого тропеического поля можно считать метафорическое структурирование самого концепта «метафора» [Кураш 2007: 17-22], то для межкультурной – прежде всего метафорическое осмысление национально специфических (безэквивалентных) языковых знаков, а также самого концепта «родной язык». Ср.: *Я / немало слов придумал вам, / взвешивая их, / одно хочу лишь, – / чтобы стали / всех / моих / стихов слова / полновесными, / как слово "чуешь" (В. Маяковский); К зелёным ветвям, / закипая внизу, / ползут / небывало зелёные лозы – / китайское ЧЬЕН, / и татарское ЗУ, / и мхи диалектов / эхоголосых (С. Кирсанов); Чуждое чудо, грузинская речь, / Терекон буйствуй в теснине гортани (Б.Ахмадулина); ...братья мае моўнае поле / ў суседзяў сваіх арандуоць!.. (И. Логвинович) (в последнем примере речь идёт о языковой ситуации с преобладанием русского языка над белорусским в современной Беларуси. – С.К.).*

2.2. «Текст – интеркультурный интертекст». Если язык представляет собой основной – материальный, фундаментный – слой семиосферы для любого художественного текста, то своеобразной его надстройкой выступает

интертекстовой слой дискурса. «Между слоем реалий (фактов, событий, явлений реальной действительности) и слоем языка помещается уровень интертекстуальности. Промежуточное положение данного слоя ... объясняется тем, что эта информация является и экстралингвистической, поскольку не выпадает из круга сведений исторического, культурного и иного плана, и лингвистической, ввиду того, что является уже вербализованной другими авторами» [Ревуцкий 2006: 44].

Интертекстуальная метафорика может реализоваться в двух видах диалога текстов. Первый – "неметафора – метафора", ср.: *Не люблю я золкага надвор'я, Холад працінае да касці. / Мой вучоны кот ля лукамор'я / Не жадае ў ланцугу ісці.* (Р. Крушына); *За табой, як кот вучоны, / Я ішоў па ланцугу* (Ф. Гуринович). Образ учёного кота, будучи сказочным в прецедентном, пушкинском, тексте, становится основой для создания компаративных тропов в цитируемых произведениях белорусских поэтов Р. Крушины и Ф. Гуриновича.

Выходящие в интертекст метафоры нередко строятся на базе прецедентных литературных онимов, в том числе и инокультурных. Для белорусской интертекстовой метафорики здесь наиболее характерными являются знаковые онимы русской культуры, и в частности, литературы: *Я не слаўны Ленскі, / Ты ж і не Тацьяна...* / *Родам я з-пад Менску...* / *Часта, часта п'яны* (М. Кавыль); *...Я знаю – я не здольны быць Дантэсам, / А значыць, на мяне расце Дантэс* (П. Воробьёв).

Второй вид интертекстуального межкультурного диалога – собственно диалоги метафор или диалоги с прецедентными метафорами, т.е. тот случай, когда во вновь продуцируемом тексте имеет место воспроизведение именно прецедентного метафорического образа, источник которого способен идентифицироваться. Ср., например: *Слаўлю я слова свінцова-важкое, / што ратавала людзей ад агню, / непераможнае слова, якое / брала любую ў баі вышыню* (П. Макаль, "Слова пра словы"). Эти строки имеют интертекстуальную опору на стихотворение В. Маяковского "Во весь голос", ср.: *Стихи стоят / свинцово-тяжело, / готовые и к смерти / и к бессмертной славе.* Ср. аналогичный пример, где прецедентный метафорический образ восходит к "Медному всаднику" А.С. Пушкина: *Упала зорачка мая / на воды цёмныя патапу; / і з поля зроку знік маяк, / што асвятляў акно ў Бўропу* (И. Логвинович). Об этом мы уже писали подробнее [Кураш 2008в].

3. Отношения «текст – коммуниканты различных лингвокультур» вписываются в общую основанность передачи образной информации от адресанта к адресату на интерактивном механизме, сущностно родственном метафоре. И опять же метафора приходит на помощь в тех случаях, когда в поэтическом тексте реализуется ситуация межкультурной коммуникации, нередко сопровождаемая подключением к инокультурному интертексту. Ср.: *Я – Гамлет. Холодеет кровь, / Когда плетёт коварство сети, / И в сердце – первая любовь / Жива – к единственной на свете* (А. Блок); *Я – Гойя! / Глазницы воронок мне выклевал враг, / слетая на поле нагое* (А. Вознесенский); *Сэрца сумам засеяна, / Хмельнай радасці роздумам. / Ад Сяргея Ясеніна / Я хварэю бярозамі (...)* *Ані кроплі не сумна мне, / Калі я – падбярозавік* (В. Стрыжак); *Мы – мясцовага заквасу. / Мы не Пушкіны, не Блокі. / Але нашыя Пегасы / Узлятаюць пад аблогі* (Л. Дайнеко).

Выводы.

Дискурсивно-семиотическое пространство поэтической метафоры активно функционирует в качестве зоны трансфера культурных сем и концептов в инокультуру на разных дискурсивных уровнях, таких как «текст – внеязыковая действительность», «текст – язык», «текст – интертекст», «текст в акте адресации – текст в акте восприятия». Исходя из этого, метафора в языке современной поэзии и культуры в целом – это не только механизм образования смыслов, не только текстообразующий элемент, но и один из основных дискурсивных скрепов и один из основных механизмов трансфера культурно значимой информации для осуществления межкультурной коммуникации. Во многих случаях одно и то же метафорическое построение может реализовать одновременно несколько дискурсивных интеракций, а следовательно, нести повышенную прагматическую нагруженность при реализации диалога культур в той или иной форм.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Арутюнова 1990а – Арутюнова, Н.Д. Дискурс / Н.Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990а. – С. 136.
- ² Арутюнова 1990б – Арутюнова, Н.Д. Метафора и дискурс / Н.Д. Арутюнова // Теория метафоры: Сб. – М.: Прогресс, 1990б. – С. 5 – 32.
- ³ Городецкая 2002 – Городецкая, О. М. Поэтика иероглифа (Размышления переводчика) / О.М. Городецкая: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http:// baguchim.narod.ru/Gorodetskaia.html](http://baguchim.narod.ru/Gorodetskaia.html). – Дата доступа: 29.08.2009.
- ⁴ Ермоленко 2002 – Ермоленко, Г.Н. Теория повествования в отечественной и зарубежной филологии / Г.Н. Ермоленко // Современные методы анализа художественного произведения: Матер. науч. семинара. – Смоленск: Универсум, 2002. – С. 27 – 35.
- ⁵ Кураш 2007 – Кураш, С.Б. Концепт «метафора»: ракурсы поэтической рефлексии / С.Б. Кураш // Мова і культура. – Вип. 9. Т. IV (92). Лінгвокультурологічна інтерпретація тексту. – Київ: Вид. Дім Дмитра Бураго, 2007. – С. 17 – 22.
- ⁶ Кураш 2008а – Кураш, С.Б. Лингвокультурологический аспект метафорического взаимодействия: интракультурные и интеркультурные метафоры в русской и белорусской поэзии / С.Б. Кураш // Культура народов Причерноморья. – 2008. – № 142, т. 1. – С. 423 – 426.
- ⁷ Кураш 2008б – Кураш, С.Б. Паэтычная метафорыка ў дынаміцы даследчыцкай цікавасці да мовы мастацкай літаратуры ў русістыцы і беларусістыцы / С.Б. Кураш // Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта. – 2008. – № 3 (20). – С. 53 – 57.
- ⁸ Кураш 2008в – Кураш, С.Б. Поэтическая метафорика в межкультурном интертексте / С.Б. Кураш // Актуальні проблеми слов'янської філології: міжвуз. зб. наук. ст. / Відп. ред. В.А. Зарва. – Київ: Освіта України, 2008. – Вип. XIX Лінгвістика і літературознавство. – С. 400 – 405.
- ⁹ Ревуцкий 2006 – Ревуцкий, О.И. Филологический анализ художественного текста / О.И. Ревуцкий. – Минск: РИВШ, 2006. – 320 с.
- ¹⁰ Селиванова 2003 – Селиванова, Е.А. Интерактивность как текстово-дискурсивная категория Е.А. Селиванова // Текст в лингвистической теории и в методике преподавания филологических дисциплин: Матер. II Междунар. науч. конф. – Мозырь: МГПУ, 2003. – Ч. 1. – С. 60 – 62.
- ¹¹ Усманова 2001 – Усманова, А.Р. Дискурсия, дискурс / А.Р. Усманова // Постмодернизм. Энциклопедия.— Минск: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001. – С. 239.

**ФУНКЦИИ УСЛОЖНЕННЫХ СЛОЖНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА)**

Трубкина Анна

*Педагогический институт
Южного федерального университета*

The article describes the problem of modern Russian syntax. The authors analyzes the function complicated complex sentences in the establishment of the dynamics of artistic texts of different types.

The text, complicated complex sentence, the function.

Язык художественной литературы всегда вызывал живой интерес исследователей. Это обусловлено расширением объектов и методов лингвистических исследований, появлением новых аспектов изучения языкового материала. Актуальным на сегодняшний день остаётся вопрос о роли и функциях усложненного сложного предложения в системе полипредикативных многокомпонентных структур русского языка. Одни ученые (М.Ф. Алексеенко, Г.Ф. Гаврилова, Г.Ф. Калашникова, Г.П. Уханов и др.) рассматривают усложненное сложное предложение (далее - УСП) как многомерную структуру, указывают на неравноправие синтаксических связей и синтаксических отношений между предикативными единицами (ПЕ), входящими в состав компонентов. Другие считают, что «УСП составляют объект синтаксического описания только со стороны представленных в них комбинаций»¹.

На наш взгляд, целесообразно рассматривать предложения усложненного типа как особое полипредикативное построение, которое объединяет в своем составе не менее трех предикативных единиц, представляющих собой структурно-семантическое единство на основе одного или разных видов синтаксической связи. Рассматривая УСП, следует отметить, что данная структура предназначена для более емкой передачи сложного коммуникативного значения. «При помощи этого построения в языке выражается сложность познаваемых явлений действительности. Такие предложения характеризуются многомерной структурой и многослойной семантикой, что в комплексе служит средством передачи сложных форм мысли»². Идè ìèñàìèèè усложненных сложных предложений следует учитывать несколько уровней. Они могут быть описаны с точки зрения свойственных им общесинтаксических закономерностей и с точки зрения закономерностей, присущих базисному уровню сложного предложения (далее – СП), к которому, не представляя собой самостоятельного уровня, относятся и усложненные сложные предложения. И, наконец, изучение синтаксиса усложненных сложных предложений имеет и

свой особый аспект — описание организации СП, включающего более двух компонентов. Специфика многочленного предложения проявляется в основном не в функциях его элементов, а в особенностях их использования (в одновременной связи каждого из элементов с двумя или несколькими другими), в ограничениях, налагаемых на их структуру и семантику, не свойственных двучастным СП, в особенностях комбинаций элементов, в особом использовании грамматических средств связи. «Обладая закономерностями построения, присущими всему уровню синтаксиса СП, многочленное предложение тем не менее представляет особое синтаксическое единство, структура и семантика элементов которого обусловлены строением сложного целого»³.

Элементами структуры признано считать предикативные единицы и их блоки – двухкомпонентные и многокомпонентные сложные предложения. В процессе функционирования УСП его элементы перестраиваются в соответствии с коммуникативными целями, подвергаясь группировке или блокированию. Такая структура служит для выражения сложного мыслительного содержания, на базе которого формируется многослойная семантика усложненного сложного предложения и позволяет выразить разносторонние связи отраженной в нашем сознании объективной действительности. Поэтому многокомпонентные конструкции особенно распространены в языке художественной литературы. Они передают внутренний мир человека, его чувства, развернутые мысли, сложные душевные переживания. В связи с целями и задачами, которые ставит перед собой автор, УСП выполняют различные функции. Так информативная функция связана с представлением сложного суждения об объектах художественной действительности, к которым традиционно относятся персонажи, их внешний и внутренний облик, их мысли, их речь, их действия, а также события, ситуации, пейзаж, неживые предметы внешнего мира. Следовательно, информативная функция в предложениях усложненного типа расслаивается еще на ряд функций: функцию создания пейзажа; функцию создания внешнего облика персонажа; функцию создания внутреннего облика персонажа (функцию передачи интеллектуальной деятельности персонажа); функцию передачи физического восприятия персонажа; функцию передачи чувств и душевных переживаний персонажа). Изучению данных функций и специфике их реализации посвящены работы Усмановой Е.Г. Согласно исследованиям Л. П. Вагановой в функции создания пейзажных зарисовок выступают и такие многокомпонентные предложения, в составе которых в зависимости от семантического наполнения выделяются два смысловых компонента: 1) со значением указания на восприятие какого-то явления или картины природы и 2) со значением характеристики мыслей, чувств, состояний, вызванных созерцанием этой картины природы. Такое семантическое наполнение компонентов и их смысловое соотношение позволяют писателю давать изображение природы и душевных переживаний героя в единстве.

Следует отметить, что основу УСП, выступающих в функции описания внешности персонажей, составляет цепь ПЕ с именными или глагольными (в формах описательного имперфекта) предикатами. Например: *Он, как будто у него совесть была нечиста, не мог уже смотреть жене прямо в глаза, не улыбался радостно при встрече с нею и, чтобы меньше оставаться с нею*

II. LINGVISTICĂ. STILISTICĂ. METODICĂ

наедине, часто приводил к себе обедать своего товарища Коростелева, маленького стриженного человечка с помятым лицом, который, когда разговаривал с Ольгой Ивановной, то от смущения расстегивал все пуговицы своего пиджака и опять их застегивал и потом начинал правой рукой щипать свой левый ус. (А.П. Чехов. Попрыгунья). Единство целенаправленности, модального и временного плана ПЕ позволяют автору давать в градации различные признаки внешности героев. При передаче физического восприятия героя и изображения его чувств, сложных душевных переживаний используются конструкции, характеризующиеся наличием в них двух компонентов: 1) со значением физического восприятия и 2) со значением оценки состояния, вызванного этим восприятием. Например: *Когда Ольга Ивановна входила в квартиру, она была убеждена, что необходимо скрыть все от мужа и что на это хватит у нее уменья и силы, но теперь, когда она увидела широкую, кроткую, счастливую улыбку и блестящие, радостные глаза, она почувствовала, что скрывать от этого человека так же подло, отвратительно и так же невозможно и не под силу ей, как оклеветать, украсть или убить, и она в одно мгновение решила рассказать ему все, что было* (А.П. Чехов. Попрыгунья) *Видно было по его блаженному, сияющему лицу, что если бы Ольга Ивановна разделила с ним его радость и торжество, то он простил бы ей все, и настоящее и будущее, и все бы забыл, но она не понимала, что значит приват-доцентура и общая патология, к тому же боялась опоздать в театр и ничего не сказала* (А.П. Чехов. Попрыгунья)

С точки зрения прагматической функции, строгое расположение компонентов в УСП и их семантическое наполнение позволяют автору не только создать компактную, удобную для восприятия конструкцию, но и активизировать внимание читателя, создать у него эффект ожидания. Данные конструкции удобно использовать при передаче психологического или эмоционального состояния, так как каждый из структурно-семантических компонентов может передавать душевные состояния героя: радость, умиротворение, беспокойство, грусть и т.д. Например: *Но, напившись кофе, она соображала, что Рябовский отнял у нее мужа и что теперь она осталась без мужа и без Рябовского; потом она вспоминала разговоры своих знакомых о том, что Рябовский готовит к выставке нечто поразительное, смесь пейзажа с жанром, во вкусе Поленова, отчего все, кто бывает в его мастерской, приходят в восторг; но ведь это, думала она, он создал под ее влиянием, и вообще благодаря ее влиянию он сильно изменился к лучшему* (А.П. Чехов. Попрыгунья).

Широко используются для реализации экспрессивно-стилистической функции предложения контаминированной конструкции, которые представляют собой сложное предложение совмещающее однородное соподчинение и последовательное подчинение. Специфика контаминированного предложения состоит в единстве сочинения и подчинения. «Контаминация имеет большие возможности для передачи мысли и ее тончайших оттенков, представляя собой сложную, емкую форму, сочетающую способность сочинения передавать процессы и явления действительности в их последовательности, сохраняя за каждым высказыванием значение самостоятельного утверждения, и способность подчинения абстрагировать наиболее важные процессы мышления» 2. Такие предложения передают многообразие мыслей, чувств, объектов восприятия в их единстве, а также взволнованность действующих лиц, их эмоции и

переживания. Например: *Надо, чтобы за дверью каждого довольного, счастливого человека стоял кто-нибудь с молоточком и постоянно напоминал бы стуком, что есть несчастные, что, как бы он ни был счастлив, жизнь рано или поздно покажет ему свои когти, стряется беда — болезнь, бедность, потери, и его никто не увидит и не услышит, как теперь он не видит и не слышит других* (А.П. Чехов. Крыжовник). Коммуникативный замысел автора текста определяет выбор данного типа УСП. Синтаксическая конструкция при общей семантике долженствования актуализирует не только собственно объекты восприятия в их единстве, но и степень их значимости на аксиологической шкале автора, в том числе за счет использования структурных и семантических элементов-интенсификаторов. *Я не оставлял в покое ни одного клочка земли, я сгонял всех мужиков и баб из соседних деревень, работа у меня тут кипела неистовая; я сам тоже пахал, сеял, косил и при этом скучал и брезгливо морщился, как деревенская кошка, которая с голоду ест на огороде огурцы; тело мое болело, и я спал на ходу* (А.П. Чехов. О любви). УСП данного типа актуализирует не только значение перечисления событий, но и их целостное восприятие персонажем, при этом части УСП также передают эмоциональную оценку, в том числе и субъективную, как психического и физического состояния личности, так и собственно события.

Таким образом, усложненные сложные предложения выполняют разнообразные функции в художественном тексте. Можно отметить, что для них характерна контаминация функций. Особенно часто сочетаются функции передачи внешнего и внутреннего облика персонажа и передача его чувств и оценок. Данные конструкции выступают в художественном тексте как синтаксико-стилистический прием отражения действительности, а также создают компактную и экспрессивную, с точки зрения восприятия, конструкцию.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970. С. 654

² Калашникова Г.Ф. Многокомпонентные сложные предложения в современном русском языке. – Харьков, 1979. С. 11

³ Гаврилова Г.Ф. Усложненное сложное предложение в русском языке. – Ростов н/Д, 1979. С.7

Литература

1. Гаврилова Г.Ф. Усложненное сложное предложение в русском языке. Ростов н/Д, 1979. – 232 с.

2. Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.

3. Калашникова Г.Ф. Многокомпонентные сложные предложения в современном русском языке. – Харьков, 1979. – 160 с.

4. Малычева Н.В. Текст и сложное синтаксическое целое: системно-функциональный анализ. – Ростов н/Д, 2003. – 180 с.

5. Усманова Е.Г. Сложные многочленные предложения в прозе А.П. Чехова. – Автореф. на соиск. уч. ст. канд. филолог. наук. Волгоград, 2011. – 24 с.

КОНСТРУКЦИИ С СЕМАНТИКОЙ ПОЖЕЛАНИЯ: ДИНАМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Григорьева Надежда

Педагогический институт
Южного федерального университета

The article investigates the constructions of wish in dynamic aspect, analyses the semantic types of wishes. It also dwells on the specifics of polyfunctional auxiliary words being the markers of situations and the pragmatic potential of these units.

Semantic, wish, dynamic aspect, polyfunctional auxiliary words

Для современной лингвистики актуальным является динамический подход к исследованию языковых единиц, позволяющий описать специфику их функционально-коммуникативного и прагматического потенциала.

Несмотря на длительную традицию изучения императивности и оптативности до сих пор не определено четко место пожеланий в системе синтаксических конструкций, недостаточно исследованы данные единицы и в динамическом аспекте. Конструкции с семантикой пожелания обладают сложной модальной и прагматической организацией. Специфика русского пожелания, на наш взгляд, состоит в том, что большая часть подобных конструкций совмещает признаки императивности и оптативности. Одним из критериев разграничения собственно пожеланий и оптативов может служить точная адресованность, двойная антропоцентрическая актуализация данных конструкций. С точки зрения структуры часть пожеланий может быть отнесена к свободным конструкциям с закрепленной сферой использования, часть к фразеологизированным (различной степени фразеологизации), часть пожеланий представляет собой формулы речевого этикета. Последний тип можно разделить на следующие группы: речевые формулы, практически утратившие семантику пожелания, и сохраняющие данную семантику. У конструкций первой группы возможно распознавание семантики пожелания при опоре на этимологию; имплицитное сохранение данной семантики характерно для представителей русского лингвокультурного сообщества, но может представлять определенные трудности при межкультурной коммуникации. Актуализация семантики пожелания возможна также при использовании речевой формулы в нетипичной для неё коммуникативной ситуации. С точки зрения семантики уже традиционным является подразделение пожеланий на добрые и недобрые. Пожелания служат четкими, вполне определенными знаками оценочной эмоциональной реакции. Представляется возможным говорить о наличии сложных парадигматических связей конструкций-пожеланий, в первую очередь синонимических. На наш взгляд, в русском языке можно выделить особые маркеры пожелания. В качестве таких маркеров выступают

полифункциональные служебные слова, имеющие в структуре значения соответствующие модальные семы: **чтобы, пусть, пускай** и др. Полифункциональные служебные слова как маркеры пожелания обладают различным коммуникативно-прагматическим потенциалом. Универсальным маркером является полифункциональное слово **чтобы**, которое может использоваться в различных по семантике пожеланиях. В качестве доброго пожелания возможно в особом типе конструкций – самопожеланиях. Пусть/ пускай регулярно используются в добрых пожеланиях. Интересно, что сочетание маркеров **да чтоб, да пусть**, как правило, оформляет недоброе пожелание и интенсифицирует его, в том числе и через актуализацию инвариантной для **чтобы** семы желательности. Именно парадигматические отношения маркеров пожелания определяют и парадигматику конструкции в целом.

Первоначально, вероятно, и доброе, и недоброе пожелание выражались преимущественно сложноподчиненными предложениями. В предложениях со значением недоброго пожелания главная часть нередко редуцировалась в силу особенностей семантики **чтобы**, способности поглощать и выражать самостоятельно значение главной части, инвариантного модального значения желательности, а также семы, близкой к отрицанию. В предложениях со значением доброго пожелания именно главная часть погашала негативную семантику придаточного, вводимого **чтобы** (с учетом лексического наполнения частей), поэтому они дольше сохраняли форму сложноподчиненного предложения. Затем, в силу объективных причин (определенных исторических процессов), частотность употребления таких конструкций заметно снизилась. Доброе пожелание стало передаваться иными средствами, а часть «дай бог» (или синонимичные ей) утратилась, редуцировалась вместе с компонентом **чтобы**, так как представляла собой определенную формулу, в большей степени устойчивую конструкцию. Интересно отметить, что в случае с добрыми пожеланиями возможна и редукция придаточного при сохранении общей семантики конструкции (доброе пожелание): дай вам Бог, давай вам (нам) Боже и т.д. В настоящее время можно отметить некоторое последовательное возрастание частотности употребления как полных, так усеченных вариантов подобных конструкций, которое, в частности, определяется и социолингвистическими и собственно социумными параметрами. В конструкциях с недобрыми пожеланиями подобного усечения, по всей вероятности, не происходило.

В ряде случаев содержание недоброго пожелания эксплицитно не выражено. Можно отметить, что такие конструкции близки по значению к междоумиям, то есть служат для выражения чувств (досады, раздражения, негодования и т.д.). Однако и при этом сохраняется общее негативное значение конструкции: О, чтоб! Никого ни дома, ни на дворе! (А.Н.Островский).

Часть предложений с семантикой пожелания можно отнести к придаточным самостоятельным (или предложениям с редуцированной главной частью), так как они соотносятся с определенным типом придаточных предложений, главную часть которых можно восстановить без изменения формы предиката и субъекта (в ряде случаев). Предложения, в которых такое восстановление главной части не представляется возможным, по нашему мнению, следует считать простыми.

II. LINGVISTICĂ. STILISTICĂ. METODICĂ

Особую группу представляют собой присоединительные конструкции со служебным словом «чтобы», которые используются при совершении клятв. В данном случае, по всей вероятности, представлено сложноподчиненное предложение со следственно-условными отношениями, так как за конструкцией, представляющей собой собственно клятву, как правило, следует придаточное с союзом условия «если», либо оно может быть восстановлено при опоре на фоновые знания: И чтобы мне не довелось рассказывать этого в другой раз, если не принимал часто издали собственную положенную в головах свитку за свернувшегося дьявола (Н.В.Гоголь). Или: Чтоб меня убили, никогда не думал, что забракуют (П.Лебеденко). Клятвы и конструкции-пожелания характеризуются различной модальностью, а также прагматической направленностью. В собственно пожеланиях представлена ярко выраженная модальность желательности, в клятвах же – значение допустимости совершения того, о чем в этой части предложения говорится, в случае нарушения условия, оформляемого союзом «если» во второй части высказывания. Определенная часть простых предложений-пожеланий с компонентом «чтобы» является собственно фразеологизмами: чтоб духу (чьего-нибудь) не было, чтоб (тебя) черт побрал и некоторые другие. Эти фразеологизмы фиксируются фразеологическими словарями (или одним из словарей). Существует также группа конструкций, которые по своим признакам относятся к фразеологизмам, но словарями не фиксируются: чтоб вам ехать, да не доехать и т.д. Особую группу составляют фразеологические выражения (поговорки, пословицы), которые фиксируются словарями. В художественной литературе или живой разговорной речи чаще используются конструкции с «чтобы»: А чтоб тебе пригодилось, да на свой же двор воротилось! (В.И.Даль).

В русском языке существует определенный набор моделей, по которым строятся конструкции с семантикой пожелания. Важным структурным и семантическим элементом данных моделей являются полифункциональные служебные слова. Регулярно и частотно репрезентируются слова «**пусть**» и «**чтобы**». Следует отметить, что служебное слово «**чтобы**» обладает более широкой сферой использования, представлено в большинстве моделей с семантикой как недоброго, так и доброго пожелания.

В конструкциях со служебным словом «чтобы», обладающих семантикой недоброго пожелания, содержание этого пожелания обычно выражается глаголом или предикативным наречием: *Вот те и разогрела! Ах, демоны, чтоб вас разорвало всех!..* (М.Горький. Детство). Или: *Вот не хотел нынче сердиться, а он, как нарочно, рассердил-таки. Чтоб ему провалиться!* (А.Н.Островский. Пьесы).

Анализ языкового материала позволяет сделать вывод, что выражать содержание недоброго пожелания могут различные формы глагола (в частности инфинитив). Чаще всего их характеризует устойчивое лексическое наполнение и сама конструкция приближается к фразеологической единице. В ряде случаев содержание недоброго пожелания эксплицитно не выражено. Однако конструкция сохраняет свою семантику, что становится возможным именно в результате наличия компонента «чтобы»: *Тпрррр...у! Чтоб тебя!* (А.Н.Островский. Пьесы). Или: *Кольцо у меня на пальце молчало и не светилося. Чтоб ему!* (Метаморфозы). ... *Ты чье сейчас приказание исполнил? Арестован-*

ного? А чтоб тебя!.. Отвечай, для чего ты поставлен на пост? (А.И.Куприн. Поединок).

Устойчивая семантика и устойчивая модель свидетельствуют о том, что это фразеологическая единица. Можно отметить, что такие конструкции близки по значению к междометиям, то есть служат для выражения собственно реакции, в первую очередь, эмоциональной (досады, раздражения, негодования и т.д.). Однако и при этом сохраняется общее негативное значение конструкции: *О, чтоб! Никого ни дома, ни на дворе!* (А.Н.Островский. Горячее сердце).

В конструкциях со значением недоброго и доброго пожелания актуализируется модальное значение (желательности), свойственное служебному слову «чтобы», а также частично актуализируется сема указания на отсутствие явления, действия в реальной действительности. Актуализация этой семы способствует, во-первых, функционированию конструкции с данной семантикой в качестве самостоятельного предложения, а во-вторых, частично смягчает негативное значение конструкции в силу ирреальности, неистинности сообщаемого.

Часть предложений с семантикой пожелания можно отнести к придаточным самостоятельным (или предложениям с редуцированной главной частью), так как они соотносятся с определенным типом придаточных предложений, однако при этом необходимо учесть достаточно свободное наполнение главной части. Лексическое наполнение этой части ограничено общим значением желательности (иногда с оттенком цели), но допускает выражение различной степени желательности (требования, необходимости и т.д.) наряду с наличием ФЕ. При этом главную часть в таких предложениях можно восстановить без изменения формы предиката, а также формы выражения субъекта (в ряде случаев): *О! Чтоб вам пусто было! Измучили вы меня!* (А.Н.Островский). Или: *Чтоб ты сквозь землю провалилась, ведьма проклятая!* (М.Н.Загоскин. Аскольдова могила). Ср.: *Желаю (хочу и т.д.), чтоб ты сквозь землю провалилась...*

Предложения, в которых такое восстановление главной части не представляется возможным, по нашему мнению, следует считать простыми: *Чтоб тебе век никого лучше себя не видеть, пугало проклятое!* (М.Н.Загоскин. Аскольдова могила). Или: *Чтоб им самим весь век капли вина не пропустить в горло, проклятые!* (М.Н.Загоскин. Юрий Милославский).

Следует отметить, что подобные конструкции можно трансформировать в простые предложения без компонента «чтобы», в которых предикат тоже будет выражен инфинитивом. Ср.: (Желаю) тебе век никого лучше себя не видеть...

Кроме того, к простым предложениям следует отнести и фразеологизированные конструкции (в том числе и собственно фразеологизмы). Ряд таких конструкций выделяется именно в составе простых предложений и в академических изданиях (См., например, Русскую грамматику): *чтоб ты подавился, чтоб тебе пусто было, чтоб тебе провалиться.*

Предложения со значением недоброго пожелания со служебным словом «чтобы» экспрессивны по своей форме. Большая часть таких конструкций является разговорными. В словарях такое пожелание сопровождается стилистическими пометами «разг.» или «бранное» (См., например, 17-томный Акаде-

II. LINGVISTICĂ. STILISTICĂ. METODICĂ

мический словарь). В зависимости от семантики предиката пожелание может иметь различную степень негативной направленности (вплоть до ругательств).

Конструкции с подобной семантикой, в силу свойственного служебному слову «чтобы» волевого компонента, допускают осложнение значения предложения в целом оттенками субъективно-модальных значений.

В конструкциях с семантикой доброго пожелания структурно-семантический компонент «чтобы» используется реже: *Чтоб вы на войне всегда были удачливы!* (Н.В.Гоголь. Тарас Бульба). Или: *Чтобы не было печали, чтоб шумел листвою стих, чтоб надежными назвали вы товарищей своих.* (З.Паперный. Музыка играет так весело...).

В подобных предложениях «чтобы» выступает как синоним частицы «пусть/пускай». Ср.: *Пусть/пускай вы на войне всегда будете удачливы!* При этом изменяется форма предиката. Кроме того, такие конструкции синонимичны предложениям, оформляемым с помощью частицы «бы», а также инфинитивными предложениями: ... *Чтобы ты прожил благополучно, в довольстве и достатке* (Н.В.Гоголь. Женитьба). Ср.: *Прожил бы ты благополучно... Или: Прожить (бы) тебе благополучно...*

Эти конструкции выражают различную степень уверенности в осуществлении пожелания. В конструкциях со служебным словом «чтобы» желательность выражается вполне определенно и категорично.

В особую группу можно выделить предложения с семантикой доброго пожелания, используемые в определенной ситуации (тосты и молитвы). И в первом и во втором случаях значение конструкции поддерживается (а в ряде случаев усиливается) не только за счет лексического наполнения, но и за счет ситуации. При этом знание ситуации предполагает опору на общечеловеческие фоновые знания (при произнесении тостов, поздравлений принято желать что-либо хорошее): *Чтобы вы могли говорить все и Вам за это не было ничего.* (З.Паперный. Музыка играет так весело). Или: *Чтоб тебе, Михеевна, в городе хорошо жилось, а вам у нас в деревне* (В. Виниченко. Место под солнцем).

В конструкциях со значением доброго пожелания у служебного слова «чтобы» актуализируется модальное значение (желательности); сема, близкая к негативной (указания на отсутствие факта в реальной действительности), частично погашается за счет лексического наполнения предложения, а также знания ситуации. Кроме того, в предложении выражаются оттенки субъективно-модальных значений уверенности адресанта речи в осуществлении пожелания, убежденности в необходимости осуществления пожелания и для говорящего, и для собеседника. При этом говорящий считает, что осуществление действия, факта воспринимается как желательное и собеседником, оценивается им как положительное так же, как и самим говорящим.

Особую группу представляют собой присоединительные конструкции со служебным словом «чтобы», которые используются в коммуникативной ситуации клятвы. В данном случае, по всей вероятности, правильнее было бы говорить не о простом предложении, имеющем структуру придаточной части сложноподчиненного предложения, а именно о сложноподчиненном предложении со следственно-условными отношениями, так как за конструкцией, представляющей собой клятву (выражающей содержание клятвы), как правило, следует придаточное с союзом условия «если»: *И чтобы*

мне не довелось рассказывать этого в другой раз, если не принимал часто издали собственную положенную в головах свитку за свернувшегося дьявола (Н.В.Гоголь. Вечер накануне Ивана Купала).

Придаточная часть с условным союзом «если» раскрывает условие, при котором адресант речи допускает осуществление, исполнение того, что высказано в препозитивной предикативной части. Вероятно, именно наличие придаточного условия или иной конструкции, раскрывающей условия, при которых становится возможным осуществлению действия препозитивной части с компонентом «чтобы», становится для таких предложений обязательным: *Чтоб меня убили, никогда не думал, что забракуют.* (П.Лебеденко. Навстречу ветрам). Ср.: *Чтоб меня убили, если когда-нибудь (хоть когда-нибудь) думал, что забракуют.*

В таких предложениях часть, имеющая в своем составе компонент «чтобы», представляет собой главную часть сложноподчиненного предложения. Это дает некоторые основания рассматривать подобные структуры в рамках независимой предикативной единицы - части сложноподчиненного предложения.

Кроме того, возможно такое функционирование конструкции со значением клятвы, при котором условие выражено имплицитно (восполняется из контекста или ситуации): *Чтоб я не сошел с этого места!* (Н.В.Гоголь. Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем).

Следует отметить, что в подобных конструкциях, в отличие от предложений с семантикой недоброго пожелания, субъект, как правило, выражен личным местоимением 1-го лица, либо содержится указание на 1-е лицо (на говорящего). При этом соответствующей формой может быть выражен и предикат.

В конструкциях со значением клятвы, в которых условие выражено эксплицитно, выступает союз-частица «чтобы», усиливающий экспрессивность конструкции. В случае имплицитного выражения условия на первый план выходит значение «чтобы» - частицы, а предложение по своим качествам становится близко к простому. Ср., например: *Пусть/пускай я не сойду с этого места.*

Если сравнить предложения в форме клятвы с конструкциями, выражающими недоброе пожелание, то станет очевидным, что эти конструкции различаются по модальным характеристикам, а также прагматической направленности. В пожеланиях чего-либо негативного имеем дело с ярко выраженной модальностью желательности, при этом целью речевого акта становится стремление выразить отрицательное отношение к собеседнику. В клятвах же основной задачей речевого акта становится стремление убедить в чем-либо собеседника, вызвать к себе доверие. Часть предложения в форме клятвы с компонентом «чтобы» передает уже не модальное значение желательности, а значение допустимости совершения того, о чем в этой части предложения говорится, в случае нарушения условия, оформляемого союзом «если» во второй части высказывания.

Простые предложения, включающие в свой состав служебное слово «чтобы», проявляют склонность к фразеологизации с точки зрения воспроизводимости в большей степени, чем сложноподчиненные предложения фразеологизированной структуры, строящиеся по определенным фразеосхемам. Определенная часть простых предложений с компонентом «чтобы» является

собственно фразеологизмами. Некоторые из них фиксируются фразеологическими словарями. Простые предложения фразеологизированного типа, таким образом, характеризуются более устойчивым лексическим наполнением, чем сложные, которые отличаются большей вариативностью (имеются в виду варианты фразеосхем). Собственно фразеологизмами являются, например, предложения такого типа: *чтоб духу (чьего-нибудь) не было, чтоб (тебя) черт побрал и некоторые другие. Эти фразеологизмы фиксируются фразеологическими словарями (или одним из словарей). Существует также группа конструкций, которые по своим признакам относятся к фразеологизмам (воспроизводимость, устойчивость, лексического состава, целостное значение), но словарями не фиксируются: *чтоб волос с головы не упал; чтоб вам ехать, да не доехать и т.д. Такие предложения достаточно часто встречаются в художественной литературе, а также в живой разговорной речи: *Заплати вам господь и в здешнем и в будущем свете... чтоб вам ехать да не доехать... чтоб вы... (М.Н. Загоскин. Юрий Милославский).***

Особую группу составляют фразеологические выражения (поговорки, пословицы), которые фиксируются словарями (в частности, В.И.Даль. *Пословицы русского народа*). Часть из них зафиксирована с компонентом «чтобы», часть без этого компонента, однако в художественной литературе или живой разговорной речи чаще используются конструкции с «чтобы» и передают значение пожелания (доброго или недоброго): *А чтоб тебе пригодилось, да на свой же двор воротилось! (В.И.Даль) Или: Небо с овчинку покажется (там же). Ср.: *Чтоб (тебе) небо с овчинку показалось. Или: *Чтоб твои слова, да богу в уши, чтоб ушли они с нашей земли. (В.Быков. Карьер).***

Таким образом, можно говорить о том, что изменения синтаксических конструкций с семантикой пожелания касаются как структуры, так и семантики. Это может влиять на их коммуникативный и прагматический потенциал. При анализе динамики изменений можно отметить, что в большей степени они касаются собственно структуры конструкции, так как структурные модификации возможны во всех моделях, по которым строятся языковые единицы с семантикой пожелания. Собственно семантические трансформации присущи в основном фразеологизированным моделям, в частности собственно фразеологизмам и достаточно немногочисленны. Возможны и структурно-семантические изменения, например, в тех случаях, когда фразеологизируется только часть свободной конструкции и начинает регулярно функционировать только в данном варианте.

Описание конструкций с семантикой пожелания предполагает комплексный анализ не только в рамках теории речевых актов, коммуникативных регистров, но и как малого речевого жанра. Малый речевой жанр пожелания может использоваться в качестве составляющей других жанров, в частности, комплимента. Кроме того, часть пожеланий может рассматриваться и как малые дискурсивные формы. Исследование данных конструкций в динамическом аспекте позволяет говорить о том, что в целом набор моделей конструкций с семантикой пожелания не изменяется, однако можно отметить тенденцию к восстановлению и актуализации полных структурных вариантов моделей.

НАЦИОНАЛЬНОЕ НАПОЛНЕНИЕ ОБЩЕЕВРОПЕЙСКИХ МОДЕЛЕЙ ОБРАЗОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ИННОВАЦИЙ (на материале русскоязычной прессы Украины)

Григораш Антонина

*Национальный педагогический университет
им. М.П. Драгоманова*

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу наиболее употребительных универсальных моделей, по которым образованы фразеологические единицы, принадлежащие к мировому фонду фразеологии. В каждой отдельной стране эти модели наполняются специфическим национальным содержанием, отражающим политические, экономические, культурные особенности определенного социума. С другой стороны, существование подобных моделей, порождающих все новые и новые фразеологические инновации, свидетельствует о единстве общих социально-политических процессов, происходящих во всем мире, что способствует сложному процессу понимания в целом, а также облегчению диалога между представителями различных стран и народов – в частности.

Ключевые слова: *фразеологическая инновация, универсальная модель, национальное содержание, газетный контекст, функционирование.*

Фразеологические инновации определяются как «фразеологизмы (вне разделения на языковые и речевые, окказиональные), которые являются новыми либо по форме, либо по значению, либо по форме и значению вместе для рассматриваемого периода развития литературного языка относительно предшествующего, условно взятого за точку отсчета периода (вне прямой зависимости, хотя и с учетом словарных фиксаций)»¹.

Под структурной фразеологической моделью в современном языкознании понимается тип синтаксических конструкций, по которой образуется ряд устойчивых сочетаний. Структурная модель является одним из факторов, обеспечивающих устойчивость и воспроизводимость устойчивых сочетаний, в определенной мере регулирующих его семантическую тождественность.

Среди множества оригинальных, часто единичных, специфических моделей, по которым образованы фразеологизмы, выделяются универсальные модели, характерные практически для всех славянских языков. Частотность употребления в современной публицистике устойчивых сочетаний, образованных по этим моделям, особенно возрастает в период глобализации, поскольку они обладают прозрачным значением, в силу этого легко узнаваемы читателями, нейтральны по своей стилистической окраске. Однако в русскоязычной прессе Украины многие из них приобретают ярко выраженную национальную

специфику, отражающую в основном внутреннюю политическую ситуацию в Украине.

Так, чрезвычайно популярными на страницах русскоязычной прессы Украины являются модели образования фразеологических единиц с базовым компонентом-числительным. При этом подобные устойчивые сочетания далеко не всегда функционируют в газетных контекстах, посвященных политике: *«Россия, как страна-победитель прошлого года (так же, как и страны «большой четверки» - главные спонсоры конкурса: Германия, Испания, Великобритания и Франция) выступает сразу в финале. Но право голоса в полуфиналах эти страны же имеют. Россия и Франция голосуют во втором, а Германия и Великобритания – в первом полуфинале»* (Марта Борисова. «Кто есть кто на «Евровидении». Рубрика «Если разобраться». – «Газета по-киевски», № 45 (1445), 12.03.09, с. 22); *«У стран «большой пятерки» - Италии, Германии, Испании, Франции и той же Англии в новейшей истории «сине-желтые» не выигрывали ни разу. Мало того, в матчах с родоначальниками футбола статистика для нас выглядит просто убийственной – три поражения наряду с общим счетом – 1:7»* (Валерий Рекунов. «Нас хвалят, когда мы проигрываем». Рубрика «Спорт-ревью». – «2000»:«Аспекты», № 15 (457), 10-16.04.09, с. 6).

В словарных материалах В.М. Мокиенко «Новая русская фразеология» зафиксирован фразеологизм **большая тройка** со словарными пометами «нов. полит. и публ.» и со значением 'о трех ведущих монополиях в США'². В русскоязычном газетном контексте **большой тройкой** называют трех ведущих политиков Украины: *«Поскольку Украина пребывает в глубоком и всеобъемлющем кризисе, разочарование в политиках стремительно нарастает. Большинство из них приелись согражданам, а неискренние призывы набили оскомину. Ничего удивительного – Ющенко, Тимошенко, Янукович пришли в большую политику еще во времена Леонида Кучмы. Там они хорошо научились заботиться о собственных интересах и внимательно наблюдать за соратниками, чтобы те не зарывались. Но как только речь заходит о выполнении обещаний или наказов избирателей, эту «большую тройку» охватывает куриная слепота. То ли рои пчел глаза застилают, то ли коса начинает закрывать вид на проблемы государства, то ли природная лень...»* (Василий Яблонский. «Выборы между прошлым и будущим». Рубрика «Точка зрения». – «Газета по-киевски», № 99 (1499), 2.06.09, с. 7).

Как вариант рассматриваемой модели в русскоязычной прессе Украины активно функционирует фразеологическая инновация **«великолепная пятерка»**, с помощью которой характеризуется уже не политическая, а экономическая ситуация в стране в связи с мировым экономическим кризисом: *«На вчерашней встрече с вкладчиками «Родовид» Юлия Тимошенко пообещала, что снимать средства со счета можно будет уже с понедельника. Банки, по ее словам, делают буквально все, что захотят, – и если 180 из них устояли в условиях кризиса и смогли рассчитаться со своими клиентами, то я пятью возникли большие проблемы. «Великолепная пятерка» проблемных банков у всех на слуху: это «Родовид», «Надра», «Укрпромбанк», «Киев» и «Укргазбанк»* (Тарас Бук. «С легкой руки премьера проблемные банки начинают выдавать деньги». Рубрика «Картина дня». – «Комсомольская правда в Украине. Киевский выпуск», № 166 (3276/24671), 1.08.09, с. 1).

В современной русскоязычной прессе Украины выделяется большое количество фразеологических инноваций, в основе образования которых лежит универсальная модель образования устойчивых сочетаний. Так, в словарных материалах В.М. Мокиенко зафиксирован фразеологизм **парни в зеленых фуражках** со словарными пометами «нов. публ.» и со значением ‘о российских пограничниках’³. По аналогии с этим фразеологизмом возникло устойчивое новообразование **парни в камуфляже** со значением ‘охранники’, в основе образования которого лежит специфический тип военной униформы: *“Государственный инспектор отказался приближаться к частной собственности, сославшись на то, что проверка уже сделана. А вот журналистов, которые решили лично проинспектировать карусели, разогнали охранники. – Здесь снимать запрещено! – кричал бритый мужчина. На вопрос “Что же вы прячете?” парни в камуфляже посоветовали обращаться к руководству и добавили, что их аттракционы в полном порядке”* (Александр Федченко. “В столичных парках появились аттракционы-фантомы”. Рубрика “Картина дня: Киев”. – “Комсомольская правда в Украине. Киевский выпуск”, № 93 (3203/24598), 29.04.09, с. 4). Подобные “обобщающие” фразеологизмы на страницах русскоязычных газет Украины чрезвычайно популярны, причем их значение, как правило, объясняется непосредственно в газетных контекстах. В словарных материалах В.М. Мокиенко зафиксировано устойчивое сочетание **журналистская братия** со словарными пометами “нов. публ. фам.” и со значением ‘журналисты, газетчики’⁴. Этот фразеологизм лег в основу устойчивого новообразования **учащаяся братия**, значение которого объединяет сразу две категории учащихся - школьников и студентов: *“Кто из нас не мечтал: прочитал один раз учебник по истории – и всю оставшуюся жизнь поражаешь окружающих доскональным знанием сражений Великой Отечественной. Ну или таблицу Менделеева рассказываешь так, что от зубов отскакивает. Причем хоть днем, хоть ночью. Такими сверхспособностями, конечно, хотели бы обладать многие. Но актуальнее всего они для учащейся братии. Тем более школьникам уже через месяц предстоит тестирование, а у студентов на носу летняя сессия”* (Светлана Данилова. Тренируй память смолоду”. Рубрика “Готовимся к тестам”. – “Комсомольская правда в Украине. Киевский выпуск”, № 78 (3188/24583), 9.04.09, с. 10). Наконец, обобщающее устойчивое сочетание **люди в форме** объединяет сразу четыре профессии: *“Не секрет, что отношение к людям в форме в Украине уже давно приобрело мистический характер. С поводами и без таковых милиционеров, а заодно и сотрудников налоговых органов, прокурорских работников и даже пожарных граждане называют “оборотнями в погонах”. Как ни прискорбно, но многие из принявших присягу вместо того, чтобы защищать права украинцев, обирают их всеми доступными способами”* (Сергей Андреев. «Старичок-Кошелевичок против «оборотней в погонах». Рубрика «Тема с изнанки». – «Известия в Украине. Украинский выпуск», № 93/822/27864, 29-31.05.09, с. 11). В приведенном газетном контексте функционирует еще один обобщающий фразеологизм – **«оборотни в погонах»**, Так в современной прессе называют **людей в форме**, которые, наряду с выполнениями своих основных профессиональных обязанностей, являются руководителями или членами бандитских формирований.

Наконец, новое, специфически национальное, значение на страницах русскоязычной прессы Украины могут приобретать уже известные, прочно

II. LINGVISTICĂ. STILISTICĂ. METODICĂ

вошедшие во фразеологический фонд славянских языков фразеологические единицы общественно-политического характера. Так, общеизвестное устойчивое сочетание **железный занавес** легло в основу образования фразеологической инновации **золотой занавес**, возникший в связи с трудностями получения Шенгенской визы в Украине, что, в свою очередь, препятствует свободному выезду украинских граждан за границу: *«Ангела Меркель открыто заявила: перспективу для Украины можно будет рассматривать только после нормализации ее отношений с Россией. Так, вместо **железного занавеса** перед нами поставили **золотой**. Сейчас только ленивый не говорит, как сложно нашим гражданам получить Шенгенскую визу»* (Кость Бондаренко. «Розовые очки уже не спасают». Рубрика «Пресс-клуб». – «Известия в Украине. Украинский выпуск», № 39/768/27810, 11.03.09, с. 5).

На базе общеизвестной фразеологической единицы общественно-политического характера **социализм с человеческим лицом** возникла фразеологическая инновация **«постсоветская бюрократия с человеческим лицом»**, касающаяся не политики, а экономики Украины: *«Вывод первый – в нашей стране не все так плохо. Отечественные бюрократы могут работать быстро и эффективно, не требуя при этом взяток. Иными словами, у нас появилась своеобразная **«постсоветская бюрократия с человеческим лицом»**. Вывод второй – технический прогресс не обходит стороной даже такие массивные структуры, как «Укрпочта». И пусто не всегда она работает безупречно, но реформы действительно направлены на то, чтобы помочь людям»* (Вячеслав Шрамович. «К Украине, в гости». Рубрика «Пятая колонка». – «Известия в Украине. Украинский выпуск», № 39/768/27810, 11.03.09, с. 2).

Таким образом, фразеологические инновации, образованные по универсальным моделям, обладают новым, специфически национальным содержанием. Следует отметить высокую вариативность подобных новообразований. Новые устойчивые сочетания могут также возникать на базе общеизвестных фразеологических единиц, прочно вошедших в общеславянский фразеологический фонд. При изначальной стилистической нейтральности рассматриваемых фразеологических единиц прослеживаются возможности приобретения ими иной стилистической окраски, как правило, несущей в себе отрицательные коннотации (иронию, пренебрежение, осуждение), в зависимости от газетного контекста, в котором они функционируют. Возникновение устойчивых сочетаний рассматриваемого типа является яркой особенностью современной публицистики (в особенности – газетной), требующей дальнейшего исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Гананольская Е.В. О соотношении новой и старой фразеологии в текстах современной «массовой литературы» (детективный жанр) // Слово. Фраза. Текст: Сборник научных статей к 60-летию проф. М.А. Алексеенко. – М.: Азбуковник, 2002. – С. 152.
- ² Мокиенко В.М. Новая русская фразеология. – Opole: Uniwersytet Opolski – Instytut Filologii Polskiej, 2003. – С. 125.
- ³ Там же. С. 72.
- ⁴ Там же. С. 11.

К ВОПРОСУ О МЕТАФОРЕ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ КАЗАХСТАНА

Калкабекова Джемма

*Кокшетауский государственный университет имени
Ш.Ш. Уалиханова*

В статье рассматриваются политические метафоры, выявленные из казахстанских периодических изданий последних лет. Лингвистическое исследование метафоры персонификации дает важный материал для анализа политического мышления в обществе.

The given report considers politic metaphors extracted from kazakhstany periodicals of recent years. The linguistic study of the personification metaphor gives drastic material for analyzing political thought in society.

В современную эпоху глобализации, тесных языковых контактов и массовой политизации общественного сознания особенный интерес для современных языковедов представляет изучение публицистического дискурса, активно развивающегося и трансформирующегося под воздействием изменений в стране.

Огромную роль в формировании публицистического дискурса играют активизировавшиеся в последнее время процессы метафоризации. При этом метафора в публицистическом дискурсе выступает важнейшим средством концептуализации политической картины. Концептуальные политические метафоры не просто отражают существующие общественное сознание, они способны, по мнению российского ученого А.Н. Баранова, «подсказывать, настраивать, наводить на определенный тип решения и поведения..., влиять на процесс принятия решений»¹.

Метафора «реализуется в создании некоего представления о действительности, которое нужно оратору и которое, чаще всего, кардинально отличается от реального положения вещей в мире»². Являясь мощным средством воздействия над общественным сознанием, метафора помогает автору манипулировать представлениями адресата, переосмысливая политическую реальность. К примеру, в контексте «*Как оно выглядит подобное «иначе», известно на печальном опыте Киргизии, известно на печальном примере Украины, где «ветви власти» упоенно **тянут одеяло на себя** – отнюдь не в пользу для страны и для народа*» (Казахстанская правда. 06.17.06.) автор сознательно навязывает читателю свою субъективную оценку политического положения в Украине и Киргизии.

II. LINGVISTICĂ. STILISTICĂ. METODICĂ

Рассматривая казахстанский публицистический дискурс, мы отмечаем его повышенную метафоричность, при этом, на наш взгляд, метафоры выполняют роль своеобразного маркера, по которому можно определить, что и в какое время является значимым в жизни общества страны. Прагматический потенциал метафорических словоупотреблений позволяет обозначить наиболее острые моменты социально-политической сферы, отразить их выпукло, зримо. Это попытка журналистов указать на несовершенства существующего общества, его искажения, и, наоборот, в случае положительной оценки – проявление восхищения и выражение одобрения. Так или иначе, но метафора – сильный инструмент в руках журналиста, писателя и политика. И именно процесс метафоризации помогает реализовать основную функцию публицистического дискурса – воздействие на массового читателя.

Характерной особенностью казахстанского публицистического дискурса является экспансия метафор с источниковой областью «Человек». В большинстве случаев при осмыслении общественно-политической жизни страны функционирует метафора организма: субъекты политической и экономической сферы репрезентированы в образе человека, его органов, частей тела и т.п. Например: *«В то же время Совет Безопасности – это не джентльменский клуб с устоявшимися консервативными традициями, где получить постоянное членство практически невозможно, а скорее вполне живой организм, который требует притока свежей крови»* (Казахстанская правда. 23.10.05.). Сферой-источником (понятийная область, к которой относятся метафоризируемые слова в их первичном значении) выступает «организм человека», а сферой-мишенью (новая понятийная область, к которой относятся слова в переносном значении) – «Совет Безопасности».

Метафорическое осмысление общественно-политической ситуации в стране в образе некой персоны, индивида, личности, позволяет увидеть, что помимо частей тела и его органов, у метафорического организма есть душа: *«Язык – душа народа, чтобы познать человека, надо овладеть его языком»* (Казахстанская правда. 19.08.06.).

О.М. Фрейденберг, говоря о концепте *душа*, считает, что «душа» имеет двойника-метафору, которая в общих чертах дублирует значение души³. Это метафора *судьба*. Например: *«Я фаталист. И верю в добрую судьбу Казахстана, которому предопределено стать духовной Меккой мирового сообщества»* (Казахстанская правда. 01.04.06.).

Этимологически душа связана с понятием *дух* (от слова *дыхнуть*), в текстах СМИ метафора участвует в репрезентации образа страны, у которой душа сильная, крепкая, отчасти от того, что на сегодняшний день в ней живет особый дух: *«Взаимное доверие, равенство, уважение к интересам и мнениям друг друга, достижение, взаимоотношения путем консенсуса и добровольное согласие выполнять достигнутые договоренности – это и есть особый «шанхайский дух», благодаря которому в июне 2001 года создана Шанхайская организация сотрудничества»* (Казахстанская правда. 16.06.06.). Сфера-мишень метафоры *шанхайский дух* – это объединившая в себя ряд азиатских стран (в том числе и Казахстан) Шанхайская организация сотрудничества, сокращенно – ШОС.

Для передачи прагматического смысла *стойкости, крепости* используется метафорическое выражение *присутствие духа*, которое обнаруживается у национальной валюты: «*Национальная валюта – тенге еще совсем молода: ей сегодня всего 4 года. Но дама она стойкая, а посему в жестких условиях казахстанской экономики не утратила бедности и присутствия духа, оставшись почти неизменной по отношению к его величеству доллару*» (Казахстанская правда. 14.11.97.).

Нередко казахстанские журналисты прибегают к метафорическому выражению *политическое равнодушие*, которое используется в качестве негативно-эмотивной единицы: «*Молодежное крыло очень удивило в предвыборный период 2007 года своей агитационной бездеятельностью, политическим равнодушием, пассивностью*» (Central Asia Monitor. 30.04.-14.05.09.). Сферой-мишенью метафоры является молодежное крыло народно-демократической партии Казахстана - «Жас Отан».

Наиболее актуализированными в казахстанских СМИ являются метафоры, обозначающие различные моральные качества человека: *совесть, честь, ответственность, чувства* и другие. Лексема *честь* в «Словаре русского языка» трактуется как «достоинные уважения и гордости моральные качества и этические принципы человека»⁴. Метафоризированное понятие чести есть у любого государства, страны. Так, например, в публицистическом дискурсе Казахстана в аналитической статье, посвященной израильскому конфликту, включена метафора *честь*, которую, по мнению автора статьи, Израилю нужно спасать: «*К чести Израиля несколько тысяч человек вышли в Тель-Авиве в разгар войны против Газы. Израильтяне утверждают, что это были коммунисты. Возможно, но именно эти коммунисты спасают честь Израиля*» (Central Asia Monitor. 17-23.04.09.).

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля *совесть* - «это нравственное сознание, нравственное чутье или чувство в человеке; внутренне сознание добра и зла; тайник души, в котором отзывается одобрение или осуждение каждого поступка»⁵. Прототипическая функция – способность распознавать качество поступка. Примечательно, что в казахстанской печати метафора *совесть* выступает как категория нравственности и репрезентирует нацию в целом: «*Да потому, что такие люди (Мухтар Шаханов, Амангельды Айталы и другие выдающиеся личности Казахстана) – глас и совесть нации*» (Казахская правда. Июнь, 2005).

Для публицистического дискурса Казахстана характерно осмысление посредством метафорического проецирования субъектов общественно-политической жизни государства, которые необходимо призвать к ответственности. Ср.: *Образование должно стать социально ответственным* (Central Asia Monitor. 28.05.09.); «...социальная *ответственность* бизнеса» (Казахстанская правда. 23.04.09.).

Человек в той или иной степени выражает чувства. Это зависит от его жизненного опыта, отношений к объекту, его темперамента и многих других факторов. Анна А. Зализняк, исследуя роль метафоры в описании эмоциональных ощущений, говорит о «телесной метафоре души» в представлении эмоций: «многие обозначения эмоций в русском языке основаны на уподоблении ощущению души ощущениям тела»⁶. Так, номинация *спокойствие*

II. LINGVISTICĂ. STILISTICĂ. METODICĂ

в русском языке давно утратило «физическое» значение, став переносным, и используется при описании душевного состояния человека. Для характеристики субъектов общественной жизни Казахстана СМИ включают эту номинацию в метафорический контекст: *«Вот и вчерашнее решение ОПЕК рынок воспринял с ледяным спокойствием»* (Известия. Казахстан. 22-24.05.09).

Для репрезентации субъектов политики, чаще всего используются такие метафоры, как *злость, агрессия*, чья коннотация крайне негативная. К примеру: *«Мы видим, как с началом ввода войск в Ирак ухудшился исламский мир, весь – от Магриба и до Индонезии. Он обижен, и он набирается злости»* (Казахстанская правда. 05.05.07.); *«Но заметно, что после формирования новой энергетической политики РФ к привычным сюжетам о Чечне и правам человека добавилось еще одна более глобальная тема – «агрессивность» Кремля, «возрождение имперских амбиций»* (Новое поколение. 08.03.07.).

К категории чувств относится чувство собственного достоинства – *гордость*. Осмысливая метафорически реалии политической и экономической жизни, авторы подчас наделяют их этим качеством, при этом единицы коннотированы положительно: *«Но самое главное все эти меры помогут отечественной экономике стать не только «умной», но и гордой»* (Казахстанская правда. 07.28.07.).

Крайняя степень проявления чувства собственного достоинства – амбициозность, обостренное самолюбие. Как видим, в слове имплицитно содержится негативная оценочность, и употребление данной номинации в метафорическом контексте дает соответствующую окраску: *«Решение обсуждаемых проблем лежит в изменении мировоззрения, которое должно произойти в умах руководителей и политиков ядерных держав и стран с ядерными амбициями»* (Казахстанская правда. 25.03.09.).

Для обрисовки образа государства нередко используется понятие *нарциссизм*, в основу значения которого положено сказание о гордом красавце Нарциссе, влюбленном в собственное отражение. Нарциссизм свойствен и метафорическому организму: *«Предвыборные платформы многих казахстанских политических партий подчас содержат набор вполне банальных популистских истин по принципу «за все хорошее, против всего плохого» в сопровождении «политического нарциссизма»* (Казахстанская правда. 24.11.95.).

Проявление самовлюбленности в соответствии со шкалой ценностей будет относиться к категории низменных и негативных проявлений человеческой души. Примерно рядом расположено и такое качество, как *эгоизм*. Метафора *эгоизм* в публицистическом дискурсе подчас характеризует ситуацию в мировой экономике: *«В целом необходимо осознать и совместно признать, что в современном, очень взаимозависимом мире «энергетический эгоизм» – это тупиковый путь»* (Казахстанская правда. 07.03.06.).

Как видим, векторы духовности очень прочно слились в метафорах, концептуализирующих современное общество в образе человека. Метафорическая персона в отдельных случаях обладает чистой душой, способной на высокие порывы, но нередко метафора обрисовывает человека с «душонкой». И тот, и другой метафорический образ, конечно же, субъективен. Но за этим стоит желание «расставить акценты», повлиять на массовое сознание, выражение собственной, авторской оценки – осуждение, переживание, боль, гордость и прочее.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора (материалы к словарю) Институт русского языка АН СССР. – М., 1991. – С. 190.
- ² Ряпосова А.Б. Метафорические модели с агрессивным прагматическим потенциалом в политическом нарративе «Российские федеральные выборы (1999-2000)»: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01.– Екатеринбург, 2002. – С. 30.
- ³ Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику. Учебное пособие. –М.: Флинта : Наука, 2006. – С. 235.
- ⁴ Ожегов С.И. Словарь русского языка. Изд. 10-е, стер. / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Советская энциклопедия, 1973. – С. 811.
- ⁵ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: Избранные статьи / Под ред. Л.В. Беловинского. – М.: ОЛМА – ПРЕСС; ОАО ПФ «Красный пролетарий», 2004. – С. 572.
- ⁶ Зализняк А. Слово в тексте и в словаре. Сб. статей к 70-летию акад. Ю.Д. Апресяна. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 88.

ЯЗЫКОВОЙ ФАКТОР СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ

Крюкова О.С.

*Московский государственный университет
имени М.В.ЛОМОНОСОВА,*

Фадеев В.В.

*Институт социально-политических
исследований российской академии наук*

Язык функционирует во всех сферах человеческой жизнедеятельности и связан, в разной степени, практически со всеми социальными институтами: социальными институтами политики, экономики, образования и науки, религии, права, семьи. В сфере политики взаимодействие языка и общества проявляется в выборе стратегии и тактики языковой политики, которая требует определенных финансовых вложений. Языковая политика тесно связана и с образовательной политикой государства. В религии принципиальным моментом является выбор языка богослужения и языка проповеди. Общение в семье осуществляется с помощью языка. В то же время язык, при определенных условиях, может выступать значимым фактором социальной мобильности. В докладе рассматривается влияние языковой компетенции и образовательного уровня на изменение социального статуса человека. Значимые факты социальной истории России хорошо отражены в произведениях русской классической литературы (точно так же, как и социальная история Франции наглядно представлена в «Человеческой комедии» О. де Бальзака, то же можно сказать и о других национальных литературах), поэтому привлечение литературных примеров представляется оправданным. В качестве иллюстративного материала авторы приводят примеры из произведений А.С.Пушкина, Н.В.Гоголя, А.Н.Островского, И.А.Гончарова, Л.Н.Толстого, А.П.Чехова.

Ключевые слова: язык, языковая политика, социальная история, русская литература, социология литературы.

Язык функционирует во всех сферах человеческой жизнедеятельности и связан, в разной степени, практически со всеми социальными институтами: социальными институтами политики, экономики, образования и науки, религии, права, семьи. В сфере политики взаимодействие языка и общества проявляется в выборе стратегии и тактики языковой политики, которая требует определенных финансовых вложений. Языковая политика тесно связана и с образовательной политикой государства. Конкретная реализация языковой политики того или иного государства находит воплощение в соответствующих законах и нормативных актах. В религии принципиальным моментом является выбор языка богослужения и языка проповеди. Общение в

семье осуществляется с помощью языка. В то же время язык, при определенных условиях, может выступать значимым фактором социальной мобильности.

Предписанный социальный статус, полученный ребенком при рождении, предполагает наличие родного (материнского) языка¹, а в некоторых случаях – двух или нескольких языков общения у близких родственников. В процессе усвоения языка ребенком большую роль играет семья. Ребенок может усвоить один язык, если семья монолингвистична и два или несколько, если семья би- или полилингвистична. Иногда усвоение ребенком в раннем детстве второго, неродного, языка, как правило обладающего высоким социальным престижем, происходит по желанию родителей. Известно, что в аристократических дворянских семьях XIX в. практиковалось приглашение французских нянь, гувернеров и гувернанток (в «Евгении Онегине» читаем: «Сперва Madam за ним ходила, потом Monsieur ee сменил»). Галломания русских помещиков сочеталась и с англomанией (англomания Григория Ивановича Муромского в «Барышне-крестьянке» А.С.Пушкина, воспитание Федора Лаврецкого в «Дворянском гнезде» И.С.Тургенева). Эта тенденция сохранялась и в начале XX в., что показано в мемуарном романе В.В.Набокова «Другие берега». Следует заметить, что значимые факты социальной истории России хорошо отражены в произведениях русской классической литературы, поэтому привлечение литературных примеров в социологической работе представляется оправданным.

Выбор языка обучения или изучаемого языка во многих обществах также обладает социальным престижем. В современном российском обществе таким языком является английский, в XVIII в. в России социально престижным языком был немецкий, а в XIX в. – французский. Знание французского языка в России в XIX в. было фактором восходящей социальной мобильности и даже влияло на брачный выбор представителей дворянства и купечества, что можно проследить по произведениям Н.В.Гоголя и А.Н.Островского¹.

В русском обществе второй половины XIX в. приобретение социального статуса было связано с характером образования, включавшего изучение древних и новых языков. 14 июня 1864 г. было опубликовано «Положение о начальных народных училищах». В программу этих учебных заведений входило чтение, письмо, Закон Божий, четыре правила арифметики и церковное пение. Изучение Закона Божьего и церковного пения предполагало и знакомство с основами церковно-славянского языка.

Вступительные экзамены в гимназии предполагали знание основ как церковно-славянского языка, так и новых языков. При поступлении в университеты (до 1864 г.) практиковался вступительный экзамен по латинскому языку¹. Согласно Уставу гимназий от 19 ноября 1864 г. гимназии разделялись на классические и реальные. Выпускники классических гимназий имели право поступать в университет без экзаменов. В классических гимназиях предусматривалось основательное изучение древних («классических») языков – латинского и греческого. Выпускники реальных гимназий, в программе которых древние языки были заменены на дисциплины математического и естественнонаучного цикла, могли поступать преимущественно в высшие технические учебные заведения. Согласно новому гимназическому уставу (от 30 июля 1871 г.) сохранялись только классические гимназии, срок обучения в которых увеличивался с 7 до 8 лет. В этих гимназиях была в полтора раза рас-

II. LINGVISTICĂ. STILISTICĂ. METODICĂ

ширена программа преподавания древних языков. Согласно Уставу 15 мая 1872 г. реальные гимназии заменялись шестиклассными реальными училищами, с сокращением часов по истории, географии, естествознанию и новым языкам и увеличением часов математики и черчения. Доступ выпускников реальных училищ в университеты был запрещен. Таким образом, древние языки в совокупности с возросшей платой за обучение препятствовали социальной мобильности лиц «неблагородных сословий». Характерная ситуация связи древнегреческого языка с потенциальным изменением социального статуса показана в рассказе А.П.Чехова «Случай с классиком» (1883). Герой рассказа Ваня Оттепелев описывает свой провал на экзамене: «Спросили меня, как будет будущее от «феро», а я ...я вместо того, чтоб сказать «ойсомай» сказал «опсомай». Потом...потом...облеченное ударение не ставится, если последний слог долгий, а я...я оробел... забыл, что альфа тут долгая...взял да и поставил облеченное. Потом Артаксерксов велел перечислить энклитические частицы... Я перечислял и нечаянно местоимение впутал... Ошибся... Он и поставил двойку» (Чехов, т.2, с. 124-125). Разгневанная мать попрекает сына средствами, затраченными на его обучение, но вошедшая тетка в оправдание племянника приводит аргументы сословного характера, порицая попытку перейти в другое сословие: «Нешто он виноват? Ты виноватая! Ты! Ну, с какой стати ты его в эту гимназию отдала? Что ты за дворянка такая? В дворяне лезете? А-а-а... Как же, беспреречно, так вот вас и сделают дворянами! А было бы вот, как я говорила, по торговой бы части...в контору-то, как мой Кузя...» (с. 124) После порки Ваню было решено «отдать по торговой части» (с. 126) Известно, что сам писатель, происходивший, кстати, из семьи мелкого купца, за неуспехи в древнегреческом языке был оставлен в гимназии на второй год.

Овладение же древними языками в рамках гимназического курса открывало дорогу к получению классного чина и университетскому образованию. С 1828 г. выпускники гимназий, изучавшие, помимо прочих предметов, древнегреческий язык, получали право быть зачисленными на службу сразу с чином 14 класса. С 1809 по 1844 г. для производства в чины 8-го и 5-го классов требовалось либо представить университетский диплом российского происхождения, либо сдать специальные экзамены по русскому языку, одному из иностранных языков, арифметике, геометрии и физике.

В духовных училищах и семинариях древние языки изучались еще более подробно. До 1884 г. выпускники духовных семинарий могли поступать в университет (и по окончании его перейти в другое сословие и получить чин), при условии сдачи экзаменов за гимназический курс («академическая разница» состояла лишь в дисциплинах естественнонаучного цикла, и в этом случае языковой фактор не был препятствием для смены социального статуса). Так, например, изобретатель радио А.С.Попов окончил Пермскую духовную семинарию, что не явилось препятствием для его поступления в 1877 г. в Санкт-Петербургский университет.

Переход на следующую ступень образования в современной России сопровождается сдачей определенных экзаменов, подтверждающий уровень знания как родного, так и иностранного языка (например, Единого государственного экзамена – далее ЕГЭ). При этом сдача ЕГЭ по русскому языку обязательна, в отличие от сдачи экзамена по иностранному языку, который

учащийся выбирает в случае, если соответствующий вуз требует результатов ЕГЭ по иностранному языку. В случае неудовлетворительных отметок по русскому языку и математике одновременно по результатам ЕГЭ выпускник российской средней школы с 2009 г. лишается аттестата, но имеет право на передачу в следующем году и может продолжить образование в учреждениях среднего профессионального и среднего специального образования на базе 9 классов (число не сдавших оба экзамена в 2009 г. составило примерно 20000 человек). Сходная картина, в зависимости от результатов так называемого ВАС, наблюдается во Франции, где приобретение социального статуса также связано с жесткими образовательными требованиями.

Начиная с советского периода экзамен по иностранному языку входит в так называемый кандидатский минимум, который является необходимым, но не достаточным условием для получения ученой степени кандидата наук и, следовательно, изменения социального статуса. Получение социально престижной работы в современном российском обществе (например, в иностранной компании) также предполагает высокий, как правило подтвержденный специальным сертификатом уровень владения иностранным языком (преимущественно английским).

Федеральный Закон РФ «О системе государственной службы Российской Федерации» (в ред. ФЗ от 11.11.2003 № 141-ФЗ) предусматривает владение государственным языком РФ граждан, поступающих на государственную службу по контракту. В то же время в законе четко не устанавливаются требования к владению государственным языком (например, официально-деловым стилем речи).

В течение столетий в Китае для занятия чиновничьей должности было необходимо сдавать специальные экзамены, где проверялось знание классических произведений, поэзии, живописи, литературы и каллиграфии. Успешная сдача экзаменов предполагала знание классического и литературного китайского языка. Подобная система лишала более 90 % населения возможности приобретения нового социального статуса.

В ряде европейских стран в настоящее время практикуется сдача экзамена по региональному языку (с лингвистической точки зрения - диалекту). Так, в испанской провинции Валенсия для занятия должностей госслужащими (в том числе и преподавателями вузов) требуется сдача экзамена по валенсиано. В 1998 г. после долгих парламентских дебатов в Каталонии был принят закон о языковой политике ("Ley política lingüística") № 17, который вводит концепцию традиционного местного языка, характерного для региона, и государственных языков. В соответствии со ст. 21 аттестат зрелости средней школы в Каталонии не может быть выдан без подтверждения достаточного знания каталонского языка за исключением случаев, когда ученик большую часть обязательной программы обучения получил вне пределов автономного сообщества. Все преподаватели школ и вузов должны в (ст. 24) периодически подтверждать знание каталонского языка в объеме, достаточном для преподавания на нем.

Приобретение гражданства для современного человека также связано с изменением его социального статуса. Во многих законах о гражданстве

II. LINGVISTICĂ. STILISTICĂ. METODICĂ

определен как необходимый уровень знания языка, так и характер экзаменов, подтверждающих лингвистическую компетенцию.

Таким образом, вертикальная (занятие определенных должностей, изменение брачного статуса, приобретение гражданства ряда стран) и горизонтальная социальная мобильность (переезд в другую местность, смена работы и т.п.) как на историческом, так и на современном уровне могут быть обусловлены языковым фактором. Представляется необходимым проведение специального социологического исследования о влиянии лингвистического фактора на социальную стратификацию современного российского общества.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Гоголь Н.В. Женитьба // Гоголь Н.В. Избранные соч.: В 2 тт. – Т.2, - М.: Худож. лит-ра, 1984. – С.77-123.
- ² Раскин Д.И. Исторические реалии биографий русских писателей XIX –нач. XX вв. // Русские писатели 1800-1917: Биографический словарь. – Т.2. – М.: Научное изд-во «Большая российская энциклопедия»; Фианит. М., 1992. – С. 593-613.
- ³ Толстой Л.Н. Юность // Толстой Л.Н. Собр соч.: В 22 тт. – М.: Худож. лит-ра, 1978. – С. 389-340.
- ⁴ Чехов А.П. Случай с классиком // Чехов А.П. Полн. СОБР. соч. и писем в 30 тт.: Сочинения в 18 тт. – Т.2. – М., 1975. – С. 124-126.

КОНЦЕПТ "ДОБРО" В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА РУССКИХ, БЕЛОРУСОВ, БОЛГАР, СЕРБОВ, УКРАИНЦЕВ (НА МАТЕРИАЛЕ АССОЦИАТИВНЫХ СЛОВАРЕЙ)

Крыга Тамара

Киевский славистический университет

Система знаний, представлений, мнений человека об объективной действительности в разных науках имеет свое название (картина мира, концептуальная система мира, концептуальная картина мира, модель мира, образ мира) и рассматривается в разных аспектах. Создание картины мира А.Эйнштейн считал необходимым условием жизнедеятельности человека, стремящегося адекватным способом заменить мир ощущений и в себе самом создающего простую и ясную картину этого мира.

Различают языковую картину мира и концептуальную картину мира.

Наиболее последовательным представляется понимание концепта как этнокультурного образования, или этноконцепта, базирующееся на осмыслении той роли, которую выполняет национальная культура в жизни определенного социума и отражает представление о том, что концепт является как бы точкой пересечения мира культуры и индивидуальных смыслов, результатом взаимодействия национальной традиции, фольклора, религии, жизненного опыта и системы ценности. Структура концепта сложна и состоит из ядерного компонента и периферии, т.е. включает в себя не только все, что принадлежит понятию – ядерному компоненту, но и исходную форму (этимологию), сжатую до основных признаков содержания историю, современные ассоциации. Таким образом, концепт рассматривается как единица языка и культуры в их взаимосвязи и взаимодействии. Как термин, он синтезирует информацию лексикографическую и энциклопедическую; в его семантике как бы сливаются денотация и коннотация, знания о мире и познающем его субъекте.

С понятием концептуальной картины мира тесно связано понятие концептосферы, отражающей особенности культуры народа. Проблема определения места отдельного концепта в языковой картине мира того или иного народа представляется актуальной для современной лингвистики.

Исследование языковой картины мира (и образов сознания) носителей той или иной культуры на материале ассоциативных словарей, отображающих скрытые, глубинные черты языкового выражения всех аспектов мировосприятия, движения национальной мысли и поэтому позволяющих исследовать национально-культурную специфику языкового сознания носителей языка, на наш взгляд, является перспективным. Связь *стимул (ассоциант) – реакция (ассоциат)* – это не что иное, как фрагмент картины мира, отраженной в соз-

II. LINGVISTICĂ. STILISTICĂ. METODICĂ

нании носителя определенной культуры. Ассоциативно-вербальные связи слов-стимулов – это фрагмент вербальной памяти человека и фрагмент языковой картины мира определенного этноса.

Ключевыми мировоззренческими категориями являются концепты "добро" и "зло". Выбор темы обусловлен тем, что в концептосфере национальных языков концепт положительной оценки "добро" занимает особое место. Лексема "добро" – это частотное общепотребительное многозначное слово с богатой семантикой, встречающееся в названиях книг, статей, в пословицах и поговорках, во фразеологизмах, популярных песнях и т.п., что позволяет отнести ее к ключевым лексемам, дающим "ключ" к пониманию языковой картины мира.

Основная цель данной работы – исследовать лексические единицы, вербализующие концепт "добро" и выявить универсальные и этноспецифические компоненты смысла этого концепта в материалах Русского (РАС), Славянского (САС), Сербского (АССЯ) и Украинского (УАС) ассоциативных словарей.

Развитие концепта "добро" не было однонаправленным. Как отмечает В.В.Колесов, нерасчлененное синкретическое значение корня *добр-* постепенно преобразовалось в многозначность новых слов: движение когда-то нерасчлененного представления о "добром" происходило в направлении *полезное* → *красивое* → *ладное, добротное* → *истинно правильное*. На современном этапе в языке основная часть семантики концепта "добро" выступает в значениях морально-этического плана, возникших, по предположению исследователей, как переносные значения с семами: 'все положительное, хорошее' (противоположное – *зло*).

Для анализа содержания ассоциативно-вербального поля "добро" использована семантическая классификация ассоциатов, предложенная Ю.Н. Карауловым: ассоциативную структуру слова, выявляемую на основе этой классификации, или "семантический гештальт" можно представить в виде совокупности зон, каждая из которых раскрывает один из существенных признаков ассоцианта. В данной работе анализируются такие зоны:

- "кто" (включает в себя лица, ассоциирующиеся со словом-стимулом);
- "какой" (выражает постоянные признаки, характеризующие объект, названный ассоциантом);
- "каков" (показывает оценочные, непостоянные характеристики, приписываемые объекту);
- "это" (включает мини-определения и квазиопределения);
- "делать" (выражает действия, приписываемые объекту).

В представлениях древних славян природные силы света олицетворяли доброе начало, а силы тьмы – зло. С приходом христианства категории добра и зла были переосмыслены с морально-этической точки зрения. Борьба добра со злом – необходимое условие духовного развития и совершенствования: не узнав зла, нельзя познать добро.

В РАС, САС и УАС исследуемое слово **добро** выступает в качестве стимула, что дает возможность проследить эволюцию данного концепта в русском обыденном языковом сознании, которую он претерпел с 1988 г. по 1998 г. (РАС и САС), в украинском обыденном языковом сознании – с 1997 г. (САС) по 2007 г.

(УАС). В Ассоциативном словаре сербского языка в качестве стимулов выступают только лексемы **добродушан** и **добар**.

В ассоциативно-вербальных полях стимула **добро** прямого РАС, САС, УАС в представлениях носителей русского, белорусского, болгарского и украинского языков понятия "добро" и "зло" тесно связаны. Во всех выборках в САС самая частотная реакция – *зло*: в прямом словаре на стимул **добро** реакцию *зло* дали 221 русский, 195 белорусов, 114 болгар и 84 украинских испытуемых. В РАС в прямом словаре реакция *зло* на стимул **добро** встречается 14 раз. В АССЯ реакция *зло* на стимул **добродушан** отмечена 1 раз и *злой* 6 раз; в ассоциативно-вербальном поле ассоцианта **добар** эти реакции отсутствуют.

Зона "кто" семантического гештальта статьи **добро** в РАС включает следующие слова: *мама, добрый человек, Кашпировский, людям, к человеку, сосед, врач, лицо, люди, мамам, матерям, сестра, человек*; в САС: *мама, мать, бабушка, друг, к людям, людям, человек, человека, бабушка чужая, люди, мудрый дедушка, отец, приятель, рыцарь, собака, философ, хороший человек, гость, женщина, ребенок* (русские испытуемые); *людина, людям, бабуся, друг, мама, матери, людины, батьки, для друзів, доньки, жінка, людині, матуся, родина, дядько, дівчинка, дитина, дочка* (украинские испытуемые); *маці, чалавек, людзям, людзі, бабуля, Бог, бог, мама, сябар, дзеці, маці і бацька, друг, бацька, бацькі, блізка чалавек, заспадарка, лекар, дедушка* (белорусские испытуемые); *дете, Бог, човек, човешко, дядо, лекар, приятел, момиче, семейство* (болгарские испытуемые); в УАС: *бабуся, батьки, людям, певним людям, людей, мама, матір, матери, друг, родина, людина*. В зону "кто" семантического гештальта **добродушан** в АССЯ включены такие ассоциаты: *човек, пријател, ја, деда, бака, добар човек, друг, будала (дурак), старац, дете, мајка, родител, тата, жена, Ана, Бог, брат, цар, чика Душко, чича, добар пријател, народ, гост, пон, породица, кретен, дечак, ја сам*; в эту зону семантического гештальта **добар** входят: *човек, друг, пријател, ученик, професор, сестра*. Для всех представителей русского, белорусского и украинского народов важным является, **кто** и **для кого** творит добро; для представителей болгарского и сербского важным является, **кто** делает добро. Совпадающими в статьях **добро, добродушан, добар** оказались слова *Бог, мама, человек, друг, люди*.

Для человеческого сознания оценочная деятельность так же естественна, как и познавательная, что позволяет соотносить его с ценностными категориями этической, эстетической и этнокультурологической направленности. Непосредственными составляющими плана содержания концепта "добро" являются такие понятия, как **истина, любовь, жизнь, гармония**, поскольку с точки зрения нравственных принципов христианства добро не может не быть прекрасным, истинным, гармоничным, как и прекрасное, истинное, гармоничное не может не быть добрым. В семантической зоне "это" в РАС в прямом словаре стимула **добро** отмечены такие ассоциаты: *жизнь, красота, милосердие, нежность*; в САС: *радость, счастье, благо, свет, любовь, сострадание, справедливость, тепло, благотворительность, добродетель, здоровье, милосердие, нежность, что-то приятное, мир* (русские испытуемые); *щастя, радість, любов, злагода, безкорисливість, справедливість, мир тощо* (украинские испытуемые); *радосць, шчасце, справядлівасць, каханне, шчырасць, ласка, бескарыслівасць, жыццё, дапамога, любоў, чысціня, мір* (белорусские

II. LINGVISTICĂ. STILISTICĂ. METODICĂ

испытываемые); *радост, светлина, щастие, смисъл, хуманност, безкористност, топлина, топлота, благо, добродетел, душевност, любов, справедливост, честност, чистота, човечност, мир* (болгарские испытываемые); в УАС: *радість, світло, добротинність, прекрасне, приємне, правда, чистота, щастя, щирість, допомога, краса, користь, милосердя, мир, приємність* тощо; в АССЯ в ассоциативно-вербальном поле ассоцианта **добродушан**: *доброта, живот, црква, добро, дух, лепота, помоћ, чистина, толеранција*. Таким образом, представители носителей русского, белорусского, болгарского, сербского и украинского языков оценивают *радость, счастье, любовь, мир, красоту, жизнь, милосердие* как **добро**; они также отмечают для себя наличие таких нравственных категорий, как *справедливость, истина, правда*, что подтверждает мнение исследователей о значимости для православного человека действовать по справедливости, учитывая интересы других.

В статьях встречаются нечастотные реакции, выражающие сомнения в необходимости добра, в его существовании: *борьба, нет, подлость, призрачно* (в русских); *рядкост, борба, изпытание, няма, абстракция*, (в болгар); *рэдкасць, з кулакамі, неаплачанае, аддачы няма* (в белорусов); *рідкість, з кулаками, немає, не існує, обман* (в украинцев); *реткост, невъзвръщаемост, невъзможно, относителност* (в сербов).

В зонах "какой" и "каков" выделяются ассоциаты *редкое, лишнее, наказуемо, никому не нужно, вечно, беспредельно* (РАС и САС); *безкінечне, безмежне, всеосяжне, всеперемагающе, краще за зло, колюче, прекрасне* (САС и УАС); *мио, миран, хуман, великодушан, добронамеран, леп, пријатан, срдачан, мек, разуман, слабодан, даровит, нежан, пажљив, искрен* (АССЯ); *светлае, прыемна, бескарыснае, золата, невычэрпнае, велічнае; глупава, голямо* (САС).

В ассоциативно-вербальном поле "**добро**" в РАС, САС и УАС русскими, белорусскими, украинскими испытываемыми представлены нечастотные реакции, которые можно выделить в отдельную группу слов, раскрывающих второе значение лексемы "добро": *состояние, благосостояние, деньги, золото; багатство, благополуччя, майно, добробут, гроші; грошы, сундук, багаці, машина, багацце, хлам, скрыня з добром*.

Зона "делать" ассоциативно-вербального поля "**добро**" содержит большое количество стереотипных реакций о борьбе добра и зла. В эту зону входят ассоциаты *победит, восторжествует, побеждает всегда, победит зло; горем кончится, побеждает зло* (САС; РАС); *перемагає, перемагає зло, переможе* (САС; УАС); *добро переможа зло, перамагаць* (САС).

Таким образом, межъязыковой анализ концепта "добро" в Русском, Славянском, Украинском ассоциативных словарях и Ассоциативном словаре сербского языка показал актуальность противопоставления добра и зла для представителей русского, белорусского, болгарского, сербского и украинского народов. В образе **добра** в языковом сознании носителей этих языков открываются следующие основные смыслы: а) добро ассоциируется с положительным в жизни и обязательно противопоставляется злу; б) добро воспринимается как высшая ценность, лежащая в основе таких ценностей, как любовь, радость, счастье, жизнь, справедливость; в) добро в сознании испытываемых направлено на других. В ассоциативно-вербальном поле ассоцианта **добро** выделяется группа

реакций, формирующих периферийное значение концепта "добро" - "имущество, состояние".

Список использованной литературы

1. Пипер П. Асоциативни речник српског језика / Предраг Пипер, Рајна Драгићевић, Марија Стефановић. – Београд: Београдска књига: Службени лист СЦГ: Филолошки факултет, 2005. – 525 с.

2. Русский ассоциативный словарь: в 6 т. / Ю.Н.Караулов [и др.] – М.: Помовский и партнеры, 1994. – Т.1, кн. 1. – 224 с.

3. Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский / Н.В.Уфимцева [и др.]. – М.: Ин-т яз-ния, 2004. -791 с.

4. Мартінек С. Український асоціативний словник: у 2 т. / Світлана Мартінек. – Львів: Видавн. центр ЛНУ ім. І.Франка, 2007. – Т.1. – 344 с.

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «ВЛАСТЬ»: СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ Н.В. ГОГОЛЯ «ТАРАС БУЛЬБА»)

Шабанова Анастасия

Ульяновский государственный университет

Антропоцентрический подход к языку, который является основным уже несколько десятилетий, дал мощный толчок к развитию таких наук как когнитивная лингвистика и лингвокультурология. Каждая из них занимается изучением концептов, однако до сих пор нет его однозначного определения. Например, в «Кратком словаре когнитивных терминов» концепт – это «квант структурированного знания; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и всей картины мира, отражённой в человеческой психике»³. Мы будем понимать под концептом «сгусток культуры в сознании человека, то, в виде чего, культура входит в сознание человека, то, посредством чего, человек сам входит в культуру, ...это тот «пучок» представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний, которые сопровождают слово...»⁴. Таким образом, концепт – это культурно-ментально-языковая единица, которая содержит понятийный, ценностный и образный компоненты.

Наше исследование посвящено концепту «власть», поскольку он является культурообусловленной базовой единицей картины мира, значимой не только для языковой личности, но и для всего лингвокультурного общества. Надо сказать, что семантика власти не раз была и до сих пор остается предметом исследования многих дисциплин, таких как философия, политология, филология, этика. Однако, как показывает практика, современное решение поставленных задач предполагает междисциплинарное исследование, поэтому для наиболее полной картины, раскрывающей концепт «власть», было выбрано изучение социального аспекта данного концепта.

При рассмотрении концепта, по Р.М. Фрумкиной⁵, различают ядро и периферию. Ядро – это словарные значения той или иной лексемы, периферия – коннотации, ассоциации, прагматические составляющие лексемы, субъективный опыт. В каждой культуре модель мира составляется из целого ряда универсальных концептов и констант культуры (таких, как пространство, время, причины, нравственные понятия, и т.п.), но у каждого народа между этими концептами присутствуют свои, особенные, соотношения, создающие основу национального мировидения. Совокупность концептов и образует единую концептосферу как целостное и структурированное пространство. Не последнюю роль в данном процессе играют выдающиеся произведения классиков литературы, слова и выражения из которых прочно закреплены в языке и, следовательно, в сознании его носителей, что в свою очередь помогает рас-

крыть картину мира представителей народа, говорящего на данном языке. Поскольку Гоголь оказал бесспорное влияние на культуру не только России, но и всех славянских народов, то его вклад в становление концепта «власть» не только несомненна, но и вызывает определенный интерес.

Дабы наиболее полно представить результаты, мы намеренно сузим круг исследования до изучения репрезентации лишь источников власти. Как известно, власть является неотъемлемой частью не только современного и цивилизованного, но и любого когда-либо существовавшего человеческого общества. В словарях мы находим следующие определения: «1) право, сила и воля над чем, свобода действий и распоряжений; начальствование; управление; 2) начальство, начальник или начальники»²; «в общем смысле способность и возможность оказывать определяющее воздействие на деятельность, поведение людей с помощью каких-либо средств – воли, авторитета, права, насилия (родительская власть, государственная, экономическая и др.); политическое господство, система государственных органов»¹. Как видно из данных определений, власть является человеческим феноменом (т.е. социальным и историческим). Социология выделяет следующие источники власти: а) авторитет (семейные и социальные связи, специальные знания, вера); б) право (положение и полномочия, обычай и традиция); в) насилие (физическая сила, оружие, организованная группа, личностные характеристики). Рассмотрим теперь вербализацию каждого источника более подробно.

Первые же строчки исследуемого произведения указывают нам на отношения в семье Тараса Бульбы: несколько разнонаправленных векторов власти главного героя. Во-первых, мы видим его отечески строго-шутливое обращение с сыновьями («А поворотись, **сынку...**», «А ты, **бейбас**, что стоишь и руки опустил?», «Что ж ты, **собачий сын**, не колотишь меня?», «Э, да ты **мазунчик**, как я вижу!», «Смотрите, **детки**, вон скачет татарин!»). Все данные номинации родных детей показывают нам, что, хотя Бульба и подшучивает над детьми, в тоже время он ими гордится. Во-вторых, перед нами предстает, с одной стороны, явно пренебрежительное обращение с женой («Не слушай, сынку, **матери**: она – **баба**», «Полно, полно, **старуха**», «А где **стара?**»), а с другой стороны, признание ее любви и привязанности к сыновьям, дающей ей право на благословение («Теперь благослови, **мать**, детей своих!»), так как «Молитва **материнская** и на воде и на земле спасает.» В-третьих, сыновья традиционно признают власть главы семьи («Молодые козаки ехали смутно и удерживали слезы, **боясь отца своего**»), однако они уже повзрослели и возмужали, чтобы пытаться оспорить его безоговорочную власть над ними («**Хоть ты мне и батько**, а как будешь смеяться, то, ей-богу, поколочу!»). В-четвертых, жена Бульбы полностью покорна воле мужа («Бедная старушка жена, **привыкшая** уже к таким поступкам своего мужа, печально глядела, сидя на лавке. Она **не смела ничего говорить...**»), но при возникновении угрозы жизни или здоровью детей, она подсознательно встает на их защиту и против традиции перечит мужу («Вот это **сдурел, старый!**»).

Далее, если следовать за текстом произведения, нам открываются отношения конвенциональной власти, которыми социум (в нашем случае казаки) наделяет человека или группу людей, названную автором «...**странная республика**». Как и при любой форме правления здесь существует иерархия

власти, где верховный пост занимает **кошевой**, которому подчиняется вся Сеча, за ним следуют **старшины** и **куренные атамань**, каждый из которых руководит своей группой **казаков**. Однако, как и в любом государстве с выборным органом верховной власти, народ может открыто выразить свое недовольство политикой этой власти. Особенность отношений кошевого с остальными казаками в том, что власть его является неоспоримой и практически безграничной только во время военного похода, по возвращении на Сечу он номинально остается главой, однако ни у кого нет сомнений, что он равный среди равных (ср. слова кошевого: **«Вы где вольные?»** – на Сече. **Вот там вы вольные! Там вы можете снять с меня достоинство, связать меня, и убить, и все, что хотите; а тут вы ни слова**», «...я слуга вашей воли» или описание подготовки к новому военному походу: **«Кошевой вырос на целый аршин. Это уже не был тот робкий исполнитель ветреных желаний вольного народа. Это был неограниченный повелитель. Это был почти деспот, умевший только повелевать. Все своевольные и гульливые рыцари стройно стояли в рядах, почтительно опустив головы, не смея поднять глаз, когда он раздавал повеления тихо, с расстановкою, как глубоко знающий свое дело и уже не в первый раз приводивший его в исполнение.»**). Кроме того, текст «Тараса Бульбы» содержит множество общих наименований представителей власти (светской, военной или церковной), таких как **дворяне, начальник, предводитель, руководитель, великий господин, царица** (обращение Андрия к пани), **полковник**, а также названий власть имущих, свойственных тому времени: **архимандрит, тюремные стражи, таможенные чиновники и объездчики, левентарь, ясновельможный пан, воевода, граф, барон, король, аристократство, гетман, господарство, панове добродийство**.

Конвенциональная связь тесно переплетается с обычаями и традициями социума, поскольку именно сложившийся порядок определяет и жизненный уклад, и политический строй, и вероисповедание, и, несомненно, линию поведения людей (так как причастность к конкретной группе требует от человека соблюдение закрепленных норм и правил, например **«даже в предместье Сечи не смела показаться ни одна женщина»**). Власть традиции не просто распространяется на все стороны жизни, например, на быт (**«Все в светлице было убрано во вкусе того времени», «Что это на вас за поповские подрясники? И эдак все ходят в академии?»**) и семейные отношения (**«она [жена Бульбы] была жалка, как всякая женщина того удалого века»**), но и определяет поведение героев (Тарас Бульба отправляет сыновей учиться в академию согласно сложившейся тогда традиции, хотя не видит в этом никакой практической пользы: **«Это все дрянь, чем набивают вас: и академия, и все те книжки, буквари и философия...!»** или слова самого автора «Они [Остап и Андрий] были отданы по двенадцатому году в Киевскую академию, потому что все почетные сановники тогдашнего времени считали необходимостью дать воспитание своим детям, хотя это делалось с тем, чтобы после совершенно позабыть его»).

Однако выше власти традиции в произведении проявляется власть веры: во имя христианства казаки совершают свои походы, именно она определяет смысл жизни казака (**«На то и живет человек, чтобы защищать веру и обычай»**). С именем бога казаки идут в бой (**«- Веди, веди всех! – закричала со всех сторон**

толпа. – *За веру мы готовы положить головы!*»), собираются в дорогу («Теперь, **по обычаю христианскому**, нужно перед дорогою всем присесть»), пьют горелку («Ну, сынки, прежде всего вытъем горелки! **Боже, благослови!**»), богу вверяют свою судьбу («Ну, дети, теперь надобно спать, а завтра будем делать то, **что бог даст**»). Показательно принятие казака на Сечу, когда его в первую очередь спрашивали «*во Христа веруешь?*» и просили перекреститься. Клятва верой являлась гарантом международного договора, причем нарушение обета, данного перед богом было абсолютно невозможно, в отличие от обычного обещания («*Не имеем права [нарушить договор]. **Если б мы не клялись нашею верою**, то, может быть, как-нибудь еще и можно было*», «...мы обещали султану мир, и нам бы великий был грех, потому что **мы клялись по закону нашему**», т.е. клялись Богом).

Таким образом, благодаря филологическому анализу мы выделили несколько социально важных планов (сем) значения концепта «власть», которые включают в себя семантические группы, представляющие собой совокупность семантически близких единиц, отличающихся однородностью (вера, традиция, семья). Наиболее значимой для героев произведения является власть христианской веры, которая, тесно переплетаясь с властью традиции, представляет собой своего рода руководство к действию, определяющее уклад жизни людей в целом и поведение каждого отдельного человека в частности. В тексте произведения данная группа является самой большой по численности содержащихся в ней языковых единиц. На втором плане представлена группа, объединяющая лексические единицы с общим семантическим значением «выборное начальство, руководство, правительство». Наконец, третий план – это группа, репрезентирующая семейные отношения.

Интересно отметить, что по мере продвижения от первого к третьему плану согласно градации социальной значимости, появляются больше лексических единиц, свойственных той эпохе. При рассмотрении первой группы (власть веры) мы не встречаем архаизмов и историзмов (с позиции современного читателя), во второй группе они появляются (*левентарь, господство, воевода*), причем наряду с такими устаревшими номинациями как *рада* и *гетман*, являющимися таковыми лишь с позиции русскоговорящего. Третья группа изобилует украинскими заимствованиями (*сынку, батько, старра*), придающими колорит характерам и поступкам героев, а также произведению в целом. Данное движение от плана к плану вполне соответствует структуре концепта «власть», где в центре располагаются лексические единицы, закрепленные в словарях (именно так функционирует концепт «власть» в повседневном сознании), а по мере удаления к периферии появляются более и более индивидуализированные лексемы, свойственные лишь Гоголю.

Список использованной литературы

1. Большой энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1991. – в 4-х тт.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М.: Издательство: Русский Язык-Медиа, 2007. – 2734 с.

II. LINGVISTICĂ. STILISTICĂ. METODICĂ

3. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: Изд-во ИЯЗ РАН, 1996. – 248 с.
4. Степанов Ю.С., 1997, Константы. *Словарь русской культуры*. 2-е изд., испр. и доп. М.: Академический проект, 2001. – 990 с.
5. Фрумкина Р.М. Концептуальный анализ с точки зрения лингвиста и психолога / Р.М.Фрумкина // Научно-техническая информация. – 1992. – Сер. 2. – №3. – С.3-29.

КЛИШИРОВАННОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Желтухина Марина, Омельченко Анатолий

*Волгоградский государственный педагогический университет
Школа актерского мастерства Анатолия Омельченко*

In the article features of cliché thinking, language consciousness and individual speech behaviour in modern European mass communication are considered, functional realization of cliché is described. For modern communicative researches the question is actual, how the information is created, stored and used, effectively influences the addressee in mass-medial discourse in different linguocultures.

Key words: *cliché, language stamp, stamp of consciousness, slogan, mass-medial discourse, information, sender, addressee, linguoculture.*

В современной европейской массовой коммуникации воздействие адресанта заключается в привлечении внимания адресата (Миронова, 2001), а также в побуждении его приобрести рекламируемый товар (*купить или проголосовать*). Это происходит благодаря изменению наиболее известных клишированных фраз. В XXI веке язык СМИ отличается возрастающей активностью использования клише с целью воздействия на сознание адресата, суггестии.

Вслед за В.В. Красных (Красных, 1998) дадим определения основным понятиям – «клише», «языковой штамп» и «штамп сознания».

Клише – это готовая речевая формула, регулярно появляющаяся в определенных повторяющихся речевых ситуациях (Дридзе, 1972), представляющая собой недостаточно эксплицированный сложный знак (Сорокин, 1978) вследствие обладания признаками некомплектности.

Языковой штамп – это языковое клише как избыточно эксплицированный сложный знак (Сорокин, 1978) из-за наличия признаков комплектности, потерявшее для интерпретатора по какой-либо причине свою первичную информационную нагрузку, ставшее дисфункциональным (Дридзе, 1972). При этом языковой штамп признается явлением лингвистическим, а речевой штамп – явлением психологическим (Прохоров, 1996).

Штамп сознания – составляющая ментально-лингвального комплекса представителя определенной этнокультуры, выражаемая различными языковыми/речевыми конструкциями или не реализующаяся вербально в данной ситуации общения, соотносимая с ментальными стереотипами, присущими определенной культуре, и служащая социокультурным маркером специфики речевого общения ее представителей (Прохоров, 1996).

Клише как традиционные обороты речи не только принудительно накладываются на нашу языковую деятельность, но и формируют наше

мышление, поведение и эмоции. Массмедиа оформляют сознание адресата с помощью клише, а в условиях модернизации общества неизбежно порождают новые клише (Zijderfeld, 1979). Первоначальная коннотация клише носит лингвистический характер, проявляясь в слишком часто употреблявшемся утверждении или предложении со стершейся семантикой. Переходя границы лингвистики, клише объективируются в молчаливом жесте (пожатие рук, поцелуй в щеку), акте забастовки как рациональном и легально организованном средстве в руках рабочих лидеров, используемом для достижения целей их профсоюзов (потеря символического значения и приобретение политических функций). Кличе характеризуются овеществленной природой (сохранение прошлого опыта, неподверженность временным изменениям, передача от поколения к поколению) и повторяемостью, что обеспечивает их автономность по отношению к индивиду в обществе.

Функции клише базируются на двух основных принципах: на влиянии на человека с устранением сознательного размышления (механическая реакция) и многократной повторяемости клише (стимула) с целью отключения мышления при реакции. Рассмотрим реализацию основных функций клише на примерах из русского, немецкого и английского языков:

1) Социальная функция: повторяемость, рациональность и схематический характер употребления клише проявляет сходство с детскими стихами и реализует потребности человека в магии (нерелевантность семантического содержания слов в сопровождении ритмических движений тела, завораживающее воздействие звуков слов, ритмики фраз и движений тела). Например,

Все плоды, кроме запретного! (реклама фруктовой компании)

Сладкое счастье!!! (реклама шоколадных конфет)

Майорка – чудо остров! (реклама туристической фирмы)

Вкус, знакомый с детства! (реклама конфет)

A magnet for people who are up to fashion.

Ways to bug your friends.

The

Bogner

way

to

B.

Put the world on hold. (реклама бутиков)

(Привлечение клиентов и магнит, притяжение металлов: *to bug smb.* – ошеломить, свести с ума, где *bug* – 1. жук, 2. безумная идея, помешательство (амер., разг); *to B* – быть, находиться, бывать; *to put on hold* – одеваться, вести образ жизни.)

2) Мобилизирующая функция: клише прямо воздействуют на речь и поведение, влияют на тенденции, отношения, эмоции, настроения (голосование), побуждают думать, чувствовать и действовать как большинство. Язык СМИ успешно актуализирует основные свойства клише, как повторяемость и гиперболичность (оглушительность лозунгов и клише политики, метафоризация и метонимизация). Мнимая информационная правдивость, естественность и очевидность клише объясняется не семантикой (эвристически неубедительны), а повторяемостью употребления (магически убедительны) с гипноти-

зирующим действием. Кроме того, клише характеризуются заразительностью, т.е. одно клише порождает другое. Например,

«Большая Волга» выбирает русло (о страховом некоммерческом объединении Ассоциации экономического взаимодействия)

Безусловные единицы

Скидка больше чем жизнь (ФР, №9, 14-20.03.2002)

3) Пропагандирующая функция: современная пропаганда широко использует многократно повторяющиеся идеологические клише человечества («демократия», «свободный мир», «терроризм» и т.п.). Семантическая пустота этих клише функциональна, так как она используется для политических махинаций (левый/правый, прогрессивный/реакционный). Например,

Поманили людей демократизацией, соблазнили плюрализацией.

Урезали страну суверенизацией, обобрали ваучеризацией.

Провели всероссийскую криминализацию.

Совершили секвестризацию и ввели телевизионную памперсизацию.

В повестке дня – деноминация и другие деформаторские махинации.

До каких пор? Пока не проснетя самая терпеливая в мире нация... (ВТ, 10.1997) (А. Курганников «Сделано демократами...»)

Путеводительское. Привет тебе, Барак Хусейн Обама, иль попросту Барак, для простоты. Прости, что я на ты вот так вот прямо. Ты тоже можешь быть со мной на ты. Мы в курсе, что у этих ваших Штатов - куда я скоро в гости соберусь - имеется довольно много штампов насчет страны с названьем кратким Русь. Чтоб ты представил быт далеких росссов, я подготовил список из пяти обычно задаваемых вопросов и правильных ответов. Захвати. Где нервы вам империя трепала - сейчас разверзлась черная дыра. У вас о русских судят как попало, а все сложнее раза в полтора.

Начнем с того, что злобные соседи разносят слух (Европа ли, Орда) - как будто здесь на улицах медведи. На улицах - отнюдь, а в Думе - да. Не верь, однако, их ужасной славе, о коей все кричат наперебой: у вас слоны сражаются с осликами, у нас медведь один с самим собой, и по всему тверскому околотку бежит в испуге мелкое зверье... Вот штамп другой: у нас тут любят водку. Не любят, нет. Но как тут без нее? Не усмотри, пожалуйста, лукавства или насмешки в пьяном кураже - мы пьем ее как горькое лекарство, а то с ума бы прыгнули уже. От многих советологов ученых доносится и вовсе ерунда - что будто бы у нас не любят черных. Своих не любят, нет, а ваших - да. В любом своем прорыве и провале, в бесчисленных страстях родной земли за то, что ваших негров линчевали, мы снова уважать себя могли. Ты будешь ощущать себя как дома, все будут сострадать тебе притом - у нас тут все жалели дядю Тома, живя стократ страшней, чем дядя Том.

Наверное, среди переполоха российских либералов меньшинство успеет крикнуть: «Здесь ужасно плохо!» Так ты не верь. Все, в общем, ничего. Конечно, этот кризис бьет по нервам, и кое-кто попал под колесо, но, знаешь, по сравнению с сорок первым (а с ним у нас тут сравнивают все) любая ситуация бледнеет. Наш социум устроен по уму: элита никогда не обеднеет, а прочие привыкли ко всему. Стабфонда, может, хватит на полгода, воды у нас опять же по края... Ты, может, спросишь: где у нас свобода? Свобода есть, у каждого своя. У нас - свобода лаяться свободно о власти, о кинжале и плаще; у них - свобода

делать что угодно: и с тем, кто рот открыл, и вообще. Такой свободы даже слишком много, тут ею все буквально залито, - а то, что телек врет, так ради Бога. Его давно не слушает никто.

С тревогой подхожу к другой проблеме, воистину проблеме всех проблем. Тут говорили, что у нас в тандеме старшой - злодей, а младший - не совсем. Оставь свои наивные идеи, задумайся о чем-нибудь ином. Они в тандеме оба не злодеи, и сам тандем, признаться, не бином. Наверное, иной застынет немо, но ты поймешь. Усвой себе одно: у нас тут все по принципу тандема, поскольку у всего двойное дно. Страна глупа, но в ней ума палата; не ценит слов - но ценит сильный жест; страна бедна - однако так богата, что никогда никто ее не съест; страна слаба - и все же непобедима; страна плоха - и все же хороша, и наш тандем, не будь я Быков Дима, - орел и решка одного гроша. На аверсе у нас орел двуглавый, на реверсе - практический расчет, но ты не обольщайся громкой славой, что между них конфликт проистечет.

Ты давеча заметил о премьерере - мол, в прошлом он стоит одной ногой, но борется с собой по крайней мере и в будущее топает другой. Премьер не стал глотать твою подначку и солоно заметил, как всегда, что мы стоять не можем враскорячку - одной ногой туда, другой сюда... Не стану подражать ехидным рожам, что прекословят лидерам своим, - но на ухо шепну, что очень можем и, если честно, - вечно так стоим. В ней наш ответ на вызовы, угрозы, на вражеские шашни и клешни... Устойчивее шаткой этой позы мы ничего покуда не нашли. Раскусишь эту главную задачу - и все предстанет ясным, как пятак. Ты не сумел бы править враскорячку - а здесь, в России, можно только так.

Услышав краткий мой путеводитель, который я вручить не премину, - ты скажешь нам: ребята, не хотите ль покинуть эту странную страну? Ведь это не Отечество, а бездна, болотный газ, беспримесная жесть... А я скажу, что нам она любезна, причем такая именно, как есть. Какая ни угрюмая, а мама. Так любят невезучую семью. И Родину свою, мой друг Обама, мы б не сменили даже на твою. Мы любим наши розвальни, разливы, расхристанность, расплычатость в судьбе, и сверх того мы очень терпеливы. Но если скажет кто-нибудь тебе, что будет вечным это время срама, разврата и бессмысленных потерь, - то ты не верь, пожалуйста, Обама. И я не верю, брат, и ты не верь. (Д. Быков) (НовГ, 2009)

4) Идентификационная функция: социальный контроль осуществляется благодаря тому, что значение и правильное употребление клише отличают истинного представителя данного коллектива от людей иностранного и пр. происхождения, «своих» от «чужих». Например,

А. Ковалев (мэр Воронежа): *В Воронеже, как и в России, две главные проблемы. Все здесь сидящие относятся к первой, а дороги - ко второй... Дорог в городе нет. И денег на их ремонт жалеть нечего!* (НовГ, 2002)

5) Психологическая функция: клише выступает частью психологии повседневной жизни (З. Фрейд) и связано с социальной пассивностью. Человеку, сохраняющему своей речью и поведением политическую идеологию, приходится либо отказываться от надоевших клише этой идеологии, либо активизировать агрессию. Например,

Наш дом - Россия, наша хата - Украина, наша сакля - Северный Кавказ. Вот и дружим домами. (ВТ, 10.1997)

Безусловно, власть клише языка СМИ, клишированность массовой коммуникации, сила ответственности, суггестивности клише в современном обществе велика, но может быть ограничена. Равновесие между значением и функцией можно сознательно поддерживать и по необходимости восстанавливать. Возможности для ограничения клише заключаются в более широком привлечении материала религии, научных открытий, социально-политических движений, эстетики и т.д.

Слоган как разновидность клише, представляет собой короткое (похожее на лозунг) высказывание, содержащее основную мысль в сжатой форме, рекламный девиз, назначение которого состоит в побуждении к действию, поскольку внутреннее «Я» человека требует точных инструкций. Слоган должен соответствовать общей потребительской направленности, общей рекламной теме, быть простым, представлять собой игру слов, упоминать название фирмы. Например,

«Ортекс» не ждет рынка, он его формирует, делая ваши рубли свободно конвертируемыми сегодня! (старый слоган)

Ортекс: слово – дело!

Надежность и качество – наш стиль! (новые слоганы)

«Пермавиа» – акции с вертикальным взлетом!

Важную роль в сообщении играют *заголовки*. Статья, реклама без заголовка совершенно неэффективны. В среднем заголовок, как и рекламный слоган, читают в пять раз чаще, чем сам текст. Заголовок должен быть кратким и ярким, базироваться на игре слов и концептов, образов, аллюзий. Например,

ВТО на курьих ножках (ФР, №9, 14-20.03.2002)

Проклятие Гиппократа (НовГ, 2009)

Фортуна, открой личико (об особенностях российского игорного бизнеса)

«Тагмет» преткновения (о Таганрогском металлургическом комбинате)

Сильная машина – сильному хозяину! (реклама техники)

Хорошая посуда – радость в каждом доме! (реклама АО)

... Охота к перемене мест! (реклама туристической фирмы)

Самые добрые цены! (реклама магазина)

Цены, достойные внимания! (реклама радиоаппаратуры)

Zanussi. Скандально низкая цена 7999 руб. Эльдорадо (реклама техники)

Ценопад! Спешите! (радиореклама)

Мы знаем сегодня, сколько вы стоите завтра! (о патентном бюро).

В. Черномырдин: *Раньше полстраны работало, пол – нет, а сейчас все наоборот.* (ТВ, 1999)

Примеры неэффективной клишированной рекламы:

1) снижаемость: *А Нам бы ваши проблемы!* (Реклама предприятия)

2) неактуальность – не эффективно совершение покупок завтра, товар необходимо сбывать здесь и сейчас: *Сегодня – дешевле, чем вчера, завтра – дешевле, чем сегодня!!!* (реклама торговой фирмы)

Представляют интерес также заголовки-лозунги/призывы, используемые для создания комического эффекта и суггестивного воздействия, особенно связанные с недавним советским прошлым. Например,

Несвобода, неравенство, небратство!

Чубайсу по рубильнику!

II. LINGVISTICĂ. STILISTICĂ. METODICĂ

*Вся власть трудящимся, а не вора и бандитам!
Президентская артель посадила Русь на мель.
Ни пяди русской земли – ни за доллары, ни за рубли!
Реформы – страшнее бомбы!
Заметем Кремлевское подворье!
Позор лакейской Думе! (ВТ, №17, 26.04.2002)
Долой министров-капиталистов!
За землю, за волю, за лучшую долю!
Реформы Грефа – американцам!
Кабальному Трудовому кодексу Слиски – Шмакова – народный заслон!
Народу – свет и тепло, Чубайсу – электрический стул!
Русь, не трусь – с тобой Молдова и Беларусь!
Кремлевских штрейкбрехеров вон из профсоюзов!
Олигархи! Руки прочь от оборонки, энергетики и железных дорог!
Изобилие – в доме, а не в магазине!
Вместе мы – сила! Вместе – победим! (П, №42, 16-17.04 2002)*

Персонафикация используется при рекламе товаров разных групп для того, чтобы показать, что им требуется внимание и забота, как людям и животным. Так, например, в немецкой рекламе автомобилей используются отдельные лексемы для их обозначения (*Lebewesen, hilflose Kinder und Tiere*), для именования отдельных частей употребляются лексемы: *Herz, Augen*. Например,

Wie Sie Ihren Wagen besser durch den Winter bringen! Eines Morgens ist er plötzlich da – der Winter! Jetzt wird Ihrer Fahrkunst viel mehr abverlangt, und auch der Wagen hat es schwerer. Wie Sie ihm die kalte Jahreszeit erträglicher machen ... , sagen Ihnen die folgenden Tips... (реклама машины)

Sandemann – der Gentleman unter Sherrys

Ürdinger – Ihr guter Freund unter den Klaren (реклама напитков)

Реализуя воздействие, европейский адресант использует два основных пути влияния: открытое (*навязать и сломить*) и скрытое управление, предполагающее несогласие с предлагаемым (*манипулировать*). Например,

1) *Желудок у котенка меньше наперстка. А сил котенку для игр и роста нужно много. Поэтому «Вискас» просто необходим вашему котенку. Ваша киска купила бы «Вискас»!*

Если попробовать предугадать реакцию адресата, то в результате получится, что на первые два утверждения он ответит «да», на третье – тоже «да» на автомате, по инерции, так как нелогичность не фиксируется в сознании. Призыв к действию реализуется не назойливо, а подсказкой, поскольку решить за кошку безобиднее, чем за человека. Будучи значимым домашним существом, кошка заставляет адресанта учитывать ее предпочтения в еде. Манипуляция проявляется также в синекдохе (часть/котенок – целое/семейство кошачьих). Кроме того, маленькие дети, животные всегда более суггестивны, чем взрослые и старые.

2) *На кухне за бутылкой беседуют знаменитый Леня Голубков и его «брат Иван». Леня убеждает брата: «Я не халявщик, я – партнер!».* (МММ)

В данном примере выделены следующие мишени управления адресатом: получить что-то «на халяву», иметь гарантии надежности вложения своих кровных – «партнер», доверительность – кухня, близкие, брат, народность –

русское имя Иван.

Для достижения эффективности воздействия массмедиа на сознание избирателей необходимо исследовать структуры познания, которые адресат создает о политических и прочих фигурах. Теоретическую базу изучения этих когнитивных структур будут составлять *теория семантической обработки массмедиа, теория когнитивной схемы и семиотическая теория исследования политической рекламы и ее эффектов* (Faber, 1992; Jamieson, Campbell, 1997 etc.).

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть, что клишированность современной европейской массовой коммуникации позволяет открыто или завуалировано формировать наши представления о мире. Массмедиа создают мир – основу наших знаний о политике, экономике, культуре и т.п. и последующего поведения в этой области, волеизъявления посредством голосования - выбора. Эта роль вряд ли изменится в ближайшие столетия в связи с тем, что вместе с технологическим прогрессом меняется скорость, количество и качество отправляемой адресантом и воспринимаемой адресатом информации (газеты, журналы, радио, телевидение, Интернет), усиливается степень воздействия массмедиа за счет интерпретации событий, трансформации передаваемой информации.

Примечательно, что массмедиа, пытающиеся реализовывать функцию оценки и критики, вместо разоблачения различных слухов, псевдоаргументов, лжи, умышленно распространяемых в целях воздействия на чувства, эмоции, настроения и поведение людей, сами успешно и в глобальном масштабе порождают и распространяют слухи, активно используют штампы, псевдоаргументы и ложь. При этом невольно, а чаще всего намеренно СМИ достигают поставленных целей, воздействуя на психику и поведение человека. Массмедиа активно эксплуатируют мифологическую сущность человеческого сознания, опираясь на эмоционально-аффективные и условно-символические образы при передаче информации.

Литература

1. Faber R.J. Advances in Political Advertising Research: A Progression From if to When // Journal of Current Issues and Research in Advertising. – 1992. – 4 (2). – P. 1-18.
2. Jamieson K.H., Campbell K.K. The Interplay of Influence: News, Advertising, Politics and Mass Media. – Belmont, Ca: Wadsworth Publishing Company, 1997. – 349 p.
3. Zijderveld A.C. On clichés: The Supersidure of Meaning by Function in Modernity. – L. etc.: Routledge a. Kegan Paul, 1979. – 129 p.
4. Дридзе Т.М. Язык информации и язык реципиента как факторы информированности // Речевое воздействие. – М., 1972. – С. 34-80.
5. Желтухина М.Р. Тропологическая суггестивность массмедиального дискурса. Монография. – М.-Волгоград: ПринТерра-Дизайн, 2003.
6. Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? Человек. Сознание. Коммуникация: Монография. – М.: Диалог-МГУ, 1998а. – 352 с.

II. LINGVISTICĂ. STILISTICĂ. METODICĂ

7. Миронова Н.Н. Реклама в зеркале компаративистики // Проблемы психолингвистики: Теория и эксперимент: Сб. науч. тр. – М.: Ин-т языкознания РАН, 2001. – С. 216-225.

8. Прохоров Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в преподавании русского языка как иностранного: Автореф. дис. ... д-ра пед. наук. – М., 1996. – 38 с.

9. Сорокин Ю.А. Радио- и телепередача как диалог // Общение: теоретические и прагматические проблемы. – М., 1978. – С. 125-132.

Список источников материала и принятых сокращений

ВТ – Волгоградская трибуна

НовГ – Новая газета

П – Правда

ТВ – телевидение

ФР – Франкфуртер Рундшау

ДИНАМИКА ФОРМИРОВАНИЯ СИНТАКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Малычева Наталья

*Педагогический институт
Южного федерального университета*

В докладе рассматривается один из актуальных вопросов современного синтаксиса текста – формирование сложного синтаксического целого как синкретичной синтаксической единицы. Представлена типология ССЦ на основе продуктивных моделей построения данной синтаксической единицы.

Текст, сложное предложение, событие, динамический аспект.

The article is devoted to the actual problem of modern text linguistics. The typology of text based on productive models of syntactical units.

Text, complex sentence, event, dynamic aspect.

Известно, что В. А. Белошапкина в качестве особой синтаксической единицы выделила сложное предложение, единицу полипредикативную и монокоммуникативную, обозначив этим границы синтаксиса, «пределом» которого являются структуры, выступающие в качестве одной коммуникативной единицы. Это положение и определило грамматический объем учебного курса синтаксиса, завершающегося сложным предложением. Таким образом, сложное синтаксическое целое (далее ССЦ) остается за его пределами.

Однако вопрос о сверхфразовых построениях для синтаксистов остается открытым. Представить текстообразовательный уровень синтаксиса в полном виде – дело будущего, но одна из его составляющих очевидна. Это «полу-признанное» ССЦ, определить синтаксический статус которого достаточно сложно.

Традиционно сложное синтаксическое целое рассматривается как строевая единица текста, представляющая собой группу высказываний, объединенных вокруг единого центра. Главная идея, лежащая в основе организации ССЦ, – «содружество предложений», «несколько об одном», т.е. ряд высказываний, посвященных одной (микро-) теме. Это положение весьма точно воспроизводит идею текста как такового, и именно поэтому ССЦ нередко метонимически именуется «текстом».

ССЦ обладает двумя ведущими дифференциальными признаками, ограничивающими его от других единиц синтаксиса и проявляющимися в специфике его структуры и семантики: 1) представленность рядом высказываний, формально самостоятельных коммуникативных единиц, или поликоммуникативность, 2) подчиненность реализации одной микротемы, или монотематичность.

II. LINGVISTICĂ. STILISTICĂ. METODICĂ

Однако этим основы устройства ССЦ не исчерпываются. Принцип организации ССЦ существенно отличается от принципов, известных применительно к единицам традиционного синтаксиса, обеспечивающим линейную организацию смыслового содержания. ССЦ – это, прежде всего, текстовая единица, обеспечивающая нелинейную организацию содержания.

Рассмотрение же некоторых ССЦ в качестве синтаксической единицы мотивируется тем, что в его составе могут находиться воспроизводимые структуры. С точки зрения Ильенко С. Г., такая воспроизводимость связана прежде всего с инициальным компонентом ССЦ, в качестве которого могут выступать именительный и инфинитив темы, предложения тождества, а также вопросительные предложения. Названные синтаксические конструкции, маркируя всю структуру в целом, служат для осуществления функциональной сущности ССЦ, связанной с его монотематичностью, поскольку намечают тему ССЦ. Именно эти грамматикализованные ССЦ и следует считать сформированными синтаксическими единицами. Иначе говоря, ССЦ в современном русском языке (точнее речи) выступает не как сформированная грамматикализованная единица, а как формирующаяся.

Как известно, с позиций конструктивного синтаксиса сложное синтаксическое целое может быть представлено не только рядом монологических высказываний, но также диалогическим единством. В состав ССЦ может входить конструкция с прямой, косвенной или несобственно-прямой речью. Это объясняется тем, что в ССЦ, представляющем собой контаминацию различных субъектно-речевых планов (автор текста, повествователь, персонаж), компоненты имеют разные прагматические переменные «я – здесь – сейчас», что предполагает их семантическую некоординированность в аспекте авторства речи, в пространстве, во времени, в масштабе описываемых событий и т.д.

Наиболее распространенным структурно-семантическим типом ССЦ с сочинительным союзом, неаналогичным сложносочиненному предложению, является ССЦ с цитацией. Например: *«Зачем так нагло лжет ему в пустынном и молчащем здании слишком поздно вернувшийся к нему администратор? И сознание опасности, неизвестной, но грозной опасности, начало томить душу финдиректора»* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

До настоящего времени исследователи ССЦ опирались на текст, в котором функционирует ССЦ, его структуру, не принимая во внимание его глубинную семантику и модели фоновых знаний, которые могут быть типизированы. В данной статье предпринята попытка описать возможные структурно-семантические типы ССЦ, опираясь не на одну, а на две фактические данности, т.е. не только на текст, но на текст и модели фоновых знаний, с ним коррелирующие. Это возможно, потому что модели фоновых знаний и семантические модели образуют единую когнитивно-коммуникативную семантическую систему. Думается, что именно такой подход позволяет перейти от декларирования связи языка и мышления к интегрированному экспериментальному изучению диалектики конкретных форм их взаимодействия, что является одной из основных задач лингвистики.

Основная единица фоновых знаний для ССЦ – событие. «Событие как когнитивно-семантическая структура формируется на базе однородных сцен, имеющих совпадающие общие и существенные признаки»¹ и представляет

собой отражение в сознании и языке некоторого явления (обобщенной серии однородных явлений) в виде определенных содержательных единиц. Это отражение возможно как в виде сложносочиненного предложения, так и в форме ССЦ, части которого могут быть, в частности, объединены сочинительными союзами. И следовательно, анализ процессов смысловой координации и взаимопроницаемости предикативных частей, а также причин их отсутствия является важной задачей анализа сложносочиненного предложения как структурно-семантической единицы и ССЦ как единицы коммуникативного синтаксиса.

Как известно, «событие является сложной многоуровневой, многомерной единицей фонового знания ..., причем континуальность события онтогенически обеспечивается непрерывностью отражаемого мира»².

ССЦ же представляет собой линейно упорядоченную совокупность предикативных единиц, отражающих это сложное событие.

Попытки типизации семантической организации ССЦ регулярно предпринимались такими исследователями, как Л. М. Лосева, Г. А. Золотова, М. Я. Дымарский, который и вводит понятие интегральной семантической структуры ССЦ³.

Интегральная семантическая структура (далее – ИСС), по определению М. Я. Дымарского, – это субъективированное отображение на семантическом уровне структуры единой для данного ССЦ сигнификативной ситуации, являющейся семантическим субстратом, на котором строится ССЦ.

М.Я. Дымарский выделяет семь наиболее распространенных элементарных бинарных типов ИСС, которые вполне регулярно, хотя и с разной степенью отчетливости, воспроизводятся в текстах русской классики последней четверти XIX – первой половины XX века.

Конечно, эти семь типов ИСС не исчерпывают всех возможных комбинаций и вариантов. Более того, выстраивая инвариантную структуру сигнификативной ситуации, М. Я. Дымарский не принимает во внимание такой важный дифференциальный признак художественного текста, как его полифоничность, которая создается за счет наличия в нем контаминации разных субъектно-речевых планов автора текста, повествователя и персонажей. Следовательно, одно и то же событие может быть представлено в тексте с точки зрения различных интерпретаторов: интерпретатора, находящегося «внутри события» (персонаж, повествователь), и интерпретатора, находящегося «вне события» (автор текста, повествователь). При этом каждый из них функционирует в своей собственной системе прагматических переменных «я – здесь – сейчас».

Полифоничность текста позволяет четко отграничить ССЦ от сложного предложения и выявить некоторые его структурно-семантические типы.

Компоненты ССЦ, в отличие от ССП, могут отражать различные аспекты одной ситуации, например, ментальный и предметный аспекты, представленные с точки зрения разных интерпретаторов и образующие семантическую оппозицию. Ментальный аспект события предполагает фокусирование внимания внешнего интерпретатора на рациональной и эмоциональной деятельности всех одушевленных предметных компонентов (людей) в связи с данным событием. Предметный аспект представляет собой предметную, внешнюю практическую деятельность, а также предметные условия этой

II. LINGVISTICĂ. STILISTICĂ. METODICĂ

деятельности (реальная действительность, внешняя среда, время, пространство и т.п.). Таким образом, ССЦ на семантическом уровне представляет собой переход от описания субъективного эмоционального (психического) состояния персонажа к описанию состояния внешней среды (или наоборот), что объясняется разными смысловыми планами.

Внутренний мир человека, его мысли и эмоции, его рациональная и эмоциональная деятельность представляет собой особый мир, который другой человек воспринимает опосредованно, косвенным образом, через умственные представления о нем, через те сведения, которые ему сообщаются собеседником. Ментальный аспект события воспринимается только в пересказе, только со слов автора текста или персонажа. Например: *«Все было прибрано, чемоданы готовы. И опять стало немного грустно – жаль покидать привычную комнату и всю московскую зимнюю жизнь, и Надю, и Ли ...»* (И. А. Бунин. Генрих). *«Мусор курился молочно-синеватым дымком, кисло воняло гарью ... И мысль о пожаре молнией пронзила Тихона Ильича»* (И. А. Бунин. Деревня).

Следующим структурно-семантическим типом ССЦ является ССЦ с отсутствием координации в пространственном отношении. Пропозиции, содержащиеся в предикативных частях ССП, обычно соотносятся с ситуациями, событиями, которые скоординированы по местонахождению. При отсутствии координации в пространственном отношении закономерно возникает поликоммуникативное единство – ССЦ. Например: *«В мироздании незримо кружилась земля под густой паутиной дорог. А над головой у нее висело темное, вылинявшее от древности небо и, казалось, было залатано красными нитками»* (В. Максимов. Месяц светлой воды). Структурное сопоставление локальных детерминантов «в мироздании» и «над головой у нее», присутствующих в обоих компонентах ССЦ и занимающих инициальную позицию, усиливает значение сопоставления, но сложносочиненное предложение не образуется, так как имеет место семантическая оппозиция сразу в ряде аспектов.

Возникшая полифония авторского повествования разрушает синтаксическое единство и образует поликоммуникативное единство. Эту способность автора текста проникать во внутренний мир персонажа, описывать событие с его точки зрения отмечал еще М. М. Бахтин⁴. Но все-таки это не единственное условие построения ССЦ: нарушена также координация масштабов описанного события. Таким образом, в данном случае условиями построения ССЦ являются разные субъекто-речевые планы и отсутствие координации пространственных масштабов события. Уменьшение объема экзопространства, вызывающее уменьшение пространственных масштабов события и трансформацию его в эндопространство способствует образованию особого структурно-семантического типа ССЦ с сочинительным союзом.

Отсутствие координации масштабов событий, описываемых в компонентах ССЦ, приводит также к образованию особого структурно-семантического типа ССЦ с сочинительным союзом. Например: *«Сердитая вода опоясывала земной шар. А на батумском берегу стоял отец Федор и, обливаясь потом, разрубал последний стул»* (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев). Первый компонент ССЦ описывает макси-событие, так как содержит метафорическое описание грандиозного шторма, бушующего во всем мире, что ясно из предыдущего контекста. Второй компонент – это мини-событие, четко

локализованное в пространстве («на батумском берегу»), т.е. автор возвращается к описанию своего героя. В фокусе внимания читателя оказывается более мелкая (менее протяженная во времени и пространстве, менее сложная по компонентному составу) событийная единица. Компоненты соединены сопоставительным союзом «а», который передает сопоставительные отношения, аналогичные отношениям в сложносочиненном предложении, но из-за отсутствия координации масштабов события построение ССП невозможно.

Следующим структурно-семантическим типом ССЦ является ССЦ, в котором один из компонентов имеет обстоятельство времени, а другой – обстоятельство места, т.е. детерминанты несоординированы по смыслу. Например: *«В окнах магазинов мохнатились цветочные леса, бревнами золотистого жиру висели балыки, орлами и печатями точно сверкали бутылки прекрасного шампанского вина «Абрау». И все лето, все лето напирали и напирали новые (эмигранты – Н. М.)»* (М. Булгаков. Белая гвардия). Автор текста дает описание действительности, основываясь на своем ассоциативно-образном мышлении. Стремясь передать наиболее полно картину происходящего, он как бы «выхватывает» различные «кадры» действительности (ситуации). Соединительный союз «и» объединяет в ССЦ предикативные единицы, представляющие разные аспекты ситуации: локальные и темпоральный аспекты.

Основываясь на вышеизложенном, можно сделать следующий вывод. ССЦ с сочинительным союзом представляет собой поликоммуникативную единицу, обладающую своими дифференциальными признаками, которые проявляются в специфике структуры и семантики ССЦ. Сложное синтаксическое целое может объединять в себе предикативные единицы, представляющие разные аспекты события: ментальный и предметный, локальный, темпоральный, а также события, несоординированные в масштабе, что невозможно в сложносочиненном предложении.

В настоящее время есть основания считать, что текст и ССЦ являются формирующимися единицами, занимающими свое место в синтаксической иерархии: синтаксема, словосочетание, предложение, сложное предложение. При этом ССЦ и текст рассматриваются как сфера пересечения синтаксиса собственно предложения и синтаксиса текста. Определяя эти конструкции как синтаксические единицы, следует использовать следующие базисные оппозиции признаков:

- монотематичность / политематичность;
- монокоммуникативность / поликоммуникативность;
- монофоничность / полифоничность;
- воспроизводимость / невозпроизводимость.

Первые члены этих оппозиций соответствуют ориентации единицы на целостность, вторые - дискретность.

Монотематичность предполагает наличие одной темы, подчиненность реализации одной микротемы.

Политематичность предполагает сосуществование, контаминацию двух и более (микро) тем на протяжении всего текста.

II. LINGVISTICĂ. STILISTICĂ. METODICĂ

Монокоммуникативность означает, что описание ситуации (предмета или явления) не вышло за рамки одной коммуникативной единицы (высказывания).

Поликоммуникативность означает несколько формально самостоятельных коммуникативных единиц, вопрошающих одну ситуацию.

Монофоничность - это принадлежность всех предикативных частей сложного предложения одному субъектно-речевому плану и, следовательно, наличие мономодальности.

Полифоничность - это принадлежность компонентов текста или ССЦ разным субъектно-речевым планам (автора, повествователя, персонажа) и, следовательно, наличие полимодальности. Под воспроизводимостью/невоспроизводимостью понимается регулярность воспроизведения единицы.

Таким образом, описываемые синтаксические единицы обладают следующим набором признаков:

сложное предложение – монотематичность, монокоммуникативность, монофоничность, воспроизводимость;

сложное синтаксическое целое – монотематичность, поликоммуникативность, полифоничность, воспроизводимость (отдельные типы ССЦ);

текст – политематичность, поликоммуникативность, полифоничность, невоспроизводимость.

Текст – это основная единица не только языка, но и речи. Он синтезирует языковые и речевые свойства различных входящих в него единиц и содержит концепцию коммуникативно и когнитивно заданного фрагмента действительности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Шабес В. Я. Событие и текст. М., 1989. – с.17

² Шабес В. А. Событие и текст М., 1989. – с.19

³ Дымарский М. Я. Проблемы текстообразования и художественный текст. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – с.113

КОРРЕЛЯЦИЯ ПОНЯТИЙ «СЕРДЦЕ» И «ЖЕЛУДОК» И ИХ ЭМОТИВНОСТЬ В СИНХРОНИЧЕСКОМ / ДИАХРОНИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА)

Штеба А.А.

Волгоградский Государственный Педагогический Университет

The correlation of the concept “heart” and the concept “stomach” focused upon some empirical observations on the corporeal effect of felt emotions is shown through both diachronic and synchronic aspects. The concept “stomach” possesses a multidimensional emotivity due to its interrelation with the concept “heart” which historically means the function of accumulating people’s emotions (positive and negative).

A linguistic analysis of the concept “heart” including its physiological aspect, lets us presume about an incorrect or inadequate meaning of constructions with a component “heart”, denoting a sickness, an indigestion, as we have shown the potency of such constructions to transmit an emotional state of a sender when takes place a metaphorisation of sickness comparing with a sharp emotional reaction of a sender.

Key-words: diachronic and synchronic analysis, emotivity, emotive valency

В каждый данный момент речевая деятельность является как системой с установившимися правилами, нормами, традициями, так и динамическим явлением: «язык есть и живая деятельность, и продукт прошлого» по мнению Ф. де Соссюра (де Соссюр 1933: 82). Целью данной статьи является попытка обоснования исторической корреляции функций, роли, строения сердца и желудка как органов человека и их языковой репрезентации во французском языке. По мере постижения homo sapiens окружающего мира, его открытия и эмпирические наблюдения за каким-либо объектом (не)материальной действительности, в данном случае, за понятием «сердце» и «желудок» получают языковое оформление, что позволяет предположить о причинах возникновения разного рода фразеологизмов, паремий, крылатых фраз с компонентом «сердце», связанных с витальной ролью данного органа.

Французская языковая личность характеризуется такими особенностями как *самобытность* (le coeur a des rides - у сердца есть морщины - le coeur n’a pas de rides, il n’a que des cicatrices - сердце не имеет морщин, а только порезы; dans le coeur de chaque homme il y a un cochon qui sommeille - в сердце каждого человека спит свинья), *отвага* (le coeur bat la chamade - сердце бьет сигнал сдаче, le coeur bat la charge - сердце бьет сигнал атаки), *импульсивность* (le mal n’est pas au coeur d’amour, c’est l’amour qui est au coeur du mal - зло не в сердце любви, а любовь - в сердце зла), легкая *эмоциональная возбудимость* (si

II. LINGVISTICĂ. STILISTICĂ. METODICĂ

quelques heures font une grande différence dans le coeur de l'homme, faut-il s'en étonner? il n'y a qu'une minute de la vie à la mort - если несколько часов производят такие изменения в человеческом сердце, нужно ли этому удивляться? только минута отделяет от жизни и смерти) (Крысько 2002: 119; Лурия 1974: 68). Понятие «сердце» как место скопления (siège (m)) эмоций, чувств, опыта, характера человека (Larousse 2007: 155), выражает доминантную черту национальности: стремление к выражению эмоций человеком, что и обуславливает его употребление не только для вербализации эмоционального состояния говорящим, но и для выделения места воли, опыта, разума, сознания в жизни человека (le coeur a ses raisons que la raison ne connaît pas - у сердца свой разум, которым разум не наделен; il dit cela de bouche, mais le coeur n'y touche - говорит об этом ртом, не касаясь своего сердца). Причем слово (m) siège - место скопления, центр, гнездо передает идею запертия, окружения, а также одним из значений является следующее: endroit du corps où se fait sentir une douleur - место в теле человека, где ощущается боль, когда заметно указание на соматическое проявление выражения / сокрытия человеком эмоций и чувств. Последнее стало причиной, обуславливающей возможность закрепления за понятием «сердце» функции аккумуляции эмоционального, так как боль в сердце сопровождала «душевные» переживания, согласно эмпирическим наблюдениям человека. По мнению профессора А.Ш. Тхостова, изучающего проблему интрацепции, телесного восприятия (психологии телесности), реально существует лишь вещественный мир, построенный с помощью физических линеек и часов, обуславливая идеальность научного исследования в его сведении к соответствующим физическим измерениям. «Если реально существуют лишь физические объекты, то конечной целью любой науки должно стать сведение исследуемой реальности к наиболее простым физическим сущностям» (Тхостов 2002: 37-39). Следовательно, необходимо анализировать физический денотат понятия «сердце» в виде органа, характеристики которого получают языковую репрезентацию для определения его эмотивности и лингвокультурной специфики.

Анализ понятия «сердце» в синхроническом аспекте позволил подтвердить наше мнение о нем как координирующем центре жизни языковой личности, но именно изучение его этимологии дает возможность проследить эволюцию смыслового и эмотивного полей данного понятия. Слово «coeur» происходит из индоевропейского корня Kerd; в греческом языке, оно имело форму Kardia, в латинском (XI в.) - cor, cordis, в разговорном латинском - coris, обозначая место нахождения ума, рассудка (cor habere - быть рассудительным, благоразумным, corde conspicerere aliquid - понимать, соображать что-л.), чувств, воли, а также мужества (forti corde ferre mala - мужественно переносить бедствия), характера или натуры (Dauzat 1938: 174; Merlat 1995: 210).

В ходе исследования понятия «сердце», нами было обнаружено достаточно обширное поле фразеологизмов, которые передавали различные формы тошноты, болей в желудке, расстройств пищеварения (avoir mal au coeur (досл. иметь боль на сердце) - испытывать чувство тошноты; avoir le coeur délicat (досл. иметь нежное, хрупкое сердце)- страдать желудком; avoir le coeur entre les dents (досл. иметь сердце между зубами) – тошнить и др.). Интересно,

что в латинском языке также прослеживается связь сердца и желудка: лексическая единица *cardiacus* - больной желудком, произошедшая от основы *cor* - сердце, существовала, несмотря на ее аналог *stomachicus* - страдающий желудком, от корня *stomachus* - желудок, указывая на их физиологическую и эмотивную корреляцию. Отметим также, что инфаркт миокарда вызывает боли именно в желудке, что, по мнению специалистов, затрудняет определение и постановку правильного диагноза пациенту (*cardimona* (образовано от основы *cor* - сердце) - боль в желудке).

Российскими лингвистами предпринимаются попытки изучения, преимущественно, лингвокультурной специфики понятия «сердце», не рассматривая проблемы эмотивности данного понятия и роли его физического денотата (конструирование концепта «сердце» на основе анализа лексем, устойчивых выражений, фразеологизмов русского, английского, французского языков с компонентом «сердце» (Зибров, 2009), определении национально - культурных и универсальных способов представления концепта «сердце» в английской и немецкой лингвокультурах (Романова, 2007), подобной цели придерживалась З.Р. Цримова, опираясь на сопоставление кабардинской, русской и английской языковых картин мира (Цримова, 2003). Л.К. Бобрышева также рассмотрела функционирование и динамику структуры фразеологизмов в экзистенциальном сознании носителей русского и адыгейского языков на основе сопоставлений базовых концептов фразеологических единиц, одним из которых являлся концепт «сердце» (Бобрышева 2009: 25). Было высказано предположение об исторической синонимичности слов «сердце» и «желудок» во французском языке. Действительно, анализ словарей синонимов французского языка указывает на данную корреляцию, когда в XV в. слово «желудок» обозначало именно сердце, вместилище чувств, но представленное значение входило в его импликационал. Исторически, *estomac* (m) - желудок происходит из иудео-французского корня *estomaq(u)e*, обозначая отверстие, зев, брюхо или от латинского *stomachus* - пищевод; вкус, настроение, раздражение. Корреляция понятия «сердца» и «желудка» может проявиться на уровне психосоматики, когда, благодаря эмпирическим наблюдениям, человек следил за соматическим проявлением переживания им эмоций, проявляющееся в дискомфортных ощущениях в области желудка: *dîner par cœur* — остаться без обеда, без еды, или дословно, поужинать сердцем, когда, предположительно, данный фразеологизм может указывать на столкновение *homo sentiens* с некоторой проблемной ситуацией, сопровождающейся спектром положительных или отрицательных эмоций, что посредством их выплеска, переключает внимание говорящего с чувства голода на преодоление трудностей. Понятие «сердце» как основное место аккумуляции эмоций и чувств *homo sentiens*, получившее данное значение также по причине учащенного сердцебиения, покраснения (побледнения) лица и др. передает свойственный семантический и эмотивный заряд на понятие «желудок». В латинском языке, одно из значений слов *cor*, *cordis* (сердце) выражает пищеварение, пищеприемник и желудок. Связь сердца и желудка, в рамках диахронического изучения понятия, обусловлена античной греческой анатомией, согласно которой сердцем называлась верхняя часть желудка, расположенная наиболее близко к нему, а боли в желудке именовали

расстройствами сердца. Мы считаем, что такие фразеологизмы как, к примеру, *avoir mal au coeur*, или *soulever le coeur* - тошнить (досл.: иметь боль на сердце, или поднимать сердце), *avoir encore le dîner sur le coeur* - испытывать тяжесть после еды (досл.: иметь ужин на сердце) и др., выражают сложность сдерживания эмоций человеком, невозможность остаться визуально эмоционально нейтральным: имеет место не тошнота, в прямом смысле слова, а эмоциональный выплеск, сравниваемый с диспепсическим расстройством.

В аспекте нашего предположения об эмотивности данных устойчивых выражений, их мотивировке, рассмотрим подробнее понятие «желудок» в латинском языке. Такая лексическая единица как *stomachus* - пищеварительный канал, желудок и т.д., благодаря эмотивной и семантической валентности лексической единицы (Шаховский 2008: 255), служила для выражения, помимо непосредственных физиологических характеристик, недоброежелательности (*in stomacho ridere* — смеяться в кулак), хорошего настроения (*bonus stomachus* - в хорошем расположении духа), раздражительности, досады (*in aliquem erumpere* — отводить душу (срывать злость) на ком-л.; *stomachum alicui movere (facere)* — раздражать кого-либо), напряжения и гнева (*gravis Pelidae stomachus* - тяжелый, мучающийся желудок), объединяя кластер как положительных, так и отрицательных эмоций с центрами удовольствие / отвращение (СЛКС: 476). По мнению Э. Калдера, физическая неприязнь может проявиться в тошноте, а моральное отвращение не вызывает настоящих симптомов тошноты, хотя неврологически данные аспекты схожи. Это подобие выражено в активизации одних и тех же нервных направлениях, когда доказывается биологическая основа метафорического отображения тошноты: отвращение провоцирует тошноту. С помощью суффиксации были образованы следующие лексические единицы: *stomachosus, stomachosus* - сердитый, негодующий, раздражённый; *stomachanter* - гневно; *stomachose, stomachosē* - с досадой, сердито; *stomachabundus* - раздражительный, раздражённый, негодующий; *stomachor* - досадовать, сердиться (*stomachus cum aliquo* — браниться с кем-л.; *stomachus aliquid* -негодовать на что-либо). Соответственно, слово «желудок» использовалось для передачи эмоций и чувств, метафорически расположенных в понятии «сердце». Тем не менее, эмоции оказывают воздействие на физическое состояние и человека, когда учащенная частота сердечных сокращений, вызванное этим покраснение / побледнение лица, или недомогания в области желудка, дискомфорт в данной области рассматривались как причины возникновения эмоций.

Литература

1. *Бобрышева, Л.К.* Фразеологизмы как национально-культурная экзистенциальная картина мира (на материале русского и адыгейского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л.К. Бобрышева. Майкоп, 2009.
2. *Де Соссюр, Ф.* Курс общей лингвистики / Ф. де Соссюр; пер. А. М. Сухотина. М., 1933.
3. *Крысько, В.Г.* Этнопсихология и межнациональные отношения / В.Г. Крысько. М, 2002.

4. *Лурия, А.Р.* Об историческом развитии познавательных процессов / А.Р. Лурия. М., 1974.
5. *Тхостов, А.Ш.* Психология телесности / А.Ш. Тхостов. М., 2002.
6. *Шаховский, В.И.* Лингвистическая теория эмоций: монография. / В.И. Шаховский. Волгоград, 2008.

Лексикографические источники

1. Словарь латинских крылатых слов. / сост. Н.Т. Бабичев, Я.М. Боровский. М.: Медиа Дрофа, 2008 (СЛКС).
2. *Albert Dauzat.* Dictionnaire étymologique de la langue française. Librairie Larousse, 1938.
3. *Guy Merlat.* Dictionnaire de la langue française. Editions de la connaissance, 1995.
Larousse de poche. Paris, 2007

ВЛИЯНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА НА РОДНОЙ ЯЗЫК ИНГУШСКОЙ ДИАСПОРЫ В КАЗАХСТАНЕ

Газдиева Белла

*Кокшетауский государственный университет им. Ш.Уалиханова,
Казахстан*

В данной статье речь идет о влиянии коммуникативно-мощного русского языка на языки диаспор, в частности на ингушский язык. Об особенностях языковой политики в условиях полилингвального пространства Казахстана.

This article describes the influence of communicative-strong Russian language on the diasporas languages, in particular Ingush Language. About the peculiarities of the language politics in polilingual space of Kazakhstan.

Key words: *diaspora, the language politics, polilingual space*

Современная языковая картина Казахстана сложилась в результате геополитических, социально-экономических, миграционных изменений, произошедших за последнее время. «В условиях многонациональности в результате длительного территориального контакта населения в республике сложились различные типы двуязычия и многоязычия. Встречаются случаи несовпадения родного языка и национальной принадлежности личности. В этой связи следует отметить, что, как показывает живая языковая практика, родной язык развивают и представители других наций»¹.

В государстве, на территории которого совместно проживают люди многих национальностей, билингвизм и мультилингвизм – это социальная реальность и необходимость. В результате многочисленных исследований, в том числе полевых экспедиций, масштабного анкетирования в рамках международного социолингвистического проекта среди представителей ингушской диаспоры, было выявлено, что преобладает ингушско-русский билингвизм, т.к. в большинстве своем ингуши были репрессированы в Северный Казахстан, где к тому моменту проживало много русских, немцев, украинцев, поляков говорящих на русском языке.

Казахский и русский языки являются главными «субъектами» этноязыковой ситуации, а остальные языками малочисленных народов. В сложной полиэтнической языковой ситуации необходим язык – доминант. В данной функции выступил русский язык, сыгравший большую роль в деле сближения разных народов, волею судеб оказавшихся под одной крышей. По сути, он стал связующим мостиком между казахами, русскими, украинцами, корейцами, поляками, ингушами, немцами и др. Русский язык стал языком межнационального общения для многих народов, и для ингушей в частности, «он по-

прежнему сохраняет в определенной мере свою значимость как язык не только межнационального общения, но и общения внутри диаспор полиэтнического Казахстана»².

Одной из основных проблем, с которой столкнулись ингуши в Казахстане, была проблема, связанная с незнанием казахского и русского языков, большинство из депортированных были неграмотны. Они не владели письменным вариантом не только своего родного языка, но соответственно и русского языка (не случайно, многие люди старшего поколения до сих пор не умеют ни читать, ни писать). Это, безусловно, очень затрудняло процесс общения.

С этого периода (период после депортации) наблюдается длительный процесс изучения русского и казахского языков. При этом наблюдается постепенное сужение сферы функционирования родного языка ингушской диаспоры. Для выявления динамики языкового состояния ингушей нами была разработана программа исследования, послужившая теоретической основой осуществляемых процедур сбора, обработки и анализа информации, данных полученных в ходе анкетирования, в результате было выявлена следующая динамика: родной язык ингушей в Казахстане становится не лидирующим, а второстепенным, происходит процесс аттриции.

В настоящее время эта тенденция вызывает серьезное опасение. Сегодня 100 % ингушей, проживающих на территории республики, владеют русским языком, но процент владеющих своим родным языком намного меньше. В связи с этим Н.С. Пак отмечает, «что язык есть средство идентификации этноса...символ нации.... Язык есть средство самовыражения этноса. Люди наследуют культуру через язык, и языковая смерть, есть исчезновение культуры...Заимствованные из других языков слова, часто свидетельствуют о контакте с культурами других народов»³.

Также в результате данных, полученных в ходе социалингвистического исследования были получены следующие результаты: поскольку репрессированным народам не было возможности обучаться на родном языке, перестала развиваться их национальная культура, приостановилось изучение истории, языка, литературы этих народов. Был нанесен значительный ущерб их генофонду. Как показали наблюдения за информантами, говорящих на ингушском языке без акцента практически нет. Анализ записей устной разговорной речи казахстанских ингушей показал, что в речи респондентов младшего поколения присутствует русский акцент. Не вызывает сомнений тот факт, что русский язык оказал влияние на все языки на постсоветском пространстве. Не стал исключением и ингушский язык. Конечно, произносительная база языка начала меняться еще тогда, когда ингушские школы перевели на русский язык обучения, а латиницу заменили русским алфавитом. Этот процесс начался задолго до выселения ингушского народа. Но в Казахстане он сформировался и завершился. Ингуши говорят на русском языке без акцента – это есть доказательство отсутствия влияния ингушских произносительных навыков. В этом отношении интересна точка зрения ингушского лингвиста Р.С. Плиева, приводящего гипотезу о том, что «ингуш, владеющий русским языком, или русский, не менее основательно усвоивший любой из нахских языков, имеющие хотя бы «вузовскую» филологическую подготовку, рано или поздно придут к заключению, что сама природа, весь строй русского и нахских

II. LINGVISTICĂ. STILISTICĂ. METODICĂ

языков не чужды друг другу, имеют множество удивительных сходств. Тесные связи между предками славянских народов с одной стороны и предками нахов – с другой существовали тысячелетиями»⁴. Чуть более полувека назад, ингушей хорошо говорящих на русском языке были единицы, сейчас же знание русского, как и незнание родного языка никого не удивляет. Из-за того, что ингушам почти везде (в школе, в вузе, на работе, в общении с неингушами) приходится говорить на русском языке, они разучились правильно произносить ингушские звуки. Так, согласно данным, зафиксированным переписью населения 1999 г. о владении языком своей национальности заявили только 58,2% ингушей. Конечно, каждый из респондентов, отвечая на этот вопрос, мог сознательно или не сознательно исказить сведения о себе и владении родным языком. Чем обусловлены эти цифры? Прежде всего, тем, что ингушский язык – это язык общения внутри семьи. Даже если ребенок знает родной язык, то затем он идет в детский сад, в школу, в институт, где он проводит большую часть дня и в основном говорит на русском языке. Неудивительно, что ингушский язык постепенно уходит на второй план. Эта проблема сейчас актуальна для ингушей, проживающих в Казахстане. Как отмечает Г.В. Хруслов, «сохранение родного языка за пределами его исконной территории в двуязычных или многоязычных регионах или среди групп мигрантов во многом зависит от того, применяется ли он в семье, поддерживается ли общиной через сеть воскресных школ, курсов, кружков...»⁵.

Новая социолингвистическая реальность в Казахстане стала предметом пристального изучения таких видных казахстанских ученых, как Э.Д. Сулейменова, Б.Х. Хасанов, О.Б. Алтынбекова, Н.Ж. Шаймерденова и многих других. Одним из официальных документов, позволяющих осуществлять языковую политику, наряду с Законом о языках и Конституцией, является Стратегия Ассамблеи народов Казахстана на среднесрочный период (до 2011 года)⁶. Данный документ разработан Ассамблеей народов Казахстана по поручению президента Республики Казахстан. Стратегия Ассамблеи народов Казахстана представляет собой систематизированную совокупность базовых и руководящих ориентиров ее деятельности в сфере межэтнических отношений на ближайшую перспективу.

В целом, внутривнутриполитическая обстановка в Казахстане в начале 21 века характеризуется как стабильная. Согласно опросам, проведенным среди представителей различных этнических групп, межэтнические отношения в регионах их проживания оцениваются как положительные и доброжелательные. Хотя межэтническое взаимодействие в стране, как и общество, за последние годы претерпело значительные изменения. Анализ современного состояния межэтнических отношений в Казахстане и основных проблем, требуют государственного внимания в сфере национальной политики.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сыздыкова Д.М. Двуязычие как одна из проблем социолингвистики. / http://www.rusnauka.com./ONG/Philologia/10_syzdykova.doc.htm/.

² Алтынбекова О.Б. Миграция в Казахстане: Новый статус русского языка // Проблемы социально-культурной адаптации мигрантов из стран СНГ в приграничных

- районах зонах Российской Федерации: мат-лы межд. научно-практ. конф. – Тюмень, 2004. – С.88.
- ³ Пак Н.С. Проблема исчезновения миноритарных языков: автореф... док. филол. наук. – Алматы, 2004. – С.12.
- ⁴ Плиев Р.С. Язык – народа память. – М., 2006. – С.6.
- ⁵ Хруслов Г.В. Язык в диаспоре: проблемы сохранения и преподавания // Психоллингвистика и социоллингвистика: состояние и перспективы. – Алматы, 2003. – С.110.
- ⁶ Стратегия Ассамблеи народов Казахстана на среднесрочный период (до 2011 года). / www.kazembassy.ru/issue/?issueId=518

Список использованной литературы

1. Алтынбекова О.Б. Миграция в Казахстане: Новый статус русского языка //Проблемы социально-культурной адаптации мигрантов из стран СНГ в приграничных районах зонах Российской Федерации: мат-лы межд. научно-практ. конф. – Тюмень, 2004. – С. 85-92.
2. Стратегия Ассамблеи народов Казахстана на среднесрочный период (до 2011 года). / www.kazembassy.ru/issue/?issueId=518
3. Сыздыкова Д.М. Двоязычие как одна из проблем социоллингвистики. / http://www.rusnauka.com/ONG/Philologia/10_syzdykova.doc.htm/. 01.05.2006
4. Пак Н.С. Проблема исчезновения миноритарных языков: автореф... док. филол. наук. – Алматы, 2004. – 46с.
5. Плиев Р.С. Язык – народа память. – М., 2006. – 288с.
6. Хруслов Г.В. Язык в диаспоре: проблемы сохранения и преподавания // Психоллингвистика и социоллингвистика: состояние и перспективы. – Алматы, 2003. – 300с.

РЕЧЬ РУССКОЯЗЫЧНОЙ МОЛОДЕЖИ СЕВЕРНОГО РЕГИОНА КАЗАХСТАНА

Анищенко Ольга

Кокшетауский государственный университет
им. Ш.Уалиханова

Речь русскоязычной молодежи Казахстана отражает не только схожие, свойственные и социолекту российской молодежи словообразовательные тенденции, но и яркие специфические черты, обусловленные менталитетом казахстанской молодежи, сложившейся в Республике языковой ситуацией (взаимодействием и взаимовлиянием двух языков – казахского (государственного) и русского).

В настоящее время, как отмечает Э.Д.Сулейменова, «ни функционирование казахского, ни функционирование русского языков не может получить адекватного описания, если рассматривать данные языки вне их совместного функционирования в пределах единого коммуникативного пространства» 1.

На стыке разных культур воспитывается и молодое поколение Казахстана. Русскоязычная молодежь, осознавая значимость диалога культур, полиязычность образования, усваивает национальную культуру казахов через призму своего родного языка, что находит своеобразное отражение в ее речи. В данной статье представлены результаты наблюдения за речью учащихся школ, лицеев, вузов северного региона Казахстана (городов Астаны и Кокшетау), результаты анкетирования, позволившие выявить бытующую в молодежной речи специфическую (региональную), лексику, слова и выражения, отражающие взаимовлияние языков.

Например, нередко встречается у молодых в качестве приветствия выражение **салам (салем)** от каз. *сәлем* (на месте гласной в первом слоге специфический звук), а также обороты: **держи салам, лови салам**. Часто можно услышать и рифмованное казахско-русское выражение - **салам-пополам** (*О, салам-пополам, какие люди!*). Калькирование русскими речевых моделей казахов Д.Д. Шайбакова справедливо рассматривает как «добровольное принятие инонациональной тактики общения в целях создания доверительной атмосферы» 2. Готовность к дружескому общению передают также популярные в молодежной среде выражения: **пойдем посаламкаемся (посаламкаться)** «давай пообщаемся» и шутливое **калайсын-нормалайсын** (каз. *калайсың* «Как дела?» + преобразованное под влиянием казахского языка русское наречие *нормально*) 3. На вопрос «Калайсын?» молодые люди могут отшутиться и своеобразным ответом: **«Как Майк Тайсон»**

Одним из способов расширения лексической базы русского молодежного социолекта, функционирующего на территории Казахстана, является заимствование лексических единиц из казахского языка. Заимствования либо сохраняют свое значение (**сабак** «урок», **дос** «друг», **дастархан** «застолье», **бара-бер** «безразлично», **джигит** «юноша»), либо подвергаются переосмыслению (**баурсак** «полицейский, толстяк» от каз. *бауырсақ* «булочка», **бай** «лидер молодежной группировки» от каз. *бай* «богатый», **шанырак** «сильные связи, покровительство; охрана» от каз. *шанырақ* «свод юрты», **казан** «голова» от каз. *казан* «котелок, чугунок» и др.).

Усиливающееся влияние казахского языка объясняется его возросшим статусом, расширением сферы функционирования. По мнению Л.А. Байдельдинова, все чаще на смену русскому языку как межэтническому средству общения приходит казахский язык 4, таким образом, заимствования из данного языка приходят в речь русскоязычной молодежи не только вследствие изучения казахского языка на занятиях и курсах, но и в результате непосредственного повседневного общения с его носителями.

Русскоязычная молодежь, осваивая национальный смысл казахских слов, адаптирует их, включает в систему русского языка. Адаптации подвергается не только звуковая оболочка лексических единиц, но и их грамматическая форма. В результате к заимствованным основам прибавляются флексии русского языка (**балалары** «дети» от каз. *балалар* «дети» (ср.: **чилдрены** «дети» от англ. *Children* «дети»), **мугалимы** «учителя» от каз. *мұғалім* «учитель», **бастыки** «начальство» от каз. *бастық* «руководитель»), а также наиболее продуктивные суффиксы.

Так, особую активность в освоении заимствований проявляют суффиксы -шк-; -к- (**апашка** «девушка» от каз. *апа* «старшая сестра», **балашка** «призывник» от каз. *бала* «мальчик», **капкарашка** «очень смуглый человек» от каз. *кап* «очень» и *қара* «чёрный» (*Этот мальчик такой капкарашка!*), **жұлдызка** «ночной диско-клуб «Жұлдыз» от каз. *жұлдыз* – «звезда»); суффиксы -ск-; -ски (**жайский** «простой, обычный, дешевый» от каз. *жай* «просто», **по-жайски** «просто»; **по-байски** «богато» от каз. *бай* «богатый»). Используется молодежью и ставший уже привычным для русского словообразования латинский аффикс -ция: **рахметизация** «позитивное общение» от каз. *рахмет* «спасибо», **махаббатизация** «отношения между влюбленными» от каз. *махаббат* «любовь».

В речи молодежи наблюдаются и выражения, где к русским литературным или жаргонным словам присоединяются аффиксы, слова казахского языка (Ср.: **угараймыз** «шутим» от переосмысленного в молодежной среде рус. глагола *угорать* «смеяться» + каз. аффикс деепричастия -й, показатель мн.ч. 1 лица -мыз; **ништяк па?** «все хорошо?» от жаргонизма *ништяк* + казахская вопросительная частица *па*, которая присоединяется к слову согласно модели казахского языка, и др.)

Продуктивной в речевой практике молодого поколения стала усиленная частица казахского языка *ғой*, которая, присоединяясь к жаргонным словам, помогает усилить одобрительную оценку предметам, явлениям: **прикол гой** «шутка», **тема гой** «хорошо, здорово».

Своеобразно переплелись русские и казахские лексемы и в молодежных выражениях: **вот такие баурсаки** (дела); **не вешай мне лагман** (лапшу) **на уши, пустить хабар** (слухи), **казан** (голова, башка) **не варит, накрыть дастархан** (жаргонное *поляну* «праздничный стол»). В речи русскоязычных молодых людей фразеологические обороты с новыми компонентами (**баурсаки, лагман, хабар, казан, дастархан**) выступают как варианты русских фразеологизмов, сохраняя общий смысл. Подобную тенденцию (с заимствованиями из румынского языка) прослеживает Т.В. Зайковская в молодежной речи Республики Молдова. По ее наблюдениям, «румынизмы», которые всегда функционировали в жаргонизированной речи русскоязычной молодежи Молдовы (например, **нота** «оценка» от рум. *notă*, **баньцы** «новые монеты» от рум. *banii*, **фетица** «девушка» от рум. *fetiță*) и количество которых в последние годы заметно возросло, «нередко внедряются в какое-либо русское устойчивое выражение (например, **скырба заела**, ср. тоска заела), в том числе и жаргонное (**упасть в попушой** «попасть в неприятное или смешной положение», ср. **упасть в кукурузу** или **упасть в камыш** в тех же значениях)» 5.

Особенности молодежного социолекта в двуязычной среде Казахстана отразились и в контаминации слов, в шутливой языковой игре: **жандыргалка** «зажигалка» (глагол казахского языка *жандыру* «жечь» + русское существительное *зажигалка*); **токтановись** «остановись» (глагол повелительного наклонения казахского языка *тоқта* «остановись» + русский глагол *остановись*); **жаксыбись** «здорово, отлично» (наречие казахского языка *жақсы* «хорошо» + жаргонное русское слово *зашибись*).

Языковая игра наблюдается и в названии молодежного журнала «**Жас star**» (каз. слово *жас* «молодой» и англ. слово *star* «звезда»): обыгрывается каз. слово *жастар* «молодёжь».

Таким образом, новые условия становления двуязычной личности обусловили изменение контактов. В молодежной среде в непринужденном общении носителей разных языков молодые люди сознательно стремятся показать знание другого языка, они выделяют специфическое слово в потоке речи, концентрируют на нем внимание, тем самым, демонстрируя готовность принять иноязычные модели поведения. «Опыт длительного совместного проживания двух народов, - подчеркивает Туксаитова, - создает условия для взаимопроникновения культур и приобщения к особенностям другой культуры. Речевые практики толерантности формируют модели толерантного отношения к *другому*, демонстрируют возможности приобщения к *чужому* и трансформации *чужого в свое*» 6. Создание новых слов на базе русского и казахского языков – веяние времени, объективное языковое явление, отражающее менталитет казахстанской молодежи, ее стремление к диалогу языков и культур.

Рассматривая региональные особенности молодежного социолекта (в частности, речь русскоязычной молодежи северного региона Казахстана), необходимо обратиться и к неофициальным территориальным единицам – топонимам-жаргонизмам, которые также иллюстрируют словотворчество молодого поколения, отражают новые словообразовательные тенденции.

Так, яркой приметой новой (северной) столицы Казахстана Астаны являются многочисленные «молодежные» неофициальные наименования жилых зданий (**титаник, доллар, свечка, зажигалка, четыре китайца,**

этажерка, кукуруза, «Красная шапочка», «Пентагон»), учебных заведений (*Евразийка* – Евразийский государственный университет им.Л.И.Гумилева, *Аграрка-арка* – Казахский государственный агротехнический университет им. С.Сейфуллина, *Железка* – Республиканский железнодорожный колледж транспорта и коммуникаций, *Кружка* – Казахстанско-российский университет). У молодежи города Кокшетау также популярны неофициальные обозначения (*Васильковка* – Микрорайон «Васильковский», *Централка* – Микрорайон «Центральный», *Кооперашка* – Кокшетауский колледж «Арна», *Терем* – Кокшетауский Институт Экономики и Статистики (КИЭС) и др.)

Молодежь различных городов активно использует в своей речи жаргонные наименования учебных заведений, улиц, кафе, магазинов, остановок общественного транспорта, памятников и других топообъектов, которые, как правило, имеют для молодых людей особое значение и в силу этого получают новые названия ⁷

Выбор мотива номинации, как правило, определяется оценочным отношением к именуемой реалии. Примером эмоционального подхода к обозначению актуального для кокшетауской молодежи объекта является жаргонизм *Дом два (Дом 2)* - Общежитие КГУ им. Ш.Уалиханова. Студенческое обозначение связано с официальным названием («Дом студентов №2»), а также с реалити-шоу по каналу ТНТ «Дом 2»: студенты (как и желающие стать участниками телепроекта) проходят «отбор», своеобразный «кастинг».

Неофициальные наименования внутригородских строений нередко представляют собой метафорическое переосмысление на основе внешнего сходства. В Кокшетау: *Купол* – многоэтажное жилое здание по улице М. Горького; *Бухенвальд* – жилой дом по ул. Красной, который имеет самое большое количество подъездов; *Клетка* - танцевальная площадка в Парке культуры и отдыха; *Три богатыря* - три многоэтажных дома по ул. Абая; *Шайба* – городской рынок, где торговые точки расположены по кругу. (Ср.: *Пирамида* – Дворец мира и согласия в Астане, *Чупа-чупс* – уникальное здание «Байтерек» в центре Астаны).

Популярными являются также вторичные обозначения на основе игры со звуковой формой официальных наименований: *Кумыска* – открытое кафе «Қымызхана» в парке культуры и отдыха г. Кокшетау..

Таким образом, богатый фактический материал открывается при изучении молодежной речи конкретного региона. Территориальные речевые особенности обусловлены социальными факторами и отражают культуру, традиции молодежи, ее стиль жизни и мышления. Территориальная вариативность русского молодежного жаргона – одна из страниц в его истории.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Сулейменова Э.Д. Функционирование русского языка в Казахстане в условиях новой языковой политики // Культура русской речи в Кыргызстане: Материалы региональной научно-практической конференции. – Бишкек, 2003. С. 154.
- ² Шайбакова Д.Д. Влияние казахской культуры на русскоязычное общение // Русское и сопоставительное языкознание: тенденции и перспективы развития: Материалы Международной научной конференции 19-20 ноября, 2007.- Алматы, 2007. С.16.

II. LINGVISTICĂ. STILISTICĂ. METODICĂ

- ³ Анищенко О.А. Молодежный жаргон: замкнутость и открытость // Полилингвизм: Язык – Сознание – Культура: Международная конференция «Ахановские чтения» под эгидой МАПРЯЛ (Материалы докладов и сообщений)/ Ответ..ред. Э.Д.Сулейменова. Алматы: Қазақ университеті, 2008. – Т.2. – С.84.
- ⁴ Байдельдинов Л.А. Об этнолингвистической ситуации в Казахстане. (К 4-х летию принятия Закона «О языках» в Республике Казахстан) // <http://www.kisi.kz/Parts/IntPol/01-08-02Baydeldinov.html>.
- ⁵ Зайковская Т.В. Проблемы культуры молодежной речи (Пути пополнения словарного состава молодежного жаргона). – Кишинев, 2005. С.38-39
- ⁶ Туксаитова Р. О. Речевая толерантность в билингвистическом тексте (на материале русскоязычной казахской художественной прозы и публицистики). АДД. Екатеринбург, 2007. С.7.
- ⁷ Кудрявцева Л.А., Приходько И.Г. Словарь молодёжного сленга города Киева. Киев, 2006. С.4-5.

Список использованной литературы

1. Анищенко О.А. Молодежный жаргон: замкнутость и открытость // Полилингвизм: Язык – Сознание – Культура: Международная конференция «Ахановские чтения» под эгидой МАПРЯЛ (Материалы докладов и сообщений)/ Ответ..ред. Э.Д.Сулейменова. Алматы: Қазақ университеті, 2008. – Т.2. – С.83-85.
2. Зайковская Т.В. Проблемы культуры молодежной речи (Пути пополнения словарного состава молодежного жаргона). – Кишинев, 2005.
3. Байдельдинов Л.А. Об этнолингвистической ситуации в Казахстане. (К 4-х летию принятия Закона «О языках» в Республике Казахстан) // <http://www.kisi.kz/Parts/IntPol/01-08-02Baydeldinov.html>.
4. Кудрявцева Л.А., Приходько И.Г. Словарь молодёжного сленга города Киева. Киев, 2006.
5. Сулейменова Э.Д. Функционирование русского языка в Казахстане в условиях новой языковой политики // Культура русской речи в Кыргызстане: Материалы региональной научно-практической конференции. – Бишкек, 2003.
6. Туксаитова Р. О. Речевая толерантность в билингвистическом тексте (на материале русскоязычной казахской художественной прозы и публицистики). АДД. Екатеринбург, 2007
7. Шайбакова Д.Д. Влияние казахской культуры на русскоязычное общение // Русское и сопоставительное языкознание: тенденции и перспективы развития: Материалы Международной научной конференции 19-20 ноября, 2007.– Алматы, 2007.

ПРОБЛЕМА СЛОВ С АРТИКЛЕВЫМ ЗНАЧЕНИЕМ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ЯЗЫКА СОВРЕМЕННЫХ ПЕЧАТНЫХ СМИ)

Кацитадзе Инна Мангуровна

*Педагогический институт Южного федерального университета
Ростов-на-Дону, Россия*

В лингвистической литературе предложено большое количество исследований семантики и средств выражения О/Н. Большинство из них, конечно, базируется на материале артиклевых языков, но в последние десятилетия появилось достаточно много работ (Н.С. Пospelов, В.В. Гуревич, А.Д. Шмелев, Ю.Б. Смирнов, W. Birkenmaier, Ch. Nauenschild), посвященных семантике и средствам выражения семантики определенности/неопределенности (далее О/Н) в так называемых безартиклевых языках, в том числе и русском.

Существует целый ряд исследований, посвященных проблеме артикля, его функциям, средствам, которыми он выражается. Это исследования R. de la Grasserie, A. Biard, P. Christophersen, K. Bühler, O. Behaghel, В. Матезиуса, В.Я. Проппа, А. Крамского, В.В. Гуревича и др..

Особую трудность представляет установление системного статуса артикля (морфемного или словесного), т.е. считается ли он словом служебного характера с самостоятельным, хотя и ослабленным лексическим значением или аффиксом. Б.А.Ильиш и ряд других ученых (М.Я.Блох, Ю.С.Маслов, М.В.Никитин) считают, что в целом комплекс артикля и существительного является грамматической формой существительного. При этом самостоятельность артикля как слова ими не признается.

Е.А. Долгина в работе «Системный статус английских артиклей в когнитивном освещении» (2008) предлагает категориальный подход к решению проблемы статуса артикля. Основными недостатками существующих теорий артикля, считает она, являются отсутствие четкого семантического противопоставления категориальных форм, неубедительность формулировок категориальных значений, а иногда исключение из системы значащего отсутствия артикля. И чтобы преодолеть эти недостатки, необходимо применение когнитивного метода, т.е. «учета способности человека к абстрагированию и конкретизации», что определяет функционирование в языке имен существительных 2.

И.Крамский признавал, что сам факт наличия в языке артикля и есть проявление категории О/Н. Особую роль в отношениях между артиклями (определенным и неопределенным), по его мнению, играет противопостав-

ление общего и единичного, но при этом следует обратить внимание на то, что же является «признаковым и беспризнаковым» 4.

В.В. Гуревич в статье «Есть ли артикли в русском языке?» предпринял попытку ответить на этот, интересующий многих вопрос. Он говорит о лексических способах указания на «определенность» и «неопределенность» существительного. С одной стороны, это неопределенные местоимения (какой-то, некий, некоторый). С другой стороны, это указательные местоимения (этот, тот, такой) и различные уточняющие слова (данный, упомянутый, указанный). Именно они несут функцию «определенного» и «неопределенного» артиклей. Суть артиклей, считает он, в их противопоставлении. К тому же «ни один, ни другой друг без друга существовать не могут» 1.

Например, в функции неопределенных артиклей:

1) «Если после какого-то фильма, спектакля вам хочется пойти помыться и задуматься о том, до чего мы довели страну и самих себя,- это уже неплохо...» (Аргументы и факты, август, 2005);

2) «- Вы по-прежнему утверждаете, что герой вашей трилогии...-некий обобщенный олигарх, или мы можем оперировать именем Бориса Абрамовича Березовского?» (Московские новости, февраль, 2005);

И в функции определенных артиклей:

1) «Первое заседание прошло на этой неделе» (Московские новости, июль, 2005);

2) «Тот человек так и не появился» (Аргументы и факты, август, 2005);

3) «Вот мое видение проблемы, затронутой в выше упомянутой публикации» (Вечерний Ростов, апрель, 2005).

Однако следует заметить, что каждое из неопределенных местоимений (какой-то, некий, некоторый) несет некоторую дополнительную нагрузку, помимо общего для них значения неопределенного артикля. Отсюда следует, что они не могут служить чисто грамматическим, формальным средством для выражения отношения существительного к классу подобных. И все же существует одно средство, по мнению многих лингвистов, - это числительное *один* (одна, одно), которое в определенном контексте утрачивает количественное значение и приобретает функцию неопределенного артикля.

Например: 1) «Я видел, как один (некий - *И.М.*) высокопоставленный уважаемый чиновник одного взрывного ведомства цинично стибрил в кафе вазу» (Домашняя газета, июнь, 2005).

б) «- Один журналист даже написал, что я больше мелькаю на экранах телевизоров как национальная героиня, чем появляюсь в спортивном зале как тренер сборной» (Южный репортер, январь, 2006);

В данных примерах именные группы «один журналист» и «один/некий предприниматель» несут значение нарушения оппозиции определенности/неопределенности. Предполагается, что говорящий наверняка знает «этого журналиста», хотя бы его имя, а также «некого предпринимателя», но читателю они остаются неизвестными. Это примеры со «слабой» определенностью», поскольку словосочетания «некий предприниматель», «некий господин К.» заключают в себе оттенок «известности» данного референта адресанту (автору), но неизвестности адресату.

«Слабая» определенность характеризуется структурно-содержательной целостностью всего высказывания, тесно связанной с контекстом и отражаемыми им ситуациями. При этом ярко выражен ее субъективный характер, прагматическая направленность. Психологически, с точки зрения читателя, корреспондент всегда осведомлен, имеет четкие знания об описываемом факте (в силу непосредственного восприятия или по описанию) и может досконально описать его. Читатель проявляет интерес к материалу печатных СМИ постольку, поскольку он является для него новым, неизвестным.

Определенный артикль является показателем того, что родовой и видовой аспекты имени – общее и различительное – уравнивают друг друга, и их отношение друг другу характеризуется относительной разрешенностью. Объект в данном случае берется как нечто известное, очевидное и именуется как некая «тотальность, как самодостаточная величина, которая не подразумевает ни общего, ни различного по отношению к себе». Этот вид номинации предназначен для того, чтобы выразить результат познавательной деятельности. А в номинации с неопределенным артиклем доминирует общее, в то время как «момент различительный подавляется, стирается» 3. Функцией имени в этом случае является связание данного единичного объекта с чем-то более общим, введение его в круг понятных адресату явлений.

А.А. Реформатский, обращая внимание на лексические средства выражения О/Н, несмотря на то, что в русском языке нет артиклей, пишет, что «это не значит, что русские не могут иметь в сознании этих значений, – они только выражают их обычно лексически» (т.е. особыми словами, например местоимениями «этот», «тот» и т.п. для определенности и «какой-то», «некий» и т.п. для неопределенности) 6.

Но иногда без контекста определенность/неопределенность существительных не выражена:

Например: «Человек нуждается в заботе» (Вечерний Ростов, апрель, 2005);

Или: «Приходишь домой, ужинаешь, а после ужина сериал по телевизору» (Новая газета, январь, 2006).

Первое высказывание, где существительное «человек», употребленное с «определенным артиклем» можно понимать как результат научного рассуждения. А во втором высказывании речь идет об известной всем привычке людей смотреть телевизор (какой-нибудь сериал) вечером после работы. И конечно, не случайно, во многих исследованиях, посвященных артиклю, указывается на функцию анафорического дейксиса, которую несет артикль. Ведь употребление имени с функцией определенного артикля говорит о том, что речь идет об известной или очевидной вещи.

Функцию имени со значением неопределенного артикля можно назвать обобщающей, связующей данный объект (единичный) с чем-то общим. И «то, что с количественной стороны можно рассматривать как механическое вычленение одного объекта из класса объектов, с качественной стороны выглядит как познавательное обобщение» 3.

Например: «Вот и пичкают нас роликами в вечерние часы, когда большинство людей садится перед телевизором» (Аргументы и факты, февраль, 2005);

II. LINGVISTICĂ. STILISTICĂ. METODICĂ

Или: «А газета не нами придумана, она выдвигала своих виртуозов» (Новая газета, январь, 2006).

Артикли – это только небольшая часть языковых средств выражения категории О/Н.

В лингвистике в изучении артикля к настоящему времени сложилось два принципиальных подхода. Первый получил разработку в германистике, второй главным образом развивается в романистике. При первом подходе функцию артикля в принципиальном плане, а также различия между видами артикля принято объяснять относительной группировкой объекта, или особенностями референциального плана значения. В основе объяснений лежит взаимосвязь двух категориальных оппозиций: категорий О/Н и категорий соотнесенности/несоотнесенности. При втором подходе общие и отличительные признаки артиклей объясняются позицией субъекта, особенностями сигнификативного плана значения. Но надо сказать, что этот подход рассчитан на истолкование с единой точки зрения не только субстантивной, но и других видов номинации. Артикль рассматривается как одно из средств детерминации существительного в контексте (наряду с местоимениями, прилагательными, числительными).

С.А. Крылов справедливо отмечает, что «отсутствие артиклей в русском языке компенсируется богатейшей системой средств выражения артиклевых значений, пронизывающей самые разные уровни и участки языка». Это и дает, по его мнению, возможность считать категорию «детерминации» (категория О/Н) особой «понятийной» (или «функционально-семантической») категорией, «имплицитное выражение которой ... осуществляется почти всеми основными грамматическими механизмами современного русского языка» 5.

В современном русском языке, не имеющем артикля, языковая категория О/Н существительного в соответствии со средствами выражения является «скрытой». Она выражается целым комплексом языковых средств, принадлежащим к разным языковым уровням.

Таким образом, в русском языке имеется много языковых средств с артиклевым значением и функциями, образующих целую систему противопоставлений и служащих для выражения отношения существительного к классу однородных предметов.

Литература

1. Гуревич В.В. Есть ли артикли в русском языке? Русская речь. 1968, №3.
 2. Долгина Е.А. Системный статус английских артиклей в когнитивном освещении. Филологические науки. 2008. № 3.
 3. Иванов Н.В. Смысловая функция артикля: опыт логико-философского анализа. Вопросы языкознания. 1994, №2.
 4. Крамский И. К проблеме артикля. Вопросы языкознания. 1963, №4.
 5. Крылов С.А. Детерминация имени в русском языке: теоретические проблемы // Семиотика и информатика. Вып. 23, М., 1984.
- Реформатский А.А. Введение в языкознание. – М., 1967.

РОЛЬ КАТЕГОРИЯ АНТРОПНОСТИ В СОЗДАНИИ ПОРТРЕТА (на материале произведений ф. М. Достоевского)

Т.И. Плужникова

НПУ имени М.П. Драгоманова (Киев)

Одним из векторов развития современной лингвистической науки является выявление языковой репрезентации тех или иных понятийных категорий с учетом их онтологической и когнитивной значимости, а общей тенденцией современного лингвистического познания – применение такого исследовательского принципа, как антропоцентризм, особенность которого – изучение «номинативных процессов и результатов как концентрированной антропной проекции окружающего мира или внутреннего человеческого рефлексивного опыта» 1. В этой связи становится актуальным изучение языковой личности, ее видения окружающего мира, в том числе – себе подобных. Понятийная категория, которую О.С. Ахманова определяет как «катеорию личности» 2, находит многогранное отражение в языке.

В грамматической традиции понятие «человек» соотносится с категорией лица и, шире, персональности. При этом персональность понимается как «семантическая категория, характеризующая участников обозначаемой ситуации по отношению к участникам ситуации речи – прежде всего говорящему» 3. А.В. Бондарко рассматривает персональность и как функционально-семантическое поле, «базирующееся на данной семантической категории, рассматриваемой всеми средствами ее выражения в том или ином языке» 3. В то же время в пределах грамматического класса языковых единиц с общекатегориальным значением предметности выделяется значительный лексико-грамматический разряд, включающий слова, которые содержат ядерную сему 'человек' и определяются как «личные существительные».

Актуальность исследования этой категории слов подтверждается значительным количеством работ, посвященных разностороннему описанию производных лексем с общим значением «человек» (Т. В. Бахвалова, Б. Д. Воробьев; И. А. Ионова; Н. А. Купина, М. Ф. Скорнякова; Н. А. Лукьянова; Л. М. Майданова; З. И. Слыхова и др.), а также производных личных существительных различной семантики (С. Л. Аكوпова, Ю. С. Азарх, А. В. Голубева, А. Ю. Карпенко, Е. С. Кубрякова, И. С. Улуханов, С. Г. Шейдаева и др.).

В некоторых исследованиях лексические и фразеологические единицы со значением «человек» обозначаются термином *агентивы* (Т. В. Бахвалова, Т. А. Космеда и др.). Если учесть, что инвариантным для таких слов является значение «человек», то логичным было бы в отношении их использовать термин, содержащий соответствующий латинский или греческий корень. Основой такого термина может стать греческое слово *anthrōpos* – «человек».

II. LINGVISTICĂ. STILISTICĂ. METODICĂ

Оно уже используется в термине *антропóним*, вторая часть которого – *оним* – указывает на его отнесенность к разряду имен собственных. Н. Д. Арутюнова отмечает, что «в разряде названий лица на одном поле сосредоточены имена собственные, способные только удостоверить личность референта, на другом – имена качественные, приспособленные к предидированию» 4. Очевидно, что для «качественных имен», которые используются для названия человека, тоже необходим термин, поскольку это значительная по объему группа слов в составе конкретных аппеллятивов. Для обозначения человека как «предмета по его принадлежности к ... (определенному – *Т.И.*) классу» 5 нами предлагается использовать термин *антропонóм* (*anthrōpos* – человек + усеченное *nōminatio* – название, или номинация). Антропонимы и антропономы – это разные лексико-грамматические разряды слов одной категории и, по логике вещей, в совокупности они должны быть обозначены отдельным термином как репрезентанты лексико-семантической категории с общей семантикой «человек», например, *антропизмы* или *антропосивы*. Они репрезентируют лексико-семантическую категорию антропности, онтологическую по сути (так как она отражает в языке видение окружающего мира), которая, как и категория личности (прагматическая, поскольку ориентирована на участников акта коммуникации), является разновидностью языковой проекции понятия «человек».

Материалом настоящего исследования послужили антропономы (213 ед.), извлеченные методом сплошной выборки из романов «Преступление и наказание» и «Идиот» Ф. М. Достоевского – писателя, для идеостилия которого характерна специфическая система антропономов. Специфичность эта определяется выбором денотативного признака как основы номинации и тех коннотативных признаков, которые актуализируются в произведениях только этого писателя.

Антропономы подразделяются на идентифицирующие и характеризующие. Последние, которые еще определяются как оценочные, обязательно содержат макрокомпонент – коннотативное значение, поэтому их также называют коннотативными.

По форме антропономы могут быть синтетическими (*красавица*) и аналитическими (*красивая женщина/девушка*), причем аналитические полностью включают семантику синтетического, а синтетические могут обладать фразеологичностью семантики.

В языке нового времени категория оценки наиболее очевидным образом выражена в системе прилагательных, но достаточно высокой степенью оценочности обладают и характеризующие антропономы, которые делятся на две группы: а) передающие положительную оценку, б) передающие отрицательную оценку человека.

В означенных романах Ф. М. Достоевского для описания внешности используется два вида антропных характеристик: комплексный портрет (обязательные характеристики по возрасту, росту, по особенностям волосяного покрова, по комплекции, по приметным особенностям лица (цвет лица, глаза, рот, нос) и избирательный (упоминается какой-либо один несколько признаков). Общая оценка внешности человека определяется объемом двух понятий – красивый / некрасивый.

В произведениях Ф. М. Достоевского немного существительных, характеризующих человека как красивого, и большая часть из представленных касается мужчин. Писатель использует как синтетические, так и аналитические антропономы для положительной эстетической характеристики героинь, а лица мужского пола красивой внешности представлены у Ф. М. Достоевского только аналитическими антропонимами: сочетанием прилагательных с личными существительными (*красивый молодой человек, прекрасной наружности* и др.).

Антропономы с общим значением «некрасивая женщина» в произведениях Ф. М. Достоевского встречаются довольно часто (*не обладающая красотой, собой не хороша, гаденькая*). Для обозначения мужчин с некрасивой внешностью писатель использует и синтетические, и аналитические антропономы с преимущественным употреблением последних (*золотушный человек, походивший на бабу*).

Для Ф. М. Достоевского понятие внешней красоты неразрывно связано с внутренним миром человека, но в зеркальном варианте по отношению к общепринятому пониманию: персонажи, несущие в себе «идею Христа», желающие изменить, спасти мир, обладают некрасивой внешностью. А их антиподы, носители идеи «Хочу, значит, право имею», всегда привлекательны внешне.

Характеризуя героев по приметным особенностям лица, автор широко использует экспрессивные синонимы слова *лицо*, в основном с пейоративным значением (*харя, рожа, физиономия, мина*). Писатель обращает особое внимание на цвет лица. Чаще всего, описывая отклонения от нормы, Ф. М. Достоевский использует определение *бледный* и различные композиты с этим мотиватором. Максимальная степень проявления признака может передаваться устойчивыми выражениями и сравнительными конструкциями (*бледный как платок, бледный как бумага, побелел, ровно мел, побледнел как скатерть, бледный как смерть*).

Ф. М. Достоевский детально описывает кожный покров лица и состояние его мышечной системы (*лицо дряблое, обрюзглое, морщинистое, угреватое, рябое*).

Параметр «полнота лица» реализуется в двух понятиях – худой и толстый (*лицо худое, худенькое, иссохшее, сухощавое и мясистое, одутловатое, припухшее, пухлое, отекающее*).

Достаточно часто Ф. М. Достоевский характеризует лица героев с точки зрения формы: (*лицо круглое, востренькое, угловатое, продолговатое*). А вот с точки зрения размера описания лиц довольно скупы (*маленькое лицо, чрезмерно мелкие черты*).

Параметрическая характеристика сочетается с описанием выражаемых лицом эмоций, что очень характерно для писателя. При этом в определении персонажей автор использует преимущественно негативные эмоциональные характеристики. Практически не представлены характеристики лица с точки зрения выражения интеллектуальных особенностей человека.

Являясь большим мастером детали как художественного приема, Ф. М. Достоевский уделил внимание описанию отдельных частей лица, особенно глаз. У большинства его персонажей глаза темного цвета. У поло-

II. LINGVISTICĂ. STILISTICĂ. METODICĂ

жительных героев глаза, как правило, большие, но несмотря на наличие в языке деривата *большеглазый(ая)*, автор это слово не употребляет.

Очень детально автор описывает глаза с точки зрения выражаемых ими эмоций – от абсолютно положительных (*необыкновенно добрые; тихие, добрые, невинные*) до крайне отрицательных (*вострые и злые глазки, усталые и посоловелые глаза*).

Описывая щеки, писатель фиксирует внимание на их форме и цвете (*румяные щеки, бледные, желтые, ввалившиеся* и т.д.). Еще детальнее Ф. М. Достоевский описывает губы. Цвет губ имеет большое значение: отсутствие краски символизирует эмоциональную взволнованность, синий цвет указывает на физическое и психическое нездоровье; красный цвет у женщин – чувственность, у мужчин – похоть. Характерным является то, что непосредственно слово *красный* не используется, употребляются его синонимы, передающие различные оттенки: *алый* – «ярко-красный», *румяный* – «алый, густо-розовый».

Характеризуя положительных героев, автор ни разу не упоминает, хорошие или плохие у них зубы. А вот у отрицательных героев зубы либо вставные, либо вообще отсутствуют.

Описывая рост персонажей, писатель использует градуальные характеристики: маленький рост – средний рост – высокий рост. Последний обозначается прилагательным *высокий* и его эмоционально-экспрессивными синонимами – пейоративным *долговязый* и позитивным *рослый*. Эти определения, как правило, относятся к личному существительному, но могут сочетаться и со словом *фигура*. В отношении женщин автор использует только прилагательное *высокая*. Такая антропная характеристика как средний рост у Ф. М. Достоевского практически не представлена и, если встречается, то лишь при описании персонажей-мужчин. Маленький рост – отрицательная авторская характеристика мужских персонажей (*малого роста, небольшого роста, маленький человек, невысокий человек, низкого роста, коротенький толстяк, коренастое сложение*). Обращает внимание значительная разница в частоте использования антропной характеристики «маленький рост» в отношении героев мужчин и женщин. Формально для описания невысоких женщин употребляются те же языковые средства, но значительно реже.

Еще один параметр, учитываемый Ф. М. Достоевским в характеристике персонажей, – осанка. Чаще всего, для описания мужских персонажей автор использует адъектив *осанистый*. Для характеристики красивой внешности как мужских, так и женских персонажей употребляется определение *стройный*.

Специфическим приемом реализации негативной авторской оценки является использование избыточности признака по сравнению с исходным – эксцессивность. И, напротив, позитивизм авторской оценки реализуется за счет конструкций со значением неполноты признака.

Таким образом, категория антропности, с одной стороны, является обязательным и необходимым элементом в создании художественного образа, с другой, позволяет исследовать языковую личность писателя. Для Ф. М. Достоевского характерно использование преимущественно аналитических антропономов, первая часть которых, как правило, содержит качественную характеристику.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Селиванова Е. А. Когнитивная ономазиология (монография). – К.: 2000. С.37
- ² Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. – М.: 1966. С.192
- ³ Бондарко А. В., Булыгина Т. В., Вахтин Н. Б. др. Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. – Спб.: Наука, 1991. С.5
- ⁴ Арутюнова Н. Д. Коммуникативная функция и значение слова // ФН. – 1973. – №3. С.49
- ⁵ Русская грамматика, ч.1. – М.: Наука, 1980. С.461

**ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ
РЕЧЕВЕДЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН
(ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ВУЗА)**

Е.А. Федорова

(Россия, Москва, Финансовая академия при Правительстве РФ)

Higher education; linguistic disciplines (Russian and standard of speech, Business dialogue, Rhetoric); communications; innovative techniques

Elena Fedorova

Questions of teaching of linguistic disciplines (Russian and a standard of speech, Business dialogue, Rhetoric) in high school of an economic profile at the present stage are considered. Questions of preservation of a native language and education at young generation of a solicitous attitude to national culture.

Вопросы сохранения родного языка, воспитания у молодого поколения бережного, любовного отношения к сокровищнице национальной культуры приобретают в последнее время особую актуальность, находятся в центре внимания не только российской научно-педагогической общественности, но и широких слоев общества¹. Особую роль в этом гуманистическом процессе призвана сыграть высшая школа, которая сегодня решает важнейшие задачи реализации положений Болонской декларации в системе высшего профессионального образования. Среди инструментов перестройки - опора на компетентностный подход, внедрение активных форм самостоятельной работы, введение системы менеджмента качества образования².

В вузе экономического профиля речеведческие дисциплины представлены для студентов первого года обучения (программа подготовки бакалавров) как обязательные или дисциплины по выбору (наряду с дисциплинами естественнонаучного и общегуманитарного характера). В блок данных дисциплин входят «Русский язык и культура речи», «Деловое общение», а также «Риторика». Система их преподавания базируется на позитивном опыте, накопленном высшей школой за последние десять – пятнадцать лет, когда курс «Русский язык и культура речи» входил в учебные планы факультетов как обязательный, являясь составной частью Федерального компонента образовательных стандартов³. В настоящее время расширение диапазона речеведческих дисциплин в вузах нефилологического профиля отражает потребности времени. Ориентация на финальные компетенции (профессиональные, общеобразовательные и инструментальные) делает процесс обучения практически значимым, повышает мотивацию учащихся.

Согласно программным материалам, адресованным студентам-экономистам, к числу важнейших компетенций, которыми должен обладать студент в результате освоения вышеуказанных дисциплин, относят, в частности, следующие:

- владеть культурой мышления, способностью к обобщению, анализу, восприятию информации, постановке цели и выбору путей ее достижения;
- обладать способностью использовать нормативные документы в своей деятельности;
- обладать способностью логически верно, аргументировано и ясно строить устную и письменную речь;
- осознавать социальную значимость своей будущей профессии, обладать высокой мотивацией к выполнению профессиональной деятельности;
- осознавать сущность и значение информации в развитии современного общества; владеть основными методами, способами и средствами получения, хранения, переработки информации;
- иметь навыки работы с компьютером как средством управления информацией;
- быть способным осуществлять сбор, анализ и обработку данных, необходимых для решения поставленных учебно-профессиональных задач;
- уметь работать в коллективе и др.⁴

Серьезность выдвигаемых требований к освоению дисциплин предполагает соответствующую организацию учебного процесса: системность и последовательность в отборе и презентации учебного материала, внедрение современных инновационных методов, лично ориентированных методик, новейших информационных компьютерных технологий.

Важнейшим условием, на наш взгляд, является создание и поддержание устойчиво высокой мотивации к обучению. Причем сегодня – в условиях конкурентной дидактической среды (большинство факультетов принимает речеведческие дисциплины как курсы по выбору) – вопрос привлечения потенциальных слушателей стоит необычайно остро. Чем руководствуются молодые люди, вчерашние абитуриенты, при выборе соответствующей дисциплины (курса по выбору)? Анкетирование студенческой аудитории выявило следующие важнейшие критерии: 1) субъективное представление о содержании дисциплины («Понравилось название», «В школе были уроки «Риторики», «Получил достаточно высокий балл по русскому языку/литературе на итоговом экзамене в школе» и подобн.; 2) присоединился к другим студентам (т.е. ссылка авторитетное мнение лидеров молодежного коллектива); 3) опора на информацию, полученную от студентов старших курсов («Хорошие отзывы о педагоге и содержании дисциплины: было интересно»); 4) выбор «по остаточному принципу», другие предложения неприемлемы и т.д.

Результаты анкетирования и опросов показывают наличие определенной проблемы: молодые люди не готовы сделать сознательный и мотивированный выбор, поскольку к этому их приучила директивность системы среднего образования. Вместе с тем все больше молодых людей присоединяется к мнению о том, что «без знания родного языка, приемов эффективной коммуникации, навыков делового общения современный профессионал

II. LINGVISTICĂ. STILISTICĂ. METODICĂ

(экономист) состояться не может». Представляется, что в данной ситуации весьма эффективным может стать модель «опережающего информирования», размещенная, например, на сайте учебного заведения⁵. При этом информация должна быть подана в определенной стилистической тональности и в различных модификациях: краткая (в разделе «Новости») и достаточно детальная в академическом стиле изложения (в разделе «Учебно-методическая работа кафедры»).

Практика подтвердила: целесообразно использование нетривиальных приемов с элементами рейтинга - к примеру, викторины с оценкой в баллах по базовым разделам курса (или с информационным расширением) как на начальном этапе, так и в ходе учебы. Интерес и азарт – что может быть полезнее, если имеешь дело с молодежью! Подобная дидактическая презентация материала может носить междисциплинарный характер и сопровождаться системой «подсказок», оформленных по законам компьютерного дизайна. Ниже приводится фрагмент одной из тематических викторин, используемых в учебном процессе и «вывешенных» в тестовой форме на сайте академии, а также фрагменты «подсказок».

ВИКТОРИНА «ДАЛЕКОЕ – БЛИЗКОЕ» (Язык. История. Просвещение)

1. Из какого языка пришло в русский язык больше число слов, характеризующих сферу образования: студент, аспирант, экзамен, декан, кафедра, кредит, школа, академия и мн.др.?

(А) греческий	(В) немецкий
(Б) латинский	(Г) французский

2. На каком языке (каких языках) в XVIII в. читались лекции в первом российском университете?

(А) церковнославянском	(Г) французском
(Б) немецком	(Д) латинском
(В) русском	

3. Кому принадлежат слова: «В университете тот студент почтеннее, кто больше научился, а чей он сын – в том нет нужды»? Этот человек немало сделал для демократизации отечественного образования. Это ...

(А) Император Петр I	(В) писатель и историограф Н.М. Карамзин
(Б) ученый-энциклопедист М.В. Ломоносов	(Г) автор ученого труда «Грамматика русского языка» М.Смотрицкий

4. Кто первым из профессоров стал читать лекции на русском языке? Какую дисциплину он преподавал?

(А) М.В. Ломоносов - физику	(В) В.К. Тредиаковский – стихосложение
(Б) Н.Н. Поповский – философию	(Г) З. Магницкий – математику
	(Д) М. Смотрицкий – русскую грамматику

Подсказки (фрагменты)

№1. Язык, о котором идет речь, относится сегодня к так называемым мертвым языкам. На нем существует обширная литература, но целям «живой» коммуникации он не служит. Однако в таких областях деятельности

современного человека, как медицина и юриспруденция, не обойтись без отдельных слов, словосочетаний и даже текстов профессионального назначения на этом языке.

№2.

«В университете тот студент почтеннее, кто больше научился, а чей он сын – в том нет нужды...»

Кому принадлежат эти слова?
 Ответ – на знаменитом портрете!

№4. Этот человек был учеником М.В. Ломоносова. Свою первую лекцию в стенах Московского университета (1755 г.) он начал словами: «Прежде она [дисциплина, которую он преподавал] говорила с греками; из Греции переманили ее римляне; она римский язык переняла весьма в короткое время и несметною красотой рассуждала по-римски...». Сегодня эту дисциплину изучают студенты-экономисты всех российских вузов.

Легко видеть, что так называемые «подсказки» не содержат прямого ответа на вопрос, они показывают путь к ответу, стимулируют мышление, познавательную деятельность, способствуют формированию предметного интереса и соответствующих навыков и умений. Следует подчеркнуть, что описанные приемы являются элементами **единой системы, комплекса дидактических средств и методов** (программа, учебно-методический комплекс, материалы к лекционно-практическим занятиям, рабочая тетрадь для аудиторной и самостоятельной работы, материалы текущего и циклового контроля, папка текущей успеваемости и др.), которые позволяют раскрыть огромный информационный и коммуникативный потенциал речеведческих дисциплин.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ «Риторика и культура общения в общественном и образовательном пространстве». Программа и материалы XIII Международной научно-методической конференции (21 – 23 января 2009 г.). М., Гос. институт им. А.С. Пушкина. <http://www.rhetor.narod.ru>.
- ² Федорова Е.А. Компетентностный подход в преподавании дисциплины «Русский язык и культура речи» для студентов экономических и юридических специальностей – Русский язык: проблемы функционирования и методики преподавания на современном этапе: Материалы Международной научно-практической конференции (Пенза, 18-20 мая 2009 г.). Пенза: ПГПУ им. В.Г. Белинского, 2009.
- ³ Баландина Л.А., Симонова Е.П., Федорова Е.А. Традиции и инновации в русском гуманитарном образовании (из опыта преподавания дисциплин «Русский язык» и

II. LINGVISTICĂ. STILISTICĂ. METODICĂ

«Русский язык и культура речи» студентам-экономистам). – Инновации в исследованиях русского языка, литературы и культуры. Т.П. Университетско издательство «Паисий Хилендарски», 2007.

- ⁴ Баландина Л.А., Кураченко Г.Ф., Симонова Е.П. Русский язык и культура речи. Программа дисциплины по выбору для направления «Экономика» и «Менеджмент»; Баландина Л.А., Симонова Е.П. Русский язык. Деловое общение. Программа дисциплины; Баландина Л.А., Симонова Е.П. Риторика. Программа дисциплины.- М., Финакадемия, 2009.
- ⁵ Материалы сайта <http://www.fa.ru>. Кафедра «Русский язык» (отв. доц. Федорова Е.А.).

ЯЗЫКОВО-СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ГРУЗИНСКОГО ПЕРЕВОДА РАССКАЗА Н. В. ГОГОЛЯ "ТАРАС БУЛБА"

Manana Mikadze

Full Professor

Akaki Tsereteli State University

Кутаисский госуниверситет им. А.Церетели

Грузия

e-mail: manana-mikadze@rambler.ru

About Georgian Translation "Taras Bulba"

Translation, as the act of interlingual and cross-cultural communication, is of greatest social importance. This kind of importance has always been in the centre of attention. A lot of different ideas have been expressed in recently published special researches. For some researches the most important point while doing a translation is a good knowledge of literature, on the other hand linguistic methods seem to be valuable. G. Gachechiladze claims that the most important factor of translation is aesthetic values of the original text. We consider both of them to be of vital importance. Though they are closely linked with each other they can also be separated. We might face some difficulties while rendering the text from one language into another. Georgian translation in its own way is original due to its structure and some specific features. The translator should manage to maintain the natural structure of the language and this can only be achieved by preserving the specific grammatical characteristics of the language which seems to be quite difficult.

"Taras Bulba" by N. Gogol is deservedly considered to be a masterpiece. This novel is the best example of interconnection between the human life and some psychological moments. The reader is under the book's impression for a long time and that means that it is a valuable work of art.

The translator deeply feels the original version of this book and shows his good taste in literature. The translator is impossible always to have all the readymade materials, phrases and terms, no matter how rich and well-developed the target language. But it should be mentioned to the translator's credit that in the translated text the translator uses the natural forms characteristic to the Georgian language. Every translation enriches not only the culture but also the language itself. That's why in recent years a great attention is drawn to the stylistic analysis of the literary translation. A lot of works have been dedicated to this matter. That's the aim of research as well. We consider the translation of "Taras Bulba" to be one of the best translation works ever made and its analysis has confirmed the complexity involved in carrying out this work.

Ключевые слова: Рассказ «Тарас Бульба», грузински перевод, Ив. Ахалшенишвили.

Key words: Novel "Taras Bulba" georgian translation, I.Akhalshenishvili

II. LINGVISTICĂ. STILISTICĂ. METODICĂ

Перевод, как акт межъязыковой и межкультурной коммуникации, имеет огромное общественное значение. Вопрос общественного назначения перевода всегда находился в центре внимания. Во многих специальных исследованиях высказаны различные соображения. Некоторые ученые в процессе перевода предпочитают отдавали литературоведению, некоторые – лингвистическим методам. Грузинский исследователь Г. Гачечиладзе считает, что в художественном переводе главное – эстетические ценности, языковые же соответствия служат художественным соответствиям. Мы полагаем, что оба эти момента важны и поэтому тесно связаны друг с другом. Их можно и разъединить. Переводчик должен учесть, что язык художественного произведения опирается на литературный язык. При переводе весьма важно вникать в суть языка перевода, выискивать эмоциональные соответствия.

Жизнь Грузии всегда тесно была связана с соседними странами. Как в мирные периоды, так и во времена бедствий грузинская литература подпадала под влияние литературы другого народа. В средние века представители грузинского духовенства и светского общества интенсивно занимались переводами с других языков на грузинский язык. Впоследствии количество подобных переводов еще более возросло, особенно с русского, английского, французского, немецкого, греческого и т.д.

Выдающийся русский писатель Н.В. Гоголь пользуется популярностью у грузинского читателя. Творчество его всегда вызывало повышенный интерес в Грузии, и произведения его с успехом переводились на грузинский язык.

Рассказ "Тарас Бульба" - одно из лучших и всемирно признанных произведений Н. Гоголя. Рассказ "Тарас Бульба" перевел Иван Ахалшенишвили, который сумел показать грузинскому читателю на его родном языке быт, описанный в произведении мощно очерченные характеры персонажей, сильные человеческие страсти.

В своем переводе И. Ахалшенишвили обнаруживает высокий литературный вкус и индивидуальный стиль сохраняя при этом стиль оригинала.

„Тарас Бульба“ – известное произведение, выполненное с художественным мастерством. Перевести его на грузинский язык нелегко, но переводчик, по нашему мнению, сумел по мере возможности донести до грузинского читателя основную идею произведения и его художественно-образительные средства.

Каким бы ни был язык богатым и развитым, все равно невозможно, чтобы переводчик в каждом отдельном случае имел готовый материал для перевода, готовые выражения или термины. Однако заслугой названных переводчиков следует считать то, что при переводе они пользуются естественными формами, действительно подходящими для грузинского языка.

"bulba gauZRva Svilebs sastumro oTaxisaken, saidanac saCqarod ori lamazi moaxle gogo gamovarda, oqrosferi RinWilebiT morTuli" [Гоголь 1955: 104-105].

"Бульба повел сыновей своих в светлицу, откуда проворно выбежали две красивые детьки-прислужницы в червонных монистах, прибивавшие комнаты" [Гоголь 1979:108].

"Svilebis mosvlis gamo bulbam brZana moewviaT yvela asisTavi da mTeli aTaseulis msaxurni, vinc ki imJamad iq iyo" [Гоголь 1955: 106].

"Бульба по случаю приезда сыновей велел созвать всех сотников и весь полковой чин, кто толькл был налицо" [Гоголь 1979: 109].

Стержнем грузинского языка является глагол, без него грузинское предложение (за редким исключением) не может существовать. Это прекрасно понимает переводчик и с чрезвычайным вниманием берутся за „огрузивание“ русского предложения. Особо они выделяют глагол, подыскивая при переводе соответствующий грузинский глагол, обладающий экспрессивной нагрузкой и выразительными возможностями.

"eg kargia RmerTmani, kargia, Svilo! raki egreā, mec TqvenTan wamoval! RmerTmani, wamoval. Aaq ra eSmakebs unda vucado? rao, ugrexeli vTeso, nacari vqeqo, Rorebsa da cxvrebs vdio da dedakacs Sevcaqiro?" [Гоголь 1955: 107] (выделено нами).

"- Добре, сынку! Ей-богу, добре! Да когда на то пошло, то и я с вами еду! Ей-богу, еду! Какого дьявола мне здесь ждать? Чтоб я стал гречкосеем, домоводом, глядеть за овцами да за свиньями да бабиться с женой?" [Гоголь 1979: 110].

Хороший переводчик всегда старается наиболее полно или почти полно перенести в перевод художественно-эстетические свойства оригинала, обеспечивая тем самым должный эффект. Особого внимания заслуживает вопрос перевода фразеологических единиц. Известно, что большая часть единиц точно не переводится. Они содержат различные нюансы, и поиск их соответствий связан со множеством трудностей. Поэтому они создают исключительную сложность при переводе. Однако переводчик „Тараса Бульба“ хорошо знает богатство лексики грузинского языка, разнообразие фразеологических единиц и применяют их мастерски.

Переводчик сумел использованное в русском тексте то или иное выражение передать естественным грузинским словосочетанием:

"- eSmaksac wauRia imaTi Tavi [Гоголь 1955:107].

"- Да пропади она [Гоголь 1979:110].

Известно, что в большинстве случаев перевод должен следовать за оригиналом, но иногда эмоциональность фразы одного языка не годится для другого языка, поэтому переводчик должен соотнести ее с родным языком, передать ту же мысль, сохранить эмоциональность. В рассматриваемом переводе зафиксирован следующий диалог:

«- Ну, сыны, все готово! Нечего мешкать! – произнес наконец Бульба. – Теперь, по обычаю христианскому, нужно перед дорогою всем присесть.

- Теперь благослави, мать детей свойъ! – сказал Бульбаю – Моли бога, чтобы они воевали храбро, защищали бы всегда честь лыцарскую, чтобы стояли всегда за веру Христову, а не то – русть лучше пропадут, чтобы и духу их не было на свете!

- Пусть хранит вас божья мать. Не забывайте, сынки, мать вашу [Гоголь 1979: 115].

- aba, Svilebo, yvelaferi mzad aris! nuRar zozinobT! – daiZaxa bulbam. axla qristianuli wesiT, vidre gzas gavudgebodeT, yvelani unda davsxdeT.Maxla, deda, Svilebi daloce! mimarTa bulbam cols: "sTxove ufals,rom mamacad ibrZolon, rom raindis patiosneba mudam daicvan, rom qristes rjuls emsaxuron, Torem uamisod – wyalsac wauRia orive, dee amaTi xsenebac ki nuRar iqneba!..

- RvTismSobeli iyos... Tqveni mfarveli. Nnu daiwiwyebT, Svilebo, dedas" [Гоголь 1955: 114].

II. LINGVISTICĂ. STILISTICĂ. METODICĂ

Как видим, уставшая, разочарованная Бульба выражает одну и ту же мысль по-русски и по-грузински — разными словами. Суть переводимой фразы передана точно, что становится возможным благодаря многообразию грузинской лексики, а также тому, что сам переводчик И. Ахалшенишвили удачно подбирают соответствующие выражения.

Специфика личной формы грузинского глагола дает возможность не употреблять личное местоимение, что в русском языке происходит не столь уж часто, поскольку в определенных случаях здесь местоимение необходимо:

" — **Ты, известно, разговоришься, -с недовольно сказал Бульба**" [Гоголь 1955: 129].

"— *namdvilad ase izamdi, — ukmayofilod uTxra bulbam*" [Гоголь 1955: 133].

У грузинского глагола имеется весьма интересная категория – версия, которая в русском языке отсутствует. Грузинский переводчик часто использует формы версии, избегая тем самым двусмысленности, лишних местоимений и , что главное, приближаясь к естественной грузинской речи

"Янкель, уже разбил какую-то ятку с навесом и продавал кремни, завертки, порох и всякие войсковые снадобья, кужные на дорогу, даже калачи и хлебы. «Каков чертов жид!»-подумал про себя Тарас и, подъехав к нему на коне, сказал:

- Дурень, что ты здесь сидишь? Разве хочешь, чтобы тубя застрелили, как воробья?» [Гоголь 1979: 140].

"mis ebraels daedga raRaca farduli da hyidda talebs, saSalebs, Tofiswamalsa da sxva salaSqro rameebs. "hxedavT, ra aris eSmaki ebraeli?" gaifigra tarasma da cxeni Seabruna: "Se sulelo, ras uzixar aqa, rom CitiviT suli gagafTxobinon" iankeli pasuxis magivrad miuaxlovda bulbas, orive xeliT raRaca aniSna, TiTqos didi saidumlo unda gamoumJRavnos, da uTxra: "oRond, batono, Tqven nursad ras ityviT da, - kazakTa fornebSi erTi Cemia" [Гоголь 1955: 148].

"- Д умать надо, - сказал он, усаживаясь на корточки перед Бульбом. Женщина с крыши видела, как ты ехал" [Гоголь 1979: 146].

@"- unda movifiqroT, - Tqva man da bulbas win Cacucqda. - viRac qals banidan daunaxixar aqeT tomavali" [Гоголь 1955: 149].

Употребленному в оригинале тому или иному слову или выражению переводчик тщательно подбирает грузинские соответствия, наиболее уместные и естественные для грузинского текста. Особое внимание в переводе уделяется особенностям русского и грузинского языков как языков разных систем, различиям в их грамматическом строе. Перевод показал, что грузинская версия "Тарас Бульба" пронизана общим настроением оригинала и что в ней верно отражена симпатия или антипатия самого писателя по отношению к описанным в рассказе событиям и персонажам.

В русском тексте (как и вообще в индоевропейских языках) часто употребляются как полные, так и краткие причастия, причастные конструкции, по-разному передаваемые на грузинский язык: личной формой глагола, сложным предложением или же другими средствами. Например:

"-Пусть пан только молчит и никому не говорит: между козацкими возами есть один мой воз; я аезу всякий кужный запас для козаков и по дороге буду доставлять всякий провиант по такой дешевой цене, по какой еще ни один жид не продавал. Ей-богу, так; ей-богу, так" [Гоголь 1979: 141].

"- oRond, batono, Tqven nursad ras ityviT da, – kazakTa fornebSi erTi Cemia; momaqvs yovelive sagzali, rac ki kazakebisaTvis saWiro iqneba da gavyidi ise iafad, rom jer arc erT ebraels ise iafad ar gaeyidos; RmerTmani, marTals vambob; agrea, RmerTmani" [Гоголь 1955:148].

Переводчик И. Ахалшенишвили почти слово в слово соблюдают текст оригинала. Он пытается передать сказанное большей частью естественными для грузинского языка словами и фразами, стараясь в то же время сделать строй русского предложения характерным для грузинского.

Таким образом, каждый перевод обогащает не только культуру, но и язык.. Поэтому в последнее время большое внимание уделяется языково-стилистическому анализу переводной художественной литературы, чему посвящено уже немало работ. Наш труд также служит данной цели. Действительно, рассматриваемый грузинский перевод рассказа Н.В. Гоголя "Тарас Бульба" с полным правом можно считать одним из лучших образцов перевода художественного текста.

Литература

1. Гоголь 1979: Н.В. Гоголь. Повести. Москва, 1979;
2. Гоголь 1979: Н.В. Гоголь. Повести. Т. I. (На груз. яз. Перевод Ив.Ахалшени-швили). Тбилиси,1955;
3. Гачечиладзе 1959: Г.Н. Гачечиладзе. Вопросы теории художественного перевода. Тбилиси, 1959;
4. Панджикидзе 1985: Д. Панджикидзе. Новые теории перевода и проблема эквивалентности стиля. Тбилиси, 1985.

РОЛЬ ЯЗЫКА В ФОРМИРОВАНИИ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО СОЗНАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ НАРОДНО-РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА)

Позднякова Елена Юрьевна

Алтайский государственный технический университет
им. И.И. Ползунова

Language plays an important part in national consciousness forming. Words and expressions reflecting ethnocultural peculiarities, form language consciousness of the nation and define the typical features of national outlook. We join the national experience and enter into the national culture while learning language. On the one hand, language reflects features of national culture, on the other – it forms the national culture.

Key words: *ethnocultural consciousness, linguaculturology, Russian linguistic world view, cultural specific words.*

Вопрос о роли языка в формировании национального сознания не является новым, но получил иное освещение в конце XX – начале XXI века в связи с актуализацией антропоцентрической парадигмы в лингвистике и с возникновением новой филологической дисциплины – лингвокультурологии. В исследованиях, проводимых еще в XVIII-XIX веках такими учеными, как В.ф. Гумбольдт, А.А. Потебня, Э. Сепир, Б.Л. Уорф, находим утверждения о том, что язык – это непрерывный творческий процесс, «язык есть орган, образующий мысль», выражение индивидуального мирозерцания народа, его «дух» (В.ф. Гумбольдт); «язык – путеводитель в «социальной действительности» (Э. Сепир); язык играет важнейшую роль в формировании национального сознания, существует «взаимодействие между культурой и языком в целом, в результате которого многие факторы, хотя они и не относятся к языку, указывают на его формирующее влияние»¹. А.А. Потебня говорил: «Как индивидуальная психология указывает не только общие для всех законы душевной жизни, но и возможное разнообразие и оригинальность неделимых, так психология народов должна показать возможность различия национальных особенностей и строения языков как следствие общих законов народной жизни»², таким образом, в языке запечатлены особенности миропонимания данного народа: разные языки – это разные миры, в которых живут народы. По словам Э. Сепира, «реальный мир» в значительной мере неосознанно строится на основе языковых привычек той или иной социальной группы. Два разных языка никогда не бывают столь схожими, чтобы их можно было считать средством выражения одной и той же социальной действительности. Миры, в которых живут различные общества, – это разные миры, а вовсе не один и тот же мир с

различными навешанными на него ярлыками»³. Не доводя эту точку зрения до крайности, признаем, что язык влияет на формирование этнокультурного сознания, однако язык – постоянно развивающийся феномен, и каждый индивид, присваивающий данный язык, вносит свою лепту в его развитие и изменение.

Язык представляет собой живое, непрерывно порождающееся самосознание и само-осознание нации, поскольку язык есть «переход от бессознательного к сознанию»⁴. Накапливая опыт, человек развивал языковые средства для его передачи и хранения, поэтому в языке запечатлен опыт народа. Осваивая язык, мы тем самым приобщаемся к этому опыту и таким образом входим в культуру, причем язык, с одной стороны, отражает особенности культуры народа, а с другой – формирует его культуру. Овладевая языком, человек овладевает и культурой, входит в мир культурных установок и стереотипов. Взаимосвязь культуры и языка столь глубока и неразрывна, что почти невозможно понять культуру народа без привлечения данных его языка: «Наивно думать, что можно понять основные принципы некоторой культуры на основе чистого наблюдения без того ориентира, каковым является языковой символизм, только и делающий эти принципы значимыми для общества и понятными ему»⁵.

В качестве иллюстрации рассмотрим некоторые слова и выражения, выделенные нами из народно-разговорной речи жителей г. Барнаула, и заключающие в себе, на наш взгляд, национально-специфичные компоненты. В речи горожан функционируют глаголы «угомониться» в значении «утихомириться, успокоиться»; «угваздаться» в значении «испачкаться, замараться»; «угоить» в значении «испортить, замарать»; «сгандобить» в значении «соорудить, приготовить». Данные лексические единицы просторечные по сфере употребления, однако анализ данной лексики с помощью словаря В. Даля позволил выяснить, что их происхождение диалектное, а также уточнить значение данных глаголов. Так, в словаре зафиксирована форма «гомон» (южное и западное наречие) в значении «громкий говор, крик, шум», таким образом, более точное значение глагола «угомониться» – «перестать шуметь, кричать»; «угваздаться» образовано от глагола «гваздаться» (псковское, курское) в значении «мараться, грязниться»; «угоить» образовано от «гоить», в свою очередь представляющего собой диалектную форму глагола «говеть» – жить, здравствовать. «Гоить» в вологодских, пермских, сибирских говорах использовалось в значении «устраивать, убирать, готовить, ладить, чинить», в связи с чем можно сделать вывод, что «угоить» первоначально обозначало действие, противоположное по значению глаголу «гоить», то есть «ломать, портить». «Сгандобить» восходит к глаголу «гандабить» (воронежское) в значении «гоношить, собирать помалу, наживать», оттенок данного значения сохранился и в современной форме: «сгандобить» означает не просто соорудить, а сделать из подручных материалов, «собрать из малого», однако в отличие от глагола «гандабить», «сгандабить» – значит сделать быстро. В представленных примерах мы находим оттенки значений, позволяющие сделать некоторые выводы касательно происхождения этих слов и их внутренней формы. Подобные слова можно назвать «культурноспецифичными» (термин А. Вежбицкой), так как они «представляют собою понятийные орудия, отражающие прошлый опыт общества касательно

действий и размышлений о различных вещах определенными способами; и они способствуют увековечиванию этих способов»⁶, в таких языковых единицах аккумулируется культура народа.

Взаимосвязь «язык-культура» может проступать в языковых фактах в явной и неявной формах. Явственно проявляются эти связи во фразеологизмах или словах, непередаваемых на другие языки – в так называемой безэквивалентной лексике. В других единицах эта связь не так очевидна, но проявляется, например, в наличии большого количества однокоренных слов, разработанности понятия в данном языке, употребительности, частотности слова. Кроме того, слова, казалось бы, на первый взгляд не обладающие культурной спецификой, проявляют ее при сопоставлении с другими языками или обнаруживают национальную специфику в употреблении. Так, например, трудолюбие присуще многим народам, «но именно у русских авралы чередуются со спадами трудовой деятельности»⁷, что прослеживается в следующем фразеологизме: **«Дождь идет, а мы скирдуем»**. Русским свойственно затягивать выполнение какого-либо дела, а затем, когда наступает последний момент, (в приведенном примере, когда сухая погода, благоприятная для уборки сена, закончилась, и начались дожди, губительные для урожая), начинается аврал – необходимо все сделать в предельно сжатые сроки: русские **«долго запрягают, но быстро едут»**.

Для русских характерно откладывать дело «на завтра», руководствуясь народной мудростью **«Утро вечера мудренее»**. Отношение к труду у русскоговорящих зачастую пересекается с русской ленью. Исследователи отмечают, что русская лень граничит с философской рефлексией, связана с осмыслением жизни: «...Лень в русской культуре – проявление мудрости, ума, потому что русская лень – не сонная и вялая, а мечтательная. Это поистине библейский взгляд, когда осуждается суета сует»⁸. Именно поэтому русская лень не всегда оценивается отрицательно, ср.: **«Лень-матушка вперед родилась»**; чаще отрицательную оценку приобретает поспешность, необдуманность действий, ср.: **«Поспешишь – людей насмешишь»**, **«С бухты-барухты»**, **«Тяп-ляп»** и др. Оценка лени амбивалентна: с одной стороны, нельзя торопиться, необходимо все хорошо продумать, прежде чем начать действовать, с другой стороны – лень, нежелание работать в русской культуре традиционно оценивается негативно: **«Под лежащий камень и вода не течет»**, **«Лежа на печи не испечешь калачи»**, **«Палец о палец не ударить»** и др.

Труд воспринимается русскими как интенсивный процесс, требующий большого напряжения от работающего: **«Работать на полную катушку»**, **«Вкалывать дни и ночи»**, **«Вкалывать по целым дням»**, **«Работать, как папа Карло»**. Как отмечает А.А. Потемня, «понятия тяжести, работы, болезни и горя совмещаются в слове *труд*... так страдать, в смысле болезни и муки, имеет при себе обл. *страда*, рабочая пора и тяжелая работа»⁹. Примечательно, что понятия работа и труд в русской языковой картине мира неравнозначны. Поговорки **«Работа не волк, в лес не убежит»**, **«От работы и кони дохнут»**, с одной стороны, и **«Без труда не выловишь и рыбку из пруда»**, **«Терпенье и труд – все перетрут»**, – с другой, свидетельствуют о том, что работа и труд оцениваются русскоговорящими по-разному. Если обратиться к истории, то становится понятным, что первоначально работа для крестьян была трудом подневольным, это был принудительный труд крестьян на земле помещика –

барщина, которая воспринималась негативно. Труд (свободный, для себя), хотя и характеризуется как тяжелый, трудный, напряженный, тем не менее, оценивается положительно.

Таким образом, все вышесказанное еще раз подтверждает, что язык играет важнейшую роль в формировании национального сознания, слова и выражения, отражающие этнокультурные особенности, формируют языковое сознание нации, определяют характерные черты мировоззрения народа.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Уорф, Б.Л. Отношение норм поведения и мышления к языку / Б.Л. Уорф // Языки как образ мира. – М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: Terra Fantastica, 2003. – С. 181.
- ² Потебня, А.А. Слово и миф / А.А. Потебня. – М.: Издательство «Правда», 1989. – С. 54.
- ³ Сепир, Э. Статус лингвистики как науки / Э. Сепир // Языки как образ мира. – М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: Terra Fantastica, 2003. – С. 131.
- ⁴ Потебня, А.А. Слово и миф / А.А. Потебня. – М.: Издательство «Правда», 1989. – С. 52-53.
- ⁵ Сепир, Э. Статус лингвистики как науки / Э. Сепир // Языки как образ мира. – М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: Terra Fantastica, 2003. – С. 130.
- ⁶ Вежбицкая А., Понимание культур через посредство ключевых слов / Пер. с англ. А.Д. Шмелева / А. Вежбицкая. – М.: Языки славянских культур, 2001. – С. 20.
- ⁷ Маслова, В.А. Homo lingualis в культуре: Монография / В.А. Маслова. – М.: Гнозис, 2007. – С. 135.
- ⁸ Там же, с. 32.
- ⁹ Потебня, А.А. Слово и миф / А.А. Потебня. – М.: Издательство «Правда», 1989. – С. 295.

Список использованной литературы

1. Вежбицкая А., Понимание культур через посредство ключевых слов / Пер. с англ. А.Д. Шмелева / А. Вежбицкая. – М.: Языки славянских культур, 2001. – 288 с.
2. Маслова, В.А. Homo lingualis в культуре: Монография / В.А. Маслова. – М.: Гнозис, 2007. – 320 с.
3. Потебня, А.А. Слово и миф / А.А. Потебня. – М.: Издательство «Правда», 1989. – 624 с.
4. Сепир, Э. Статус лингвистики как науки / Э. Сепир // Языки как образ мира. – М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: Terra Fantastica, 2003. – С. 127-138.
5. Уорф, Б.Л. Отношение норм поведения и мышления к языку / Б.Л. Уорф // Языки как образ мира. – М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: Terra Fantastica, 2003. – С. 157-201.

ФОРМИРОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩЕГО СПЕЦИАЛИСТА В УСЛОВИЯХ АКТУАЛИЗАЦИИ ДЕЛОВОЙ РИТОРИКИ

Карасаева Халам
Университет «Кайнар»

In clause the problem of training of the future experts to laws and rules of business dialogue as efficiency of any professional work depends to no small degree on communicative competence of the person is considered.

Key words: *communicative competence, professional competence, business dialogue, business rhetoric.*

Казахстан все увереннее выходит на мировую экономическую, политическую, научно-техническую и деловую арену. Перед современной молодежью открылись возможности обучения за рубежом, трудоустройства в совместных и иностранных фирмах и предприятиях.

Эффективность любой профессиональной деятельности требует от человека развития личностных качеств, определяющих успех. Но очевидно, к какой бы сфере деятельности ни готовились выпускники образовательных учреждений, им предстоит работа, предполагающая общение с людьми.

Именно поэтому профессиональная подготовка специалистов любого профиля не должна только определяться знаниями по базовым учебным дисциплинам. Цивилизованному государству нужны люди, самостоятельно мыслящие и умеющие пользоваться словом в соответствии с ситуацией и задачей общения.

Главным ценностным ориентиром будущего специалиста стал профессионализм, предполагающий не только компетентность и эрудированность, но и свободное оперирование своими знаниями, умение квалифицированно излагать суть дела, кратко и доступно формулировать поставленные перед партнерами цели и задачи. В этой связи представляется целесообразным обучение будущих специалистов законам и правилам делового общения, принятыми в цивилизованном мире, и которые необходимы в любой сфере деятельности. Решение данной задачи возможно в цикле лингвистических дисциплин, а также в курсе культуры речи или деловой риторики.

Перед студентами ставится задача – практически овладеть речевыми средствами официально-документального и обиходно-делового подстилей, а затем научиться строить грамотную речевую коммуникацию с деловыми партнерами.

Языковой облик функциональных стилей имеет свои особенности, которые зависят от отражения определенной стороны общественной жизни,

сферы применения, а также от условий общения, к примеру, официальные, неофициальные, непринужденные и т.д. Каждый функциональный стиль содержит установку на использование конкретного набора речевых средств.

На данном этапе работы необходимо научить студентов распознавать, что есть стилистически выдержанный текст, а также уметь определить свойства стиля.

Согласно нашей задаче большего времени требует изучение официально-делового стиля, который обслуживает официальные сферы взаимоотношений партнеров: отношения между государством и личностью, между личностью и обществом, между государствами, между организациями, учреждениями, предприятиями. Студенты должны четко знать, что признаками данного стиля являются объективность и компактность изложения информации, констатирующее содержание, точность и логичность речи, стереотипность речевых средств, отсутствие эмоциональной окраски.

Официально-деловой стиль ориентирован на типовые ситуации делового общения, поэтому в тексте используются устоявшиеся средства языкового выражения, а также специфичные формы и приемы построения речи. На образцах служебной переписки, деловых бумаг необходимо показать преобладание канцеляризма, терминов, профессионализмов, лексических штампов, наличие унифицированных графических сокращений, аббревиатур, использование трафаретных синтаксических моделей.

Навыки, необходимые студентам, должны актуализироваться в разнообразных упражнениях, тренингах, основная цель которых - освоение специфики данного стиля на уровнях лексики, фразеологии, морфологии и синтаксиса.

Изучение жанров деловой риторики является следующим этапом формирования речевого поведения студентов.

Устные и письменные жанры делового общения, как деловая беседа, деловые переговоры, телефонный разговор, совещание, публичное выступление, деловая переписка и др., являются органичным компонентом профессиональной деятельности любого специалиста.

Преподаватель использует на занятиях разнообразную деловую документацию, исходя из коммуникативной ценности материалов, их функциональности и соответствием учебной цели.

Отбор учебного материала осуществляется в пределах тем, обеспечивающих создание условно-деловой и профессиональной ситуации, как например:

- поиск работы и прохождение собеседования у работодателя;
- ведение деловых переговоров;
- планирование дальнейшего образования и самообразования;
- деловые поездки;
- общение с партнерами и клиентами, построение отношений с руководством и коллегами;
- написание резюме, деловых писем, документов по оформлению деловых поездок и других видов документации.

II. LINGVISTICĂ. STILISTICĂ. METODICĂ

Работа над жанрами деловой риторики должна быть подчинена решению ряда задач, направленных на формирование коммуникативной компетентности специалиста в профессионально-деловой сфере:

- 1.совершенствование навыков деловой устной и письменной речи;
- 2.развитие навыков информационно-аналитического чтения;
- 3.приобщение к особенностям функционирования профессионально-деловой сферы и изучение стиля адекватного поведения в данной среде;
- 4.побуждение к формированию и развитию деловых качеств.

Процесс работы над видами и формами делового общения имеет специфические особенности.

Работа над деловыми текстами должна предваряться комментарием преподавателя, включающим:

- 1.разъяснение аббревиатур и сокращений;
- 2.ознакомление студентов с фактами многозначности терминологической лексики в профессионально-деловой сфере;
- 3.разъяснение явления стандартизации делового языка в конкретной ситуации делового общения.

Все виды работы над письменными и устными формами делового общения должны быть направлены на формирование у будущего специалиста необходимых умений, которые можно сформулировать следующим образом:

- отбор и обработка деловой информации с учетом цели общения;
- создание и редактирование текстов деловых бумаг различных жанров;
- подготовка конкретного предложения, обоснование проблемы, подлежащей обсуждению, или собственного мнения; умение публично выступить с подготовленным текстом;
- участие в дебатах по обсуждаемому вопросу - с соблюдением этико-психологических законов делового общения: умение аргументировать собственные конструктивные предложения и корректно отстаивать свою позицию;
- владение различными способами установления делового контакта и речевыми средствами воздействия на партнера с целью достижения конструктивного диалога.

Сегодня основные методические инновации связаны с применением активных или интерактивных методов обучения. Такой образовательный процесс вызывает интерес к дисциплине, обеспечивает лучшее усвоение материала, создает комфортные условия обучения.

В теоретическое и практическое обучение риторике необходимо включать как можно больше игровых ситуаций, моделирующих рабочую обстановку. Целесообразно использовать принцип работы малыми группами. Преподаватель разрабатывает проблематику учебных проектов на одно или несколько занятий, например, «Этикет и протокол в ведении деловых бесед и переговоров», «Правила хорошего тона, культура речи и культура жестов», «Правила этикета телефонных переговоров» и др.

Получив задание, студенты занимаются самостоятельно-групповой деятельностью. Происходит распределение ролей в группе, выделение лидеров, детализирование задачи, определение заданий для каждого, совместное планирование работы и выполнение самого проекта по разработанному плану.

Работа заканчивается презентацией, публичным предъявлением наглядного результата.

Презентация может проводиться в виде деловой игры, письменного отчета с комментариями руководителя или исполнителей учебного проекта, публичной защиты результатов работы.

Ценным является то, что при работе над учебным проектом раскрывается индивидуальность каждого участника, идет освоение различных ролей, проявляется инициативность и творчество, интенсивно развивается монологическая и диалогическая речь. Каждый участник берет на себя задачу практической реализации коллективного замысла в соответствии со своими деловыми качествами.

Таким образом, обучение деловой риторике будущих специалистов направлено на формирование коммуникативной компетентности и способствует достижению практических целей в избранной сфере деятельности, как:

1. установление деловых связей с интересующими людьми, организациями, структурами,
2. успешное проведение деловых переговоров,
3. организация эффективной рекламной кампании фирмы,
4. создание благоприятного психологического климата в профессиональной среде.

Коммуникативная компетентность молодого специалиста в совокупности с его профессиональной состоятельностью, в дальнейшем, безусловно, будут способствовать его профессиональному и карьерному росту.

Литература

1. Ивин А.А. Риторика. Искусство убеждать.- М.,2002.
2. Михальская А.К. Основы риторики: Мысль и слово.- М.,2001.
3. Пугачев В.П. Тесты, деловые игры, тренинги в управлении персоналом.- М.,2001.
4. Смелкова З.С. Педагогическое общение: Теория и практика учебного диалога на уроках словесности.- М.,1999.

О ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА В РАМКАХ КАЗАХСТАНСКОГО ДИСКУРСА

Кажигалиева Г.А., Шманова А.Н.,

*Казахский национальный педагогический университет имени Абая,
Казахский национальный медицинский университет
имени С. Асфендиярова, г. Алматы, Казахстан*

Annotation

The article touches upon the discursive problem in the cultural aspect, the notion of discourse and discursive practice, the originality of the notion Kazakhstan discourse, in the frame of which the specific key characteristics of the process of teaching Russian language in the high schools of Kazakhstan is represented. The latest is realized on the example of such subjects which are conducted to philological students: "The basis of culture of speech and rhetoric", "Practical course of Russian language", "The methodology of teaching Russian language" and others.

Key-words: *Kazakhstan discourse, Russian language in the high schools of Kazakhstan, bilingual-cultural person.*

Сегодня дискурсивная проблематика, в том числе рассматриваемая в культурологическом аспекте, разрабатывается чрезвычайно активно. И это неудивительно, если иметь в виду, что понятием *дискурс* оперируют и историки, и социологи, и психологи, и литературоведы, и философы, и лингвисты, и педагоги. Последнее обстоятельство, на наш взгляд, обусловлено многофакторностью и многозначностью, расплывчатостью и сложностью определения дискурса. То есть дискурс, представляя собой многозначный термин ряда гуманитарных наук, не обладает на сегодня четким и общепризнанным определением. Также приходится считаться с тем, что «различные понимания удачно удовлетворяют различные понятийные потребности, модифицируя более традиционные представления о речи, тексте, диалоге, стиле и даже о языке»¹. В рамках настоящей статьи *дискурс* определяется как родовая термин, объединяющий все виды использования языка. Соответственно дискурс, вслед за рядом исследователей, понимается нами как «включающий одновременно два компонента: и динамический процесс языковой деятельности, вписанной в ее социальный контекст, и ее результат (то есть текст)»². При этом дискурс, имея паралингвистическое сопровождение речи (мимику, жесты), осуществляет следующие функции: ритмическую, референтную, семантическую, эмоционально-оценочную и функцию воздействия на собеседника³.

Таким образом, принимая широкую трактовку термина *дискурс*, включающую в себя одновременно и динамический процесс языковой деятель-

ности, вписанной в ее социальный контекст, и ее результат (текст), мы хотим отметить и подчеркнуть лингводидактическую (лингвометодическую) актуальность дискурса. Ибо в процессе изучения языков, особенно, если речь идет об освоении соответствующего языка как неродного (иностранного), «учащиеся осваивают не только язык как таковой, а в большей степени социокультурно обусловленные нормы поведения данного языкового общества»⁴. Иначе процесс обучения «социокультурно обусловленному коммуникативному поведению в соответствующем языковом обществе» находит, на наш взгляд, безусловное свое созвучие с природой дискурса, как процессом «языковой деятельности, вписанной в ее социальный контекст». В связи с чем важно отметить, что преподавание русского языка в Казахстане специфично главным образом тем, что осуществляется в рамках казахстанского дискурса. *Казахстанский дискурс* как собственно сам термин дискурс – категория сложная и многоёмкая по своему содержанию, где невозможно ограничиться одной - двумя характеристиками. Казахстанский дискурс, если речь идет о преподавании русского языка в Казахстане, вбирает в себя такое явление как *русский язык Казахстана*, региональный русский язык в силу его функционирования не в исконном своем пространстве. Русский язык на территории Казахстана функционирует много лет, и он активно употребляется во всех сферах общения. Поэтому неслучайным является возникновение в казахстанском русском языке казахских заимствований. При этом они являются не просто заимствованными словами, «а теми общеязыковыми единицами, которые обозначают элементы общей, хотя и приобретенной в межнациональных контактах, культуры. Подобные языковые единицы образованы при наложении русской и казахской картин мира. Они обозначают те концепты, которые стали общими для всех народов Казахстана. Поэтому их можно назвать интеркультуремами»⁵. В качестве главных причин возникновения подобной лексики в русском языке Казахстана выделяются следующие экстралингвистические факторы: 1) межкультурная коммуникация; 2) причастность к их образованию и функционированию билингвальной личности; 3) образование суверенного государства и возникшие в связи с этим процессом практические потребности: а) создание аппарата нового государства; б) работа над новыми государственными символами РК; в) создание новой законодательной системы; г) действие новой государственной идеологии; д) работа над созданием новых учебных комплексов для среднего и высшего образования; е) поиски нового для продвижения своего бизнеса (модельный, пищевой, строительный, шоу-бизнес и т.д.)⁶. То есть специфика функционирования русского языка в Казахстане обеспечивается тем, что языковая картина мира русскоязычных казахстанцев обогащается за счет совмещения в себе двух национальных картин мира – русской и казахской⁷. Анализ казахстанских школьных учебников русского языка нового поколения подтверждает правомерность указанных теоретических обобщений и выводов и соответственно - наличие в учебниках различных тематических групп интеркультурем: 1) антропонимы, топонимы Казахстана: *Абай, Аблай-хан, Махамбет, Баян-сулу, Алматы* и т.д.; 2) наименования казахов как представителей родов: *кипчак, найман, аргын, адай* и др.; 3) наименования, обозначающие понятия-символы казахской культуры: *тамга, дастархан, шанырақ, ошак* и др.; 4) наименования видов национальной одежды:

II. LINGVISTICĂ. STILISTICĂ. METODICĂ

шапан, тымак, камзол, саукеле и др.; 5) наименования национальной кулинарии: *бесбармак, баурсак, куырдак, жент, шелпек* и др.; 6) наименования общественно-политического характера: *мажилис, курылтай, оралман* и др.⁵. Мы же со своей стороны, опираясь на свой опыт составления школьного учебника русского языка для 6 класса школ с русским языком обучения, хотели бы подчеркнуть, что межкультурный характер казахстанских школьных учебников русского языка обусловлен в целом существованием евразийства как историко-культурной и этнокультурной реальности, складывавшейся веками и даже тысячелетиями во взаимодействии народов континентальной Евразии. И как следствие всего этого межкультурный характер учебников предопределяется и категориями нормативного порядка: госстандартами среднего общего образования, типовыми учебными программами.

Помимо того, что казахстанский дискурс вбирает в себя такое явление как русский язык Казахстана, его можно охарактеризовать как: 1) *постсоветский* и одновременно как 2) *новый* дискурс; 3) *полилингвальный, поликультурный и поликонфессиональный*; 4) *евразийский*; 5) *миротворческий*; 6) *толерантный*; 6) дискурс *многовекторной внешней политики*. И, конечно, казахстанский дискурс обладает в целом своим *историко-культурным и географическим своеобразием*.

Как следствие этого преподавание русского языка в рамках казахстанского дискурса также обладает безусловными спецификациями. Здесь важно отметить, что ключевым пунктом языкового обучения в определенном дискурсе является возможность осуществлять на системно-регулярной основе *дискурсивные практики* в ситуациях педагогического общения студента и преподавателя. Дискурсивную практику можно охарактеризовать как включенность текста в акт коммуникации (с ее методами, стратегией), обеспечивающей его живое продолжение и возможность контекстуальной интерпретации, что, нужно признать, являет собой эффективное средство формирования *функциональной грамотности обучающихся*. Формирование функциональной грамотности, в свою очередь, создает возможности для рефлексии и самореализации личности будущего специалиста. Дискурсивная педагогическая практика – это, прежде всего, практика диалога, приобретение ценностно-смыслового опыта, как студентами, так и преподавателями. Дискурсивная практика педагогического взаимодействия возможна в рамках любой учебной дисциплины. Вместе с тем необходимо отметить, на это указывает опыт обучения, что наибольшего образовательного эффекта дискурсивная практика достигает в гуманитарной сфере, в том числе в филологической области. В частности, *курс риторики и основ культуры речи* в этом случае представляется оптимальным, так как диалоговая природа дискурса созвучна коммуникативной сущности риторики. Использование на системно-регулярной основе дискурсивных практик педагогического взаимодействия позволяет успешно формировать риторическую компетенцию обучающихся. К примеру, в первой теме «Риторика как учебный предмет» рассматриваются следующие ключевые вопросы темы: 1) основные принципы риторики как языковедческой дисциплины; 2) из истории риторики. Осуществление дискурсивных практик педагогического взаимодействия способствует в этом случае становлению: 1) вербально-когнитивного уровня риторической компетенции (в процессе

усвоения терминов: *риторика, красноречие, оратор, ораторское мастерство, моделирование процессов речи, общения*); 2) мотивационно-ценностного уровня (в процессе осознания риторической категории как культурной ценности, формирующей языковую личность; в процессе осознания различий в содержании старой и современной риторики); 3) рефлексивно-деятельностного уровня риторической компетенции (в процессе составления эссе «Кому нужна риторика?»). В рамках второй темы «Риторический идеал, его сущность и корни» становление риторической компетенции обучающихся через реализацию дискурсивных практик получает дальнейшее свое развитие: 1) вербально-когнитивный ее уровень получает свое дальнейшее формирование в процессе усвоения понятий: *риторический идеал, национальный риторический идеал*; в процессе расширения знаний студентов об истории риторики; 2) мотивационно-ценностный уровень закрепляется в процессе определения различий в историческом и национально-культурном аспектах античного, восточного, русского и казахского риторических идеалов; осознания значимости риторического идеала в теории и практике диалога, полемики, аргументации, доказательства, прагматики; 3) рефлексивно-деятельностный уровень риторической компетенции обучающихся получает свое развитие в процессе проведения интерактивной игры («Мозговой штурм») «В чем отличие и сходство русского и казахского риторического идеалов?» Здесь важно отметить, что среди основных вопросов второй темы, наряду с античным риторическим идеалом, речевым идеалом в цивилизациях Востока, традициями русского красноречия, рассматривается и казахский риторический идеал, что лишний раз подчеркивает своеобразие процесса преподавания русского языка, осуществляемого в рамках казахстанского дискурса. Такой дискурсивной акцентуацией отличаются и другие темы курса риторики и основ культуры речи.

Наиболее полно потенциал дискурсивных практик, как показывает наш опыт языкового обучения, раскрывается в условиях использования *интерактивных методов преподавания*, актуализация которых в современном образовательном процессе – это веление времени. Цель интерактивного процесса – «изменение и улучшение моделей поведения и деятельности участников педагогического взаимодействия. Анализируя собственные реакции и реакции партнеров, участник меняет свою модель поведения и осознанно усваивает ее»⁶. Неслучайно через интерактивные технологии обучения реализуются такие принципы взаимодействия как: а) *ценностно-ориентационный*, проявляющийся в совместной деятельности, гибких и богатых связях во всем многообразии их форм и полифункционального общения; б) *совместимость коммуникационных систем* – языковых, информационных, социокультурных; в) *оптимальность информации*, то есть концентрация взаимодействия на главных аспектах деятельности, определение оптимального объема и качества принимаемой и передаваемой информации; г) *межкультурная адаптация*: подбор адекватного механизма действия, изучение когнитивной системы реципиента, концептуальных конструкций и моделей, механизма взаимодействия, раскрывающих сложный процесс коммуникации на межкультурном уровне; д) *коммуникационная активность*, направленная на взаимодействие, обеспечивающая включение обучаемого в пространство, в котором осуществляется согласование интересов. Упомянутая выше интерактивная игра

II. LINGVISTICĂ. STILISTICĂ. METODICĂ

«Мозговой штурм» имеет цель: через коллективную речемыслительную деятельность осознать сходство и специфику русского и казахского речевого идеалов. Работа в ней организуется малыми группами студентов. Вид занятия: семинар. Данная игра реализуется следующим образом: выслушав точку зрения каждого студента в малой группе и придя к общему выводу, участники игры дают ответы на следующие вопросы: 1) *В чем специфика русского речевого идеала?* А) Вариант ответа группы. ... Б) Вариант ответа других групп. ... В) Вариант ответа преподавателя. ... 2) *В чем специфика казахского речевого идеала?* А) Вариант ответа группы. ... Б) Вариант ответа других групп. ... В) Вариант ответа преподавателя. ... 3) *В чем сходство между русским и казахским речевым идеалами?* А) Вариант ответа группы. ... Б) Вариант ответа других групп. ... В) Вариант ответа преподавателя. ...

Показательными являются и следующие интерактивные задания, апробированные в нашей практике преподавания риторики, читаемой на русском языке на русских, русско-казахских отделениях филологических факультетов педвузов:

Конкурс-тренинг

Цель: через коллективную речемыслительную деятельность осознать специфику казахского риторического идеала. *Организация:* работа малыми группами студентов. *Вид занятия:* семинар.

Все малые группы студентов, образованные на данном семинаре, участвуют в конкурсе-тренинге, суть которого сводится к следующему: 1) вспомнить как можно больше казахских народных пословиц, поговорок, посвященных искусству красноречия, прославляющих ораторское мастерство; 2) «расшифровать» как можно больше названных пословиц примерами из истории казахской риторики, то есть привести как можно больше примеров, подтверждающих тезисы и положения названных народных пословиц и поговорок. К примеру, это могут быть следующие казахские паремии: *растапливали как масло, долбили как мел (своим словом); палка проходит через мясо, слово – через кости; находчивому на слова нет препятствий; слово акына (поэта) острее клинка и нежнее волоска; слово оратора острее шила сапожника; сила оратора в правдивости его слов; меткий выстрел врага разит, меткое слово спор гасит; язык острее сабли; рука умельца и язык оратора – народа достояние* и др. В каждой из малых групп выслушивается точка зрения каждого студента, затем вырабатывается общий вывод. Побеждает та малая группа, которая не только назовет большее количество пословиц и поговорок на заданную тему и приведет большее количество исторических примеров на названные паремии, но и приведет убедительные, точные, «правильные» примеры для презентации данных пословиц. Один из проведенных таких конкурсов-тренингов завершался нашим резюме об особом почтении казахов к слову, к искусству красноречия, которое подтверждается известной традицией в состязании казахских ораторов прошлого: в ораторском состязании один из соперников, раньше судей и зрителей замечавший превосходство соперника, останавливал борьбу (созге токтаган). Такая способность – созге токтау – подчиниться слову, остановиться, подчиняясь слову, подчеркивает духовный уровень человека, любовь народа к Слову, к искусству красноречия⁸.

Шешен

Цель: помочь обучающимся держать определенную позицию в общении.
Организация: работа группы студентов по определенным ролям. *Вид занятия:* СРСП

Студенты предварительно составляют, а затем разыгрывают инсценировки-монологи, диалоги, полилоги, рассказывающие о тех или иных показательных событиях из истории казахской риторики, героями которых были шешены, так казахи называют человека, обладающего ораторским даром, преуспевающего в науке красноречия, зарекомендовавшего себя мастером ораторских выступлений. Их много, оставивших заметный след в истории искусства красноречия, начиная с фольклорных персонажей и заканчивая современными личностями. Казахский риторический идеал - это Жиренше, Аяз бий, Каракоз, Карашаш и др.; это акыны айтыса – Жанак, Тубек, Сабырбай, Асет, Рысжан, Биржан, Сара, и др.; это жырау и сыншы – Асан-кайгы, Казтуган, Доспамбет, Шалкииз, Жиембет, Маргаска, Ақтамберды, Бухар-жырау, и др.; это салы и сери – Акан-сери, Биржан-сал, Балуан-шолак, Жаяу-Муса и др.; это знаменитые бии (судьи) – Майкы бий, Толе бий, Казыбек бий, Айтеке бий, и др.; это ораторы-шешены XX-XXI в.в. – Амангельды Иманов, Алиби Джангильдин, Алихан Букейханов, Ахмет Байтурсынов и др.

Здесь хотелось бы отметить, что использование казахского этно-риторического материала, помимо того, что оно служит прекрасной основой для осуществления дискурсивных практик на учебных занятиях, а также подчеркивает своеобразие процесса обучения русскому языку в условиях казахстанского дискурса, необходимо также в силу своей учебно-практической, научной целесообразности и в силу социально-культурной необходимости – передать подрастающему поколению страны национальные культурно-исторические ценности, к каковым, безусловно, можно отнести национальную риторику, ее традиции и достижения.

Интерактивные формы используются нами при осуществлении дискурсивных практик и в ходе преподавания других дисциплин, как-то: методика преподавания русского языка, практический курс русского языка (ПКРЯ) и др. К примеру, в курсе методики преподавания русского языка дискурсивные практики успешно осуществляются нами в рамках тем о казахстанских ученых-лингводидактах, о казахстанских учителях-новаторах в области языкового образования и т.д., которыми дополняется учебная программа данной дисциплины.

Специфика преподавания практического курса русского языка студентам-филологам русско-казахских отделений в условиях казахстанского дискурса проявляется, к примеру, в осуществлении на занятиях лингвокультурологического комментария. (Накопленный определенный опыт в этой сфере мы попытались обобщить в учебном пособии «Лингвокультурологический комментарий на занятиях по практическому курсу русского языка»⁹). Занятия в этом случае ведутся на текстовой основе. При отборе текстов наряду с учетом наличия в них изучаемых лингвистических явлений внимание обращается и на такое свойство художественного текста как лингвокультурологическая актуальность. В текстах выделяются и рассматриваются лингвокультуремы, представляющие русскую / казахскую национальные лингвокультурологические системы. В целом учебное занятие по ПКРЯ, на котором наряду с главной коммуникативно-

II. LINGVISTICĂ. STILISTICĂ. METODICĂ

практической работой проводится также и лингвокультурологический комментарий выделенных лингвокультурем, имеет следующую структуру: 1. Чтение и типологический анализ текста (определение стиля с аргументацией, уточнение темы и основной мысли текста, типа речи). 2. Анализ языковых средств, с помощью которых раскрываются тема и основная мысль высказывания. 3. Лингвокультурологический комментарий. 4. *Дискурсивные практики обучаемых с использованием проанализированных лингвокультурем*. 5. Работа по повторению и систематизации программных знаний, умения, навыков.

Лингвокультурологический комментарий представляет собой выявление и определение лингвокультурологического смысла, транслируемого отдельными лингвокультурологическими единицами художественного текста. Лингвокультурологическому комментарию подвергаются те языковые факты, без объяснения которых просто невозможно адекватное и полное понимание изучаемого художественного текста как определенной информации. К ним относятся: 1) так называемая безэквивалентная лексика и фразеология; 2) неявные, сокрытые лингвокультуры (зоонимы, фитонимы, цветообозначения и др.), представляющие собой языковые эквиваленты соответствующих фактов в других языках и обладающие одновременно при этом национально-культурным содержанием; 3) лингвокультурологические единицы, которые можно определить в качестве констант русской / казахской национальных лингвокультурологических систем (*Россия, Москва, Красная площадь; Астана, Абай, Улытау* и т.д.).

Лингвокультурологический комментарий проводится, как правило, преподавателем чаще всего в форме устного сжатого изложения лингвокультурологического смысла выделенных в тексте лингвокультурем. Другой вид ознакомления обучаемых с лингвокультурологическим смыслом соответствующих фактов художественного текста – самостоятельная внеаудиторная работа над письменными вариантами содержания лингвокультурологических единиц.

Организация лингвокультурологического комментария опирается на следующую структуру представления лингвокультурологического смысла языковой единицы: 1. *Заголовочная единица*. 2. *Этимологическая справка*. 3. *Лингвокультурологический смысл*: а) языковое (лексическое) значение, краткое его толкование; б) культурологическое содержание, его описание. 4. *Иллюстративный материал*: а) фразеологизмы; б) паремии; в) крылатые выражения и афоризмы. 5. *Дополнительные сведения*.

Лингвометодическая, в целом образовательная целесообразность и эффективность осуществления дискурсивных практик в практическом курсе русского языка на основе проведения лингвокультурологического комментария заключаются в том, что становление функциональной грамотности обучающихся происходит в рамках процесса не только познания обучающимися другого национального лингвокультурологического мира, но и самопознания, ясного ощущения ими своей национальной лингвокультурологической самобытности, и одновременно ясного понимания единства казахстанского народа, поликультурность, полилингвальность и поликонфессиональность которого являются одной из его ключевых характеристик. Изучая русский язык, студенты осваивают не только минимум русских лингвокультурем, но и минимум казахских лингвокультурем, транслируемых русским языком в силу

своей частотности и актуальности в коммуникативной действительности Казахстана. Учебная текстотека в условиях преподавания ПКРЯ в этом случае – это не только произведения (или законченные отрывки из них) русских авторов, но и произведения казахских писателей, поэтов, публицистов, как переводные, так и написанные изначально на русском языке.

Таким образом, как показывает наша опыт языкового обучения, использование дискурсивных практик в рамках преподавания русского языка в условиях казахстанского дискурса позволяет повышать эффективность образовательного процесса, языкового обучения, осуществлять согласование интересов, воспитывать толерантность, терпимость обучающихся по отношению друг к другу как к субъектам казахстанского полилога языков и культур. Введение дискурсивной практики в обучение расширяет образовательные границы вузовской лингводидактики и способствует компетентностной подготовке будущих специалистов.

Литература

- 1 Кибрик А.А., Паршин П.Б. Дискурс // 2001http: // www.krugosvet.ru/articles/82/1008254/1008254a9.htm
- 2 Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. - 685 с.
- 3 Яковлева Е.В. Некоторые филологические и психолингвистические аспекты преподавания иностранного языка на начальном этапе // Современные теории и методики обучения иностранным языкам. – М.: Изд-во «Экзамен», 2004. – С.210-213.
- 4 Бадагулова Г.М. Интеркультурема как результат номинативной деятельности носителей языка в условиях межкультурной коммуникации // Вестник КазНПУ им. Абая, серия «Филологические науки». - 2005. - № 1 (11). - С. 11-15.
- 5 Темирханова С.З. Принцип градуальности в лексикографии: Автореферат дис. ... канд. филол. наук. – Алматы, 2007. – 24с.
- 6 Ахметова Н.А. Модульно-рейтинговая технология обучения: Научный подход. – Алматы, 2001. – 189с.
- 7 Наурызбаева З. Культура кочевников и современный менталитет казахов // Рух – Мирас. Казахстанский культурологический альманах. – 2004. - №3. – С. 83-91.
- 8 Кажигалиева Г.А. Лингвокультурологический комментарий на занятиях по практическому курсу русского языка. Издательство КазНПУ им. Абая. – Алматы: Кодекс, 2003. - 150с

МЕТОДЫ И МОДЕЛИ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Нуртазина Марал, Жаркынбекова Шолпан

*Евразийский национальный
университет имени Л.Н. Гумилева*

Аннотация

The article is devoted to one of the aspects of the theory of cross-cultural communication, namely, the problem of the importance of communicative behavior for the formation of students' cross-cultural competence in the process of second language acquisition. The authors consider the principles of dialogic approach to the development of intercultural competence of a person. Experience of many years teaching of Russian at the L.N. Gumilyov Eurasian National University shows that future specialists' accustom to professional fragments is restricted by lack of some stereotype situations of communication, discursive strategy, professional concepts habitual to those who live within the country. Thus, while teaching foreign language it is important to pay attention upon students' mastering the situations of business communication, development of adequate practice orientation within social and professional values used by native speaks. To achieve this is necessary to model situations of business communication using all factors of sociocultural changes.

Ключевые слова: *межкультурная коммуникация, межкультурная компетенция, культурные традиции, обучение русскому языку*

Современная цивилизация вступила в эру глобальной информатизации. Качественно изменились потребности общества, что, в свою очередь, требует серьезных изменений в вузовском образовании в плане сохранения славянских культур и языков. На многонациональный и поликультурный Казахстан, в котором русский язык является языком официального общения, проблемы глобализации оказывают сильнейшее влияние, а проблемы межкультурной коммуникации приобрели исключительную актуальность. В наши дни в условиях рыночных отношений как никогда важно подготовить и выпустить конкурентоспособных специалистов русского языка и литературы, умеющих свободно ориентироваться в стремительном потоке научной, технической и культурной информации.

В то же время приобщение к мировым культурным ценностям и реализация межкультурной коммуникации на основе новых информационных технологий невозможны без соответствующего уровня языковой и социокультурной подготовки студентов.

В Республике Казахстан проживает более ста этносов и множество иных культурных групп, придерживающихся различных вероисповеданий, культурных традиций и обычаев. Как показал опыт последних лет, проблемы меж-

культурного общения оказываются не менее важными, а подчас и более напряженными, чем политические и экономические. Они проявляются во взаимодействии со странами ближнего зарубежья, утверждающими свою самобытность, культурную специфичность, собственный государственный язык, формирующими национальную интеллигенцию. Это требует осмысления сложившейся межкультурной коммуникации [9, с.12-15; 10].

Практика показывает, что многие наши соотечественники оказались не готовы к межкультурным контактам, они слабо осознают свои и чужие национально-культурные особенности. В обращении к народу Казахстана Глава государства Н. Назарбаев обращает внимание на необходимость развития взаимодействия через диалог культур, способствующего установлению контактов, осознанию общечеловеческого «мы» и стремлению понять друг друга [5, с.12]. Развитие этих способностей неотделимо от освоения «чужой» культуры, ибо «способность одного народа осваивать достижения другого – один из главных показателей жизнеспособности его культуры, очевиднейший индикатор прогресса культуры» [5, с.13].

Между тем, в условиях усиления глобализационных процессов в мире, результатом чего становится формирование открытых, тесно взаимодействующих и взаимосвязанных культур, очевиден тот факт, что по своей природе любая культура не может и не должна существовать в замкнутом пространстве, «ибо даже отрицание «чужого» предполагает его сравнение со «своим», становясь фактом духовной жизни, не проходящим бесследно» [1, с. 111]. Как отмечает М.М. Бахтин, «чужая культура только в глазах другой культуры раскрывает (и - развивает, формирует) себя полнее и глубже» [1, с. 391], выявляя тем самым свои глубины посредством чужих смыслов. Здесь и начинается диалог, призванный преодолеть замкнутость и односторонность этих смыслов и культур. Поэтому сегодня неудивителен всеобщий интерес к вопросам повышения эффективности межкультурной коммуникации, вызывающим множество споров и дискуссий в научной литературе и среди специалистов-практиков. Первейшая задача ученых заключается в изучении путей достижения по возможности полного взаимопонимания между представителями разных культур, вступающих в межкультурный диалог, воспитания толерантности к «чужим» культурам, пробуждения интереса и уважения к ним.

Осуществление межкультурной коммуникации несет надежду на обогащение национальных культур. В то же время этот процесс может представлять опасность забвения и вытеснения собственных культурных истоков. «Межкультурная коммуникация способна приводить как к позитивным, так и к негативным последствиям. Этот обмен может происходить как в политике, так и в межличностном общении людей, в быту, семье, неформальных контактах» [1, с. 25]. Новый взгляд на сложившийся миропорядок и культурное взаимодействие между народами выразился в признании необходимости учета национальных традиций и менталитета народов. Межкультурное взаимодействие может осложняться культурной разницей народов. В этом ракурсе следует отметить заложенные В. фон Гумбольдтом традиции – интерес к семантической стороне языка, изучение языка в неразрывной связи с культурой конкретного народа, подчеркивание активной роли языка в мышлении и познании [4, с.114-

115]. Обозначенный вывод свидетельствует о том, что межкультурная коммуникация характеризуется многоаспектностью, которая охватывает разные стороны данного процесса, не только лингвистические, но и социокультурные основы межкультурного общения.

Таким образом, практические потребности межкультурной коммуникации задают направление новых теоретических поисков, приводят к переосмыслению традиционных идей и выявляют острую необходимость в соответствующей научной парадигме, базирующейся на эвристических возможностях коммуникации и культуры. Культура как интегративный образ человеческой жизнедеятельности неразрывно связана с языком, так как в нем выражаются те черты действительности, которые важны для носителей культуры. Несмотря на то, что культурная картина мира богаче, чем языковая, именно в языке реализуется культурная картина мира, хранится и передается из поколения в поколение. «Язык подчиняет себе, организует восприятие и осознание мира его носителями» [4, с. 123], которые понимают и воспринимают мир таким, каким он спроецирован на экран культуры и выражен в языке.

Со взаимодействием культур связаны и современные проявления фундаментальных проблем, особенность решения которых состоит в рамках систематического диалога культур. Главная цель межкультурного общения заключается в достижении по возможности полного взаимопонимания между участниками коммуникации, необходимого для преодоления межкультурных конфликтов. Для того, чтобы найти ключ к эффективной межкультурной коммуникации, требуется изучение специфических особенностей взаимодействующих культур, а также характеристик носителей языка и культуры – языковых личностей, вступающих в межкультурный диалог посредством текстовой деятельности.

Многосторонний характер межкультурной коммуникации определяет комплексность проблем изучения межкультурного общения с точки зрения культурологии, лингвистики, социологии, теории речевой коммуникации. Исследование прагматического аспекта языковых процессов межкультурной коммуникации представляется актуальным с точки зрения комплексного подхода, способствующий выявлению картины мира народа, его образа жизни, а социокультурная обусловленность языка позволяет установить факты культуры народа, что в межкультурном диалоге способствует лучшему взаимопониманию и правильной интерпретации действий партнеров. В условиях глобализации и тенденций к интеграции культур изучение прагматического аспекта межкультурной коммуникации способствует расширению поля межкультурного взаимодействия.

Развитие вопросов межкультурной коммуникации в Республике Казахстан имеет достаточно широкую палитру парадигм научных исследований, так как известно, что за каждой говорящей личностью, за каждым коммуникативным актом стоит культура как детерминирующий фактор самоидентификации личности [2; 3; 4; 6; 7; 8], что эксплицируется, в основном, на уровне коммуникативного поведения. Одним из определяющих параметров коммуникативной личности, наряду с мотивационным и когнитивным, является функциональный, который подразумевает практическое владение вербальными и невербальными средствами общения, умение варьировать коммуникативные

средства; построение дискурса в соответствии с нормами кода и правилами этикета, что, в конечном итоге, характеризует проявления личности на уровне коммуникативного поведения [2; 3; 7].

Структура коммуникативного поведения включает нормы, традиции, стереотипы поведения, коммуникативные стратегии, символы, жесты. Мы разделяем мнение Л.И. Гришаевой и Л.В. Цуриковой, что фреймы, схемы коммуникативного поведения могут быть одинаковыми в разных лингвокультурах, поскольку существуют общечеловеческие ценности, но скрипты, сценарии абсолютно различны [2, с.45-47]. Однако, осознавая, что межкультурная компетенция не может быть совершенно аутентичной, важным является добиться аппроксимации коммуникативного поведения студентов к естественности, что означает учить не норме, а нормальности. Задача педагога – в условиях квази-коммуникации, конструируя педагогически-коммуникативный дискурс приближаться к его естественности, что обозначает «его адекватность, уместность и приемлемость с точки зрения соответствия составляющих его коммуникативных действий «норме ожидания» субъекта оценки» [2, с. 14]. Отбор и включение в содержание обучения определенных шаблонов поведения, что проявляется в особенностях развертывания коммуникации, приобретает особую значимость для формирования коммуникативной личности искусственного билингва. В.П. Фурманова выделяет следующие разделы фоновых знаний, которыми должна овладеть «культурно-языковая» личность для успешного общения в ситуациях межкультурной коммуникации: 1) историко-культурный фон, включающий сведения о культуре общества в процессе его исторического развития; 2) социокультурный фон; 3) этнокультурный фон, включающий информацию о быте, традициях, праздниках; 4) семиотический фон, содержащий информацию о символике, обозначениях, особенностях иноязычного окружения [8, с.34-38].

Важным аспектом в развитии личности студента является межкультурная компетенция, которая объединяет группы культурных и коммуникативных компетенций и является одним из компонентов профессиональной компетентности будущего инженера. Она значительно расширяет возможности личностного и профессионального развития и позволяет успешно осуществлять профессиональную деятельность в межкультурном контексте.

Межкультурная компетенция может рассматриваться в трех аспектах: 1) как способность сформировать в себе иную культурную идентичность, что предполагает знание языка, ценностей, норм, паттернов поведения другого коммуникативного сообщества; при таком подходе усвоение максимального объема информации и адекватного знания иной культуры является основной целью овладения межкультурной компетенцией; такая задача может быть поставлена для достижения аккультурации, вплоть до полного отказа от родной культурной принадлежности; 2) как способность достигать успеха при контактах с представителями иного культурного сообщества, даже при недостаточном знании основных элементов культуры своих партнеров. Именно с этим вариантом межкультурной компетенции приходится чаще всего сталкиваться в практике межкультурной коммуникации; 3) как способность членов некоторой культурной общности добиваться понимания в процессе взаимодействия с представителями другой культуры с использованием разных

II. LINGVISTICĂ. STILISTICĂ. METODICĂ

стратегий для предотвращения конфликтов «своего» и «чужого» и создавать в ходе взаимодействия «новую межкультурную коммуникативную общность».

В ЕНУ имени Л.Н. Гумилева (Астана, Казахстан) на базе филологического факультета создана Лаборатория прикладной лингвистики и межкультурной коммуникации, где проводятся специальные занятия по обучению русскому языку как неродному в виде кросс-культурных тренингов, направленных на развитие навыков межкультурной коммуникации и компетентности, толерантности, профилактики и преодоление ксенофобии и отдельных ее форм для студентов разных факультетов, в частности, для студентов-оралманов от 17 до 33 лет. Это период становления человека, когда активно формируются личностные установки, жизненная позиция и мировоззрение студента, когда он активно включается во взрослую жизнь, формирует свою идентичность, осваивает различные социальные роли. Его глобальная жизненная позиция зависит от того, как он будет относиться к миру в целом, к себе и к другим в этом мире. Позиция терпимости и доверия – это основа для осуществления выбора будущих поколений в пользу мира, а не войны, мирного сосуществования человечества, а не конфликтов.

Это создает предпосылки для формирования следующих умений: а) ориентироваться в феноменах иного образа жизни, сознания и системы чувств, иерархии ценностей; б) воспринимать и понимать факты иной культуры, сравнивать их с собственным мировидением и культурным опытом, находить между ними различие и общность; в) вступать с ними в диалог, критически осмысливать их и тем самым обогащать собственную картину мира.

В качестве непосредственных методов формирования межкультурной компетенции мы используем на занятиях по русскому языку следующие: 1) лингвострановедческие и культурологические комментарии к аутентичным учебным курсам; 2) методические разработки с параллельными текстами, дающими представления о казахско-русско-английских межкультурных различиях. Например, а) в поведенческой сфере (манеры приветствия; невербальные средства общения; нормы поведения в повседневной жизни; национально-специфичные нравы и обычаи; деловой этикет; деловой протокол; б) в речевой сфере (основные стандарты деловой переписки; культура речи; ведение переговоров (в том числе телефонных); возможные темы бесед, темы – табу; «светская беседа»; в) в сфере отношений и восприятий (межличностные отношения, восприятие времени и пространства; индивидуализм и коллективизм; отношение к работе; восприятие цвета; отношение к окружающей среде (экологическое сознание); стереотипы; восприятие социальных ролей мужчины и женщины, вопросы эмансипации. Для формирования межкультурной компетенции необходимы знания таких областей культуры, в которых «конфликт культур» наиболее вероятен.

Вот почему групповые тренинги – это, на наш взгляд, наиболее адекватная форма работы, интересная для студентов-оралманов и позволяющая им в доступной форме интегрировать нормы и принципы культуры мира. Тренинг межкультурной коммуникации и компетентности относится к культурно неспецифичным программам, то есть не предполагает развитие навыков коммуникации при взаимодействии с представителями какой-то конкретной культуры, а направлен на развитие у участников черт мультикультурной

личности (этнокультурной сензитивности и толерантности, эмпатии, межкультурной компетентности), позволяющих человеку успешно контактировать с представителями любой культуры, отличающейся от его собственной.

Структура тренинга. Тренинг состоит из трех проблемных блоков: 1) я и мой народ. Задачами данного блока являются: а) осознание и лучшее понимание особенностей своей культуры, своих корней и истоков; б) осознание многообразия внутри собственной этнокультурной группы; в) знакомство с феноменом этноцентризма; 2) встреча с другой культурой. Занятия, вошедшие в этот блок, направлены на: а) осознание стереотипов, предубеждений в отношении других культур и народов; б) осознание негативных чувств и поведенческих реакций, возникающих при столкновении с другой культурой; в) стимулирование интереса к изучению других культур, традиций и обычаев других народов, развитие представлений о культурном многообразии мира; г) развитие стремления к изменению собственных негативных стереотипов и предубеждений; 3) другая культура: возможно ли понимание? Задачами этого блока являются: а) развитие межкультурной компетентности путем приобретения знаний о традициях, обычаях, особенностях поведения в других культурах, невербальной и вербальной коммуникации; б) развитие сензитивности и социального внимания в ситуациях взаимодействия с представителями других культур; в) формирование позитивного отношения к межкультурным различиям; развитие навыков вербальной и невербальной коммуникации; развитие этнокультурной толерантности, формирование толерантных установок по отношению к людям других культур, рас и национальностей; г) профилактика социально опасных форм ксенофобии.

В качестве одного из наиболее адекватных и продуктивных методов повышения межкультурной компетентности студентов в ЕНУ нами был выбран «культурный ассимилятор». Его главной задачей является знакомство с культурой народов Казахстана, позволяющее верно оценивать поведение носителей этих культуры. Человеку свойственно наблюдать и оценивать проявления других людей в рамках тех культурных норм и традиций, которые он усвоил с детства. При погружении в иную среду, иную культуру такой способ оценки не оправдывает себя и приводит в лучшем случае к непониманию, а в худшем – к конфликтам. Схема тренинга позволяет познакомить друг с другом представителей любых двух культур. При подготовке тренинга составляются описания нескольких ситуаций, типичных для принимающей культуры и плохо понятных для мигрантов и приезжих. К каждой ситуации прилагаются 3–4 версии возможных объяснений, одно из которых соответствует традиции (правильный ответ). Каждый участник тренинга выбирает наиболее подходящий с его точки зрения ответ; затем все варианты обсуждаются и делается акцент на правильном ответе. Важно не только обсудить тот ответ, который соответствует традиции изучаемой культуры, но и обратить внимание участников на множественность причин поведения людей, поскольку каждый из ответов несет в себе логику и смысл.

Лабораторией межкультурной коммуникации ЕНУ также специально разработан тренинг социокультурной адаптации для работы с группами девушек-оралманок, судя по социологическим исследованиям, – одной из самых уязвимых категорий мигрантов из дальнего зарубежья в Казахстан. Главная

II. LINGVISTICĂ. STILISTICĂ. METODICĂ

цель тренинга – обучение девушек-оралманок навыкам и способам поведения, которые позволят им адекватно взаимодействовать с представителями принимающей культуры, сильно отличающейся по большинству параметров – религии, языку, традициям, ценностям, иными словами – повысить их межкультурную компетентность в казахстанской культуре. Кроме задач, характерных для традиционных тренингов социокультурных умений, ставились также специальные задачи: 1) обучить участников способам психорегуляции, снятия нервного напряжения, улучшения функционального состояния; 2) в обстановке безусловного принятия и доверия предоставить участникам возможность осознания своих проблем и поиска средств для их решения; 3) помочь в снижении тревожности, неуверенности и в преодолении недоверия к миру, которые неизбежно возникают у таких студентов при попадании в новую, незнакомую среду.

Общая идеология всех тренингов по толерантности, в частности, – развитие нравственной и социально активной личности, превращение межкультурной компетентности и толерантности во внутреннюю ценность, пробуждение сердечности и заботы о других людях, развитие личности, осознающей собственную уникальность и необходимость единения с другими людьми, многообразие и многосторонность окружающего мира и понимающей, что то, каким будет этот мир, зависит от каждого. В контексте этих задач отрабатываются самые различные социальные навыки, позволяющие студенту постигать трудное искусство успешно жить в мире и согласии с собой и с другими. Это навыки позитивного взаимодействия, решения конфликтных ситуаций, отработка способов успешной коммуникации, формирование социальной адекватности, социальной чувствительности, корректировка самооценки, самоанализ и самопознание своего «Я» и своего «Я среди Других».

Главная цель тренингов толерантности – повышение социокультурной компетентности участников как важнейшей основы адекватности и успешности человека в поликультурном мире. Основными критериями оценки уровня социокультурной компетентности как в общении внутри своей группы (студенты-оралманы, прибывшие, например, из Китая, Монголии, Турции и др.), так и с представителями других групп (студентов-казахов, русских, корейцев, немцев и др.), признаются соответствие поведения человека конкретной ситуации и социальному контексту в целом и определяемая этим его эффективность – достижение в процессе коммуникации желаемых результатов. Вот почему, с одной стороны, тренинги призваны объединить участников и удовлетворить важное, особенно для студентов-оралманов, чувство групповой принадлежности, которое базируется на нормах, ценностях и установках, разделяемых членами собственной группы. С другой стороны, в тренингах ставится задача развития навыков и качеств, способствующих развитию компетентности во взаимоотношениях с людьми, принадлежащими к другим группам.

Достижение оптимального уровня социокультурной компетентности возможно через комплексное вовлечение всех сфер личности – интеллекта, мотивационных структур, поведенческих навыков и умений. Поэтому оптимальный уровень социокультурной компетентности можно определить как наличие у человека специальной системы знаний, умений и навыков, поз-

воляющих строить позитивные отношения с различными людьми, в том числе и с непохожими на него по самым разным параметрам: этнокультурным, религиозным, расовым, социальным и мировоззренческим. Социокультурная компетентность предполагает успешное взаимодействие личности как с членами собственной группы, так и с представителями других групп, непохожих по самым разным признакам.

Постигая «чужую» культуру, студент прежде всего знакомится с нормами повседневного поведения, регулируемые параметрами «принято - не принято», которые он принимает как данность. Поэтому преподавателю важно не только показать правила повседневного поведения казахстанцев, но и выработать терпимость, объясняя корни тех или иных обычаев или национальных привычек, научить студентов видеть окружающую действительность, обогатить их подходами к восприятию жизненных явлений, к способам построения межличностных отношений, к разрешению конфликтов и под. На занятиях по межкультурной коммуникации внимание преподавателей акцентируется на таких актуальных для иностранных студентов проблемах, как национальные стереотипы; культурный шок и как его преодолеть, о чем принято и не принято говорить у казахов или русских; табу и императивы; специфика казахского и русского речевого этикета (приветствие, обращение к незнакомому/знакомому адресату, комплимент, «мобильный» этикет); культура общения; черты национального менталитета казахов и русских и их влияние на коммуникативное поведение; невербальное общение и др.

Комментирование и подробное описание каждого из этих принципов позволит установить сходство или различие родной и чужой культур, что, в свою очередь, окажет существенное влияние на эффективность и сроки адаптации к изучаемой культуре. Постепенно студент осознает, что его ментальность не является единственно адекватной и верной, что существует другая, имеющая право на существование. На занятиях подробно рассматриваются как причины, так и реалии, порождающие культурно-своеобразные отношения в казахстанской среде. Наилучшим способом обучения тому, как достичь взаимопонимания, является организация обмена идеями в рамках проблемных ситуаций, дискуссий.

Главным правилом ведения дискуссии должны быть корректность и равноправие всех ее членов. Преподаватель при этом учитывает принцип педагогического такта при использовании оценок, соблюдение которого обеспечит толерантность студентов, будет стимулировать их интерес к изучаемому языку и культуре. Снятию стрессового состояния также способствует создание психологически комфортной обстановки в группе; намеренная адаптация речи преподавателя, замедленность темпа, ведущие к полному пониманию речи со стороны студентов; установление и развитие хороших взаимоотношений с принимающей стороной; успешность выполнения заданных целевых установок в сфере обучения. Отдельной темой для разговора служат национальные стереотипы, играющие определяющую роль в процессе межкультурной коммуникации.

Роль стереотипов двояка: с одной стороны, они облегчают процессы когниции, с другой – являются своеобразным «экраном» между явлениями реального мира и фиксированными субъективными представлениями о них.

II. LINGVISTICĂ. STILISTICĂ. METODICĂ

Национальный стереотип, как правило, относится к национальной группе или нации в целом и предполагает наличие определенных черт у всех ее представителей. Это недифференцированное суждение неизбежно содержит в себе – скрыто или явно – определенную оценку. При общении представителей разных культур непроизвольно происходит проекция собственных культурных ценностей на культуру изучаемого языка. Большинству людей свойственен этноцентризм – тенденция судить о других только с позиции «своего» культурного общества, вера в свой, единственно правильный путь постижения мира. При этом наблюдается несовпадение культурных стереотипов. Поэтому при отсутствии необходимой информации стереотипы являются серьезным препятствием в коммуникации.

Интересной представляется проблема этикета поведения: в каких ситуациях необходимо проявлять вежливость, азбука вежливости, улыбка как знак вежливости и под. Следует отметить, что общекультурные нормы коммуникативного поведения характерны для всей лингвокультурной общности и в значительной степени отражают принятые правила речевого этикета, вежливого общения. Они связаны с ситуациями самого общего плана, возникающими между людьми вне зависимости от сферы общения, возраста, статуса и т.д. Такие ситуации характеризуются как стандартные. Однако общекультурные нормы общения в таких ситуациях национально специфичны, а значит, успешное обучение общению на иностранном языке подразумевает овладение социокультурными знаниями и умениями.

Характеризуя национальное коммуникативное поведение, следует отметить такие черты, например, казахов, как общительность, искренность в общении, доминантность в разговоре, желание поговорить о себе, оценочность, любовь к неформальному общению (чем, вероятно, объясняется возможность употребления речевого акта совета в адрес незнакомого человека, который совета не просит) и др. Описание коммуникативного поведения на вербальном уровне включает в себя рассмотрение специфики речевого этикета (как обратиться к незнакомому человеку, как делать и принимать комплименты, «мобильный» этикет), выбор тематики общения и коммуникативные табу, искусство общения (внимание к собеседнику, доброжелательность, умение выслушать собеседника и др.), проблемы культуры общения (отношение к сленгу, жаргонным, просторечным словам, к мату, к словам-паразитам и др.). Кроме того, студентов следует учить тактике общения, объяснять, что качество владения языком не есть гарант взаимопонимания. Язык партнера следует постоянно воспринимать с учетом той культуры, в которой он живет и носителем которой является. Это требует определенной компетенции не только в языке, но и в связанном с ним поведении.

Межкультурная коммуникация – это сложный, многоуровневый процесс, в котором наряду с вербальными средствами общения важную роль играют невербальные, к числу которых относятся жесты и мимика.

Таким образом, национально-культурная специфика речевого поведения должна стать предметом специального рассмотрения в учебниках и учебных пособиях нового поколения. Нельзя не учитывать того факта, что овладение иностранным языком без ознакомления с культурой страны, с менталитетом людей, говорящих на этом языке, не может быть полноценным. Иными словами,

нужно освоить не только сам язык, но и «образ мира» говорящего на нем, чтобы партнер по общению, являясь представителем иной культуры, не остался для нас психологически «чужим». Цель процесса обучения тому или иному языку в условиях межкультурной коммуникации мы видим в единстве обучения языку и культуре, а также в личностном осознании иностранными студентами национальной специфики казахского и русского языков и, соответственно, казахстанской культуры.

Список использованной литературы

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1986. – 444с.
2. Гришаева Л.И., Цурикова Л.В. Введение в теорию межкультурной коммуникации. - Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2003. - 369 с.
3. Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.П. Основы межкультурной коммуникации. – М.: ЮНИТИ, 2002. – 315 с.
4. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 2000. – 396 с.
5. Назарбаев Н. Казахстан на пути ускоренной экономической, социальной и политической модернизации. Послание Президента Республики Казахстан Нурсултана Назарбаева народу Казахстана. – Астана: Ак орда, 2007.
6. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии: Пер.с англ. – 2-е изд. – М.: Прогресс, 2001. – 654 с.
7. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: Изд. 3-е: испр. и доп. – М.: Академический Проект, 2004. – 992 с.
8. Фурманова В.П. Межкультурная коммуникация и лингвокультуроведение в теории и практике обучения иностранным языкам. - Изд-во Мордовского ун-та, 1993. – 216 с.
9. Шаймерденова Н.Ж., Авакова Р.А. Язык и этнос: Учебное пособие. – Алматы: Казак университеті, 2004. – 248 с.
10. Nutmacher Walo. Key competencies for Europe // CDCC a Secondary Education for Europe. Strasburg, 1997.

III. CULTURĂ ȘI CIVILIZAȚIE

ЭВРИСТИЧЕСКАЯ МЕТОДОЛОГИЯ ИЗУЧЕНИЯ БИОГРАФИИ ПИСАТЕЛЯ КАК СПОСОБ СОХРАНЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА

Гетманская Елена Валентиновна

Московский государственный
гуманитарный университет им. М.А. Шолохова

ABSTRACT

The writer's biography borrows the important place in a literature rate of the senior classes. Communication of the biography with cultural space of an epoch is one of problems of a historical and-literary school rate. The classical literature in Russia is always more than the graceful literature. The biography is a key to studying products of the writer. At the same time, this is an independent historical and cultural phenomenon.

The biography carries out functions of national philosophy. The biography of the writer should turn to the independent cultural fact in consciousness of the schoolboy. It is not enough opportunities of a lesson of the literature for this purpose. The teacher and pupils actually or virtually should leave walls of school. They should "inhale", feel polyphony of collisions, events, atmospheres of a life of the writer. In this sense the assistant to the teacher - Russian literary museum. Clause analyzes opportunities of a literary museum as educational means of studying of the biography of the writer.

The author involves the traditional form of correspondence excursion and nonconventional treatment of a heuristic of the training connecting the logic and art beginnings of a lesson of the literature, uses examples of literary expositions of Russian classical writers.

Изучение биографии писателя занимает важное место в школьном курсе литературы и принадлежит, в равной мере, как области истории литературы, так и области истории национальной культуры вообще. Между тем, в методике бытует мнение: изучение биографии писателя в старших классах – это, своего рода, дополнение и иллюстрация определённых этапов его творчества. Совсем отказаться от этого посыла нельзя: опыт жизни и опыт творчества – синкретическое целое. Но сегодня, в период дефицита культурного национального слоя, жизнеописание писателя применительно к школьной методике может обрести более широкое эстетическое и культурное звучание.

На протяжении двух последних столетий русская культура складывалась литературоцентрично: интеллектуальный потенциал нации выражался писа-

телями. И литература, традиционно стоявшая в оппозиции к государству, стала не столько изящной словесностью, сколько национальной философией. В этой связи биография русского писателя – категория культурного наследия. Б. В. Томашевский в своё время писал: «историку литературы нужна только такая биография, в которой запечатлена «идеальная биографическая легенда» – живущее в читательской среде представление о художнике: не послужной список и следственное дело, а та творимая автором легенда его жизни, которая единственно и является литературным фактом»¹. Безусловно, для задачи такого масштаба возможностей урока литературы недостаточно. Сакральность и художественную ценность биография русского писателя-классика обретёт, если «выплеснется» за рамки традиционного урока и будет представлена дополнительно в овеществлённом мемориальном пространстве, а именно в пространстве литературного музея.

Ещё в XIX веке, защищая музей от нападков сторонников прогресса, видящих музей как груды ветоши, рассыпающейся в прах, русский философ Николай Федоров писал: «музей есть не собрание вещей, а собор лиц»². Как нельзя более точно эта мысль определяет целеполагание современной литературной экспозиции. В XX веке дух и буква национального литературного наследия закреплялись в различных литературных мемориалах. На сегодняшний день только в московском регионе насчитывается более тридцати литературных экспозиций. Как же взаимодействует педагогический потенциал литературного музея с процессом преподавания литературы в школе? К сожалению, следует констатировать: музейная и школьная педагогика «живут» отдельно. И это – точка зрения не только школьных педагогов, в новейшей коллективной монографии «Музейное дело в России» отмечается, что: «несмотря на наметившиеся тенденции системного подхода к проблеме участия музеев в образовательном процессе школ, в целом организация взаимодействия музея и школы носит ещё стихийный характер»³.

Мы приводим школьников в музей и оказываемся в ситуации романа Е. Замятина, когда главный герой, попадая в Древний Дом, стремится увидеть только утилитарную целесообразность находящихся в нём предметов. Но предмет в этом доме, по мысли автора, не функция, он ценен сам по себе, он – подлинник времени. Современный школьник в восприятии музейной среды близок к героям антиутопии – ему также трудна притягательная иррациональность музея и, особенно, музея литературного. При этом очевидно, что продуктивность знаний по предмету, полученных вне школьного кабинета, а в литературном музее, чрезвычайно высока. Ведь музейная среда – сама по себе гиперпространство, где всё информативно и образно.

Следует иметь в виду, что литературный музей как объект восприятия в сравнении с музейными экспозициями 20-летней – это уже иной музей, для которого необходим поиск новых методик восприятия и интерпретации музейного пространства. Литературная экспозиция и предмет «литература» имеют тождественные объекты изучения: это – творческий путь автора и его художественные тексты. При этом у литературного музея есть свой специальный метод погружения в культуру эпохи. Речь идёт о некоем «метатексте» музея, который прочитывается «по правилам чтения» музейной информации, обретая общекультурное звучание.

III. CULTURĂ ȘI CIVILIZAȚIE

Проанализируем актуальность использования литературного музея в процессе изучения биографии писателя учащимися. Она может быть обусловлена следующими причинами:

- на протяжении двух последних столетий интеллектуальный потенциал нации выражался главным образом литераторами. История русской литературы в течение XX века последовательно фиксировалась в музеях. Ими (музеями) был накоплен уникальный историко-литературный материал, имеющий конкретное образовательное звучание и, в то же время, не востребованный в должной мере школьной методикой;
- изменилась сама социальная доминанта литературного музея. Современное функционирование литературной экспозиции кардинально отличается от канонов музейной деятельности, принятых ещё 15 - 20 лет назад. Документирующая функция как основополагающая функция музея всё более уступает место функции педагогической, коммуникативной;
- использование литературной экспозиции в качестве средства изучения биографии писателя в старших классах обусловлено и современной ситуацией в материальной культуре общества. Подрастающее поколение постиндустриальной России вместе с серийностью в одежде, с модой на одни и те же предметы потребления теряет понимание эталонной предметной культуры. Из нашей жизни уходит способность ощущать уникальность подлинника, его историческую, образную, духовную наполненность, которая всегда присутствует в музее писателя;
- пласт овеществлённой истории литературы, представленный в литературной экспозиции, имеет, на наш взгляд, не меньшую значимость в условиях современного образования, чем традиционный путь изучения творчества писателя в школе.

Задачи, которые решаются в процессе изучения историко-литературного курса средствами литературной экспозиции, выглядят следующим образом:

- познакомить учащихся с биографией и творческой судьбой писателя, не дублируя хрестоматийную информацию;
- развить художественное восприятие учащихся: научить отличать подлинные произведения искусства от суррогата;
- сформировать навыки и умения общения с музеем писателя, необходимые для творческого использования полученных знаний;
- развить у учащихся понимание сакральности подлинника, особенно в среде литературной экспозиции, где значимый подтекст может иметь и заявление А. Н. Островского о приёме его на службу в Совестный суд, и мужские галоши, сшитые Л.Н. Толстым;
- привить умение «видеть» общие вехи историко-литературного процесса в содержании конкретной музейной экспозиции;
- развить стремление ученика к самосовершенствованию и самообразованию, используя отражённую в музее живую модель исканий и творчества русских писателей;
- приобщить учащихся к культуре музейного восприятия используя материалы изучаемых литературных экспозиций.

Исходя из возрастных психолого-педагогических доминант, наиболее «отзывчивы» для восприятия литературной экспозиции старшеклассники, им может быть полезна метафоричность и широкая культурообразующая ассоциативность этой среды. С обретением навыков «чтения» музейной информации, старшеклассник выходит на новый уровень овладения историко-литературным курсом.

Иная (не классно-урочная) обучающая среда, в нашем случае среда литературного музея, сама по себе несёт потенциал открытия, т.к. предполагает:

- а) существование в ней иных эстетических законов;
- б) иной источник получения знаний (не учитель, не учебник);
- в) иные пути получения знаний.

До сих пор в методике хорошим тоном считалось относить внеурочную деятельность учащихся по литературе, в основном, к исследовательской методологии. Но, новационная сама по себе обучающая среда и ориентированность на максимальную самостоятельность учащихся (исследовательский метод), на наш взгляд, отсекали интерес определённой части учащихся к деятельности по литературе вне урока. Учебное исследование чистом виде – не для всех обучающихся, о чём говорят современные педагогические исследования.

По нашему убеждению, метод, наиболее востребованный в этой учебной ситуации, метод эвристический, именно он способен стать образовательным стержнем, вокруг которого сформируется единство урочной и внеурочной работы по литературе. Аргументируем своё понимание присутствия эвристической методологии во внеклассной работе по литературе (в нашем случае в работе с литературным музеем):

1. эвристический метод определяется, образно говоря, как половина пути от репродуктивного к продуктивным методам обучения. Литературное развитие учащихся в новых обучающих средах состоит, если двигаться постепенно – от репродукции знаний (багаж уроков литературы) к частично-поисковому пути в новой сфере. Если мы, из благих побуждений, минуем частично-поисковую зону, то одновременное усложнение задачи (новая среда, иной источник знаний, усиленные методом учебного исследования) может ослабить связи урочного и внеурочного литературного образования.

2. полезна эвристического метода большей части учащихся, в то время как проблемные и исследовательские методы – это апелляция скорее к наиболее подготовленной части школьной аудитории. Внеклассная же часть работы по литературе не ограничивается обращением к гуманитарно-ориентированным учащимся. Напротив, внешкольная работа по литературе – работа массовая.

3. адекватность, «сензитивность» эвристического метода возрастным пределам учащихся 9х-11х классов, при котором «деятельность обучаемого заключается в активном участии в эвристических беседах, в овладении приёмами анализа учебного материала с целью постановки проблемы и нахождения путей её решения»⁴.

4. органическая частотность использования эвристического метода в процессе «от незнания к знанию».

III. CULTURĂ ȘI CIVILIZAȚIE

5. простота использования эвристических процедур в конкретных методиках: открытые вопросы, наведение на решение, сокращение вариантов нахождения путей решения.

6. принадлежность эвристики к константным свойствам получения новых знаний, а значит и знаний, получаемых в процессе обучения в школе.

7. эвристический характер самой обучающей музейной среды.

Среди функциональных характеристик эвристических методов, принятых современной дидактикой, мы выделяем три, на наш взгляд, особенно жизнеспособных применительно к методике:

1. «функцию наведения на правильное решение»;
2. «функцию сокращения вариантов при выборе возможных путей задачи»⁵;
3. метод открытых вопросов.

Чем более неопределёнными, общими или нетрадиционными по способам заданий являются вопросы, тем более эвристичен их потенциал. Для отличия эвристических вопросов от неэвристических используется понятие «открытый вопрос, то есть вопрос без заданного направления поиска ответа, когда ученику открыты различные пути и средства его решения»⁶. Методическая «валентность» данных приёмов, как нам представляется, связана с их направленностью как на деятельность педагога (функция наведения на правильное решение, метод открытых вопросов), так и на деятельность учащихся (функция сокращения вариантов при выборе возможных путей задачи).

Разработанная автором методика погружения старшекласников в среду литературного музея, как нам кажется, позволяет раскрыть категорию эвристики и как частотный поисковый метод, и как константное свойство процесса получения новых знаний. Определённая «неизведанность» среды литературной экспозиции обуславливает масштаб подготовительной работы педагога и учащихся с экспозицией. Перед погружением в пространство литературной экспозиции учащиеся работают с вопросниками-ориентирами и вопросами-сигналами, которые направляют их последующее восприятие экспозиции.

Рассмотрим предлагаемую систему подготовительной работы с экспозицией музея-квартиры А.М. Горького на Малой Никитской улице в Москве. Она включает в себя развёрнутый *вопросник-ориентир* с предполагаемыми ответами и особый *вопрос-сигнал* (№16), имеющий отношение, с одной стороны, непосредственно к биографии писателя, а с другой, к осознанию роли писателя в современной ему культуре. Заданность конкретного направления поиска в приведённых вопросах (присутствие функции наведения на правильное решение) определяет методологию такой подготовительной работы как методологию эвристическую.

Вопросник-ориентир

*по музею-квартире А.М. Горького. Филиал Литературного музея
А.М. Горького. Дом на Малой Никитской, 6.*

1. Назовите архитектора, построившего особняк на М. Никитской, и стиль, в котором выдержано это здание. (Ф. О. Шехтель, один из создателей стиля «русский модерн» в архитектуре. Шехтель является типичным для конца XIX века художником, перешедшим в архитектуру. Такими художниками были В. М. Васнецов, В. Д. Polenov, С. В. Малютин, М. А. Врубель и др. Однако для них архитектура осталась эпизодом в биографии, тогда как для Шехтеля она стала делом всей жизни. Особняк на Малой Никитской улице был построен в 1900 году. Здание является выдающимся произведением московского и русского модерна. Его композиция построена на контрасте геометрических форм основного объема и природной живописности деталей. С французского *moderne* — новейший, современный, стилевое направление в европейском и американском искусстве конца 19 — нач. 20 вв. Представители «модерна» использовали новые технико-конструктивные средства, свободную планировку, своеобразный архитектурный декор для создания необычных, подчеркнуто индивидуализированных зданий, все элементы которых подчинялись единому орнаментальному ритму и образно-символическому замыслу. Изобразительное и декоративное искусство «модерна» отличают поэтика символизма, декоративный ритм гибких текучих линий, стилизованный растительный узор).

2. По чьему заказу был построен в начале века этот особняк? (По заказу С. П. Рябушинского. Рябушинские, российские промышленники и банкиры. В 1902 году был основан «Банкирский дом братьев Рябушинских», преобразованный в 1912 в Московский банк. Степан Павлович известен также так же как собиратель произведений искусства. Особенно славилось собрание икон С. П. Рябушинского, занимавшегося также вопросами реставрации икон (его собрание при подготовке своих трудов использовал И. Э. Грабарь).

3. Вспомните первое впечатление А. М. Горького от дома на Малой Никитской. Понравился или нет особняк писателю, и почему? (М. Горький называл дом «нелепым», т.к. в 30-е годы в архитектуре и искусстве главенствовал реалистический стиль, и особняк многими воспринимался отрицательно, не стал исключением и Горький).

4. Назовите имя знаменитого сокурсника Ф. О. Шехтеля по Московскому училищу живописи, ваяния и зодчества. (Левитан Исаак Ильич (1860-1900), русский живописец-передвижник. Создатель «пейзажа настроения», которому присущи богатство поэтических ассоциаций, мажорность («Март», 1895; «Озеро. Русь», 1900) или скорбная одухотворенность образа («Над вечным покоем», 1893-94), обретающая в картине «Владимирка» (1892) социально-критическую окраску. Раскрытие тончайших состояний природы, пленэрная, тонко нюансированная живопись).

5. Какие атрибуты внутреннего дизайна особняка можно назвать типически модернистскими? (Лестница в холле, люстра в столовой).

6. Какую общественно-литературную работу вёл М. Горький после возвращения из Сорренто? Что позволяло ему говорить: «Я уже не человек, а целое учреждение?» (Подготовка к Первому всесоюзному съезду советских писателей,

III. CULTURĂ ȘI CIVILIZAȚIE

встречи с деятелями культуры, науки, редактирование тринадцати периодических изданий и т.п.).

7. Назовите имена европейских писателей, близких А. М. Горькому в этот период его жизни. (Стефан Цвейг, Ромен Роллан. Цвейг Стефан (1881-1942), австрийский писатель. Мастер психологической новеллы (сборники «Амок», 1922, «Смятение чувств», 1927, и др.) и портрета (Стендаль, З. Фрейд, Ф. Ницше, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой и др.); романизированной биографии («Мария Антуанетта», 1932, «Триумф и трагизм Эразма Роттердамского», 1934, «Бальзак», опубликован 1946). В 1920-е годы, как и многие западные интеллектуалы, Цвейг обратился к России. По мнению писателя, революционная Россия противостояла буржуазной, «застывшей» Европе. Любовь писателя к России в целом постепенно перешла и на русскую литературу, в которой его особенно привлекала простота. В 1928 Цвейг в составе австрийской делегации посетил Москву).

Роллан Ромен (1866 - 1944) – французский писатель. Влияние Л. Толстого, с которым Роллан состоял в переписке, сыграло важную роль в развитии столь заметных в его творчестве гуманистических и пацифистских взглядов. Романы-эпопеи принесли писателю мировую известность. В 1915 получил Нобелевскую премию за свое первое эпическое сочинение «Жан-Кристоф», посвященное «свободным душам всех наций – тем, кто страдает, борется и побеждает». Примерно с 1927 Роллан стал горячим сторонником СССР. В 1935 он приехал в Москву и встретился с Максимом Горьким, с которым поддерживал переписку с 1917 года).

8. Спальню и кабинет А. М. Горького украшали картины его любимого художника, русского пейзажиста. Назовите имя этого художника, что вы знаете о нём? (Нестеров Михаил Васильевич (1862 – 1942), русский живописец, выдающийся представитель русского символизма и модерна, ведущий мастер религиозной живописи «серебряного века», сумевший органически продолжить характерные линии своего стиля и в советский период. Создал поэтичные религиозные образы, связанные с этическими исканиями 1880-1910-х годов. («Видение отроку Варфоломею», 1889-1890, «На Руси», 1916); писал глубокие, острохарактерные портреты деятелей отечественной культуры).

9. Как выглядит рабочий стол писателя? (Огромный, крытый зелёным сукном, сделанный по заказу самого Горького; более высокий, чем обычно (из-за болезни лёгких врачи не рекомендовали писателю наклоняться при работе), исключительно простой по форме).

10. Вспомните, почему письменный стол Горький заказал без тумб и ящиков? (Попадая в ящики, считал Алексей Максимович, бумаги надолго задерживаются, а посему всё, что необходимо при работе, должно лежать на столе).

11. Попытайтесь вспомнить, почему Горький писал свои произведения только от руки, никогда не диктуя для машинистки? (Считал, что стук пишущей машинки может повредить ритму фразы).

12. Расскажите о библиотеке писателя. (В общей сложности библиотека на Малой Никитской насчитывает 12 тысяч томов. Это одна из самых больших библиотек русских писателей, по количеству уступающая разве только библиотеке Л.Н. Толстого в Ясной Поляне).

13. Какое известное серийное книжное издание, начатое М. Горьким, продолжает существовать и пользуется популярностью и сегодня? («Жизнь замечательных людей», «Библиотека поэта»).

14. М. Горький был страстным коллекционером. Какие коллекции, принадлежавшие писателю и подаренные им друзьям и музеям, вы знаете? (Коллекция картин подарена А. М. Горьким Нижегородскому художественному музею; коллекция оружия - Ф.И. Шаляпину; собрание статуэток восточных Будд - Русскому музею; коллекцию нефритовых изделий - Марии Игнатьевне Будберг).

15. Какие горьковские коллекции находятся в музее на Малой Никитской улице? (Мелкая пластика из слоновой кости, дерева; фарфор японской и китайской работы).

16. Используя материалы экспозиции, поразмышляйте, почему А.М. Горький самый благополучный период своей жизни - 1930-е годы - определял как «максимально горький»? (Слишком велика зависимость от государственной машины, А.М. Горький становится винтиком сталинской пропаганды, за благополучие заплачена слишком большая цена - личная несвобода).

Подобные вопросы-ориентиры, предлагаемые учащимся перед посещением литературной экспозиции, очевидно, выходят за рамки биографической хронологии и фактологии. Использование эвристических приёмов в образовательной среде литературного музея предполагает:

- осознание культурной значимости подлинника, личной вещи писателя в масштабе национальной культуры;
- широкую интерпретацию фактов писательской биографии;
- возможность через подлинники и факты биографии писателя, представленные в экспозиции, выстроить целостную модель единовременного среза национальной культуры.

Эвристическая методология в силу определённой степени свободы в выборе решений «укрупняет» результат изучения биографии писателя в среде литературного музея и выходит на уровень потенциального средства присвоения школьниками национальной культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Томашевский Б. Литература и биография // Книга и революция. 1923, №4(28), с.8-9.

² Фёдоров Н. Ф. Музей, его смысл и назначение. // Фёдоров Н. Ф. Собрание сочинений: В 4 т. - М., 1995. Т.2., с.377.

³ Музейное дело России. Под ред. Каулен М. Е. (отв. редактор), Коссовой И. М., Сундиевой А. А. - М.: Издательство «ВК», 2005.-2-е изд. - с.444.

⁴ Педагогика: учебник для студентов педагогических вузов и педагогических колледжей / Под ред. П. И. Пидкасистого. - М.: Педагогическое общество России, 2002, с.278.

⁵ Кулюткин Ю. К. Эвристические методы в структуре решений. - М.: Педагогика. 1970, с.133-134.

⁶ Хуторской А. В. Современная дидактика: Учебник для вузов. - СПб: Питер, 2001. - с.321.

ОТРАЖЕНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ХРИСТИАНСКОМ ИДЕАЛЕ В СТАРОРУССКИХ ЖИТИЙНЫХ ТЕКСТАХ

Дмитриева Евгения

Волгоградский государственный университет

The article analyzes verbs denoting emotional experience in original old Russian hagiographies. It is noted that hagiographers have always focused on personality and gathered a wealth of experience in developing psychological portraits and the inward man. The role of emotive verbs in character description of heroes, textuality and expressing important notions in linguistic view of the world of the Russians is investigated.

It is stressed that hagiographies have especially been popular in old Russian booklore and influenced Christian ideology forming greatly. They deal with the ideal of Christian enthusiasts developed by Russian people and their intellectual history. The author considers that hagiography studying allows preserving ethnocultural mind of Russian people in the process of globalization.

Key words: *old Russian language, hagiography, emotive verbs, character description, ideal of enthusiast.*

Агиографический жанр являлся одним из самых чтимых и самых распространенных в древнерусской книжности и имел огромное значение для формирования христианского мировоззрения¹. Почитание святых – это неотъемлемая часть православной духовности. В то же время именно в житиях нашел свое отражение идеал христианских подвижников, идеал, выработанный самим народом и отражающий его внутреннюю, духовную историю¹. Богатство духовного содержания житийной литературы отмечалось многими исследователями. В.Н. Топоров называет ее литературой о лучших людях, просветленных верою и избравших себе образцом для подражания жизнь Христа, об их жизненном подвиге, об их святости, о том идеальном мире, которому они учили и который существовал и для составителей житий, и для их читателей и слушателей, и, следовательно, о духовных устремлениях самих этих людей².

Житийные памятники изучались представителями разных научных дисциплин, но какие бы стороны житий ни рассматривали ученые, ими единодушно признается ориентация агиографии на канон. Свойственность агиографической литературе многочисленных стандартных мотивов, выделяемых в агиографических произведениях разных типов и разных эпох, отмечает и В.М. Живов. По его мнению, житие святого – это не столько описание его жизни (биография), сколько описание его пути к спасению, типа его святости³. Поэтому набор стандартных мотивов отражает прежде всего не литературные приемы построения биографии, а динамику спасения, того пути в

Царствие Небесное, который проложен данным святым. Житие абстрагирует эту схему спасения, и поэтому само описание жизни делается обобщенно-типическим.

Духовное содержание житий во многом определяет важность задач, которые эти тексты выполняли. Б.И. Берман видит цель жития в установлении определенной эмоционально-нравственной атмосферы, особого «православного» мироощущения. Устойчивости этой атмосферы способствовала устойчивость, неизменность житийного канона⁴. Это тем более важно, что, как отмечает большинство исследователей (В.В. Колесов, В.В. Кусков, С.В. Минеева и др.), в центре жития лежит представление об идеальном христианине, именно оно организует структуру произведения.

Учитывая сконцентрированность агиографа на личности святого, мы считаем важным обратиться к исследованию способов изображения его внутреннего мира. В статье рассматриваются языковые единицы, а именно глаголы, обозначающие эмоциональные переживания и их проявления (эмотивные глаголы) и используемые как средство характерологического описания подвижника в старорусских житиях⁵. Лексико-семантическое множество эмотивных глаголов объединяет глаголы действия, состояния, отношения. Релевантными в их семантической структуре являются реализующие категориально-лексическую сему 'эмоциональное переживание' интегральные семы 'характер субъекта', 'характер объекта', 'отнесенность процесса эмоционального переживания к сфере субъекта / объекта', 'характер обозначаемой глаголом эмоции', 'интенсивность эмоционального переживания'. Эмотивные глаголы могут обозначать процесс эмоционального переживания (*възрадоватися, любити, ненавидети, поскорбети* и др.); следствие эмоционального переживания (*плакати, плактися, рыдати, смеятися* и др.); эмоциональное воздействие (*веселити, оскорбити, покоити, прогневати, смутити* и др.).

Особый интерес к эмотивной глагольной лексике в агиографическом тексте обусловлен тем, что указания на эмоциональные отклики человека, его психологические состояния, чувства, оказавшиеся в центре внимания писателей с конца XIV – начала XV вв.⁶, раскрывают внутренний мир человека того времени, характеризуют его как индивидуальность.

В православной традиции чувственная сфера связывается с сердцем, его называют «центральным органом чувств». Его роль в области чувств, по Священному Писанию, поистине всеобъемлюща. По наблюдениям святителя Луки (Войно-Ясенецкого), оно «веселится», «радуется», «скорбит», «рвется от злости», в нем «гнездится гнев», «прелюбодейная страсть», «зависть», но оно воспринимает и утешение, способно к великому чувству упования на Бога и сокрушения в грехах своих⁷. Роль чувств велика, они определяют и направление пути мышления. Но помимо таких поощряемых чувств, как вера в Бога, упование на Него, радость, любовь и др., в христианской традиции большое внимание уделяется человеческим страстям, с которыми необходимо бороться. Так, святитель Феофан Затворник писал: «Всякая страсть есть тяжкий и смертный грех, ибо отдаляет от Бога и погашает ревность к богоугодной жизни»¹. Страсти, к которым относятся гордость, уныние, печаль, гнев и под., могут находиться как в теле, так и в душе, и даже в духе человека.

III. CULTURĂ ȘI CIVILIZAȚIE

Лингвистами неоднократно подчеркивалась важность эмоциональных составляющих в описании личности. Так, Ю.Д. Апресян, воссоздавая «образ человека по данным языка», указывает на то, что эмоциональная система – «одна из самых сложных систем человека., поскольку в возникновении, развитии и проявлении эмоций принимают участие практически все остальные системы человека»⁸. Большую роль, по мнению исследователей, занимают эмоции и в определении такого ключевого для христианского мировоззрения понятия, как *душа*. При этом душа определяется как «средоточие внутреннего мира человека, его истинных чувств и желаний, всего жизненно важного для данной личности»⁹, отмечается высочайшая насыщенность структуры концепта *душа* в русской культуре эмоциональными признаками¹⁰.

Проведенный анализ употребления эмотивных глаголов показал, что факторами, определяющими специфику реализации эмотивным глаголом характерологической функции, являются: 1) статус характеризуемого субъекта (святой / обычный человек); 2) характер обозначаемой глаголом эмоции (положительная / отрицательная / нейтральная) и ее интенсивность (низкая / средняя / высокая); 3) причина эмоционального переживания.

При характеристике святых используются глаголы, обозначающие как положительные и нейтральные, так и отрицательные эмоции. При этом глаголы, обозначающие положительные эмоции, существенно преобладают.

Так, положительные чувства святых в рассматриваемых житийных текстах выражаются глаголами *възлюбити*, *любити*, *умилитися*, *уповати* и др. Наиболее употребительным является глагол *любити* и его производные.

Глагол *любити* в древнерусском языке имел прямое значение «испытывать глубокую привязанность, расположение к кому-либо». Данное значение сохраняется и в старорусском языке. В житийном тексте такое значение глагола *любити* реализуется, например, в следующем отрывке: *Сего ради молим тя, яко же в труднем сем и многоболезненем житии, донележе бе любяше ны...* (ЖСС, 32). На субъект действия (одушевленный, конкретный) указывает личное местоимение второго лица единственного числа *тя* при глагольной словоформе *молим*. Из более широкого контекста становится ясным, что субъектом в данном случае является наставник – преподобный Савва. Объект отношения выражен личным местоимением первого лица множественного числа *ны*. Глагольная словоформа *любяше* определяет отношение святого не только к его ученикам, но и в целом к любому человеку, обращающемуся к преподобному с молитвой. Таким образом, святой характеризуется как достигший христианского идеала любви к ближнему. Душевная стойкость святого в соблюдении божественных заповедей подчеркивается упоминанием его страданий – *в труднем сем и многоболезненем житии*.

Помимо обозначенного выше значения, глагол *любити* имел также и значение «чувствовать склонность, интерес, влечение, тяготение к чему-л.». Объект отношения в этом случае является неодушевленным, конкретным либо абстрактным. Данное значение глагол *любити* выражает в следующем житийном фрагменте: *Он же обычным смирением и кротостию одержим сци, седя, в мале пища причастися, - бяше бо от юности любя безмолвие, не точию на трапезе, но и всегда* (ЖЗС, л. 262 об.). Одушевленный, конкретный субъект – *блаженны* – может быть выявлен из более широкого контекста. В приведенном

отрывке дается описание смиренного и кроткого поведения святого во время боярского обеда, однако для агиографа было важным подчеркнуть, что кротость и скромность свойственны святому не только в приведенной ситуации, но и всегда, являясь свойствами его характера. Для этой цели автор жития использует контекстуальные уточнители: *обычным, от юности, всегда*.

В текстах рассматриваемых житий были встречены случаи употребления производного от *любити* глагола *възлюбити*. Согласно словарям, глагол *възлюбити* в древнерусском и старорусском языках означал «полюбить, принять». В отличие от *любити* он содержал в своем значении признак начинательности, формальным показателем чего является приставка *въз-*, маркирующая данную лексему как генетический славянизм. При этом *възлюбити* выступал как производный от *любити* и в первом, и во втором значении.

Глагол *възлюбити* как производный от *любити* «испытывать глубокую привязанность, расположение к кому-либо» употреблен в следующем отрывке: *Он же наипаче возлюбил я и непрестанно глаголя Божия чюдеса, посих же помышляя в себе реченное Давидом: «Возверзи на Господа печаль свою, и thou препитает в веки»* (ЖЗС, л. 220 об.). Более широкий контекст позволяет установить, что местоимение *он* указывает на конкретный, одушевленный субъект – *блаженныи Саватии*. Одушевленный, конкретный объект отношения выражен местоимением *я*, которое в более широком контексте соотносится с существительным *человеци*. При этом агиограф особо подчеркивает источник, из которого черпает человеколюбие святой, приводя слова Давида: *«Возверзи на Господа печаль свою, и thou препитает в веки»*.

Глагол *възлюбити* мог являться производным и от глагола *любити* «чувствовать склонность, интерес, влечение, тяготение к чему-л.», как, например, в следующем контексте: *Не бо о пици печашеся излишнеи, ни в мякких когда красовашеся, или телеснаго искаше покоя, но тесныи и прискорбныи путь предпочиташе, неже пространныи, и нищету паче богатства возлюби, и безславие паче славы нынешния...* (ЖСС, 31). Объект отношения в контексте выражен неодушевленными, абстрактными существительными – *нищету, безславие*. В приведенном отрывке словоформа *возлюби* характеризует жизненные позиции святого, его отношение к материальным ценностям, а именно предпочтение ценностей вечной жизни ценностям жизни земной.

Показательным, на наш взгляд, является то, что в обоих случаях агиограф, не указывая на конкретную интенсивность переживаемого святым чувства (высокую, среднюю, низкую), все же употребляет наречия *паче* (сильнее), *наипаче* (сильнее всего), вводя таким образом относительную шкалу интенсивности эмоционального переживания: чувство описывается как более сильное по отношению к другому.

Указание на высокую степень интенсивности может даваться автором жития напрямую и вводиться контекстуальным уточнителем меры и степени, например: *И прииде на реку, зовому Дубенку, обрете место и зело возлюби е, и созда церковь во имя Пресвятыя Богородицы, честнаго ея Успения* (ЖСС, 27). В приведенном отрывке словоформа *возлюби* обозначает положительную эмоцию, характеризующуюся высокой степенью интенсивности, что выражается уточнителем *зело*, объект отношения выражен неодушевленным кон-

III. CULTURĂ ȘI CIVILIZAȚIE

кретным существительным *место*.

Семантические изменения, произошедшие в смысловой структуре глагола в данном контексте (реализация дифференциальных признаков «конкретный», «неодушевленный» по отношению к характеристике объекта), могут быть определены как модуляционные¹¹. Реализуемое в рассматриваемом контексте значение фиксируется словарем в древнерусских и старорусских текстах как «выделить среди других расположением, предпочтением»¹². Анализ приводимых авторами словаря контекстов показывает, что во всех случаях, как и в анализируемом житийном фрагменте, присутствует ситуация выбора, принятия чего-либо или кого-либо. Употребление генетического славянизма в применении к эмоциям в данной ситуации передает особую важность события – выбора места для церкви.

Если в первых двух житийных контекстах эквивалентом глаголу *възлюбити* в современном русском языке выступает лексема *возлюбить* (то есть «полюбить, проникнуться любовью»; устаревшее, в современном употреблении – обычно в поэтической и стилизованной речи), то в последнем случае – лексема *полюбить* («почувствовать любовь, расположение к кому-, чему-л.»), так как речь идет не о глубоком чувстве, а о симпатии, эмоциях, которые вызывает пребывание в конкретном месте. В последнем житийном отрывке глагол не характеризует святого как личность, то есть не выполняет характерологическую функцию в строгом смысле слова. Лексема употреблена здесь для объяснения мотивов постройки святым храма именно в описываемом месте, однако сам факт мотивации такого важного дела эмоциональным отношением указывает на важность чувственной сферы для создателя жития.

Отрицательные эмоции и переживания святые испытывают не по отношению к людям, неприятие подвижников вызвано явлениями, не соответствующими христианскому идеалу праведника, например, похвалой: *...бе бо отнюдь ненавидя похвалы человеческия...* (ЖЗС, л. 217); страданиями других людей: *Мать же боишся о нихъ, да не когда устрашившееся мукъ яко юнии...* (ЧМ., 55).

Для характеристики эмоциональных переживаний подвижников в житийных текстах используются также глаголы, обозначающие следствие процесса эмоционального переживания (*възрыдати, плакати, прослезитися* и др.).

Среди эмотивных глаголов, обозначающих следствие процесса эмоционального переживания в прямом значении, в текстах рассматриваемых житий для характеристики святого используются только языковые единицы, связанные с описанием слез как проявления эмоций святого.

Глагол *прослезитися* «прослезиться, заплакать» отмечен и в древнерусских, и в старорусских памятниках, он обозначает внешнее проявление эмоции, относящейся к сфере конкретного, одушевленного субъекта. Интенсивность переживаемой субъектом эмоции может быть определена как низкая.

В житийных текстах *прослезитися* представлен в прямом значении и может быть употреблен как единственное средство для обозначения проявления эмоций, например: *Преподобныи же, слышав от Германа, восстав, прослезися...* (ЖЗС, л. 223), или в ряду других глаголов: *И ужасеся блаженни о таком необычном видении, и из глубины сердца воздохнув, прослезися...* (ЖЗС, л. 262 об.); *... и позыбав главою, и воздохнув, прослезися, и оттоле ничто же вкуси...* (ЖЗС, л.

263 – 263 об.). Субъект действия во всех приведенных житийных контекстах одушевленный, конкретный и выражен субстантивированными прилагательными *преподобнии, блаженни, святыи* (в последнем случае субъект восстанавливается из более широкого контекста). Характер переживаемой эмоции во всех приведенных фрагментах устанавливается из анализа более широкого контекста и определения причины, вызвавшей слезы. Так, в первом случае, причина – чудесный голос, сообщивший о Божественном благословении, и переживаемая эмоция является *положительной* – это радость. Во втором и третьем случаях, причина переживаний святого – ужасное видение, предвещающее гибель людей, и переживаемая эмоция является *отрицательной* – это глубокая печаль.

В рассматриваемых житиях зафиксирован один случай употребления для характеристики святых эмотивного глагола, обозначающего эмоциональное воздействие в прямом значении: *И придоша ко Андронику утешати его о скорби, бывшеи ему, понеже бо человек тои велию веру име к манастирю* (ЖЗС, л. 305 об.).

Лексема *утешати* зафиксирована в словаре в значении «утешать, приносить утешение». В таком значении она является глаголом действия, которое вызывает у объекта положительную эмоцию.

В житийном отрывке рассматриваемая лексема реализует прямое значение. Субъект действия может быть установлен из широкого контекста, он выражен одушевленным, конкретным существительным (*старцы*). Агиограф указывает причину, по которой Андроник оказался достойным посещения старцев, – *понеже бо человек тои велию веру име к манастирю*.

Глаголами, обозначающими эмоциональное воздействие в переносном значении, являются глаголы *възмясти, напасти, распалати, съмутити* и др.

Основным для глагола *распалати* было значение «охватывать огнем, жечь». В этом значении он может быть отнесен к глаголам активного воздействия на объект с нанесением ему вреда, вплоть до разрушения.

В древнерусском языке в результате семантической деривации образовался омоним *распалати* в значении «воспламенять, возбуждать; распалать», являющийся эмотивным глаголом. Он зафиксирован и в рассматриваемых нами житиях, например: *И тако изыде блаженнии Саватие, распалаям любовию безмолвия...* (ЖЗС, л. 219). В данном случае одушевленный, конкретный объект действия, обозначенного словоформой страдательного причастия, выражен именем собственным *блаженнии Саватие*. Указание на характер испытываемого святым эмоционального переживания – *любовию безмолвия* – позволяет подчеркнуть положительные с точки зрения христианского идеала качества подвижника.

В.В. Колесов отмечает, что форма жития исторически сочетала в себе исходную направленность на быт и жизнь в земном ее проявлении, а также классические традиции этого жанра, что создавало противоречие между следованием традиционному канону, традиционным языковым формам и стремлением отразить приметы «реальной жизни»¹³. В текстах житий представлены контексты, характеризующие подвижника и как обычного человека, и как носителя святости, например: *Матерь же боится о нихъ, да не когда устрашившееся мукъ яко юнии, преклонятъ къ жертве идольстеи..* (ЧМ., 55).

III. CULTURĂ ȘI CIVILIZAȚIE

В древнерусском и старорусском языке глагол *бояться* имел прямое значение «бояться, страшиться»; «испытывать страх, бояться кого-либо, чего-либо». В таком значении глагол обозначает протекание отрицательной, средней по интенсивности эмоции. Субъект действия в приведенном житийном отрывке выражен одушевленным, конкретным существительным *мать*. В данном контексте святая Зоя, о которой идет речь, представлена в двух ипостасях – мать и истинная христианка. На реализацию первой из них указывает то, что причиной эмоционального переживания субъекта состояния выступает беспокойство не за себя, а за детей. В контексте это выражено предложной конструкцией – *о нихъ*. Показательно же то, чего боится святая, – она боится того, что дети не выдержат мук и отступятся от веры – *преклонятся къ жертве идолстеи*.

Таким образом, анализ эмотивных глаголов, функционирующих в старорусских житийных текстах, показал, что, создавая характеристику святого, агиографы активно используют рассматриваемые языковые единицы. Их употребление в характерологической функции определяется несколькими факторами и отличается своеобразием, по сравнению с употреблением эмотивных глаголов для характеристики священнослужителей, монахов, послушников и мирян. Эмоциональный портрет подвижника, призванный донести представление о христианском идеале, определяется доминирующим чувством любви, доброжелательным отношением к ближнему. Как представляется, в целом обращение к агиографическим текстам позволит возродить особую эмоционально-нравственную атмосферу, традиции русской духовности, отвергающие гнев, злобу и проповедующие любовь и милосердие.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Творогов О.В. О «Своде древнерусских житий» // Русская агиография: Исследования, публикации, полемика. СПб., 2005. С. 3.
- 2 Карпов А.Ю. Православные святые и чудотворцы. М., 2005. С. 3.
- 3 Топоров В.Н. Святость и святые в русской духовной культуре. Т.1: Первый век христианства на Руси. М., 1995. С. 12.
- 4 Живов В.М. Святость. Краткий словарь агиографических терминов. М., 1994. С. 10.
- 5 Берман Б.И. Читатель жития (Агиографический канон русского средневековья и традиция его восприятия) // Художественный язык средневековья. М., 1982. С. 162.
- 6 В работе использованы материалы следующих житийных текстов (в скобках даны используемые сокращения; при цитировании используется современная графика): Житие и чудеса преподобных Зосимы и Савватия Соловецких чудотворцев. Курган, 1995 (ЖЗС); Житие Николая Мирликийского // Калугин В.В. «Житие святителя Николая Мирликийского» в агиографическом своде Андрея Курбского. М., 2003 (ЖН); Житие Саввы Сторожевского (по старопечатному изданию XVII в.). М., 1994 (ЖСС); Житие, пророчество и страдание святого пророка Иеремии, Житие преподобного Пафнутия, Житие святых мучеников Еспера и Зои, сожительницы его, и чад их, Кирилка и Феодула, Сказание о убиении святых страстотерпцев, российских князей, Бориса и Глеба, во святом крещении нареченных Романа и Давида, и о пренесении честных мощей их, и о чудесах отчасти // Минея Четья (месяц май) М., 1998 (ЧМ).
- 7 Лихачев Д. С. Изображение людей в житийной литературе конца XIV–XV века // ТОДРЛ.

- Т. XII. М., 1956. С. 106.
- ⁸ Святитель Лука (Войно-Ясенецкий) *Дух, душа и тело*. М., 1999. С. 33.
- ⁹ Святитель Феофан Затворник *Страсти и борьба с ними: Выдержки из творений и писем*. М., 2004. С. 12.
- ¹⁰ Апресян Ю. Д. *Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Апресян Ю. Д. Избранные труды: В 2 т. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография*. М., 1995. С. 366 – 367.
- ¹¹ Урысон Е.В. *Проблемы исследования языковой картины мира: Аналогия в семантике*. М., 2003. С. 22.
- ¹² Пименова М.В. *Душа и дух: особенности концептуализации*. Кемерово, 2004. С. 176.
- ¹³ *Вслед за С.П. Лопушанской мы различаем два типа семантических изменений: семантическую деривацию и семантическую модуляцию. Понятие семантической модуляции включает в себя такие изменения в смысловой структуре слова, при которых сохраняется категориально-лексическая сема, реализуются синонимические отношения данного слова, сложившиеся в рамках исходной лексико-семантической группы. В отличие от модуляции, семантическая деривация – процесс, приводящий к разрушению категориально-лексической семы, образованию новых лексических единиц, входящих в другие лексико-семантические группы (Лопушанская С.П. Изменение семантической структуры русских бесприставочных глаголов движения в процессе модуляции // Русский глагол (в сопоставительном освещении): Сб. ст. Волгоград, 1988. С. 15.).*
- ¹⁴ *Словарь русского языка XI – XVII вв. Вып. 2*. М., 1975. С. 294.
- ¹⁵ Колесов В.В. *Древнерусский литературный язык*. Л., 1989. С. 62.

**ФЕДОР ЕФИМОВИЧ БАЙМАКОВ — РУМЫНСКИЙ ДАРИТЕЛЬ
ИМПЕРАТОРСКОЙ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ ПЕРИОДА
ДИРЕКТОРСТВА МОДЕСТА АНДРЕЕВИЧА КОРФА¹
(1849 — 1861 ГГ.):**

Матвеева Ирина Германовна,

*кандидат филологических наук,
заведующая отделом истории библиотечного дела
Российской национальной библиотеки (Россия).*

*Тел. (812) раб. 718 86 11;
сотовый 8 -921-961 40 60;
дом. (812) 584 42 69;
e-mail oibd@nlr.ru*

Дарение и меценатство весьма широко было развито в России в первой половине XIX века. Обычай дарить подарки — прекрасная традиция выражать свое уважение. Публика в этот период была склонна к дарению книг церкви, что и было превращено в традицию преподносить в дар книги крупнейшему государственному книгохранилищу.

Дары Императорской публичной библиотеке (ИПБ) — это целая система взаимоотношений между людьми, понимавшими роль и значение Библиотеки; получившая распространение как дар «имеющих» — уважаемому учреждению «нуждающемуся в подношениях». Щедрые дары, поступавшие от представителей самых разных социальных слоев населения, свидетельствуют, что общество было солидарно со стремлением Библиотеки к собранию полной коллекции как российских, так и иностранных книг, рукописей, нот и карт, эстампов. Тут важно все: кто, когда, как дарил, при каких обстоятельствах и, зачастую, в сколь различные формы обрекались дарения, какова роль даров в пополнении фондов.

В период с 1850 по 1859 г. — «число дарителей превосходит все число их в первые 40 лет, основаны на вполне положительных данных»². В этот период количество даров неустанно росло, увеличиваясь ежегодно примерно в два раза; превышая при этом в те же два раза покупку книг.

В тот период более 1000 дарителей участвовали в пополнении фондов Императорской публичной библиотеки, иностранцев среди дарителей было около одной четверти. В большей части они дарили свои книги и пополняли коллекции «Россика» и церковно-славянской литературы. «Частные приношения — одно из лучших свидетельств сочувствия публики к цели и к развитию отечественного книгохранилища — текли в него обильно и в 1855 году»³.

В целом «В 50-е годы прошлого века приобрели большой размах дары, оттеснив на задний план в количественном отношении обязательный экземпляр и покупку»⁴.

В 1857 г. от дарителей получено было 27775 томов книг (9306 т. куплено); 53 географических карт; 15803 гравюр, литографий и лубочных картин; 1153 музыкальных пьес; 318 рукописей и автографов.

В 1858 г. — от дарителей пополнили фонд Библиотеки 9329 томами книг; 74 географическими картами; 1803 гравюрами, литографиями и лубочными картинками; 762-мя музыкальными пьесами; 509 рукописями.

«Многие видные ученые зарубежных стран охотно оказывали помощь Публичной библиотеке в поисках нужных для нее книг»⁵.

Не был исключением и город Яссы. Одним из самых щедрых дарителей того периода был Молдавский мещанин из города Яссы (тогда — Молдовы, ныне — Румынии) **Федор Ефимович Баймаков**. В период с 1857 по 1862 гг.⁶ он подарил Императорской Публичной библиотеке более 20 рукописей и 10 старопечатных книг. Его особой заботой было пополнение коллекции старопечатных книг.

О его дарах редких рукописных и старопечатных книг на церковно-славянском языке неоднократно сообщалось в русской периодической печати.

Первые дары поступили от Ф. Ф. Баймакова в 1857 г., среди которых более всего ценились два издания — «Октиох» (тип. Епископии г. Бузео, 1700)⁷ и богослужебная книга для пения на старославянском языке «Ирмологион» (Почаев, 1794)⁸.

Не менее редким даром был, подаренные им, два редких псалтыря — «Псалтырь, писанная красивым полууставом в 1552 году. В л. В начале нескольких листов недостает. На обороте 67-го листа этого издания помещена следующая летопись: "Изволением Отца и поспешением Святого Духа, сотвори сий псалтырь ермонах Куприян, рекомый Кирилл, и старец от монастыря госпожи Еленые, идеже есть храм господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа Воскресения, и даде ею в молбу себе, як да будет ему память вечная в безконечные века, и никто да не изнесет ею из церкви, а кто ся покусится изнести ею инуде из церкви, таковой да будет проклят, кроме некие нужды; и имписа я исправа многогрешны также иеромонах Еулогие от Путна и пол ею поп Никифор, тыж от Путна, в дни благочестивого и хрусталиубивого и Стефна воевода младого сына Петра воеводи и при ... Андонии, в лето 7060, месяца Майя". На обороте 131-го листа находится приписка. Из которого видно, что Митрополит Сучевский Феодосий поновил и "завезал" сию рукопись 18 Июля 7113 (1605) года»⁹.

Другой — «Псалтырь, Церковно-славянская рукопись, красиво написанная уставным почерком XVI века, в Молдавии; в л.»¹⁰. Обе эти книги отсутствовали в фонде Императорской публичной библиотеки и тем ценнее был этот дар.

Сопровождая дары Баймаков писал в 1857 г.: «С истинным человеколюбием как инока спаситель принял в оной бедной Вдовицы две лепты и удостоить меня уведомлением о получении ответ»¹¹.

В 1858 г. от Федора Ефимовича Баймакова поступило в дар 5 редких церковно-славянских рукописей, так же ранее отсутствовавших в фонде Императорской публичной библиотеки. Это была рукопись «Иоанн Лествичник»

III. CULTURĂ ȘI CIVILIZAȚIE

(написанная скорописью XV-го века. В 4-ю д.л.), о христианском богослове, византийском философе, игумене Синайского монастыря церковно-славянская рукопись, написанная на бомбицине в XV-м столетии, полууставом, переходящим в скоропись «Толкование на Ветхий Завет, весьма редкая, но, к сожалению, неполная (В 4-ю д.л.)¹².

Не менее ценным был и дар «Сборника разных слов, преимущественно Иоанна Златоуского» — церковно-славянская рукопись, написанная скорописью между 1512 и 1520 годом, что доказывает следующая, находящаяся в середине выходная летопись: «Слава свершителю Богу в века, аминь. Исписасе сия книга в дни царя великого Селима и пинасе многогрешною рукою Продана диакона, в области Славишной, в селе Тренове, и писал к многолюбимому брату Кир попу Драйку и Трипольской обители, сиреч в Ранянской». (В 4-ю д.л.); «Летовник Симеона Метафраста, полууставная Церковно-Славянская рукопись, написанная в 1637 году. В 4-ю д.л.»; греческая рукопись, написанная на бумаге скорописью в период царствование Петра Великого «Собрание церковных песен, положенных на крюковые ноты»; «Триодин си есть трипеснец» (Терговище, 1649, в л.).

В своем сопроводительном письме от 17 ноября 1858 г. на имя директора Императорской Публичной библиотеки Модесту Андреевичу Корфу он писал: «По сердечному и истинному расположению к России и ее отечественному книгохранилищу, которое находится под управлением Вашего высокопревосходительства. Имею честь препроводить в дар Императорской Публичной библиотеке еще вторично 5 следующих книг»¹³.

Умение принимать подарки — это целое искусство, включающее в себя и выражение благодарности дарителю. Не отблагодарить за добро — это же позор... Принятие дара означает установление связи. Это, как никто более, понимал директор ИПБ Модест Андреевич Корф.

Каждое приношение не оставалось без реакции. В каждом опубликованном отчете ИПБ можно найти слова благодарности, выраженная дарителям.

В ответ дирекция всегда отзывалась письмами с выражением благодарности от имени М. А. Корфа. Федор Ефимович Баймакову было так же послано благодарственное письмо со следующими словами: «Получив ныне принесенные Вами в дар Императорской Публичной библиотеке при отношении от 17-го ноября 1858 года с 3 рукописями, в приятный долг себе вменяю изъявить Вам, Милостивый государь, от лица отечественного книгохранилища искреннюю признательность»¹⁴. Письмо было подписано помощником директора князем В. Одоевским.

Русско-румынские книжные связи существуют более двух веков. Щедрые дары, поступавшие от представителей румынского общества, свидетельствует, что в Румынии понимали роль и значение Императорской публичной библиотеки, разделяли ее стремление в пополнении фондов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Корф Модест Андреевич, граф (10.11.1800, Санкт-Петербург — 2.01.1876, Санкт-Петербург), государственный деятель, историк, директор Императорской Публичной библиотеки в 1848—1861 гг.

- ² Книга приношений в пользу Императорской Публичной библиотеки. СПб., 1857. С. 10.
- ³ Отчет Императорской публичной библиотеки за 1855 год. С. 21.
- ⁴ Голубева О. Д. В мире книжных сокровищ. Л., 1995. С. 45.
- ⁵ Афанасьев Ю., Мыльников А. Публичная б-ка: 150 лет.— Л.: Лениздат, 1964.— С. 44—45.
- ⁶ ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1858. Д. 3/1. Л. 6-6(об). Ф. 1. Оп. 1. 1857. Д. 3/2. Л. 168-169;
- ⁷ Отчет ... за 1857 год. С. 46.
- ⁸ Отчет ... за 1854 год. С. 34.
- ⁹ Отчет за 1857 год. СПб., 1858. С. 90–91.
- ¹⁰ Отчет ... за 1859 год. С. 60.
- ¹¹ ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1857. Д. 3/2. Л. 168-168(об).
- ¹² Отчет ... за 1859 год. С. 60.
- ¹³ ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1858. Д. 3/1. Л. 6-6(об).
- ¹⁴ ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1857. Д. 3/2. Л. 169;

ІДЫЯСТЫЛЬ ЯК ІНТЭРТЭКСТУАЛІЗАВАНАЯ І ІНТЭРКУЛЬТУРНАЯ ПРАСТОРА

Шэцка Ларыса

Мазырскі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт
імя І.П. Шамякіна

The report is devoted the further working out of concept «individual style» from the point of view of the intertext study and linguistic-cultural science. Set of texts of the one author, defined as an individual style, is considered as «internal intertextuality» in relation to which interaction of texts of the given author with texts of other authors is «external intertextuality». Both internal, and external intertextuality can serve as an implementer of intercultural interaction in the text of a work of art. It is specifically shown in polygenre (proze-poetic) individual styles. In work from the given point of view it is analyzed the individual style one of the largest Belarus writers of the XX-th century Vladimir Korotkevich.

Key words: *individual style, intertext, internal intertextuality, external intertextuality.*

Даследаванне мастацкага тэксту, мовы асобнага аўтара немагчыма без вызначэння паняцця ідыястылю. “Паняцце стылю з’яўляецца ўсюды і пранікае скрозь, дзе складаецца ўяўленне аб індывідуальнай сістэме сродкаў выражэння і адлюстравання, выразнасці і вобразнасці, супастаўленай ці супрацьпастаўленай іншым аднародным сістэмам” [Вінаградаў 1961, с. 8]. Для беларускай літаратуры і культуры адным з прыкладаў найбольш яркіх ідыястыльёвых прастор з’яўляецца літаратурна-мастацкая спадчына Уладзіміра Караткевіча, індывідуальна-аўтарская канцэпцыя свету якога рэпрэзентавана і ў прозе, і ў паэзіі, і ў драматургіі. Як піша В. К. Шынкарэнка, “Уладзімір Караткевіч нарадзіўся і сцвердзіўся як мастак дзеля таго, каб яшчэ раз нам прыгадаць, што ўдалеч кожны мусіць ісці сваім адметным шляхам, несучы ў сэрцы любасць да ўсяго людства, адчуваючы асабістую непаўторнасць і памятаючы пра незвычайнасць іншых, узбагачаючыся стварэннямі геніяў усяго свету праз усведамленне духоўнасці і годнасці здабыткаў роднай зямлі” [Шынкарэнка 2000, с. 53].

Асабліваю цікавасць прадстаўляе феномен проза-паэтычнага ідыястылю (ППІ) У. Караткевіча, які ў сукупнасці ўяўляе сабой дваадзінае поліжанравае ўтварэнне (проза + паэзія). Вывучэнне праблемы “літаратурнага білінгвізму” (паэзіі і прозы аднаго аўтара) прыводзіць да неабходнасці пабудовы мадэлі комплекснага аналізу поліжанравага ідыястылю. Такі аналіз прадугледжвае вывучэнне асаблівасцей ідыястылю прозы і ідыястылю паэзіі аўтара ў дыялектыцы агульнага і прыватнага, універсальнага і спецыфічнага і з’яўля-

еца наукова перспектыўным, улічваючы тое, што мадэль комплекснага даследавання поліжанравага ідыястылю аднаго аўтара да гэтага часу ў лінгвістыцы не распрацавана.

Праблема вызначэння істотных рыс катэгорыі ідыястылю адносна маладая. Да таго ж існуюць розныя тэрміналагічныя азначэнні гэтай з’явы (параўн.: аўтарскі стыль, ідыястыль, стылявая манера, індывідуальны стыль, ідыялект). Аднак погляды даследчыкаў на яе даволі падобныя. “Ідыястыль з’яўляецца адначасова і стылем мовы, і стылем маўлення, які дыферэнцыруецца на аснове структурных або канструктыўных супрацьпастаўленняў і суадносінаў паміж прыватнымі сістэмамі выражэння” [Зотаў 1999, с. 147]. В. В. Вінаградаў адзначае, што “стыль пісьменніка – гэта сістэма індывідуальна-эстэтычнага выкарыстання ўласцівых дадзенаму перыяду развіцця мастацкай літаратуры сродкаў славеснага выражэння” [Северская 1991, с. 85]. У энцыклапедыі “Кругасвет”, змешчанай ў Інтэрнэце, прыводзіцца наступнае вызначэнне: “ідыястыль (індывідуальны стыль), сістэма змястоўных і фармальных лінгвістычных характарыстык, уласцівых творам пэўнага аўтара, якая робіць унікальным увасоблены ў гэтых творах аўтарскі спосаб моўнага адлюстравання” [Ідыястыль].

Такім чынам, ідыястыль уяўляе сабой сукупнасць лінгвістычных і экстралінгвістычных аспектаў (творчая індывідуальнасць аўтара + сродкі яе выражэння). Непасрэдна з паняццем ідыястылю звязана праблема вывучэння дыялагічных адносінаў тэкстаў. Тэкст, асабліва мастацкі, не існуе ізалявана, а ўступае ў дыялог з іншымі тэкстамі, што прыводзіць да разгляду дыялогікі тэксту як бясконцамернай сэнсавай прасторы [Менджарыцкая 1995, с. 8], дзе неабходна ўлічваць многа складнікаў: вертыкальны кантэкст, фонавыя веды, агульны код і інш. [Бахцін 1969, с. 340]. Пад дыялогікай тэксту разумеецца канвергентная сукупнасць непаўторных выказванняў, якія знаходзяцца ў адным бясконцым сэнсавым полі [Менджарыцкая 1995, с. 8], а дыялог разглядаецца ў шырокім бахцінскім разуменні як дыялогіка тэксту – “зыходная кропка – дадзены тэкст, рух назад – мінулыя тэксты, рух уперад – прадугадванне новага тэксту” [Ганчарова 1995, с. 364].

Адным з праяўленнем дыялога культур на ўзроўні мовы і маўлення з’яўляецца інтэртэкстуальнасць. Гэты тэрмін уведзены Ю. Крысцевай, а асэнсаванне самой з’явы бярэ пачатак у працах М. М. Бахціна і атрымлівае розныя дэфініцыі. І. В. Арнольд пад інтэртэкстуальнасцю разумее “уключэнне ў тэкст альбо цэлых якіх-небудзь тэкстаў з іншым суб’ектам маўлення, альбо іх фрагментаў у выглядзе маркіраваных ці немаркіраваных, пераўтвораных ці нязменных цытат, алюзій, рэмінісцэнцый” [Арнольд 1999, с. 346]. У агульным выглядзе інтэртэкстуальнасць вызначаецца як “выкарыстанне тэкстаў унутры тэкстаў” [Зямлянава 1999, с. 67], спосабы і формы якога надзвычай разнастайныя і вар’іруюць у розных відах дыскурсу.

Сукупнасць тэкстаў аднаго аўтара, пазначаная як ідыястыль, разглядаецца намі як “унутраная інтэртэкстуальнасць”, у дачыненні да якой “знешняй інтэртэкстуальнасцю” з’яўляецца ўзаемадзеянне тэкстаў пэўнага аўтара з тэкстамі другіх аўтараў. Як унутраная, так і знешняя інтэртэкстуальнасць можа быць сродкам рэалізацыі міжкультурнага ўзаемадзеяння ў

III. CULTURĂ ŞI CIVILIZAȚIE

тэксце мастацкага твора. Гэта спецыфічна праяўляецца ў поліжанравых (проза-паэтычных) ідыястылях.

Мэта гэтай работы – вызначыць формы кадзіравання і трансляцыі культурнага зместу сродкамі інтэртэкстуалізацыі ў межах поліжанравага ідыястылю У. Караткевіча.

Сучасныя накірункі лінгвістычных даследванняў інтэртэкстуальнасці фарміруюцца вакол трох асноўных праблем: вытокі “чужога тэксту”, спосаб яго ўключэння ў аўтарскі тэкст і функцыі інтэртэкстуальных кампанентаў. Ключавое значэнне пры разгляданні гэтых праблем займае пытанне аб адзінках інтэртэкстуальнасці. Віды ўключэння чужога тэксту вучоныя-лінгвісты вызначаюць як маркеры інтэртэкстуальнасці, сродкі выражэння прэцэдэнтнасці, інтэртэкстуальныя спасылкі і інш. Мы лічным мэтазгодным выкарыстанне тэрміна “інтэртэксцема” – “міжузроўневы рэляцыйны (суадносны) сегмент змястоўнай структуры тэксту ..., уцягнуты ў міжтэкставыя сувязі” [Сідарэнка 1999, с.11].

Інтэртэксцема ў нашым разуменні – гэта лінгвістычны сродак рэалізацыі інтэртэкстуальных сувязей, любое праяўленне інтэртэкстуальнасці. Інтэртэксцема ўключаюць у сябе тэксты і сімвалы культуры, што складаюць арсенал фонавых ведаў прадстаўнікоў той ці іншай нацыянальна-культурнай супольнасці. Адным з варыянтаў асэнсавання гэтых з’яў у плане інтэртэкстуальных сувязяў стала тэорыя прэцэдэнтнасці. В. В. Красных і Д. Б. Гудкоў вылучаюць прэцэдэнтныя феномены як родавае паняцце ў аносінах да відавых – прэцэдэнтныя тэксты, выказвання, імёны, сітуацыі [Красных 2002, с.104-110]. Іх спектр даволі шырокі і разнастайны: назвы літаратурных твораў і цытаты з іх, імёны персанажаў і гістарычных асоб, выказванні вядомых дзеячаў, афарызмы і г.д. З аднаго боку, прэцэдэнтны тэкст, уключаны ў асноўны тэкст, не можа не перасякацца з ім у плане агульнай семантыкі, агульных лексічных і іншых элементаў. З другога – пры перасячэнні пэўнымі сваімі элементамі (семантычнымі, структурнымі і інш.) з асноўным тэкстам прэцэдэнтны тэкст так ці інакш актуалізуецца (хоць і ў самых агульных рысах) у свядомасці чытача. Для інтэртэкстуальна звязаных тэкстаў уласцівы і адносіны ўключэння, для якіх характэрна эксплікацыя ўстаноўкі на прэцэдэнтны феномен іменна як тэксту ў яго цэльнасці, маркерамі чаго могуць выступіць: загаловак прэцэдэнтнага тэксту (нават з указаннем аўтара), згадка пра сам тэкст і інш.

Прыметы ідыястылю адлюстроўваюцца ў прынцыпах адбору крыніц прэцэдэнтных адзінак у іх шматлікіх разнастайнасцях, спецыфічных спосабах увядзення ў маўленчую тканіну тэксту, асаблівасцях камбінацый у межах аднаго тэксту, адмысловым рэпертуары функцый і інш. Ю. М. Лотман адзначаў: “адзін тэкст падаецца як непарыўны аповед, а іншыя ўводзяцца ў яго ў знаўрок фрагментарным выглядзе (цытаты, адсыланні, эпиграфы і г. д.). Лічыцца, што чытач разгорне гэтае зерне іншых структурных канструкцый у тэксты. Такія ўключэнні могуць чытацца і як аднародныя з тэкстам, які іх акружае, і як разнародныя з ім [Лотман 1992, с. 159]. Ю. М. Лотман для такіх выпадкаў выкарыстоўвае тэрмін “тэкст у тэксце” [Лотман 1981], які суадносіцца з усёй культурнай прасторай, але ў той жа час звужаецца да дыялогу канкрэтных тэкстаў.

Інтэртэкскемы могуць быць вынесены ў назву твора. Пры гэтым магчыма вылучыць два аспекты іх функцыянавання. Па-першае, інтэртэкскемы ў такой пазіцыі падпарадкоўваюцца функцыям загалова: прыцягваць увагу, настройваць на ўспрыняцце, фармаваць увагу (вершы “Нараджэнне Венеры”, “Балада пра Вячка, князя людзей простых”, “Вышэйшыя жывёлы. Або “вянец тварэння”...” [Караткевіч 1987]). Па-другое, яны ўзмацняюць патэнцыял уздзеяння тэксту ўвогуле і выступаюць як дадатковыя канататыўныя элементы побач са сродкамі лексічнага, марфалага-сітаксічнага і кампазіцыйнага ўзроўняў. Такое ўзмацненне дасягаецца шляхам актуалізацыі інтэртэкстуальні сувязямі мастацка-эстэтычных “рэсурсаў” свядомасці. Так, У. Караткевіч прысвяціў нямала твораў паўстанню 1863 года: вершы “Нявесце Каліноўскага”, “Павешаным 1863 года”, п’есу “Кастусь Каліноўскі”, раман “Каласы пад сярпом тваім” і інш. Падзеі гэтыя агульнавядомыя сярэдняму чытачу і не патрабуюць дадатковых пазакантэкстуальных звестак. Аднак ідэі паўстання, нягледзячы на паражэнне, працягвалі сваё існаванне ва ўчынках паслядоўнікаў, аб якіх згадвае паэт у сваіх вершах. Разумеючы неабходнасць удакладнення гістарычных падзей, аўтар звяртаецца да кантэкстуальных тлумачэнняў у выглядзе эпіграфу (верш “Смяротная страта (1 сакавіка 1881 года)” мае эпіграф: “Ігнату Грынявіцкаму, які сваім выбухам адпомсціў Аляксандру 2 за 1863 год” [Караткевіч 1987, с. 281]), альбо самой прадвызначальнай назвай – верш “Эпітафія пакараным смерцю ў 1882 годзе” [Караткевіч 1987, с. 384].

У якасці інтэртэксцем могуць выступаць прэцэдэнтныя імёны – асабістыя імёны, якія існуюць ў культурным тэзаурысе пэўнай эпохі, альбо тыя, што маюць немінучую, пазачасавую каштоўнасць для грамадства: асабістыя імёны біблейскіх, міфалагічных, літаратурных персанажаў (вершы “Самсон”, “І сніў Адам”, “Балада пра сыноў Пітакоса”, “Машэка” [Караткевіч 1987]), легендарных гістарычных і культурных дзеячаў (вершы “Багдановічу”, “Глухі геній (Гойя)”, “Паўлюк Багрым”, “Слова Міцкевічу” [Караткевіч 1987]), назвы вымысленых і рэальных геаграфічных месцаў (у кнізе “Мая Іліяда” асобны раздзел пад назвай “Таўрыда” складаюць вершы, напісаныя ў выніку наведвання паэтам Крыма: “Дрэва на Чатырдагу”, “Генуэзская крэпасць”, “Вадаспад Учан-су”, “Чуфут-Кале” [Караткевіч 1987]) і інш.). Распазнаванне чытачом пэўнага асабістага імя прадугледжвае і веды звязанага з ім прэцэдэнтнага тэксту. Культурны кампанент у такім выпадку складае частку лексічнага зачэння слова. Пры гэтым, дзякуючы асацыятыўна-сэнсавым парадыгматычным і сінтагматычным сувязям слова ў тэксце, асабістае імя перадае розныя індывідуальна-аўтарскія эмацыянальна-ацэнныя ўяўленні.

Прэцэдэнтным з’яўляецца індывідуальнае імя, звязанае з вядомым тэкстам, сітуацыяй, як напрыклад, з біблейскім аповедам аб здрадніцтве Іуды. “Імя Іуды становіцца прэцэдэнтным і набывае статус імя-сімвала” [Гудкоў 2004, с. 151]. Структурна-семантычная трансфармацыя біблейзму “трыццаць сярэбранікаў” шляхам увядзення новага кампанента прыводзіць да з’яўлення аўтарскага выразу, на якім будзецца твор “Балада аб трыццаць першым сярэбраніку” [Караткевіч 1987]. У аснову пакладзены біблейскі тэкст аб тым, што Іуда прадаў Хрыста за трыццаць сярэбранікаў. На гэтай базе шляхам аўтарскага пераасэнсавання ўзнікае новая гісторыя:

...А Кайяфа яшчэ падарыў

III. CULTURĂ ŞI CIVILIZAȚIE

*Трыццаць першы сярэбранік, звонкай і важкай манетай,
Толькі-толькі адлітай на царскім манетным двары.
Ні за што, проста так.* [Караткевіч 1987, с. 142]

Калі “трыццаць сярэбранікаў” – прадажнасць і здрада, тады трыццаць першы сярэбранік – гэта параджэнне самага вялікага зла ў чалавеку: крывадушнасці, падхалімства (*Адбярыце і знішчыце трыццаць першы пракляты сярэбранік, А іначай – няшчасце зямлі. А іначай – канец* [Караткевіч 1987, с. 144]). Семя здрады і хлусні пры знешняй, здавалася б, прыстойнасці вельмі жывучае. Паэт непрымірымы да ўсіх форм выяўлення гэтай здрады. Пазіцыя паэта выразная і недвухсэнсоўная – вынішчыць здраду, зло і хлусню, бо яны анты-чалавечыя па сваёй сутнасці. Такім чынам адбываецца зрушэнне сэнсавага цэнтра твору, дзе прэцэдэнтны тэкст становіцца асновай для творчага пераасэнсавання, нараджае новую індывідуальна-аўтарскую фразеалагічную адзінку.

У ідыястылі пісьменніка знайшлі сваё адлюстраванне розныя па структуры прэцэдэнтныя феномены: прэцэдэнтныя імёны («На Беларусі Бог жыве...» [Караткевіч 1987, с. 241]; «Калумбы зямлі незнамай» [Караткевіч 1987, с. 340]), прэцэдэнтныя злучэнні («Новая Атлантада» [Караткевіч 1987, с. 260]) і прэцэдэнтныя выказванні («Гісторык грэчаскі эпічна й проста пра нас даўным - даўно паспеў сказаць «Жыве ў Гіпербарэі люд дзівосны, якому не балюча паміраць» [Караткевіч 1987, с. 316]). Нярэдка ў твор можа быць уключана некалькі прэцэдэнтных тэкстаў, як правіла ў трансфармаваным выглядзе, дзе найбольш дакладна і канкрэтна праяўляецца сэнс і значэнне асобнага слова (ці фразы), якое ўваходзіць у выраз альбо ўзятае з яго ў якасці цытаты, што прыводзіць да з’яўлення новых сэнсавых адценняў. Узорным у гэтым плане з’яўляецца верш “Калумбы зямлі незнамай”, вобразную дамінанту якога складае фразеалагізм “адкрыць Амерыку” (іранічн. “здзяйсняць, аб’яўляць аб тым, што даўно вядома”). Лексіка-семантычная змена вобразнага плану прыводзіць да пераасэнсавання актуальнага значэння:

Калумбы зямлі незнамай.

*Што вам да тых вялікіх Калумбаў,
якія край ваш вам адкрываюць?*

Адкрыю найлепшую ў свеце Амерыку

(Веску Амерыку, што пад Оршай) [Караткевіч 1987, с. 341-342].

Вартасць асобы і творцы паэт вымяраў іх стаўленнем да радзімы. Рашуча выступаючы супраць багемнага паэта, які апяваў далёкія экзатычныя мясціны, супраць дзяржаўных чыноўнікаў, інтэлігентаў і мяшчан, якія адракліся ад матчынай мовы і беларускай культуры, выказваў веру ў свой народ і сцвярджаў, што будзе пісаць пра Беларусь, пра яе прыгажосць і што адкрые яе для беларусаў, які Калумб адкрыў для ўсяго свету Амерыку. І пісьменнік сапраўды адкрыў Беларусь, шмат зрабіў для абуджэння нацыянальнай свядомасці роднага народа. Такім чынам, зыходная форма вядомага выразу ў выніку структура-семантычнай трансфармацыі (устаўка, прырашчэнне новых кампанентаў, анафарычная замена і інш.) прыводзіць да перафразавання афарыстычнага выказвання, што прыводзіць да з’яўлення новай аказіянальнай моўнай адзінкі.

Пазамоўная індывідуальная інфармацыя асабістага імені ў дадзеным тэксце прадстаўлена ў выглядзе звернутага складанага паняцця, якое набывае

сваю значнасць у саставе фразеалагічнай адзінкі. Некалькі негатыўныя адносіны да рускага чалавека, збіральны вобраз якога звычайна асацыіруюць з імем *Іван* (параўн. «Иван непомнящий», «русский Иван») за конт ужывання ў форме мн. л. *Іваны* набывае сэнсавое адценне абагульненасці, характарыстыкі ўсёй нацыі, што абумоўлена культурна-гістарычным фонам слова. Выкарыстанне асабістага імені ў саставе фразеалагічнай адзінкі (у значэнні ‘без родных і блізкіх’) прыводзіць да страты анамастычнай адзнакі. Аўтарскі фразеалагізм «*Іваны без роду, без племені!*» [Караткевіч 1987, с. 341] набывае кантэкснае значэнне “не помняць свайго роду, не ведаюць сваёй радзімы”. Пратэст і абурэнне лірычнага героя, які выкрывае паэтаў, што пішуць, каб дагадзіць натоўпу, знаходзіць сваё выражэнне ў выклікавай інтанацыі выказвання ў спалучэнні са зніжанай прастамоўнай лексікай з адценнем іроніі і неадабрэння: «*Хлопы!*», «*гора-інтэлегенты*», «*зграя памерлых*», «*хамы*», «*любіце вершы ёлупаў розных. Вядома, свінню прыцягвае сметнік*». Апошні з выразаў мае лацінскія карані (“*Amica luto sus*. Гарацый. Свіння любіць грязь. Пра крытыкаў. Свіння грязь знойдзе” [З антычнай 2004, с. 21]) і зведаў семантычную трансфармацыю (сінанімічная замена кампанентаў), якая не адбілася на узуальным значэнні. Такім чынам адбываецца пераасэнсаванне слова “свіння” – ‘нехайны, нізкі, чалавек-невуч’. Такое значэнне знаходзіць моцную падтрымку ў кантэксце: “*Я ведаў – яны ненавідзяць новае. На што перад свіннямі сыпаць перлы?*” [Караткевіч 1987, с. 340]. Аўтарскі заонімны фразеалагізм пабудаваны па мадэлі агульнавядомага біблізму: «бісер (жэмчуг) перад свіннямі (кідаць) (Margarias ante porcos. Евангелле.) у значэнні “не трэба дарэмна добрыя словы і справы на тых, хто не зможа зразумець і ацаніць” [З антычнай 2004, с. 258]. Семантычная трансфармацыя крылатага выразу адбываецца на аснове замены аднаго з кампанентаў (бісер, жэмчуг – перлы), які раўназначны па кантэкстнаму сэнсу частковай змены структуры. Першапачатковае проціпастаўленне “высокае – нізкае” ў кантэксце перамяшчаецца ў сферу паэтычнага і прымае выгляд апазіцыі “творчасць – непаразуменне”. Выкарыстанне некалькіх прэцэдэнтных феноменаў (прэцэдэнтных тэкстаў, выразаў, імёнаў і інш.) у межах аднаго тэксту, звязаных паміж сабой тэматычна, агульнасцю і паўторам асобных кампанентаў, ствараюць эмацыянальна-экспрэсіўную карціну ўспрымання тэксту.

Адным з характэрных відаў інтэртэкстуальнага ўключэння з’яўляецца наяўнасць эпіграфу ў тэксце. Эпіграф можна разглядаць як самастойны тэкст, які знаходзіцца ў адносінах суаднесенасці як з тэкстам-крыніцай, так і з тэкстам, у які ён уключаны (напрыклад: назва верша “Афіцэру Лісаневічу” [Караткевіч 1987] з’яўляецца недастатковай для асацыятыўных сувязей з пэўнай гістарычнай асобай і патрабуе дадатковых звестак для падрыхтоўкі і ўспрымання тэксту, таму аўтар ўводзіць эпіграф – “тэкст у тэкст”, “прозу ў лірыку”, – які выконвае некалькі функцый: інфармацыйную, акцэнтаванне ўвагі, настрой на далейшы апавед: “Яму прапанавалі выклікаць на дуэль Лермантава. Мы нічога болей не ведаем аб ім” [Караткевіч 1987, с. 249]). Такім чынам, атрымліваецца ўзаемадзеянне трох тэкстаў адначасова: тэкст-першакрыніца – эпіграф – асноўны тэкст, у які ўключаны эпіграф. Эпіграф як “тэкст у тэксце” з’яўляецца адмысловым указаннем на інтэртэкстуальнае ўзаемадзеянне твораў. Наяўнасць эпіграфа патрабуе ад чытача актуалізацыі тэксту-першакрыніцы і дэкадзіравання функцыі інтэртэксту ў структуры ўсяго твору. Ён нацэльвае на

III. CULTURĂ ȘI CIVILIZAȚIE

ўспрыманне не толькі аднаго дадзенага тэксту, але і першакрыніцы з улікам іх інтэртэкстуальнага ўзаемадзеяння.

Інтэртэкстуальнай крыніцай у рамане “Хрыстос прыязмліўся ў Гародне” з’яўляюцца прэцэдэнтныя тэксты, выкарыстаныя ў якасці эпіграфаў, якімі пачынаецца кожная глава – гэта апокрыфы, летапісы, дзеянні, хронікі, казкі, пагаворкі, цытаты з Дантэ, Кіплінга, Рабле, Бібліі і інш. (напрыклад: “Мужыцкі Хрыстос” – эпіграф: “Я з вамі ва ўсе дні да сканчэння веку” Мацей, гл.28, ст.20. [Караткевіч 1990, с. 391]; “Вось аддаецца сын чалавечы...” – эпіграф: “І ўсе, гледзячы на яго, бачылі твар ягоны, як твар анёла” Дзеянні, гл.6, ст. 15 [Караткевіч 1990, с. 428]). Пры гэтым Біблія як “Кніга Кніг” – прэцэдэнтны тэкст глабальнага агульначалавечага маштаба – выступае свайго роду “суперпрэцэдэнтам”, універсальнай інтэртэкстуальнай канвой у маштабах агульначалавечага маўленчаразумовага і ўласна літаратурнага працэсу. Біблейскі моўны стыль, слоўнік і сінтаксіс, вобразнасць, а галоўнае, сэнсавая сутнасць Бібліі аказваюць уплыў на многія пакаленні пісьменнікаў, бо з’яўляюцца невычэрпнай крыніцай вядучых ідэй, вобразаў і матываў ва ўсіх культурах.

Вывады

Даследаванне моўных маркераў, а таксама заканамернасцяў функцыянавання інтэртэкстем у тэксце дазваляе глыбей зразумець твор, бо часцей за ўсё без уліку інтэртэкстуальных спасылак разуменне тэксту выклікае цяжкасці ці становіцца немагчымым. Акрамя таго, вывучэнне слядоў прысутнасці найбольш значных тэкстаў мінулага ў творах сучасных аўтараў садзейнічае выяўленню заканамернасцей трансляцыі культуры ад пакалення да пакалення, ад аднаго народа да іншага. Інтэртэкстуальнасць уласціва не толькі кожнаму тэксту, але і абумоўлена яго асноўнымі функцыямі: уздзеянчаць на чалавека і акультурваць яго. Чым болей тэкстаў чытач асэнсоўвае, тым больш ён сябе акультурвае (тэрмін Г. І. Богіна), аднак толькі значна акультураны чалавек (які валодае канцэпттуальнай сістэмай ведаў, уяўленняў, эрудыцыяй) здольны успрыняць і асэнсаваць прачытанае. Таму сучасныя лінгвісты лічаць інтэртэкстуальнасць адной з дамінант культуры, дзе мае месца ўзаемадзеянне тэкстаў, выяўленне ўтоеных, неэкспліцыраваных сэнсаў, у тым ліку культурна маркіраваных.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Арнольд 1999 – Арнольд, И.В. Объективность, субъективность и предвзятость в интерпретации художественного текста / И.В. Арнольд // Арнольд, И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальности: сб. ст. – СПб.: СПбГУ, 1999. – С. 341–350.

² Бахцін 1979 – Бахтин, М.М. К методологии гуманитарных наук / М.М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – С. 361–373.

³ Вінаградаў 1961 – Виноградов, В.В. Проблема авторства и теория стилей / В.В. Виноградов. – М., 1961. – 655 с.

⁴ Ганчарова 1995 – Гончарова Е.А. Расширение категориального аппарата в современных исследованиях текста / Е.А. Гончарова // Лингвистика на исходе XX века. Итоги и перспективы. Тезисы докладов международной конференции. Т.1.- М.: Изд-во МГУ. 1995. – 423 с.

⁵ *Гудкоў 2004* – Гудков, Д.Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности / Д.Б. Гудков // Прохоров, Ю.Е. Действительность. Текст. Дискурс: учебное пособие / Ю.Е. Прохоров. – М.: Флинта: Наука, 2004. – С. 147–152.

⁶ *3 античнай 2004* – Из античной мудрости: Латинские пословицы и поговорки с русскими соответствиями./ Автор- составитель Н.А. Гончарова. – Мн.: Высш. шк., 2004. – 495с.

⁷ *Зотаў 1999* – Зотов, Ю.П. Диалогика текста как бесконечномерное смысловое пространство (на материале английских текстов) / Ю.П. Зотов. – Саранск, 1999. – 221 с.

⁸ *Зямлянава 1999* – *Землянова, Л.М.* Зарубежная коммуникативистика в преддверии информационного общества: Толковый словарь терминов и концепций / Л.М. Землянова. – М., 1999. – С.243-245.

⁹ *Ідыястыль* – Идиостиль // Кругосвет: энциклопедия: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://slovari.yandex.ru/dict/krugosvet/article/2/29/1007657.htm>. – Дата доступа: 20.05.2008.

¹⁰ *Караткевіч 1987* – Караткевіч, У. Вершы, паэмы / У. Караткевіч // *Збор твораў*: у 8 т. – Мн.: Маст літ., 1987. – Т. 1. – 431с.

¹¹ *Караткевіч 1990* – Караткевіч, У. Хрыстос прызямліўся ў Гародні / У. Караткевіч // *Збор твораў*: у 8 т. – Мн.: Маст літ., 1990. – Т. 6. – 494с.

¹² *Красных 2002* – *Красных В.В.* Этнолингвистика и лингвокультурология / В.В. Красных. – М., 2002. – 115 с.

¹³ *Лотман 1981* – Лотман, Ю.М. Текст в тексте / Ю.М. Лотман // Учен. зап. Тартуского ун-та. – 1981. – Вып. 567. – С. 3–18.

¹⁴ *Лотман 1992* – Лотман, Ю.М. Текст как семиотическая проблема / Ю.М. Лотман // Лотман, Ю.М. Избранные статьи: в 3 т. / Ю.М. Лотман. – Таллин, 1992. – Т.1: Статьи по семиотике и типологии культуры. – С. 129–247.

¹⁵ *Менджарыцкая 1995* – Менджерицкая, Е.О. Когнитивные аспекты изучения синтаксиса художественной литературы / Е.О. Менджерицкая // Лингвистика на исходе XX века. Итоги и перспективы. Тезисы докладов международной конференции. Т.1.- М.: Изд-во МГУ, 1995. – 423 с.

¹⁶ *Северская 1991* – Северская О.И., Преображенский, С.Ю. Функционально-доминантная модель эволюции художественных систем: от идиолекта к идиостилю / О.И. Северская, С.Ю. Преображенский // Поэтика и стилистика. – М., 1991. – 257 с.

¹⁷ *Сідарэнка 1999* – Сидоренко, К.П. Интертекстовые связи пушкинского слова: монография / К.П. Сидоренко. – СПб.: Изд-во РГПУ, 1999. – 253 с.

¹⁸ *Шынкарэнка 2000* – Шынкарэнка, В. Нацыянальнае іагульначалавечае ў паэтычнай сістэме Уладзіміра Караткевіча В. Шынкарэнка // Уладзімір Караткевіч і яго творчасць ў еўрапейскім культурным кантэксте: навук. збор.; рэдкал.: А. Мальдзіс (гал. рэд.) і інш. - Мінск: Беларускае кнігазбор, 2000. - С. 53 - 57.

ТРАНСЛЯЦИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ И МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ ЭМПАТИИ В ОБРАЗОВАНИИ

А.Б. Бушев

Alexandre B. Bouchev

National Values and Intercultural Empathy in Education

Summary. *The article sheds light upon the problem of national core values and intercultural communication. The effects of ethnic and national factors in cultivation of ethnocentric reflectivity are discussed. Also of interest are the instances of intercultural communication relevant for the theory of education. Multiculturalism approach in the theory of education is regarded as one that is necessitated by modern state of society and education. The paper sums up the phenomenon of Orthodox poetry, published in one anthology for the first time in the last seven decades in Russia. The author dwells on comprehension of senses and concepts of this genre of poet*

Key words: *values, multiculturalism, theory of education, Orthodox poetry, concepts, Slavonic Literacy Day, Slovenia*

Объектом обсуждения в данной статье является новая межкультурная парадигма образования, отражающая болонскую глобализацию, а предметом - система текстов, обладающих межкультурным потенциалом и техник их понимания. **Целью** статьи является демонстрация того, как национальные ценности и межкультурная эмпатия – или напротив - глухость могут составлять основу дискурса образования. На фоне теоретического анализа положений ценностной теории образования дается дискурсивный анализ нескольких возможных примеров, связанных с трансляцией национальных ценностей и выработкой межэтнической эмпатии в образовании.

В контексте проблематики морально-нравственного развития личности и общества представляет несомненный и **актуальный интерес** рефлексия ценностей и ценностный подход в воспитании. Анализ опыта существования таких теорий в воспитании осуществлялся в России [Цырлина 1987]. Ценности и их обсуждение имеют как долгую и представленную трудами крупнейших мыслителей историю, так и ускользают от рефлексии.

Так, в авторитетной двух томной Российской педагогической энциклопедии [Российская педагогическая энциклопедия 1999] не находим статьи о ценностях. Есть, конечно, статьи о морали, нравственности, об этике, где акцентируется индивидуальный выбор между добром и злом, важные моменты нравственных приличий, опасность морализаторства и морального террора

(А.А. Гусейнов) и т.д.. Однако, существование в обществе системы ценностей, или, скажем, существование ценностей отечественной педагогики не признается учеными достойным отдельной небольшой статьи – ценности вновь ускользают от рефлексии. Зато находим статью о ценностном воспитании – направлении в педагогике США, Канады и стран Западной Европы, согласно которому у индивида должна быть выработана способность к самостоятельному выбору ценностей. Это было ответом на диалог культуры, массовой культуры и контркультуры в шестидесятые годы, самостоятельное этическое определение при создании нравственных критериев важно, но необходимо отметить и фактор прямой передачи и «давления» ценностей в социуме.

В качестве трудов, представляющих методологические основы ценностного выбора, рассматриваются и прагматизм Дж. Дьюи, и диалектическая теология П.Тиллиха, и диалогизм М. Бубера, и гуманистическая психология, и когнитивные работы Ж. Пиаже, Л. Кольберга, Э. Эриксона. Теория объединяет различные концепции: ценностного внушения, разъяснения ценностей, ценностного анализа, внедрения ценностей, ценностной рефлексии, ценностного действия. Природа ценностей, процесс их интериоризации и педагогический пафос теорий («помочь людям жить в соответствии с ценностями») представляют несомненный интерес для всех, кто связан с педагогической профессией.

Ценностные ориентации В. Л. Абушенко определяет прежде всего как предпочтения или отвержения определенных смыслов как жизнеорганизующих начал и (не) готовность вести себя в соответствии с ними. «Ценностные ориентации задают общую направленность интересам и устремлениям личности; иерархию индивидуальных предпочтений и образцов; целевую и мотивационную программы; уровень притязаний и престижных предпочтений, представлений о должном и механизмы селекции по критериям значимости; меру готовности и решимости (через волевые компоненты) к реализации собственного «проекта» жизни» [Абушенко 1999].

Ценностные ориентации проявляются и раскрываются через оценки, которые человек дает себе, другим, обстоятельствам и т.д., через его умение структурировать жизненные ситуации, принимать решения в проблемных и выходить из конфликтных ситуаций, через избирательные линии поведения в экзистенциальных и морально окрашенных ситуациях, через умение задавать и изменять доминанты собственной жизнедеятельности.

Многое зависит от отрефлексированности ценностных ориентаций, динамизма, открытости, непротиворечивости систем ценностных ориентаций. Надо учитывать, что существуют разные локусы культурного пространства, подчиняемые разным нормам и задаваемые и задающие разные ценности. Отношение (attitude) плюс переживание значимости ведут к формированию ценности, являют ценностно-рациональную ориентацию (М. Вебер).

Ценности представляются также связанными с религиозными, расовыми факторами, происхождением, профессиональным, поколенческим фактором. Текст понимается как средство услышать другую культуру как вне страны, так и внутри страны.

В средствах массовой информации сегодня различимы типы дискурсов, репрезентирующих религиозные ценности – как мессианских, так и «дискурс о

III. CULTURĂ ȘI CIVILIZAȚIE

неверных». Проводится идея ценностного конфликта («свой-чужой») при кросс-культурной коммуникации. Ценностный компонент - значимый параметр национального сознания и самосознания – является частью аргументации при дискурсе убеждения.

Понимание при кросс-культурной коммуникации интерпретируется как вопрос о конфликте ценностей. Естественным образом возникающая ситуация непонимания между представителями разных культур – национальных, религиозных, профессиональных или организационных, основывается на различиях в матрицах соотнесенности коммуникантов с социальными образованиями, с которыми они себя отождествляют. Ставя вопрос об оптимизации понимания, необходимо, помимо чисто переводческих вопросов, учитывать и проблемы различия символических средств, поведения и ролевых моделей, ценностей, присущих разным сообществам. Истоки коммуникативной идентичности следует искать в организации сообществ, которые являются средой для социальной жизни человека [Ярмахов 2002]. Коммуникация служит задаче поддержания сообщества на уровне максимальной информационной и смысловой открытости для входящих в него людей.

В ответ на глобализацию социологами наблюдаются следующие процессы: мозаичная идентичность, фрагментация мира, сепаратистские движения, этнические конфессиональные конфликты (джихад – тоже своеобразная метафора ответа нехристианского, незападного мира на вызов глобального катка), глокализация (glocalization) и фрагментативность (fragementation). Характерно обособление отдельных регионов и культур, возникают конфликты идентичности. В них играют роль этнические, религиозные группы, цивилизационные группы, исторические аспекты, культурные традиции. В конфликты вовлекаются не столько интересы сторон, сколько ценности (религиозные, этнические). По ним достижения компромисса невозможно: «Они» всегда плохи по определению. Поскольку отличаются от «нас», по том же определению, безусловно «хороших». Их внешность, обычаи, традиции, способ жизни и т.д., как правило, «неправильные». В отношении языка они «немые», т.е. «не мы», немцы – поскольку говорят они не по-нашему [известно, что русскому хорошо, то немцу смерть]. В отношении богов и религии они – «неверные», в отличие от нас, всегда либо «правоверных», либо «православных» [Ольшанский 2001: 310].

При этом исследователи оперируют понятиями «народ», «нация», «этнос», «национальное сознание». По поводу первого из них Д. В. Ольшанский замечает: «Не имея ни одного сколько-нибудь серьезного верифицируемого операционального определения, понятие народ всегда играло и до сих пор играет огромную эмоционально-публицистическую роль в политике» [Ольшанский 2001: 291]. Тот же автор определяет нации как большие исторические общности людей, складывающиеся в ходе формирования общности их территории, экономических связей, литературного языка, ряда особенностей культуры, характера и психологии в целом.. В целом ряде западных этнопсихологических и политико-психологических концепций в качестве ведущего, а иногда и единственного признака нации до сих пор фигурирует «национальный дух».

Религиозное при этом – часть национального сознания с его сложной структурой, описанной в этнопсихологии. Сложная взаимосвязь и взаимообу-

словленная совокупность в основном эмоциональных (национальный характер) и более рациональных (национальное сознание) элементов как раз и представляет собой психический склад нации. Д. В. Ольшанский [Ольшанский 2001: 302] определяет национальное сознание так: «Национальное сознание – в целом, совокупность социальных, политических, экономических, нравственных, эстетических, философских, религиозных и других взглядов, характеризующих содержание, уровень и особенности духовного развития национально-этнической группы. Это включает в себя отношение группы к различным ценностям общества, отражает процесс ее исторического развития, былые достижения и ставящиеся перед будущим задачи». Национальное самосознание – ядро национального сознания – включает осознанное отношение нации к ее материальным и духовным ценностям, способности к творчеству ради их умножения, осознание необходимости своего сплочения ради осуществления национальных интересов и успешного взаимодействия с другими национально-этническими группами. Сложна структура национального самосознания. В нем теоретики психологии (этнопсихологии, социальной, политической психологии) выделяет менее артикулированные, эмпирические элементы (обыденное сознание) и теоретический компонент в виде рациональной надстройки над первым- идеологии нации. Везде речь идет о ценностях, обычаях, традициях, стереотипах, потребностях. Д. В. Ольшанский дает такое определение теоретическому национальному сознанию: «Теоретическое национальное сознание представляет собой кристаллизованное, научно оформленное и четко социально и политически ориентированное обобщение избранных элементов массового обыденного национального сознания, осуществляемого с определенных социально-политических позиций. Это идеология национально-этнической группы, обычно включающая в себя обобщенно положительную самооценку прошедшей истории, сегодняшнего положения и совокупность целей развития нации, программы их достижения на уровне всей общности и основных составляющих ее отрядов, а также уже кристаллизованные нормы, ценности и образцы поведения, обязательные для каждого индивида – лояльного представителя данной национально-этнической общности».

Приведем ряд показательных примеров, иллюстрирующих вводные теоретические построения настоящей статьи.

Представим пример, репрезентирующий ценности панславизма. В 2008 году в свет вышла и была представлена девятая книга из серии «Славянской поэзия XX-XXXI веков. Эта книга «Из века в век» посвящена поэзии Словении. Ей, начиная с 2002 года, предшествовало издание двуязычных поэтических антологий других славянских народов – македонской, сербской, белорусской, украинской, чешской, болгарской, словацкой, хорватской поэзии. Первый том антологии появился в 2002 году. И неслучайно издание было решено начать с македонского тома. Ибо македонцы, при всей сложности вопроса, имеют наибольшее отношение к святым Кириллу и Мефодию – их подарила миру именно македонская земля.

Книги этой поэтической серии появляются при поддержке союзов писателей славянских стран, ученых-филологов наших стран, переводчиков, поэтов, при поддержке Министерства культуры и массовых коммуникаций РФ,

III. CULTURĂ ȘI CIVILIZAȚIE

Федерального агентства по культуре и кинематографии в рамках празднования дней славянской письменности и культуры.

Переводчики составитель – автор проекта и председатель редколлегии Сергей Николаевич Гловюк отмечает: «Я искренне верю, что бережно собранное поэтическое наследие славянских народов послужит их сближению и лучшему взаимопониманию и в настоящем, и в будущем».

И музыка славянского стиха, и пластика славянской речи, и знакомые всем славянские корни слов, и менталитет и образ мыслей славян - все роднит нас и настраивает на общую волну. Общего у нас много. Общее у нас слово. И слово традиционно много значит. Родство наших языков, душ ни у кого не вызывает сомнения, нас роднит и общая история. Как сказано С. Гловюком, при поразительном разнообразии, разномыслии и разном историческом опыте славян от самоидентификации таковыми никто, никогда не отказывался, несмотря на все исторические коллизии.

Что немаловажно – все представлено на родном, а затем на русском языке – в билингвальном формате. Это возможность и оценить нюансы смысловой картины, и насладиться звучанием славянской речи, и услышать мелодику стиха.

«Веселье», «невеликий», «новый», «праздную», «люблю», «образ», «пепел», «поминаю», «любезный», «единый», «сила», «срам», «страх», «помогать», «благодать», «снег», «смех» - список узнаваемых славянских слов может быть продолжен до бесконечности. Это важнейшие понятия словенцев и вообще славян, концепты нашей культуры.

Издательская же работа продолжается. В этой серии готовится том поэзии Польши, параллельно возник замысел поэтической онтологии народов кириллической азбуки. Вышедший том посвящен башкирской поэзии.

Что касается Словении, то впервые на протяжении многовекового исторического пути она обрела свою государственность лишь в 1991 году. После того, как прасловенское государство Карантания в VIII веке прекратило свое существование, словенцы находились в составе Священной Римской империи, империи Габсбургов, Австро-Венгрии, Королевства сербов, хорватов и словенцев, Социалистической Федеративной республики Югославия. Типичная судьба малых европейских народов, недаром кто-то из поэтов окрестил свою историю как европейское захолустье.

Сегодня Словения председательствует в Евросоюзе. По мнению словенского дипломата, она понимает роль славянских межкультурных связей. Ширится славянское измерение ЕС – членами Евросоюза стали Польша, Словения, Чехия, Болгария. Это уже не только западно-европейский, но и славянский Евросоюз. Общеизвестно, что отношения между славянскими народами, несмотря на разные периоды (от дружбы и братания до споров) – существенный фактор в Европе. Кроме того, в недавней истории именно славянским народам суждено было пережить катаклизмы двух мировых войн и социалистических экспериментов двадцатого века.

Все это находит отражение в таком реактивном жанре как поэзия. Временные рамки антологии поэзии, представленной в сборнике - последние шестьдесят лет: после окончания второй мировой войны и до входа в двадцать первый век. По мнению многих знатоков, в словенской поэзии отклик находит

как социальное, так и бытийное, отражение как индивидуальной судьбы, так и судьбы народа, находят выброс колоссальное количество энергии народа, связь традиции и нарождающегося нового, национальный и общеславянский дух.

По мнению С. Гловюка, словенская поэзия второй половины XX века – это поэзия сосредоточенного, самоуглубленного поиска смыслов, поэзия рефлексивная и в большей части минорная, поэзия экзистенциальных тем (жизнь и смерть).

Среди лучших словенских поэтов, представленных в книге, следует называть следующие имена: Иван Минатти, Цирил Злобец, Лойзе Кракар, Тоне Павчек, Дане Зайц, Грегор Стрниша, Каетан Кович, Светлана Макарович, Нико Графеннауэр, Томаж Шаламун, Тоне Кунтнер, Милан Есих, Борис А. Новак, Алойз Ихан и многие другие.

Кажется, что от имени всех словенских поэтов- да и славянских тоже - Янез Менарт декларирует (пер. С. Мнацаканяна):

*На память спутникам моим
Я, переживший ту эпоху,
оставлю назиданий дым
И память, что подобна вздоху:
Пора поднять на вечный щит,
Приметы рыцарства и веры:
Честь, благородство, чувство меры...
Пусть вечно благовест звучит,
Впечатанный в бессмертный камень:
потомки, не сдавайтесь!
Амен!*

В стихах Андрея Розмана – Роз резонируют события совсем недавней истории (пер. Ж. Перковской):

*И вновь несчастные друг друга убивали,
Торговцы смертью торговали,
Цивилизация от страха обомлела, паниковала, цепенела.
В Европе хаос и упадок.
Тогда, чтоб навести порядок,
Как голубь мира, добрый и крылатый,
опять явился ей блок НАТО.*

Каждый из нас может вспомнить те драматические события, сотни репортажей, выступления наших ученых Е. Ю. Гуськовой, Н. А. Нарочницкой, Л. В. Ивашова, А. А. Язьковой в печати по балканским проблемам, демарш Е. М. Примакова.

Поэзии Марьяна Строяна присущи вечные мотивы (А. Ермаковой):

*Но кануло мгновенье. Сгинул вечер.
И дня сосуд опорожнен до дна, -
и взгляд недвижных звезд тяжел и вечен,
И снега нового мерцает тишина.*

Поэтическая декларация звучит из уст Томажа Шаламуна (пер.пер. Н. Эрвич):

*Если я, Томаж Шаламун, с голодухи подохну,
Значит, мы у черты, значит, плохи дела.*

III. CULTURĂ ȘI CIVILIZAȚIE

*В листьях ивы играет луч.
А скот по домам бредет,
мальчик с кружкою молока
Спотыкается, тает снег,
как величественен каравай
И картинно гости пьяны.
Пронеси же робость, школяр,
словно хвою зимой сосна.
Да пригубим ночных равнин –
оторвемся и воспарим.*

Поэтический мир славян... Сегодня проводятся поэтические чтения во всем славянском мире, действуют крупные фестивальные площадки – это фестивали в Белграде, и Стружские вечера поэзии в Македонии, и Шевченковские дни на Украине, и Поэтический городской театр в черногорской Будве, и дни славянской письменности и культуры в России.

Звучащее поэтическое слово заставляет размышлять о многом, сохранить поэтическое наследие славянских народов, задуматься о судьбе славянского мира, идущего в третье тысячелетие.

Нельзя не отметить актуальность темы в наши времена усиленного поиска корней – «идентичности» - в мультикультурном мире.

Культура, как известно, понимается как совокупность материальных и духовных памятников, символов, обычаев. Под традицией понимается воспроизводство, процесс передачи их поколения в поколение культурных норм и черт: символов, обычаев, манер, этикета, языка, законов, нравов. Этому способствует единственный церковно-государственный праздник в России – установленный в день поминовения святых Кирилла и Мефодия праздник церковно-славянской грамоты.

Отмечая дни славянской письменности и культуры, вспомним классические слова Э. Гидденса о том, что культура есть характерный для членов данного общества образ мыслей и образ действий. Сегодня налицо движение против массовой глобализованной культуры, поиск национальных корней. Задумаемся вновь о глубоком национальном своеобразии таких элементов языкового образного арсенала русской культуры, как «мир», «воля», «ветер», «простор», «дорога»¹. Русские поют о поле, о судьбе, о птицах... Мы говорим: константы или концепты русской культуры.

Неслучайно общероссийской ареной праздника Дней славянской письменности и культуры ежегодно выступают старые русские города, соборы, кремли. В прошлый год площадкой всероссийского праздника Кирилла и Мефодия выступила тверская земля. Здесь жива память о русских святых – находятся мощи Михаила Тверского Макария Калязинского, архиепископа Фаддея и исповедника Сергия Серебрянского, святой благоверной Анны Кашинской, Нила Столобенского. Вспомним, что бежецкие, краснохолмские, старицкие, новоторжские святые – действующие лица русской истории. Дивен Бог во святых своих.

Издательским советом Русской Православной Церкви, Центрально-Черноземным книжным издательством, Ассоциацией «Лермонтовское наследие» подготовлен и издан к празднику в Твери альманах «День Православной

поэзии»¹ (Москва-Воронеж, 2008). Главным редактором является поэт и работник Министерства культуры А. В. Шацков, председателем редакционной коллегии - А. Д. Дементьев. В альманахе помещены стихотворения более двухсот российских поэтов-классиков (первая часть) и современников (часть вторая).

В обращении Патриарха Алексия Второго, помещенном в предисловии к альманаху, говорится о желании поэтов воспеть красоту Божьего мира, об их желании думать и говорить по-христиански, «сохранить убежденность в превосходстве небесного над земным, которое во все века возгревала великая русская литература».

Творец и Вера, творец и религия - сложные, неоднозначные вопросы.

Вслед за поэтом А. Бобровым многие современные авторы могут сказать о себе в прямом и переносном смысле:

*Удаль – не молодецкую –
В сердце слегка смирю.
Улицей Советскую
выйду к монастырю ...*

В первой части сборника помещена поэтическая классика, уместная в таком тематическом альманахе. Российские поэты размышляют над темой Бога со времен Ломоносова и Тредиаковского. Стоит вспомнить «Рождество» Пастернака, стихи Волошина, «Молитву» Ахматовой, библейские ее стихи, «Бог» Державина, «Пророк» Пушкина, лирику Блока. Человеку золотого и серебряного века русской культуры многое было присуще генетически, по праву рождения, например, знание церковных праздников, икон, фресок. «Лучший способ сохранить религиозное чувство, - писала Марина Цветаева – исполнять все обряды, предписываемые церковью». Люди девятнадцатого века, воцерковленные в силу традиции, получившие соответственное воспитание в семье и обществе, где церковь была неперемным государственным и общественным институтом, видели мир и себя в нем иначе.

Бунинские стихи о Троице, помещенные в сборнике, заставляют вспомнить патриархальную Россию:

*Ты нынче с трудовых засеянных полей
Принес сюда в дары простые
приношения:
Гирлянды молодых березовых ветвей,
Печали тихий вздох, молитву –
и смиренье...*

Даже богоборчество классиков было определенным вызовом своей среде. Пушкин, Лермонтов, Тютчев, Достоевский, Толстой, Ахматова, Цветаева, Пастернак ...Эти имена характеризуют сложные взаимоотношения с религией. Набоков стал атеистом после гибели своего отца. Особенности жизни многих

III. CULTURĂ ȘI CIVILIZAȚIE

творцов не позволяют считать их христианами в традиционном понимании. Но кающемуся грешнику да прощается.

Одна из тем Серебряного века - Россия в рассеянии - одна из крупнейших трагедий века двадцатого. Об этом - стихи З. Гиппиус, помещенные в сборнике:

*Как Симеону увидеть
Дал Ты, Господь, Мессию,
Дай мне, дай увидеть
Родную мою Россию.*

Связанные аллюзией на праздник Сретенья, стихи эти заставляют вспомнить прекрасные стихи о Сретении И. Бродского.

И вот – часть вторая альманаха «Всякое дыхание да хвалит Господа» – стихи наших современников. Переключка поэтов. Современные поэтические голоса и темы...

Николай Алешкин из Рузы словно бы от их имени пишет «Звучит, взывает слово Божье Над человеческой судьбой».

Ему вторит Олег Алешкин из Рузы – автор следующих строк:

*Горят торжественно лампы,
Чтоб никогда не догореть.
Мне счастья большего не надо,
Как образ Божий лицезреть.*

В мире, почти потерявшем Бога, в стране, долгое время бывшей богоборческой, поэты рассуждают о себе и истории. Ведь действительно нас «щадить не хотел век двадцатый – опричник» (стихи К. Козлова, помещенные в сборнике).

Пафос православной лирики не только созерцательный. Так, А. Русаков молит:

*Молю себе я, Господи, иного –
Возстави душу на Твои дела...*

В стихах современников вновь звучит тема сбережения народа, его развития:

*Мы возродим обители.
Как возродить народ?
Так вопрошает А. Бобров.*

Знание святынь – одна из тем стихотворений современной православной поэзии:

*Смоленской Божьей Матери икона!
Как скорбный лик Твой навеки, в слове передам?*

*Нас защитив от войск Наполеона,
Со славою вернулась ты во храм.*

Моление о чаше, Евангельские строки – один из эпизодов священного Писания – среди тем лириков:

*Гефсиманский сад, дай мне дорасти
До твоих небес.*

«Молитва в Гефсиманском саду» Станислава Бондаренко заставляет вспомнить как евангельские стихи, так и стихи Б. Пастернака.

Монашество - одна их тем современной православной лирики. Вот строки Алексея Витакова (Москва):

*Зарывается ветер в траву-лебеду,
Больно взгляду от сора и праха.
Брошу все. Пусть осудят меня. Я уйду
Высоко- к черногорским монахам.*

В стихотворениях наших современников - фигуры русских святых и князей– Юрий, Иосиф Волоцкий, Даниил, Ольга, Игорь, Владимир, Св. Кирилл, Нил, Серафим Саровский, Сергей Радонежский, герои и мученики Красной России, ставшие святыми, пролившие кровь и отдавшие жизнь за други своя. Стихи «На земле преподобного Сергия», «На поле Куликовом» требуют понимания подвига Сергей Радонежского, воскрешают битву на Куликовом поле. «Путь повторить их страшно, не повторить нельзя».

Многим поэтам свойственно глубокое знание писания и церковной истории - в стихах фигурируют Псалмопевец Давид, волхвы, Канна Галилейская, Содом, Саул и Давид, Лот , хождение по водам, Генисаретское озеро, молитва святого Иоанна Дамаскина...

Скажем, освоение этих строк невозможно без представления мученичества Бориса и Глеба:

*Над часовней Бориса и Глеба
- клочья туч, как растрепанный мех,
И такое тяжелое небо – точно братоубийственный грех.*

Поэтическое освоение мира осваивает темы христианкой обрядности - вынос плащаницы Христа на Страстной, чин погребенья:

*И видят свет у царских врат,
И черный плат, и свечек ряд,
Заплаканные лица –
И вдруг навстречу крестный ход
Выходит с плащаницей, и две березы у ворот
Должны посторониться.*

III. CULTURĂ ȘI CIVILIZAȚIE

Стихи посвящены Рождеству, Пасхе, Красной горке, Входу Господа в Иерусалим (сразу заставляют вспомнить «Вербную субботу» Блока), другим праздникам. Так, о Прощеном Воскресенье Б. Ильин (Ногинск) пишет:

*А этот день – с прощением
для грешных.
И не прощать сегодня не могу.*

Порою требуется знание церковной лексики. Так у Ахматовой есть строки «...солею молений моих». Не каждый из сегодняшних даже прихожан знает, что такое солея. Или вот слово «синодик» в этих стихах о. Андрея Спиридонова:

*И наш синодик поминальный,
Как список воинских потерь...*

В стихотворениях наших современников так хорошо знакомые нам картины - картины дня сегодняшнего – «Церковь в старом вагоне» Елены Буевич (Черкассы). «На руинах церкви», «Разрушенная церковь» - названия стихов в сборнике заставят читателя перекинуть мостик к каким-то картинам собственной жизни.

Поэты высказывают сожаление о том, что не было религиозного воспитания:

*Надо бы вернуться восвояси,
Надо бы держаться своего.
Только в золотом иконостасе
Я не понимаю ничего.*

Желание участвовать в религиозном возрождении характеризует, среди многих, К. Козлова (Санкт-Петербург):

*Я хочу заложить в создаваемый Храм
Навсегда – хоть один
Аккуратный кирпичик.*

В. Львов (Тверская область) радуется в стихах: «Возрождается вера!». Ему вторит Ник. Переяслов (Москва):

*Слава Богу, что вновь возродился
Хоть еще один иконостас!
Слава Богу, что к нам возвратился
Дух Святой, опекающий нас.*

Молитва за Россию - вечная тема лириков. Виктор Гаврилин из Солнечногорска пишет:

*Богородица...Осень...
Завесы раздвинь –
из дождей ли, из слез ли во взгляде, -
помолюсь за Россию на вещую синь
И на даль в золоченом окладе.*

Стихи Заболоцкого-позднего вспоминаются при прочтении следующих строк тверского поэта Олега Горлова:

*Мы станем жить, раздаривая людям
Себя. Как этот воздух, этот снег,
Войдя во все мельчайшую частицей,
оставшись миллионами примет,
И нам с людьми вовеки не проститься,
и будем жить всегда, и смерти нет.*

Вообще, поэзия современников полна аллюзий, переключек. «Великая Ектенья» о. Дмитрия Дудко заставляет вспомнить стихотворения В. Набокова.

Творчество Андрея Дементьева (Москва) представлено «Иерусалимскими стихами»:

*От российской Голгофы
Голгофе Господней
Поклонюсь...
И пройду этим скорбным путем.
Все, что было когда-то, вершится сегодня,
Повторяется памятью в сердце моем.*

Порой в языке православной поэзии наличествуют сложные приемы. Вот стихи Елены Зотовой (Тверская область):

*От любви, не ушедшей из мира,
До любви, не оставившей мир,
Путь великий – от Ноева пира
И до Канн Галилейских на пир.*

Беспокоят постоянные объявления нашей страны страной самой богатейшей культуры. Культура эта, наша культура - СВОЯ – вот что главное. Хочется напомнить, что сравнивать культуры грех. Устанавливать их иерархию – непозволительная роскошь, в особенности для людей, которые не могут похвастаться знаниями других культур. К тому же налицо парадокс - нация с богатейшей культурой пришла к невиданному кризису по меньшей мере дважды в двадцатом веке. Как оценивается апологетами родной культуры, например, итальянская культура, западно-европейская культура, культура Востока?!

III. CULTURĂ ȘI CIVILIZAȚIE

В целом же обращение поэтов к христианской теме в России естественно, а публикация альманаха «День православной поэзии» не может не вызывать чувства благодарности поэтам и издателям.

Это особенно важно, когда в педагогическом дискурсе актуальным становится подготовка человека к межкультурному взаимодействию. Генерируются формы эмпатии, чуткости, чувствительности - новый тип личности, сознательно отбирающий и интегрирующий элементы различных культур. Вопросы культурной идентичности и «чужеродности» культуры особенно актуальны в последнее время в связи с массовой миграции в национальные государства и страны иммиграции (настолько значительной, что между двумя вышеназванными категориями стран стираются различия). Э. Эрикссон писал о психосоциальной идентичности. Эта концепция получила расширение в этнологии, культурной и социальной антропологии. Культурная идентичность понимается как принадлежность индивида к какой-либо культуре или культурной группе, формирующее ценностное отношение человека к самому себе, другим людям, обществу и миру в целом. Сущность культурной идентичности заключается в осознанном принятии индивидом соответствующих культурных норм и образцов поведения, ценностных ориентаций и языка, понимания своего «Я» с позиции тех культурных характеристик, которые приняты в данном обществе, в самоотождествлении себя с культурными образцами именно этого общества.

Чрезвычайно важное значение имеет исследование процесса аккультурации филологами – процесс усвоения личностью, выросшей в одной культуре, элементов другой культуры, субкультуры, картины мира, в том числе и прецедентных текстов, стереотипов речевого общения, значимых художественных текстов культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ В. Л. Абушенко. Ценностные ориентации// Новейший философский словарь. Сост. А. А. Грицаков. Минск, Изд. В. М. Скакун, 1999. – 896с. С. 798.
- ² А. Б. Бушев. Изучение русского языка и приобщение к русской культуре как путь адаптации мигрантов к проживанию в России// Материалы Международной научной конференции. Екатеринбург, 12-14 ноября 2007./ Гл. ред. Проф. Б. М. Игошев. - Екатеринбург, 2007.
- ³ А. Б. Бушев. Текстопостроение с установкой на религиозную толерантность// Стилистика и теория языковой коммуникации. Тезисы докладов Третьей Международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора МГЛУ И. Р. Гальперина.С. 261-263. М.: МГЛУ, 2004.
- ⁴ Из века в век. Словенская поэзия. Сост. С. Н. Гловюка и др. М.: Пранат, 2008.- 496 с.
- ⁵ Д. В. Ольшанский. Основы политической психологии. Екатеринбург, 2001.
- ⁶ Российская педагогическая энциклопедия. Ред. В. В. Давыдов. М., Большая Российская энциклопедия, Т2. 1999. 672 с.
- ⁷ Т. В. Цырлина. Ценностное воспитание в педагогике США. Критический анализ. СПб., 1987.
- ⁸ Б. Б. Ярмахов .Межкультурная коммуникация: аспект социальной идентичности// Коммуникация: теория и практика в различных социальных контекстах. Пятигорск, 2002. С. 183-184.

КОНЦЕПТ «ОБЩЕНИЕ» В ПРОСТРАНСТВЕ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Тавлуй Марина

*Кокшетауский государственный
университет им. Ш. Уалиханова*

Современная социальная, экономическая и культурная ситуация, сложившаяся в мире в период глобализации как «воздействия глобальных изменений окружающей среды и общества; возникновения гибридной мировой культуры и смешения национальных традиций на фоне усиливающегося международного сотрудничества между нациями и всемирного разделения труда»¹, требует изучения языковой ситуации в разных странах, освоения национального культурного пространства и национальных языковых картин. Открытый, взаимосвязанный, познающий себя мир предоставляет возможности для исследования особенностей национального характера, этнокультурной специфики языкового сознания, проблем культурного бытия и духовной жизни человека. Процесс этот сложен и интересен. Государства входят в мировую цивилизацию, расширяется образовательное и экономическое пространство, укрепляется межкультурная коммуникация, появляется возможность узнать больше друг о друге. Вместе с тем, встаёт вопрос о сохранении национальных культур в условиях глобализации, в том числе – культур славянских.

Единый для человечества мир по-разному представляется в языках разных народов. Каждая культура формирует свои стереотипы сознания и поведения. Национальные черты проявляются на всех уровнях языкового сознания. Следовательно, как утверждает Ю.Н. Караулов, «нельзя познать сам по себе язык, не выйдя за его пределы, не обратившись к его творцу, носителю, пользователю – к человеку, к конкретной языковой личности»².

Человек позиционируется современными лингвистическими теориями, когнитивной лингвистикой как «действующий, активно воспринимающий и продуцирующий информацию, руководствующийся в своей мыслительной деятельности определёнными схемами, программами, планами и стратегиями»³. Язык, по мнению В.А. Масловой, «создаёт возможность для упорядочения и систематизации в памяти множества знаний, для построения характерной для каждого данного этнокультурного коллектива языковой картины мира»⁴.

Одним из ключевых терминов когнитивной лингвистики является термин «концепт». Концепты образуют концептуальную систему – систему мнений и знаний о мире, отражающую опыт человека. Реципиентами, обладающими общим менталитетом, концепты понимаются тождественно. Но

III. CULTURĂ ȘI CIVILIZAȚIE

существует проблема несовпадения менталитетов, культурных знаний, особенностей поведения. В основе миропонимания каждого этноса лежит специфическая система социальных стереотипов, когнитивных схем. Различие национальных характеров обусловлено различиями в социальном опыте, нормах, устоях. Обладание общими знаниями о языке и мире, постижение образов сознания носителей другой культуры – залог успешной коммуникации. Наличие универсальных концептов обеспечивает возможность взаимопонимания между народами, делает успешным диалог культур.

В современном многонациональном, многоконфессиональном обществе особое значение имеют процессы идентификации личности, осознания человеком своей уникальности и причастности к глобальным процессам.

Многонациональный Казахстан – пример взаимодействия этносов, основанного на принципах толерантности, взаимного уважения, развития и государственной поддержки языков. Этим наша страна напоминает единую Европу, где незримыми, но прочными нитями соединены народы.

Русский язык, как и другие языки, связывает воедино современное культурно-коммуникативное пространство. Общение этносов основывается на восприятии языка как духовной ценности и как формы выражения культуры народов, на осознании взаимосвязи языка и истории человечества, на понимании национально-культурной специфики языка, на владении нормами межнационального общения. В связи с этим непреходящую ценность имеет концепт «общение», относящийся к группе концептов, выражающих социальные понятия и отношения.

Общение как взаимные сношения, деловая или дружеская связь, выводит на первый план вопросы, касающиеся человеческих отношений, самоидентификации человека, его жизнеощущения и миропонимания. Общение даёт людям возможность осознать принадлежность к общечеловеческой культуре.

Концепт «общение» имеет различные вербальные средства выражения. Образ общения меняется в зависимости от исторического времени, коммуникативной стратегии и ситуации, статуса и гендерной принадлежности общающихся. Вместе с тем, есть аспекты, связывающие носителей общих традиций, родственных культур и вероисповеданий. В языках и культурах славян, объединённых исторической принадлежностью к христианской вере, находят выражение модусы общения, построенного на библейских заповедях, мудрость которых прошла испытание тысячелетиями.

Многое из Библии вошло в разряд «крылатых» слов, адаптировалось к повседневной жизни, где говорящие порой не ассоциируют сказанное с источником, воспринимают эти выражения как речевые формулы. Но смысл выражений, как правило, сохраняется в первоизданном виде, не зависит от места и времени речевых актов, настроения участников коммуникации.

Наиболее употребительны, конечно же, выражения, связанные с общими человеческими проблемами, представлениями, устоями. На наш взгляд, в числе лидирующих выражений здесь выделяется знаменитое правило христианского учения *«не судите, да не судимы будете»* (Мат. 7, 1). Моральная составляющая данного выражения не подлежит сомнению. Но, к сожалению, порой общение строится на обратном: осуждении, упрёках. Коллективность мнений, эмоциональная несдержанность, интолерантность берут верх над доводами здравого

смысла. И всё же фраза, звучащая по-русски «*не судите, да не судимы будете*», знакома каждому, владеющему языком, она употребляется даже теми, кто пропагандирует атеизм и непримиримость. Эта мудрость объединяет членов семей и коллективов, представителей разных национальностей, граждан разных государств.

Интересным является невербальное сопровождение данных слов. Невербальное общение определяется, как правило, событийным контекстом, психологическими, социальными, национальными характеристиками участников коммуникации.

Несомненная многослойность русской природы, невысокая тематическая табуированность дискурса русских находят выражение в паралингвистическом общении. Интонации, громкость голоса, жесты, движения, мимика лица – всё меняется в зависимости от различных условий. Представляется, что фраза «*не судите, да не судимы будете*» употребляется чаще, к сожалению, в качестве упрёка или осуждающего поучения, чем философского размышления. Речь не идёт, конечно, об истинно верующих людях, постигших глубину и великую мудрость человеческого смирения и терпения. В повседневной жизни, защищаясь нападением, человек бросает в адрес другого человека эти слова, не задумываясь, что они напрямую относятся к нему самому. Вот тогда и произносятся они не с надлежащей примирительной интонацией, а с той, которая граничит с вербальной агрессией. Громкость голоса (большая, чем нужно) также не соответствует великому смыслу, заложенному в отрывке из Евангелия. Чаще всего высказывание сопровождается укорительным взмахом руки в сторону собеседника, подчёркивающим категоричность заявления. Выражение лица, несущее упрёк, тем не менее, остаётся торжественным из-за высокомерной причастности к тайне, которая на самом деле оказывается пустой гордостью.

Не так произносят «*не судите, да не судимы будете*» истинные христиане. Спокойная, расслабляющая интонация, негромкий голос, лёгкая улыбка снисхождения к человеческим слабостям, куда-то исчезнувшие морщины сопровождают слова.

В процессе общения вербальные системы переплетаются с системами невербальными. У русских, наделённых, как принято считать, широкой душой и максимализмом, не наблюдается расхождения вербальной и паралингвистической информации. Сложный процесс коммуникативного поведения русского человека отражает сложность его природы.

Вербальным выражением концепта «общение», основанного на понимании, сострадании, милосердии, являются слова из Нагорной проповеди «*просящему у тебя дай*» (Мат. 5, 42). Нечасто воспроизводят это выражение дословно, но в самом поведении нравственного человека заложена философия сопричастности к чужой боли и сострадание. В качестве оппозиционных признаков общения в ситуации «просящий – дающий» можно выделить следующие: равнодушие, жадность, жестокость, злорадство.

В суеде и стремительном ритме современной жизни, когда не всегда есть место для полноценного общения и философских размышлений, часто восклицают: «*Вавилонское столпотворение!*» (Быт. 11, 1-9). Бытие поведало человечеству о попытке построить в Вавилоне башню и сравняться с небесами,

III. CULTURĂ ŞI CIVILIZAȚIE

о наказании – смешении языков, из-за которого люди перестали понимать друг друга. На основе этой истории возникло знаменитое выражение «*вавилонское столпотворение*». В рамках нравственного аспекта в данном случае выделяются такие модусы общения, как гордыня, корысть, неискренность, ненужная суета.

Выше приведены примеры крылатых выражений, употребляющихся повсеместно или знакомых частично, зафиксированных в словарях, в частности – в книге Ашукина Н.С., Ашукиной М.Г. Крылатые слова. Литературные цитаты, образные выражения. – М.: Художественная литература, 1966. Но каждую строку Библии можно рассматривать как часть философского учения, на котором должно основываться человеческое общение, если люди хотят добиться понимания, соучастия, терпимости и успеха.

В зону концепта «общение», без сомнения, входят многочисленные назидательные постулаты Священного Писания, как-то: «*мирись с соперником твоим скорее, пока ты ещё на пути с ним*» (Мат. 5, 25), «*просите, и дано будет вам; ищите, и найдёте; стучите, и отворят вам*» (Мат. 7, 7), «*берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде*» (Мат. 7, 15), «*возлюби ближнего твоего, как самого себя*» (Мар. 12, 31), «*и как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними*» (Лук. 6, 31), «*ученик не бывает выше учителя; но, и усовершенствовавшись, будет всякий, как учитель его*» (Лук. 6, 40), «*всякое дерево познаётся по плоду своему*» (Лук. 6, 44), «*всякое тщеславие есть зло*» (Иак. 4, 16), «*уклоняйся от зла и делай добро, ищи мира и стремись к нему*» (1 Пет. 3, 11), «*вразумляйте бесчинных, утешайте малодушных, поддерживайте слабых, будьте долготерпеливы ко всем*» (2 Фес. 5, 14) и др.

Не менее интересными представляются формулы речевого этикета как одно из вербальных средств выражения концепта «общение». Одной из таких формул является обращение к собеседнику, к слушателю.

Формулы обращения в Новом Завете можно условно разделить на две группы.

Речевые формулы первой группы подчёркивают специфичность обращения к братьям по вере, к последователям, к людям, пока не вставшим на путь осознания грехов и исправления, но внимающим библейскому призыву. Вот примеры наиболее употребительных формул обращения из Евангелия. Чаще других встречаются обращения: «*Господи! (Господь!)*» (Мат. 7, 22; Лук. 10, 40; Иоан. 4, 19; Деян. 4, 29; Евр. 1, 10 и т.д.), «*учитель (учитель благий)*» (Мат. 22, 16; Мар. 9, 17; Лук. 10, 25; Иоан. 1, 38; Мар. 10, 17; Лук. 18, 18 и т.д.) и «*братия (братия мои)*» (Деян. 3, 16); Иак. 5, 7; 1 Кор. 7, 29; Гал. 4, 2; 1 Фес. 5, 4; Евр. 13, 22; Иак. 2, 1; 1 Иоан. 3, 13 и т.д.). Частота употребления обращений «*Господи! (Господь!)*» и «*учитель*» предсказуема по определению. В обращении «*братия (братия мои)*» выражается уважение к человеку, утверждается его родство с Богом и другими людьми, определяется причастность к великой тайне бытия.

Есть в Новом Завете и другие, родственные по духу, обращения: «*возлюбленные*» (1 Пет. 2, 11; 2 Пет. 3, 17; 1 Иоан. 4, 11 и т.д.), «*братия мои возлюбленные*» (Иак. 1, 16), «*мужи братия*» (Деян. 1, 16), «*брат*» (Лук. 6, 42; Фил. 1, 20 и т.д.), «*дети*» (Мар. 10, 24; Иоан. 21, 5; 1 Иоан. 5, 21 и т.д.), «*дети мои*» (1 Пет. 2, 1), «*дщерь*» (Мат. 9, 22; Лук. 8, 48 и т.д.), «*дщери Иерусалимские*» (Лук. 23, 28), «*сын мой*» (2 Тим. 2, 1), «*наставник*» (Лук. 8, 24), «*друзья*» (Деян. 19, 25). Все

они отражают мудрость терпеливых учителей, поведавших о возможности жить в мире, основанном на согласии, взаимном уважении, постижении уникальности всего живого, на признании правильности библейского постулата «*все же вы – братья*» (Мат. 23, 8). Это те категории, которыми мыслит и современный человек, когда стремится к познанию, к овладению сокровищами культуры разных народов и государств. Это те вопросы, которые стоят перед цивилизацией, увлечённой глобальными процессами, проблемами мирового кризиса, политическими и национальными разногласиями.

Ко второй группе обращений относятся те речевые формулы, которые несут негативную оценку: «*лицемеры*» (Мат. 23, 14; Лук. 12, 56 и т.д.), «*лицемер*» (Мат. 7, 5), Лук. 6, 42), «*вожди слепые*» (Мат. 23, 16), «*безумные и слепые*» (Мат. 23, 19), «*фарисеи*» (Мат. 23, 13; Лук. 11, 39 и т.д.), «*фарисей слепой*» (Мат. 23, 26), «*малoverный*» (Мат. 14, 31), «*пресыщенные ныне*» (Лук. 6, 25), «*неразумные*» (Лук. 11, 40), «*жестоковъйные*» (Деян. 7, 51), «*сын диавола*» (Деян. 13, 10), «*враг всякой правды*» (Деян. 13, 10), «*прелюбодеи и прелюбодейцы*» (Иак. 4, 4), «*несмысленные Галаты*» (Гал. 3, 1). Смысловое наполнение этих формул обращения соответствует речевой ситуации и речевым намерениям общающихся. Адресатами данных обращений являются земные люди, не осознающие силы своего заблуждения. Эти обращения, так или иначе, относятся ко всему человечеству, забывающему порой о том, что лицемерие, духовная слепота, отсутствие веры, пресыщенность, глупость, прелюбодеяние, бессмысленное упрямство ведут по гибельному пути противостояния и разрушения.

Достичь полного понимания человека человеком, наверное, невозможно, но всегда можно попытаться примирить людей, заинтересовать их духовным миром и интересами друг друга, объединить собеседников, сделать ближе их концептуальные системы.

Концепт «общение», имеющий общечеловеческую ценность, обладающий специфической наполняемостью для каждого народа, для каждой возрастной и социальной группы, является малой частью концептосферы.

В современном мире, где личность формируется под воздействием многочисленных позитивных и негативных факторов, остаются актуальными вечные понятия, на которые человек может опереться в бушующем море страстей, событий, катаклизмов. Формы выражения концепта «общение», содержащиеся в Библии, подтверждают: общение людей, основанное на принципах взаимного понимания, уважения, терпимости, связывает мир воедино, делает его разумнее, добрее, милосерднее.

Глобальные процессы, развитие межэтнических контактов, полилингвизм создают благоприятные условия для укрепления связей между народами и государствами. Но, к сожалению, по-прежнему острой остаётся проблема интолерантности, нетерпимости, во многом основывающаяся на различиях в восприятии мира и культуры, на диаметрально противоположных устоях и представлениях, на нежелании человека идти на сближении с людьми, непохожими на него. В этих условиях важно сохранить основы, благодаря которым существуют мировая цивилизация, мировая культура. Важно сохранить славянские языки и славянскую культуру как составляющие мировой цивилизации в условиях глобализации.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Сулейменова Э.Д., Шаймерденова Н.Ж. Словарь социолингвистических терминов. – Алматы: Қазақ университеті, 2002. – С. 30.
- ² Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – С. 7.
- ³ Маслова В.А. Современные направления в лингвистике: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2008. – С. 87.
- ⁴ Маслова В.А. Современные направления в лингвистике: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2008. – С. 90.

Список использованной литературы

1. Ашукин Н.С., Ашукина М.Г. Крылатые слова. Литературные цитаты, образные выражения. – М.: Художественная литература, 1966.
2. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987.
3. Маслова В.А. Современные направления в лингвистике: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2008.
4. Сулейменова Э.Д., Шаймерденова Н.Ж. Словарь социолингвистических терминов. – Алматы: Қазақ университеті, 2002.

